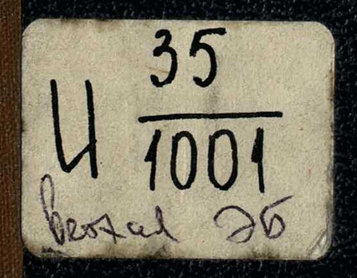
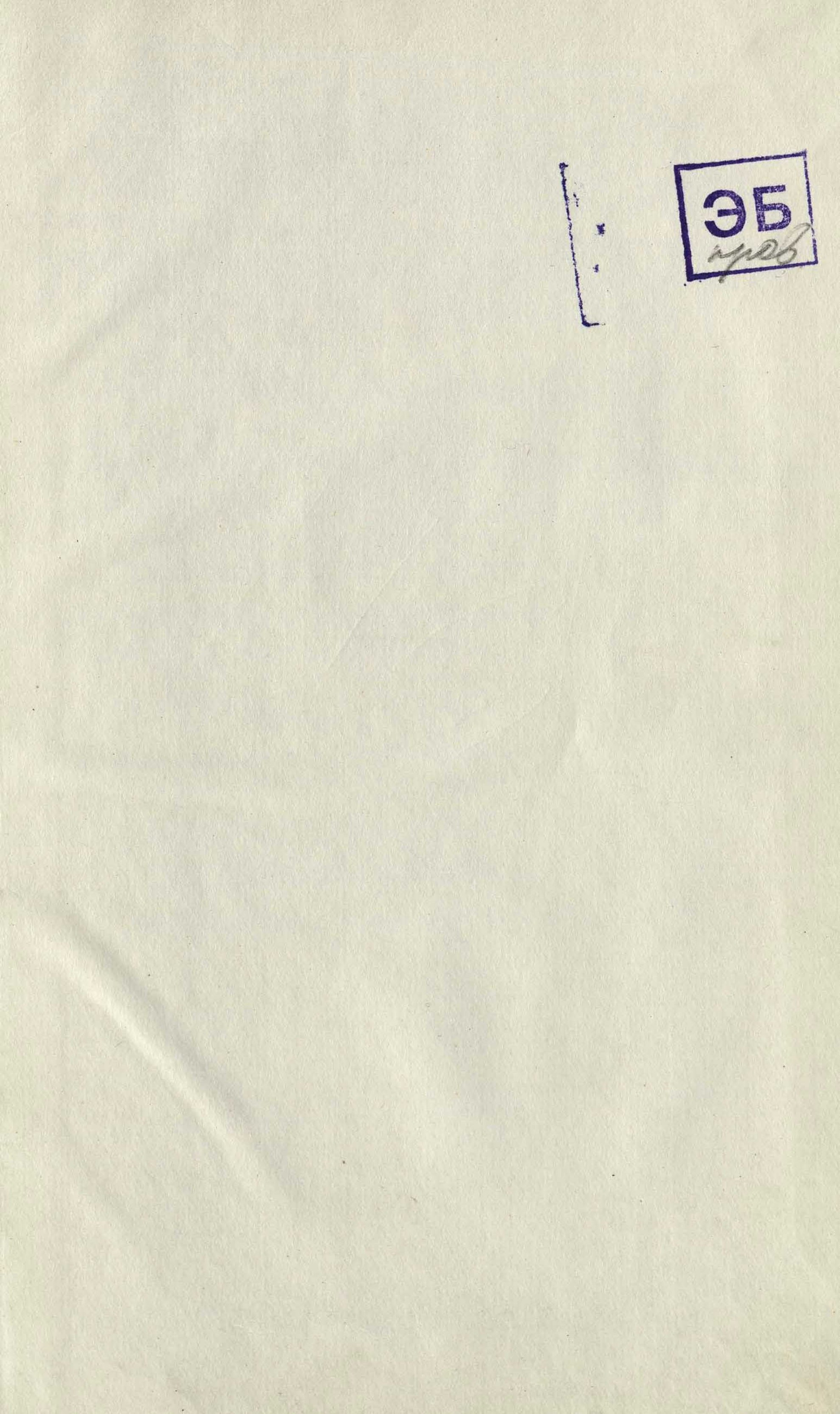

И
35
1001

ВСЕМІРНАЯ
ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА
1900 года
въ
иллюстраціяхъ и описаніяхъ.

Составилъ М. А. Орловъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ „ВѢСТНИКУ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ" 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16.
1900.

9

3

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 г. 94
						4	176и / 66	

Вмѣсто предисловія.

Обзоръ наиболѣе ходячихъ доводовъ за и противъ всемірныхъ выставокъ.— Мнѣнія по этому вопросу нѣкоторыхъ выдающихся французскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей.

Недавно опубликованнымъ декретомъ открытіе всемірной парижской выставки 1900 года окончательно назначено на 15-е апрѣля. На громадномъ пространствѣ, занятомъ нынѣшнею выставкою, кипитъ усиленная работа. Многія зданія еще далеко не окончены, но среди завѣдующихъ будущимъ всемірнымъ торжествомъ утвердилась непоколебимая увѣренность въ томъ, что все будетъ во-время готово.

Всемірныя выставки начались съ лондонской въ 1851 и парижской въ 1855 году. Съ тѣхъ поръ самый вопросъ о такихъ, т. е. именно всеобщихъ и всемірныхъ выставкахъ много разъ служилъ предметомъ горячихъ споровъ. У выставокъ были свои друзья и враги. Ихъ съ одинаковымъ азартомъ защищали и отрицали.

Французскій журналъ «Revue des Revues» рѣшилъ, насколько возможно, выяснить этотъ важный вопросъ о значеніи всемірныхъ выставокъ. Въ своемъ отдѣльномъ приложеніи, посвященномъ описанію выставки, которое недавно стало появляться въ свѣтъ, «Revue» дѣлаетъ сначала обстоятельный сводъ всѣхъ «за» и «противъ» выставокъ, а затѣмъ приводитъ цѣлый рядъ мнѣній болѣе или менѣе выдающихся современныхъ общественныхъ дѣятелей.

Выставки начали устраивать сто лѣтъ тому назадъ. Сначала онѣ были мѣстныя, ничтожныя, потомъ, годъ-отъ-года расширяясь, сдѣлались международными и, наконецъ, всемірными. Первую главу нашей книги мы посвятимъ историческому обзору всѣхъ выставокъ, съ первой до послѣдней.

Съ самаго начала, съ первыхъ шаговъ за выставками укрѣпилась добрая слава. Въ нихъ всѣ видѣли наглядныя доказательства роста промышленной дѣятельности и расширенія рынка. Каждый производитель и купецъ, если онъ не желаетъ идти въ своемъ дѣлѣ наугадъ, непремѣнно по временамъ останавливается и внимательно присматривается къ достигнутымъ имъ результатамъ, провѣряя свой балансъ. При этомъ онъ подводитъ итоги не только плюсамъ и минусамъ, но и развитію своего дѣла по отношенію къ развитію вкусовъ и потребностей своей публики; онъ усчитываетъ, кромѣ внѣшняго успѣха,

и внутренній. Этимъ онъ исполняетъ мудрый завѣтъ древней философіи: «Познай самого себя». Но ему надо еще выполнить и другой завѣтъ: «Познай другихъ». Познаніе другихъ необходимо всегда и становится все болѣе необходимымъ по мѣрѣ развитія того связующаго людей цемента, который именуется культурою, цивилизаціею.

Такимъ образомъ, рядомъ съ ростомъ цивилизаціи идетъ ростъ потребности въ развитіи сношеній, способовъ «себя показать и людей посмотрѣть». Эта потребность какъ нельзя лучше и удовлетворяется выставками. Пока пути сообщенія были въ зачаточномъ состояніи, выставка могла стянуть къ себѣ продукты только изъ ближайшей своей округи. Но очень скоро границы этой округи стали раздвигаться. Центральный городъ привлекъ на выставку сначала только своихъ гражданъ и ихъ производительность, затѣмъ всю свою страну, потомъ сосѣднія государства, наконецъ и весь бѣлый свѣтъ.

Выставки убѣдили народовъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ замкнуться въ своей промышленности; ему необходимы другіе народы,—во 1-хъ, какъ рынки для сбыта своихъ произведеній, во 2-хъ, какъ поставщики тѣхъ продуктовъ, которые его страна, по своимъ естественнымъ условіямъ, не можетъ производить. Выставки ясно показали, въ какой именно степени и въ чемъ именно народы нужны другъ другу; народы поняли и оцѣнили взаимно свои производительныя силы и потребности. Знаменитый Ренанъ во время выставки 1855 года свысока и пренебрежительно отозвался объ этомъ «скопищѣ низменныхъ интересовъ», на которомъ серьезные ученые разговариваютъ о цѣнахъ на сахаръ, да на хлопокъ, да на желѣзо. Мишель Шевалье основательно отвѣтилъ ему тогда, что эти презрѣнныя цѣны на желѣзо и на вату служатъ мѣриломъ удобствъ существованія и общественнаго трудолюбія, а съ удобствами этими тѣсно связаны и наука, и вообще духовное развитіе народа, такъ что цѣны продуктовъ вовсе не такіе достойные пренебреженія пустяки, какъ полагалъ Ренанъ.

Такимъ образомъ, необходимо признать, что въ свое время большія выставки были важнымъ событіемъ общественной жизни и стали даже почти необходимостью. Возникаетъ вопросъ: сохранили ли онѣ за собою такое значеніе до сихъ поръ и останется ли оно за ними навсегда? Не далѣе какъ четверть вѣка назадъ можно еще было положительно доказать ихъ необходимость; но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Отмѣтимъ прежде всего чрезвычайное развитіе путей сообщенія всякаго рода. Мы живемъ теперь въ такое время, когда всякая новость въ какой бы то ни было области человѣческой дѣятельности немедленно становится общимъ достояніемъ. О какой-нибудь новой машинѣ—фонографѣ, микрофонѣ, каждый получаетъ понятіе тотчасъ послѣ ея появленія въ мѣстѣ ея изобрѣтенія; о ней прокричатъ всѣ газеты, ее опишутъ, представятъ въ рисункахъ, а еще черезъ мѣсяцъ-два каждый можетъ видѣть новость воочію, пріобрѣсти ее.

При такихъ условіяхъ никакая выставка не можетъ представлять ни для одного, сколько-нибудь слѣдящаго за современностью, посѣтителя ни малѣйшаго интереса новизны. Публика шагаетъ по безконечнымъ проходамъ и павильонамъ и ни въ одномъ изъ нихъ не находитъ ни единой вещи, на которую она не насмотрѣлась бы до-сыта въ окнахъ магазиновъ, музеяхъ, на публичныхъ лекціяхъ, въ театрахъ,

балаганахъ. Такимъ образомъ, благодаря быстротѣ и всемірности современныхъ сообщеній, выставки утратили почти всякую поучительность новизны для большой публики и стали для нея простымъ зрѣлищемъ. Кое-кто изъ интересующихся чѣмъ-либо спеціально еще можетъ извлечь нѣкоторую пользу изъ внимательнаго обзора соотвѣтствующаго отдѣла; но такимъ лицамъ нужны и гораздо для нихъ поучительнѣе спеціальныя выставки, безпрестанно теперь устраиваемыя то тутъ, то тамъ. Мы же ведемъ рѣчь о всемірныхъ выставкахъ.

Эти громадныя выставки, постепенно утрачивая свой собственно выставочный интересъ, мало-по-малу начали пріобрѣтать характеръ громаднаго международнаго праздника, ярмарки, на которой сосредоточивается масса разнообразнѣйшихъ развлеченій; эти-то развлеченія и влекутъ къ себѣ главное ядро публики гораздо больше, чѣмъ сама выставка, которая, въ то же время, собравъ все, что посѣтитель можетъ ежедневно видѣть и безъ нея, обращается просто-на-просто въ какую-то громадную рекламу. Къ этому надо еще присоединить глубокое нарушеніе обычнаго порядка жизни того города, который пріютилъ у себя это всемірное торжище. Городъ наполняется громадною наплывною толпою чужаковъ, въ сущности праздныхъ и явившихся развлечься. Этотъ наплывъ производитъ страшное повышеніе цѣнъ на помѣщенія, на продовольствіе, т. е. на предметы первой необходимости; тѣснота, сутолока, разгулъ, вѣчный праздникъ—все это не можетъ не оставить послѣ себя болѣе или менѣе недоброкачественнаго слѣда на общественной нравственности...

Наконецъ, надо упомянуть и объ издержкахъ. Всемірная выставка поглощаетъ десятки милліоновъ. Эти деньги тратитъ правительство, тратитъ городъ, экспоненты. Весьма нерѣдко эти затраты далеко не окупаются. Въ нашемъ послѣдующемъ историческомъ обзорѣ мы укажемъ на примѣры чувствительныхъ выставочныхъ дефицитовъ. Вмѣстѣ съ капиталомъ затрачивается и громаднѣйшая масса труда. Пять лѣтъ люди тратятъ безумныя деньги и расточаютъ неимовѣрное количество рабочаго времени, и все это за тѣмъ, чтобы блеснуть въ теченіе полугода; а по прошествіи этого полугода всѣ плоды колоссальнаго труда идутъ безжалостно на сломъ.

Если выставки все еще нужны, то не всемірныя, а спеціальныя. Устройство ихъ стоитъ сравнительно пустяки, дефицитъ отъ такихъ выставокъ, если бы онъ и оказался, всегда будетъ ничтожнымъ. Въ избранной спеціальности онѣ всегда будутъ несравненно обстоятельнѣе, нежели соотвѣтствующій отдѣлъ на всемірной выставкѣ, и потому могутъ быть въ самомъ дѣлѣ поучительны.

Какъ извѣстно, нынѣшняя парижская выставка подняла во французской печати цѣлую бурю протестовъ, почти негодующихъ. Выставку объявляли едва ли не общественнымъ бѣдствіемъ. Она разоритъ Францію, она выдастъ иностранцамъ техническіе секреты, она соберетъ въ себѣ всѣ пороки, всю безнравственность земного шара, и все это изъ Парижа расползется по провинціи. Все это было, разумѣется, черезчуръ сильно сказано. Но, однако, это говорилось и печаталось, и потому въ самомъ дѣлѣ интересно было узнать мнѣніе о такомъ спорномъ предметѣ выдающихся общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей. Многіе изъ этихъ отзывовъ уже опубликованы въ

приложеніи къ «Revue des Revues», посвященномъ выставкѣ, и мы приведемъ изъ нихъ кое-что въ извлеченіи.

Извѣстный экономистъ Леруа Больё высказывается, какъ убѣжденный противникъ всемірныхъ выставокъ. По его словамъ, онѣ по самымъ своимъ неимовѣрно ростущимъ размѣрамъ становятся все болѣе и болѣе невозможными и безполезными; онѣ превращаются въ какіе-то базары, на которыхъ посѣтитель ищетъ только развлеченія. Далѣе Больё указываетъ на громадную затрату силъ, сопряженную съ устройствомъ этихъ базаровъ-чудовищъ, силъ, безвозвратно пропадающихъ даромъ. Послѣ нынѣшней, напримѣръ, выставки останутся, въ видѣ воспоминанія, только два дворца Елисейскихъ Полей да мостъ Александра III. Во что же они обойдутся? И сверхъ того, если еще мостъ и будетъ выстроенъ какъ слѣдуетъ, то оба дворца едва ли будутъ хорошими и прочными зданіями, потому что строились они спѣшно, почти впопыхахъ. Въ заключеніе Леруа Больё выражаетъ откровенное пожеланіе, чтобы нынѣшняя выставка была послѣднею всемірною выставкою.

Эмиль Бержерà мечтаетъ о великомъ общественно-политическомъ значеніи всемірныхъ выставокъ: онѣ сближаютъ народы, несутъ по всему свѣту идеи мира и прогресса и подвигаютъ народъ къ тому золотому вѣку, когда всѣ цивилизованные народы образуютъ одну обширную политическую семью—«Соединенные штаты Европы». Друзьями и сторонниками выставокъ оказались также Функъ-Брентано и Жюль Кларети.

Ардуэнъ противъ всемірныхъ выставокъ и вообще международныхъ, но за національныя. Въ нынѣшнюю выставку онъ еще вѣритъ и считаетъ ее полезною: она должна показать иностранцамъ, что «Франція стóитъ больше, чѣмъ о ней думаютъ». Но, «какъ парижанинъ», онъ ненавидитъ выставки, потому что дороговизна и сутолока наѣзжаго люда дѣлаютъ жизнь въ городѣ на долгое время невыносимой.

Членъ французской академіи Левассёръ самъ не принадлежитъ къ сторонникамъ выставокъ, но полагаетъ, что Франція привыкла къ нимъ и не отстанетъ отъ нихъ. Едва закроется эта выставка, какъ уже начнутъ обдумывать слѣдующую. «Въ 1878 г.,—говоритъ онъ,—Франціи надо было показать своею выставкою, что она вовсе не погибла отъ удара, нанесеннаго ей нѣмцами. Это была хорошая причина, основательная. Выставка 1889 года имѣла уже болѣе слабый резонъ для своего устройства—столѣтіе революціи 1789 г., и больше ничего. Зачѣмъ устраивается нынѣшняя выставка: просто ради календарнаго числа, ради наступленія новаго столѣтія?».

Экономистъ Молинари разсматриваетъ выставку какъ предпріятіе, съ точки зрѣнія прибылей и убытковъ. На устройство выставокъ экспоненты охотно тратятъ деньги по тому же самому побужденію, по какому расходуются вообще на рекламу; онъ считаетъ, что этотъ расходъ у него окупится. Какъ предпріятіе коммерческаго типа, выставка должна привлекать массу публики; но эта масса не пойдетъ на выставку въ ея, такъ сказать, сухомъ видѣ; публику надо чѣмъ-нибудь привлечь; поэтому и выходитъ такъ, что всемірная выставка непремѣнно въ концѣ концовъ обращается въ грандіозную и блестящую ярмарку. Выставка 1900 года будетъ стоить Франціи не менѣе 50 милліоновъ франковъ. Но Парижъ, а отчасти и провинція вернутъ эти деньги съ боль-

шимъ барышемъ отъ наѣзжихъ иноземцевъ. Къ сожалѣнію, тутъ подъ словомъ «Франція» кроется не вся страна вообще, а лишь сонмище рестораторовъ, содержателей гостинницъ, всякихъ увеселителей, купцовъ и вообще сравнительно немногихъ лицъ, пристроившихся къ выгодному дѣлу. Подводя итоги, Молинари приходитъ къ заключенію, что выставки были бы полезны только какъ предпріятія частныя; правительства же и общественныя учрежденія, оказывая имъ денежную поддержку, совершаютъ расходъ народныхъ средствъ, едва ли оправдываемый съ точки зрѣнія общей пользы и даже нравственности.

Извѣстный ученый географъ Элизэ Реклю прислалъ свой отзывъ всего въ семи строкахъ. Какъ можно сомнѣваться въ пользѣ выставокъ? Какъ вообразить себѣ современную цивилизацію безъ музеевъ, выставокъ, базаровъ во всемъ разнообразіи ихъ формъ? Любовь къ искусству, ревность къ знанію и на-ряду съ ними торговые аппетиты требуютъ этихъ проявленій общественной жизни и не могутъ безъ нихъ обойтись.

Столь же коротокъ отзывъ Эмиля Зола. «Я не могу высказаться о всемірныхъ выставкахъ въ двухъ строкахъ,—пишетъ знаменитый романистъ,—съ точки зрѣнія ихъ пользы экономической, политической и общественной по той простой причинѣ, что я въ этомъ вопросѣ полный невѣжда. Всемірныя выставки доставляютъ мнѣ развлеченіе и занимаютъ меня, какъ простого зрителя. Вотъ и все, что я могу объ этомъ сказать».

ГЛАВА I.

Введеніе:—краткій обзоръ исторіи публичныхъ выставокъ въ цивилизованныхъ *странахъ.—Выставки частныя и всемірныя въ Парижѣ, Лондонѣ, Америкѣ, Вѣнѣ, Швеціи.*

Сто одинъ годъ тому назадъ, 4 сентября 1798 года, во французскомъ офиціальномъ журналѣ того времени «Moniteur universel» были напечатаны слѣдующія строки:

«Празднику основанія республики, назначенному на 1 вандеміера VII года, будетъ предшествовать, въ теченіе пяти дополнительныхъ дней VI года, публичная выставка произведеній народной промышленности. Эта выставка будетъ устроена на Марсовомъ полѣ. Съ этою цѣлью вокругъ амфитеатра, построеннаго посреди Марсова поля, сдѣлана четыреугольная ограда, украшенная портиками, подъ которыми будутъ расположены самые цѣнные предметы съ нашихъ фабрикъ и мануфактуръ».

Честь перваго примѣра въ устройствѣ выставокъ принадлежитъ Франціи. До упомянутой выше выставки 1798 года во Франціи были только выставки картинъ, которыя и въ то время, какъ теперь, назывались «Салонами» (Salons). Правда, въ 1791 году было нѣкоторое подобіе выставки устроено въ городѣ Прагѣ, но она была совершенно ничтожна и трудно считать ее первою выставкою.

Выставка 1798 года въ Парижѣ открылась на два дня позже объявленнаго и, такимъ образомъ, подала дурной примѣръ всѣмъ послѣдующимъ выставкамъ, которыя постоянно немножко опаз-

дываютъ съ открытіемъ въ назначенный день. Она началась 19 сентября и была такъ скромна по своимъ размѣрамъ, что громадное Марсово поле совсѣмъ поглощало ее. Въ упомянутомъ квадратѣ, опоясывавшемъ амфитеатръ, было понадѣлано 58 деревянныхъ отдѣленій, портиковъ, разрисованныхъ знаменитымъ архитекторомъ Шальгреномъ, тѣмъ самымъ, который строилъ арку Звѣзды въ Парижѣ. На выставку явилось 110 экспонентовъ. Награды присуждались коммиссіею присяжныхъ оцѣнщиковъ, среди которыхъ находимъ имена Дарсэ и Шапталя. Въ награды было присуждено 10 золотыхъ медалей; въ число награжденныхъ ими попали, между прочимъ, знаменитый часовой мастеръ Брегетъ и извѣстнѣйшій карандашный фабрикантъ Контэ (фирма существуетъ до сихъ поръ). Предсѣдатель комитета выставки, Трельяръ, раздавалъ награды и произнесъ рѣчь.

«Эта первая выставка,—писалъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, Нефшато, въ своемъ циркулярѣ,—была задумана и выполнена наскоро, организована недостаточно тщательно, и все же является первою компаніею, компаніею злополучною для англійской промышленности и славною для республики». Въ томъ же циркулярѣ обѣщано впредь, на будущихъ выставкахъ, отдавать предпочтеніе такимъ произведеніямъ, въ которыхъ французская промышленность успѣшно соперничаетъ съ англійскою. Вотъ, значитъ, куда направлялъ свой ударъ министръ, затѣвая эту выставку: она имѣла почти политическую подкладку.

Сначала, сгоряча, въ виду перваго успѣха, порѣшили было устраивать выставки ежегодно. Но это не удалось по разнымъ обстоятельствамъ, такъ что слѣдующая выставка состоялась уже во времена консульства, черезъ три года послѣ первой.

Вторая выставка была перенесена съ Марсова поля во дворъ Луврскаго дворца. Онъ весь былъ окруженъ портиками, возвышавшимися до карниза дворцовыхъ стѣнъ. Въ выставкѣ участвовало ровно вдвое больше (220) экспонентовъ, чѣмъ въ первой. Она продолжалась тоже очень недолго—съ 19 по 24 сентября 1801 года.

На этотъ разъ, въ виду явнаго успѣха выставки, порѣшили еще разъ устраивать выставки каждый годъ и нѣкоторое время держались этого рѣшенія. Но очень скоро пришли къ убѣжденію, что лучше промежутки между ними нѣсколько раздвинуть. А тѣмъ временемъ подошла еще война и отсрочила четвертую выставку, которая состоялась только въ 1806 году.

Въ это время Наполеонъ достигъ вершины своего величія, которое отразилось и на выставкѣ; она оказалась блестящею по тому времени, хотя, кстати сказать, правительствомъ было на нее ассигновано всего только 60.000 франковъ—цыфра комическая по сравненію съ нынѣшними выставками. На этотъ разъ торжество продолжалось подольше—съ 25 сентября по 19 октября—24 дня. Экспонентовъ набралось уже свыше 1.400, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число наградъ возрасло до 610. Наполеонъ собственноручно вручилъ первую золотую медаль извѣстному фабриканту Оберкампфу за его великолѣпное разноцвѣтное полотно и индѣйскія ткани.

Наполеонъ назначилъ трехгодичной промежутокъ между послѣдующими выставками, но буря политическихъ событій того времени то-

и-дѣло ломала всякія рѣшенія. Поэтому слѣдующая, пятая, выставка состоялась только въ 1819 году, уже при Людовикѣ XVIII. Мѣстомъ для нея все еще служилъ тотъ же Лувръ, но она ютилась уже не на дворѣ, а въ обширныхъ залахъ дворца. Экспонентовъ на ней было 1.662, наградъ роздано 869. Въ ней, между прочимъ, впервые участвовалъ и получилъ золотую медаль знаменитый фортепіанный мастеръ Эраръ. Продолжалась она 35 дней.

Слѣдующая выставка, 1823 года, продолжалась уже 50 дней, но имѣла только 1.642 экспонента. 7-я выставка тоже была не блестяща.

Восьмая выставка, открытая въ 1834 году при Луи-Филиппѣ, была первою выставкою, для которой строились особыя зданія, а не простыя загородки, какъ было раньше. Она помѣщалась на площади Согласія. Для нея выстроили четыре павильона, каждый въ 37 саженъ длины и 22 сажени ширины. Она продолжалась два мѣсяца и привлекла 2.447 экспонентовъ, которымъ розданы 1785 наградъ.

Слѣдующая выставка была въ 1839 году. На этотъ разъ ее перенесли на Елисейскія Поля, выстроили для нея параллельно знаменитой аллеѣ большую галерею въ 90 саженъ длиною; въ дополненіе къ главной выстроили еще, перпендикулярно къ ней, пять галерей по 30 саж. длиною. Эта выставка была тоже двухмѣсячная и привлекла 3.380 экспонентовъ. Всѣхъ наградъ было на ней роздано 2.305, въ томъ числѣ 102 золотыхъ медали.

Выставка 1844 года, десятая по счету, занимала мѣсто предыдущей; ея постройки покрыли сплошь квадратную площадь въ 100 саженъ длины и ширины. Число экспонентовъ на ней было немножко больше, чѣмъ на предшествовавшей—3.960. Изъ 128 золотыхъ медалей одна досталась, между прочимъ, часовщику Швильгэ, починившему знаменитые часы Страсбургскаго собора, которые не шли съ 1790 года.

Все тамъ же, на Елисейскихъ Поляхъ, находилась и выставка 1849 года, при второй республикѣ, 11-я по счету. Припомнимъ здѣсь, что выставка при Наполеонѣ I стоила 60 тысячъ франковъ; выставка же второй республики обошлась въ 600 тысячъ франковъ. На нее собралось 4.532 экспонента. Это была первая выставка, на которой выступили колоніи, именно Алжирія; сверхъ того, на ней впервые было отведено видное мѣсто земледѣлію и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Между тѣмъ, идея, взрощенная французами, успѣла дать отрасли въ другихъ странахъ. Выставки начали устраивать въ Англіи и Германіи. Въ Майнцѣ въ 1842 и въ Берлинѣ въ 1844 году участвовали экспоненты изъ всѣхъ государствъ Германіи. Но это еще не были международныя выставки, въ широкомъ смыслѣ слова. Первая мысль о привлеченіи на выставку иностранцевъ возникла опять таки во Франціи; ея провозвѣстникомъ былъ министръ торговли Турэ. Передъ выставкою 1849 года онъ совсѣмъ было порѣшилъ разослать общее приглашеніе всѣмъ иностраннымъ государствамъ къ участію въ выставкѣ; но тогда побоялись и издержекъ, и неуспѣха, и потому отложили эту мысль.

Тогда за ту же мысль взялась Англія. Въ томъ же 1849 году была выставка въ Бирмингамѣ, на которую приглашали всѣхъ иностранцевъ, кто пожелаетъ. Но иностранцы не отозвались на приглашеніе. Первою же выставкою, въ полномъ смыслѣ международною и всемірною,

явилась лондонская 1851 года; мысль о ея всемірности исходила отъ королевскаго общества искусствъ и торговли въ Лондонѣ. Комитетъ этой выставки состоялъ подъ предсѣдательствомъ принца Альберта. Иностранныя государства приглашались къ участію въ выставкѣ путемъ дипломатическихъ сношеній; всѣ европейскія государства, даже мелкія, приняли въ ней участіе. Для нея было сооружено великолѣпное зданіе Хрустальнаго Дворца, ставшаго однимъ изъ украшеній Лондона. Вся выставочная площадь занимала 87 тысячъ квадратныхъ метровъ. Это была первая полугодовая выставка; она открылась 1 мая и закрылась 11 октября. Экспонентовъ на ней было 17 тысячъ, въ томъ числѣ 9.730 англичанъ, остальные—иностранцы. Франція въ этомъ числѣ дала 1.760 экспонентовъ, Германія—1.360. Наградъ было роздано 5.187. Число посѣтителей превысило 6 милліоновъ, т. е. среднимъ числомъ по 42 тысячи въ день. Общая сумма издержекъ достигла 1.800.000 руб. (мет.), а доходы превысили расходы почти на 1¼ милліонъ.

Вторая международная выставка состоялась въ Нью-Іоркѣ въ 1853 году. Она была очень незначительна по сравненію съ лондонскою—всего 4.100 экспонентовъ и 1¼ милліона посѣтителей.

Въ 1855 году Франція устроила и свою первую всемірную выставку, самую блестящую изъ всѣхъ бывшихъ въ тѣ годы. Она занимала 168 тысячъ квадратныхъ метровъ. Эта выставка, между прочимъ, замѣчательна тѣмъ, что ко дню ея открытія, 15 мая, была совсѣмъ не готова, такъ что открытіе состоялось только для вида. Число экспонентовъ на этотъ разъ дошло до 24 тысячъ; почти половина этого числа—11.986—приходилась на долю Франціи и ея колоній, изъ иностранныхъ же государствъ наибольшее число дала Англія—1.589 экспонентовъ. Число посѣтителей превысило 5 милліоновъ; но большая часть падаетъ на долю воскресной публики, платившей за входъ всего 20 сантимовъ (остальные дни—1 франкъ), такъ что валовая выручка—3.200.000 фр.—значительно уступала валовой цыфрѣ расходовъ—11½ миліоновъ фр., и выставка дала изрядный дефицитъ. На этой выставкѣ, между прочимъ, была присуждена большая золотая медаль знаменитому химику Шеврелю, недавно умершему на 105 году жизни, за открытіе имъ стеарина и выдѣлку свѣчей изъ него.

Слѣдовавшая за ней въ 1862 году всемірная выставка въ Лондонѣ мало превзошла парижскую предшественницу. Экспонентовъ на ней было 28 тысячъ, посѣтителей 6¼ милліоновъ, а доходы и расходы почти сравнялись и достигали, тѣ и другіе, 2½ милліоновъ руб.

Выставка 1867 года въ Парижѣ вновь переселилась на старое мѣсто, гдѣ были первыя мѣстныя выставки,—на Марсово поле. Громадный дворецъ этой выставки представлялъ колоссальное кольцо, имѣвшее болѣе 180 саженъ въ поперечникѣ. Вся выставка, была раздѣлена на поясы, а поясы раздѣлялись по радіусамъ отъ центра на секторы. Экспозиты были расположены въ такомъ порядкѣ, что посѣтитель, шедшій по направленію радіуса выставки, обозрѣвалъ всѣ произведенія одной какой-либо страны, которой былъ отведенъ этотъ секторъ кольца выставки, а шедшій по одному изъ поясовъ колецъ обозрѣвалъ однородные экспозиты всѣхъ странъ. Такое расположеніе было однимъ изъ главныхъ и привлекательнѣйшихъ удобствъ выставки.

Число экспонентовъ на ней достигло 52 тысячъ, причемъ даже второстепенныя и мелкія государства доставили весьма значительныя цыфры; такъ, изъ Турціи явилось около 5 тысячъ, изъ Испаніи болѣе $2^1/_2$ тысячъ, изъ Бельгіи—1.918, Португаліи—1.883, изъ Россіи—1.414 экспонентовъ. Расходы превышали 5 милліоновъ рублей, а выручено меньше половины этой суммы. На этой выставкѣ перебывало 57 коронованныхъ особъ и принцевъ.

Съ 1871 года Англія приняла особую систему всемірныхъ выставокъ. Вмѣсто того, чтобы устраивать ихъ всеобщими, она раздѣлила ихъ на группы и на каждую группу назначалась особая выставка ежегодно. Это значительно сокращало размѣры выставки и въ то же время дѣлало ее полнѣе по отдѣламъ. Такъ, первая подобная выставка, бывшая въ 1871 году, заключала отдѣлы керамики, шерстеткацкой промышленности, народнаго образованія и садоводства. Вторая, въ 1872 году, была посвящена отдѣламъ: хлопчатобумажному, ювелирному, музыкальному, бумажному и книгопечатному и т. д. Эти выставки не имѣли особеннаго успѣха. Четвертая и послѣдняя изъ нихъ состоялась въ 1874 году. Она была уже такъ малоуспѣшна, что предположенную первоначально пятую вовсе не устраивали.

Слѣдующая общая всемірная выставка происходила въ Вѣнѣ въ 1873 году. Она оказалась блестящею, привлекла $7^1/_4$ милліоновъ посѣтителей и 42 тысячи экспонентовъ. За нею вскорѣ послѣдовала выставка въ Филадельфіи, въ 1876 году, устроенная Соединенными Штатами въ столѣтнюю годовщину объявленія ихъ независимости. Эта выставка была, строго говоря, частнымъ предпріятіемъ; она была устроена на капиталъ частной компаніи, надлежаще уполномоченной правительствомъ и получившей отъ него субсидію.

Затѣмъ слѣдующая всемірная выставка вновь перешла въ Европу, во Францію. Она происходила въ 1878 году. Франція едва только начала оправляться отъ прусскаго разгрома, но это-то и придало ей энергіи; она хотѣла показать, что богата, полна силъ и жизни, что ея кровавыя раны давно уже зажили и она можетъ развернуться во всемъ блескѣ.

Главный дворецъ этой выставки былъ выстроенъ на Марсовомъ полѣ. Это было громадное зданіе въ видѣ четыреугольника, имѣвшаго 350 саженъ въ длину и 170 саженъ въ ширину. Противъ него возвышался дворецъ изящныхъ искусствъ, а между ними выстроилась цѣлая улица зданій въ архитектурныхъ стиляхъ всѣхъ странъ и народовъ, такъ называемая «Улица народовъ».

Отмѣтимъ одну особенность этой выставки, которая въ то время произвела впечатлѣніе. Франція обратилась тогда съ приглашеніемъ участвовать въ выставкѣ къ 36 правительствамъ. Только одна Германія отказалась отъ офиціальнаго участія въ выставкѣ. Она приняла участіе только въ выставкѣ изящныхъ искусствъ, но съ условіемъ, чтобы германскіе экспоненты не получали наградъ.

Всѣхъ экспонентовъ на выставкѣ 1878 года было около 53 тысячъ, въ томъ числѣ около 26 тысячъ французовъ. Съ 16 милліоновъ посѣтителей было выручено входной платы около $4^1/_2$ милліоновъ рублей, а расходы достигали 14 милліоновъ.

Затѣмъ, въ промежутокъ времени съ 1878 по 1889 годъ было нѣ-

сколько выставокъ, большею частью блестящихъ, но второстепенныхъ по своему мѣстонахожденію. Въ 1879 г. была выставка въ Сиднеѣ, въ Австраліи (около $1^1/_4$ посѣтителей), въ 1880 г. въ Мельбурнѣ, въ 1883 г. въ Амстердамѣ, въ 1885 г. въ Антверпенѣ (15,3 милліоновъ посѣтителей), въ 1888 г. въ Барселонѣ и Брюсселѣ. Въ слѣдующемъ 1889 году открылась послѣдняя блестящая выставка въ Парижѣ.

Еще когда закрывалась выставка 1878 года, у французовъ почти созрѣло рѣшеніе устроить у себя слѣдующую всемірную выставку въ годовщину взятія Бастиліи, т. е. начала великой революціи 1789 года. Въ 1884 году участь этой выставки была уже рѣшена и скоро приступили къ ея устройству. Работы продолжались четыре года и за это время были закончены поистинѣ колоссальныя сооруженія; достаточно упомянуть хотя бы о башнѣ Эйфеля, этомъ столпѣ современнаго Вавилона, и о чудовищной галереѣ машинъ — зданіи, которому до тѣхъ поръ не было равнаго по смѣлости размѣровъ. Какъ извѣстно, администрація выставки выпустила въ обращеніе 1,2 милліона особыхъ 25-ти франковыхъ билетовъ, дававшихъ право на 25 входовъ на выставку и на участіе въ лотереѣ съ крупными выигрышами. Благодаря такой финансовой операціи, выставка обошлась не только безъ убытка, но даже дала чистаго дохода около $2^1/_2$ милліоновъ рублей. На этой выставкѣ участвовало 55,4 тысячи экспонентовъ. Общее число посѣтителей достигло 26 милліоновъ, а въ отдѣльные дни нерѣдко превышало 200 тысячъ; такъ, 13 октября на выставкѣ перебывало 387 тысячъ народа.

Между тѣмъ, еще съ 70-хъ годовъ началось усиленное устройство всевозможныхъ національныхъ, мѣстныхъ и областныхъ выставокъ: сельско-хозяйственныхъ, ремесленныхъ и всякихъ спеціальныхъ — электрическихъ, гигіеническихъ, фотографическихъ, ремесленныхъ и т. д. Въ промежутокъ времени съ послѣдней парижской выставки и до настоящаго времени этихъ выставокъ было устроено такъ много, что мы должны отказаться даже отъ простого перечисленія ихъ. Упомянемъ только мимоходомъ о французской выставкѣ въ Москвѣ, бывшей въ 1891 году, которая имѣла видъ политической демонстраціи и наглядно свидѣтельствовала о скрѣпленіи дружбы между Франціею и Россіею.

Лавры, пожатые французами на своей послѣдней выставкѣ (1889 г.) не давали спать завистливымъ янки. Скоро у нихъ нашелся и предлогъ, чтобы устроить новую всемірную выставку — четырехсотлѣтіе со дня открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ, почему и самую выставку назвали Колумбовою. Она была открыта 1 мая 1892 года и продолжалась до 1 ноября. Подробно описывать ее, полагаемъ, нѣтъ надобности, потому что она еще у всѣхъ на свѣжей памяти. Напомнимъ только главное. Выставка помѣщалась близъ Чикаго, въ отличномъ паркѣ, на берегу большого озера Мичиганъ, гдѣ понастроили великолѣпныхъ зданій, которыя покрыли громадную площадь, почти въ четыре квадратныхъ версты. Но въ расположеніи выставки и стилѣ зданій явно отсутствовалъ зрѣло обдуманный общій планъ, такъ что съ этой стороны она подвергалась основательной критикѣ. Она стоила около 27 милліоновъ рублей и привлекла столько же милліоновъ посѣтителей, причемъ въ нѣкоторые дни публики набиралось по нѣскольку сотъ ты-

сячъ; самый удачный день далъ 717 тысячъ. Извѣстенъ также печальный конецъ этой выставки: черезъ два года по закрытіи ея еще не разобранныя великолѣпныя зданія были сожжены стачниками, свирѣпствовавшими въ то время въ Чикаго.

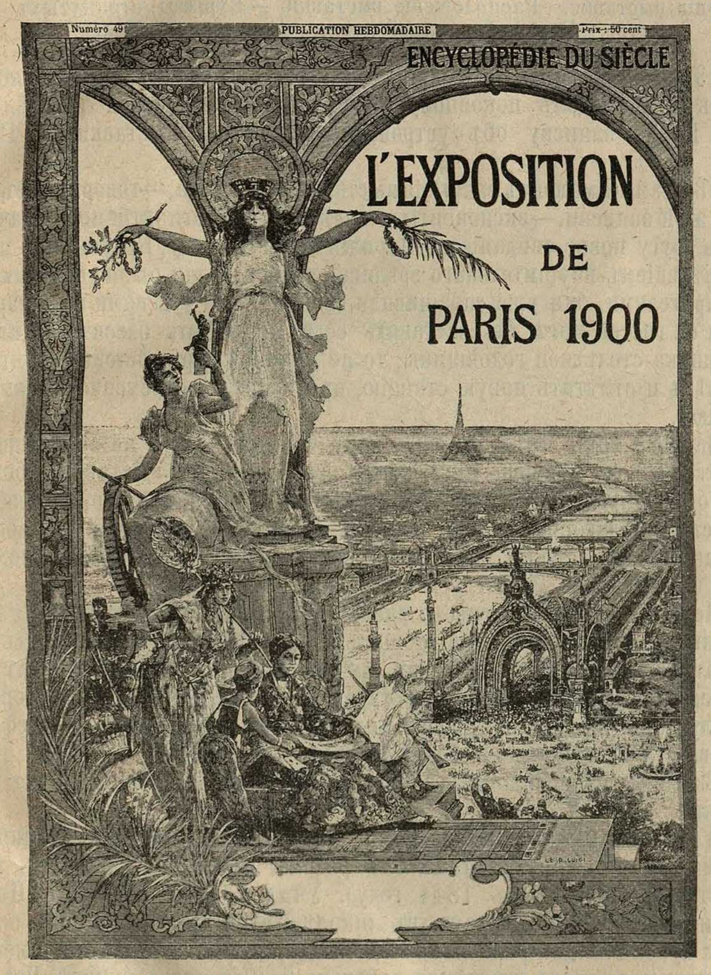

Рис. 1. Заглавный листъ лучшаго изъ выставочныхъ «Обозрѣній», съ видомъ выставки съ высоты птичьяго полета.

Изъ послѣдующихъ выставокъ достойны упоминанія: Антверпенская, въ 1894 году, съ 12 тысячами экспонентовъ; «Тысячелѣтняя» въ Буда-Пештѣ, въ 1896 году, съ 24 тысячами экспонентовъ; наша Нижегородская, въ томъ же году (7 тысячъ экспонентовъ, 1 милліонъ посѣтителей); Швейцарская національная, въ томъ же году; Берлинская ремесленная, все въ томъ же году, и, наконецъ, выставка въ Стокгольмѣ, въ 1897 году.

ГЛАВА II.

Первыя предложенія объ устройствѣ выставки 1900 года.—Утвержденіе положенія о ней. — Организація выставки и первые шаги дѣятельности выставочнаго комитета.—Главные члены этого комитета.—Конкурсы на планъ и зданія выставки.—Расположеніе выставки. — Курьезы отринутыхъ плановъ.—Большой и малый дворцы Елисейскихъ Полей.

13 іюля 1892 года тогдашній министръ торговли и промышленности Жюль Рошъ подалъ покойному президенту Французской республики Сади Карно записку объ устройствѣ всемірной выставки въ 1900 году.

«Въ самый моментъ закрытія выставки 1889 года,—говорится въ началѣ этой записки,—экспоненты и посѣтители инстинктивно назначали другъ другу новое свиданіе въ Парижѣ въ 1900 году. Будучи еще подъ впечатлѣніемъ внушительнаго зрѣлища, котораго они были участниками или зрителями, они уже спрашивали себя: какими чудесами геній Франціи и ея гостей могъ бы заставить если не забыть блескъ великаго праздника столѣтней годовщины, то по крайней мѣрѣ достойно освятить XX вѣкъ и отмѣтить новую станцію, пройденную современною цивилизаціею».

Записка Роша имѣла въ виду побудить президента по возможности не откладывать утвержденія декрета объ устройствѣ выставки. Обширный опытъ предшествовавшихъ выставокъ ясно указывалъ на необходимость заблаговременнаго начатія сложныхъ и трудныхъ работъ связанныхъ съ устройствомъ всемірной выставки. Декретъ былъ подписанъ президентомъ 9 сентября 1893 года.

Первый параграфъ декрета указывалъ на порядокъ подчиненія выставки министру торговли, а вторымъ параграфомъ устанавливалась совѣщательная коммиссія выставки. Ея главнымъ коммиссаромъ былъ назначенъ Альфредъ Пикаръ, секретаремъ—Анри Шардонъ, директором эксплуатаціи выставки—Делонэ Бельвиль, его помощникомъ—Стефан Дервилье и дѣлопроизводителемъ Пикара—Легранъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ главныхъ заправилахъ выставки.

Альфредъ Пикаръ, генеральный коммиссаръ выставки, личност весьма почтенная и извѣстная. Онъ родомъ эльзасецъ, человѣкъ еще не старый (родился въ 1844 году). Учился онъ сначала въ Политехнической школѣ, а потомъ въ школѣ Путей Сообщенія. По окончаніи курса онъ два раза былъ въ командировкахъ на Востокъ, и между прочимъ, принималъ участіе въ работахъ на Суэзскомъ каналѣ. Потом ему было поручено завѣдываніе солянымъ дѣломъ въ округѣ Метц гдѣ его и застала франко-прусская война. Пикаръ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по оборонѣ города, а когда городъ сдал непріятелю, Пикаръ бѣжалъ и присоединился къ Луарской арміи. С 1872 по 1879 г. онъ былъ главнымъ контролеромъ восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. За это время Пикаръ исполнилъ много очень важных сооруженій по части путей сообщенія—мостовъ, водоподъемныхъ машинъ и т. п. Съ 1880 года Пикаръ служитъ въ Парижѣ, въ министерствѣ путей сообщенія; онъ былъ тамъ послѣдовательно директором кабинета, директоромъ путей, судоходства и рудныхъ мѣсторожден

лавнымъ директоромъ мостовъ и дорогъ и т. д. Съ 1881 г. Пикаръ дѣлался членомъ Государственнаго Совѣта по своей спеціальности. На ыставкѣ онъ появляется уже не въ первый разъ: въ 1889 году онъ ылъ правительственнымъ обозрѣвателемъ результатовъ выставки и оставилъ подробный отчетъ о ней въ 10 томахъ, который считается ъ своемъ родѣ образцовымъ произведеніемъ. Кромѣ этого блестящаго

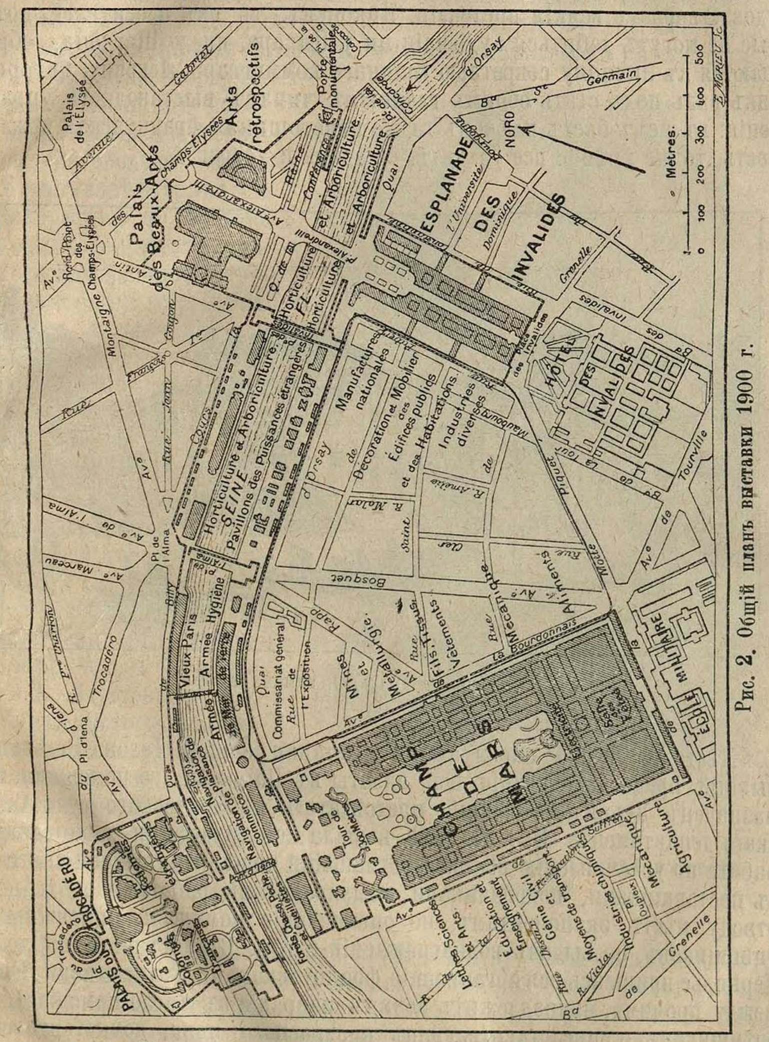

Рис. 2. Общій планъ выставки 1900 г.

прошлаго, за Пикаромъ всѣми признается еще одно драгоцѣннѣйшее въ его положеніи качество—умѣнье ладить съ людьми и удовлетворять всѣхъ и каждаго. Подобное качество какъ нельзя болѣе кстати въ завѣдывающемъ такимъ сложнымъ, громаднымъ дѣломъ, какъ выставка; ему приходится, особенно въ началѣ дѣла, выслушивать тысячи просьбъ, ходатайствъ, жалобъ, и надо обладать громаднѣйшимъ тактомъ, чтобы удовлетворить весь этотъ мятущійся людъ.

Главнымъ секретаремъ выставочнаго комитета избранъ Анри Шардонъ. На немъ лежитъ часть трудныхъ обязанностей по объясненію съ разными лицами. Пикаръ не можетъ всѣхъ принимать и со всѣми объясняться, на это у него не хватило бы и сорока часовъ въ сутки. Шардонъ, почти съ тѣмъ же талантомъ обхожденія, какъ и самъ главный коммиссаръ, улаживаетъ всякія недоразумѣнія и по мѣрѣ силъ удовлетворяетъ всякія претензіи. Наконецъ, тѣ изъ просителей, которые не могутъ добиться аудіенціи ни у Пикара, ни у Шардона, обращаются къ личному секретарю главнаго коммиссара, Леграну, который какъ разъ подъ стать обоимъ главнымъ чинамъ выставочнаго управленія: въ немъ бьетъ ключомъ та же неистощимая французская вѣжливость, то же умѣнье все уладитъ, сгладить и устроить.

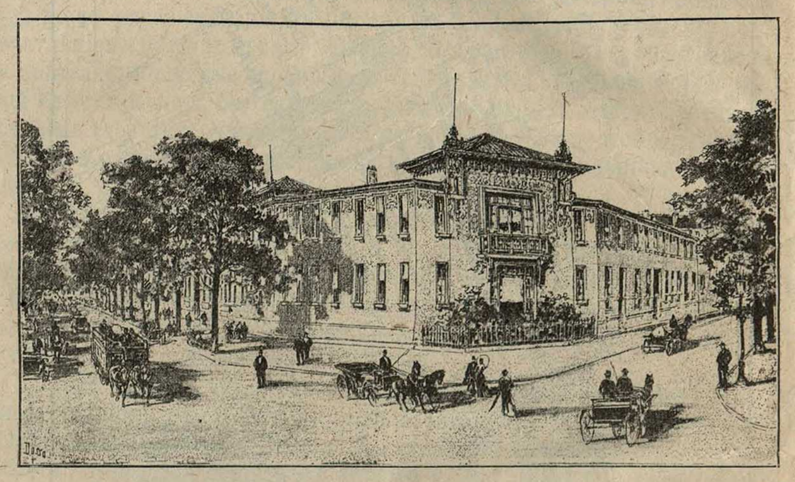

Рис. 3. Зданіе центральной администраціи.

Мѣсто директора эксплуатаціи выставки занялъ Делонэ-Бельвиль, бывшій предсѣдатель торговой палаты въ Парижѣ; его помощникомъ назначенъ Дервилье—бывшій предсѣдатель коммерческаго суда Сенскаго департамента Имъ на долю выпала вся трудная и хлопотливая работа по установленію всякихъ соглашеній по исполнительной части—съ поставщиками, подрядчиками, надзирателями работъ и т. д.,—по отводу мѣстъ экспонентамъ, по организаціи коммиссій присяжныхъ оцѣнщиковъ, по выдачѣ вознагражденій и т. д. Въ частности на долю Дервилье пришлась вся организація французскаго отдѣла выставки. Ему, между прочимъ, принадлежитъ починъ избранія въ число присяжныхъ оцѣнщиковъ и представительницъ прекраснаго пола, компетентность которыхъ во многихъ отрасляхъ труда не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ этотъ списокъ экспертовъ вошло 3.500 именъ; значитъ, работа по устройству этой части была немалая.

Кстати скажемъ здѣсь два слова и о зданіи, въ которомъ сосредоточивается дѣятельность выставочнаго правленія—зданіи центральной администраціи, видъ котораго помѣщенъ на этой же страницѣ. Эта довольно скромная постройка помѣщается на углу Орсейской

набережной и авеню Раппа. Оно ровно ничѣмъ не выдается кромѣ своего изящнаго, но очень обыкновеннаго фасада на притупленномъ углу двухъ улицъ.

Въ непосредственномъ подчиненіи управленію выставки состоитъ, конечно, еще цѣлый рядъ административныхъ лицъ, и мы здѣсь упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Упомянемъ прежде всего о завѣдующемъ всѣми вообще архитектурными работами, Буварѣ. Это очень популярная въ Парижѣ личность; онъ славится своимъ рѣдкостнымъ талантомъ декоратора. Во время памятнаго посѣщенія Парижа русскою императорскою четою Буваръ завѣдывалъ всею декоративною частью города, принаряжавшагося для пышной встрѣчи высокихъ гостей. Онъ много также строилъ и въ Парижѣ есть не мало общественныхъ зданій, возведенныхъ по его планамъ. Въ послѣдніе годы онъ состоитъ завѣдующимъ архитектурною частью въ парижской городской управѣ.

Рис. 4. Альфрэдъ Пикаръ, главный коммиссаръ выставки.

Финансовою частью выставки завѣдуетъ Гризонъ; черезъ его руки пройдутъ всѣ тѣ милліоны, которые затрачиваются на устройство выставки. Это опытный выставочный министръ финансовъ; онъ завѣдывалъ тою же частью и на послѣдней выставкѣ 1889 года.

Въ такомъ громадномъ дѣлѣ, гдѣ множеству участвующихъ могло грозить и обычное нездоровье, и всякое увѣчье, сопряженное съ работою, надо было, конечно, озаботиться правильнымъ устройствомъ врачебной части. Завѣдываніе поручено доктору Жилю де-ля-Туреттъ, который когда-то служилъ въ больницѣ Сальпетріеръ, подъ начальствомъ покойнаго Шарко. Ему подчинено еще восемь другихъ врачей-спеціалистовъ.

9 августа 1894 года министръ утвердилъ правила конкурса на общій планъ расположенія выставки, ея зданія, сады и пр. Иностранцы изъ этого состязанія исключались.

Подъ выставку назначалась площадь, въ которую входитъ Марсово

поле, Трокадеро и его окрестности, Орсейская набережная, Эспланада Инвалидовъ, набережная Конференціи и параллельная ей аллея Cours-la-Reine, дворецъ промышленности и прилегающія къ нему мѣста между его продольною осью, Антенскимъ авеню и аллеею Cours-la-Reine. Тогда же было, между прочимъ, постановлено, что оба берега Сены должны быть соединены новымъ мостомъ, идущимъ отъ Инвалиднаго дома. Это тотъ самый мостъ, на закладкѣ котораго присутствовалъ Его Величество Императоръ Николай II и который названъ мостомъ Александра III.

Выставка занимаетъ самый центръ Парижа. Она расположена по обѣ стороны сѣвернаго изгиба Сены. Ея восточная окраина примыкаетъ къ мосту Согласія (Pont de la Concorde, на нашемъ планѣ, помѣщенномъ на стр. 15). Затѣмъ ея площадь тянется къ западу, захваты-

Рис. 5. Анри Шардонъ, главный директоръ выставки.

Рис. 6. Долоне Бельвиль, директоръ эксплуатаціи.

вая послѣдовательно мосты: Александра III, Инвалидовъ, Альмы и Іены (Alexandre III, Invalides, d'Alma, d'Iena). Если пройти по лѣвому берегу, слѣдуя все время по такъ называемой Орсейской набережной (Quai d'Aursey), то у самаго моста Согласія будетъ просторная площадь, Эспланада Инвалидовъ (Esplanade des Invalides), въ глубинѣ которой выстроенъ громадный Парижскій Инвалидный домъ. За этою площадью помѣстили два ряда огромныхъ павильоновъ, въ которыхъ будутъ размѣщены экспозиты, начиная отъ рѣки по направленію къ Инвалидному дому, въ такомъ порядкѣ: національныхъ мануфактуръ (manufactures nationales), мебели и декоративнаго искусства (dècorations et mobiliers), и разныхъ отраслей промышленности. По самому же берегу Сены въ этомъ мѣстѣ, притомъ по обѣ стороны рѣки, располагаются павильоны древоводства (arborìculture) и садоводства (horticulture), которые тянутся вплоть до моста Инвалидовъ. Затѣмъ по Орсейской набережной между Инвалиднымъ и Альмскимъ мостами все пространство занято павильонами разныхъ національностей, о которыхъ пойдетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. За Альмскимъ мостомъ идутъ: павильонъ гигіены, длинный павильонъ военнаго и морского дѣла (armée de mer et de terre) и

павильонъ торговаго судоходства (navigation de commerce). Послѣдній примыкаетъ къ Іенскому мосту, за которымъ выстроенъ павильонъ лѣсоводства, охоты, рыболовства и плодосбора (forêts, chasse, pêche et cueillettes). Въ этомъ концѣ и находится центръ выставки, здѣсь и сосредоточиваются ея самые громоздкіе и существенные отдѣлы. Іенскій мостъ служитъ связью между громаднымъ Марсовымъ полемъ (Champ de Mars), почти сплошь занятымъ выставочными зданіями, и дворцомъ Трокадеро, старымъ наслѣдіемъ отъ прежнихъ выставокъ. Вступивъ съ Іенскаго моста на Орсейскую набережную (лѣвый берегъ), мы видимъ передъ собою прежде всего громаду Эйфелевой башни, выстроенной въ разстояніи 70 саженъ отъ рѣки. За ней во всю длину Марсова поля идутъ павильоны, выстроенные въ видѣ буквы *П*, какъ

Рис. 7. Стефанъ Дервилье, помощникъ главнаго коммиссара.

Рис. 8. Легранъ, секретарь главнаго коммиссара.

видно по плану. Длина вѣтвей этой буквы около 370 саженъ, а ширина ея болѣе 200 саженъ. Если стать сзади Марсова поля, у зданія военнаго училища (Ecole militaire), то расположеніе отдѣловъ выставки въ этихъ громадныхъ постройкахъ Марсова поля представится въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ лѣвомъ флигелѣ пойдутъ послѣдовательно отдѣлы: сельскаго хозяйства (agriculture), механики, химическихъ производствъ, (industrie chimiques), строительнаго искусства и путей сообщенія (génie civil et moyens de transport), воспитанія и обученія (éducation et enseignement), печати, науки, искусства (lettres, sciences et arts). Глубина зданія занята отдѣломъ электричества и заломъ празднествъ (salle des fêtes). По правому крылу идутъ отдѣлы: питательныхъ веществъ (aliments), механики, пряжи, тканей и одежды (fils, tissus et vêtements), горнаго дѣла и металлургіи (mines et métallurgie).

Перейдемъ теперь назадъ черезъ мостъ Іены, къ дворцу Трокадеро. Здѣсь вся обширная площадь занята павильонами колоній: налѣво отъ моста — французскихъ, а направо — иноземныхъ. Слѣдуя затѣмъ по этому (правому) берегу рѣки, т. е. вдоль по набережнымъ де-Бильи и Конференціи (Quai de Billy et Conférence), мы увидимъ: павильонъ увеселительнаго судоходства (navigations de plaisance), затѣмъ постройки

такъ называемаго «Стараго Парижа» (Vieux Paris), потомъ, между Альмскимъ и Инвалиднымъ мостами длинные павильоны древоводства и садоводства, уже упомянутые выше. Мостъ Александра III соединяетъ отдѣлы Инвалидной площади съ двумя громадными дворцами изящныхъ искусствъ, самыми роскошными и дорогими зданіями нынѣшней выставки. Ихъ два—большой и малый; они раздѣлены проѣздомъ, который также носитъ имя Царя-Миротворца — Avenue Alexandre III. Таковъ общій планъ выставки. Замѣтимъ, что вдоль по теченію Сены она занимаетъ протяженіе болѣе чѣмъ въ двѣ версты.

Рис. 9. Буваръ, завѣдующій архитектурною частью выставки.

Соискателямъ предоставлялся четырехмѣсячный срокъ для представленія проектовъ, плановъ, перспективныхъ или съ высоты птичьяго полета общихъ видовъ. Въ награду назначалось три преміи по 6 тысячъ франковъ, четыре по 4 тысячи, пять по 2 тысячи, шесть по 1 тысячѣ.

18 декабря 1894 года происходила выставка конкурсныхъ проектовъ и осмотръ ихъ президентомъ республики. Всѣхъ соискателей первоначально заявилось 600, но проекты были представлены только отъ 108; и такая цыфра, конечно, очень затрудняла задачу оцѣночной коммиссіи. 5 января 1895 года результаты трудовъ этой коммиссіи были, наконецъ, опубликованы. Преміи въ 6 000 фр. были присуждены Жиро, Энару и Полену; 4-тысячныя преміи—Кассіану и Кузену Готье,

Ларшу и Нашону и Ролену; 2-тысячныя—Блаветту, Эскье, Сортэ, Тудуару и Праделю, Троншэ и Рею; 1-тысячныя—Бонье, Эрману, Лувэ и Варколье, Массонъ-Детурбэ, Мевесу, Тома и Тавернье. Коммиссія оцѣнщиковъ сдѣлала оговорку, что ни одинъ изъ представленныхъ проектовъ не можетъ быть принятъ къ исполненію цѣликомъ и въ неизмѣнномъ видѣ; было признано невозможнымъ, чтобы одинъ архитекторъ могъ быть творцомъ и строителемъ всего, что должно быть выполнено на громадной выставочной площади.

Но кромѣ проектовъ, удостоенныхъ премій, осталась еще чуть не сотня проектовъ отринутыхъ. Они не лишены своего интереса. Такія громадныя задачи, какъ планъ всемірной выставки, должны, конечно, производить настоящее перевозбужденіе въ мозгахъ горячихъ арти-

Рис. 10. Жиль де-ля-Туреттъ, **врачъ выставки.**

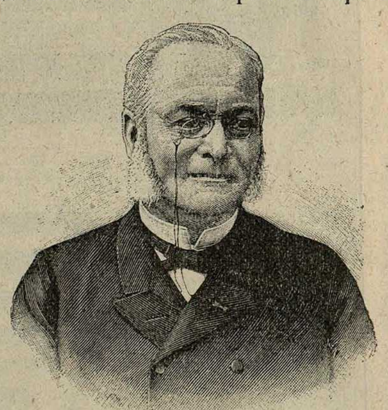

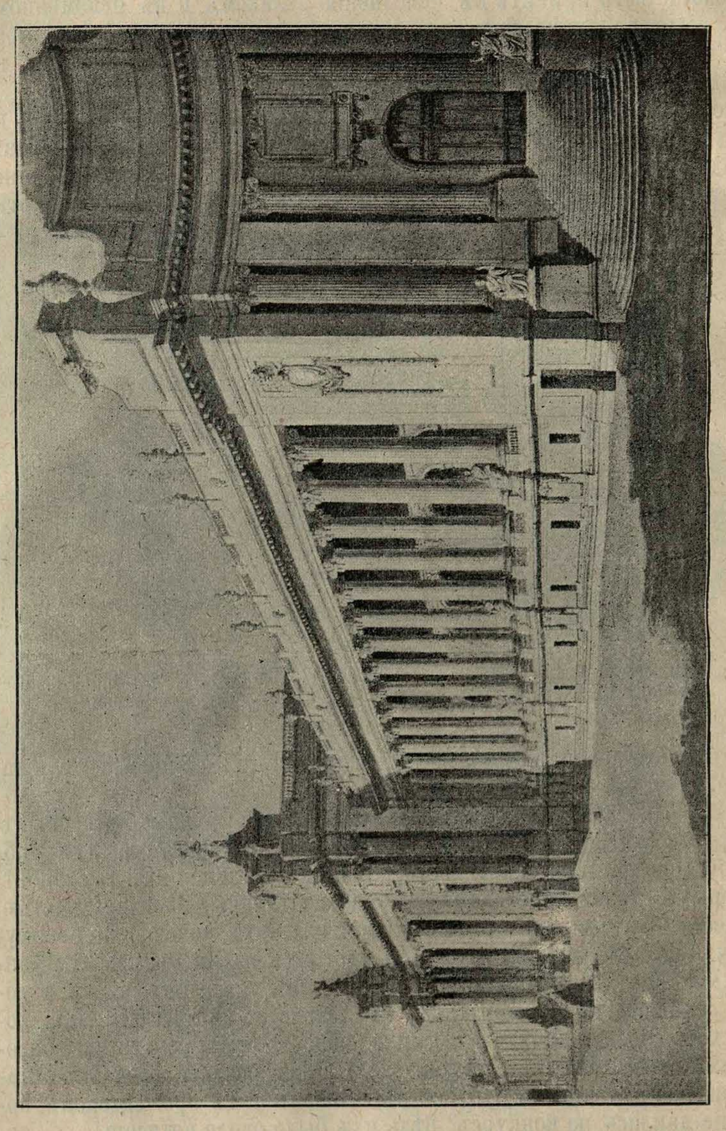
Рис. 11. **Гризонъ, завѣдующій финансовою частью выставки.**

стовъ и всегда любопытно бросить бѣглый взглядъ на произведенія такой приподнятой фантазіи.

Всѣ вообще проекты можно раздѣлить на три группы. Во-первыхъ, проекты холодные, проникнутые духомъ разсчета и практическихъ соображеній, доведенныхъ до крайности; оцѣнщики оставили ихъ въ сторонѣ. Во-вторыхъ, проекты исполнимые, но запечатлѣнные оригинальностью, художественностью и полетомъ фантазіи; изъ нихъ, конечно, по преимуществу, и выбиралось подходящее. Въ-третьихъ, наконецъ, проекты фантастическіе, смѣлые превыше всякихъ границъ, а въ томъ числѣ и совсѣмъ сумасшедшіе. Притомъ вѣдь это только въ числѣ тѣхъ 108, которые хоть сколько-нибудь осмыслили свои проекты и смогли воплотить ихъ въ чертежахъ и рисункахъ. А какія бездны фантазіи остались еще сокрытыми отъ публики въ головахъ тѣхъ прожектеровъ, которые не явились на конкурсъ? Вѣдь ихъ было около пятисотъ!

Замѣчательно, что многіе проекты покушались на знаменитую башню Эйфеля. Они требовали ея снятія или капитальной передѣлки. Такъ, нѣкто Тропэ-Бальи перестраивалъ ее въ стоэтажный домъ, украшенный пирамидальными башнями, колокольнями, увѣшанными гигантскими развѣвающимися флагами. Тотъ же Тропэ-Бальи придумалъ ги-

гантскій кранъ, который поднималъ бы вагоны вмѣстѣ съ пассажирами и плавно перетаскивалъ ихъ по воздуху черезъ рѣку съ берега на берегъ. Мысль оригинальная: такого способа переправы черезъ рѣки до сихъ поръ еще никто не примѣнялъ.

Рис, 12. Большой дворецъ Елисейскихъ Полей.

Среди прожектеровъ нашлась масса любителей воды. Они, напримѣръ, предлагали обратить все Марсово поле въ сплошное озеро, а посреди этого озера воздвигнуть одно колоссальное зданіе, которое вмѣщало бы всю выставку.

Леклеркъ удаляетъ въ своемъ проектѣ Эйфелеву башню; она сни-

мается, на ея мѣстѣ устраивается громадный водоемъ. Черезъ этотъ водоемъ перекидывается арка длиною въ 100 саженъ, состоящая изъ двухъ слоновъ, переплетающихся хоботами; концы ихъ хоботовъ, т. е. мѣсто ихъ сплетенія, возвышаются на 35 саженъ надъ землею. Само

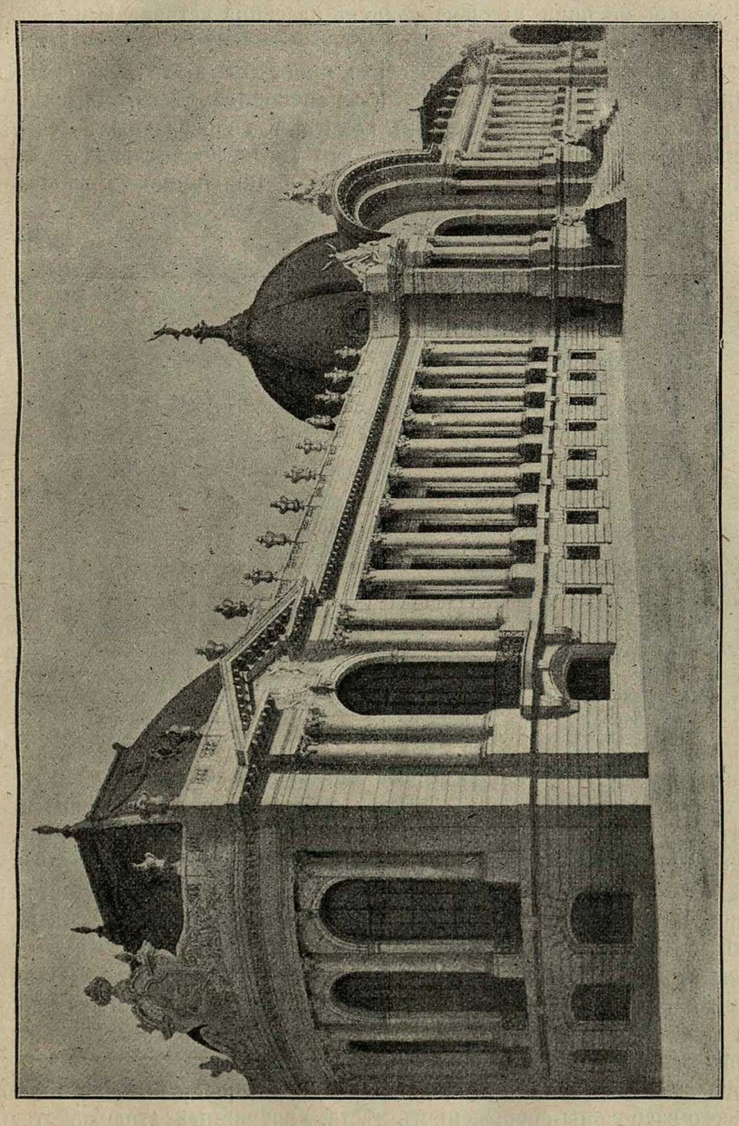

Рис. 13. Малый дворецъ Елисейскихъ Полей.

собою разумѣется, что во чревахъ слоновъ помѣщаютсе концертныя залы, ресторанъ, и пр., и пр. На Марсовомъ полѣ Леклеркъ тоже предлагалъ устроить водоемъ въ 220 саженъ длины и 40 ширины; на немъ будетъ стоять современный броненосецъ, во всеоружіи своихъ пушекъ и башенъ, а надъ бассейномъ—огромный помостъ, образующій воздушный

бульваръ. Посреди этого бульвара слѣдовало устроить залъ, возвышающійся на 100 саженъ надъ уровнемъ земли.

Бутронъ и Шелькопфъ—тоже приверженцы большой воды. Они разрушаютъ дворецъ Трокадеро и вмѣсто него предлагаютъ устроить водоемъ-арену, на которой будутъ происходить морскіе бои, гонки и вообще всякія зрѣлища, причемъ вокругъ бассейна устраиваются мѣста для 80 тысячъ зрителей.

Другая особенность фантастическихъ проектовъ—это куполы. Ихъ ставили вездѣ, гдѣ только было для нихъ свободное мѣсто. Иные прожектеры доводили ихъ до размѣровъ поистинѣ колоссальныхъ. Члены оцѣночной коммиссіи смѣясь говорили, что среди французскихъ архитекторовъ существуетъ цѣлая особая школа купольщиковъ, проповѣдниковъ «стиля яичной скорлупы».

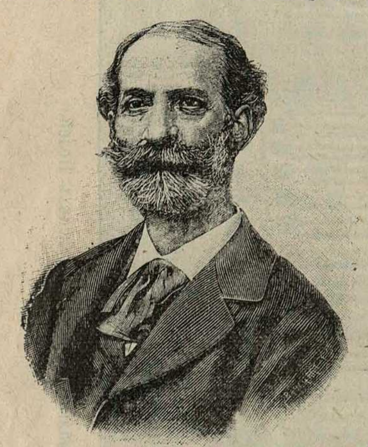

Рис. 14. Тома, архитекторъ Большого дворца.

Рис. 15. Дегланъ, архитекторъ Большого дворца.

Берто тщился повѣсить всю выставку на воздухѣ на какихъ-то висячихъ мостахъ. Вся площадь выставки была бы покрыта гигантскими мачтами, а между ними тянулись бы безконечные проволочные канаты, на которыхъ и расположились бы если не всѣ, то многія выставочныя отдѣленія. Берто съ неподражаемою серьезностью настаивалъ на сбереженіи мѣста для точекъ опоры при его проектѣ; онъ экономилъ мѣсто, это было его главной заботой.

Милинеръ предлагалъ разборный дворецъ, съ этажами, идущими уступами одинъ надъ другимъ. Проектъ разработанъ до мелочей; приложена даже смѣта стоимости постройки, изъ которой явствуетъ, что она обойдется всего въ 37.750.000 франковъ.

Себильо—одинъ изъ тѣхъ прожектеровъ, которые, подобно Берто, болѣе всего озабочены сбереженіемъ мѣста. Удручаемый этою заботою, онъ тянетъ свою выставку вверхъ, въ воздухъ. Посѣтитель только и дѣлаетъ, что поднимается и опускается. Себильо принялъ это въ разсчетъ и расположилъ всѣ полы своихъ зданій въ видѣ покатыхъ наклонныхъ плоскостей, по которымъ подъемы и спуски постепенны и мало замѣтны. Но у него оказались еще и другія неожиданности. Такова, напримѣръ,

«астрономическая» башня-труба въ 60 саженъ высоты, представляющая собою настоящій телескопъ, приближающій луну на пять саженъ къ зрителю. Башню Эйфеля Себильо пощадилъ, но все же унизилъ; рядомъ съ нею онъ предлагалъ вырыть колодецъ въ десять разъ глубже высоты этой башни—въ 3.000 метровъ; чтобы колодецъ этотъ не пропадалъ даромъ, Себильо совѣтовалъ въ немъ помѣстить весь горный и металлургическій отдѣлъ.

Кстати, мы уже упомянули выше о томъ, что злополучная башня Эйфеля мозолила глаза многимъ прожектерамъ. Скажемъ еще о нѣкоторыхъ проектахъ ея передѣлки. Бернаръ предлагалъ весь ея низъ обратить въ подобіе тѣхъ гигантскихъ домовъ, которые въ послѣдніе годы выстроены въ Нью-Іоркѣ и Чикаго. Въ этомъ домѣ можно бы устроить пять тысячъ

Рис. 16. Лувэ, архитекторъ Большого дворца.

Рис. 17. Жиро, архитекторъ Малаго дворца.

номеровъ для пріѣзжихъ на выставку. Босси проектировалъ сломать всю верхушку Эйфелева столпа до второго этажа, пристроить къ ней какіе-то два громадные полукупола и изъ всего этого создать дворецъ электричества, зданіе изряднаго размѣра, ибо въ немъ могло бы помѣститься безъ особой тѣсноты 100.000 народу. Гильемона предлагалъ снести оба верхніе этажа башни и на ихъ мѣсто поставить шаръ, саженъ въ 50 въ поперечникѣ, изображающій, надо думать, землю; наверху же шара онъ предполагалъ водрузить громаднѣйшую фигуру, что-то крылатое. Наконецъ, Марсель и Галлотти думали перестроить всю башню, сдѣлать ее въ два этажа и на вершинѣ второго водрузить статую Минервы во всеоружіи, равную по высотѣ почти трети всей башни. Надо замѣтить, что, судя по рисунку, этотъ проектъ не лишенъ изящества.

По окончаніи конкурса на общій планъ выставки былъ открытъ второй конкурсъ—на проекты зданія большого и малаго дворца Елисейскихъ Полей. Дѣло въ томъ, что послѣ долгихъ и упорныхъ препирательствъ (по причинамъ чисто мѣстнымъ, о которыхъ мы не бу-

демъ упоминать) было рѣшено снести знаменитый дворецъ промышленности, оставшійся отъ прежней выставки, а на его мѣстѣ выстроить не одно, а два зданія—большое и малое. Конкурсъ на эти зданія былъ объявленъ 13 апрѣля 1896 года. По условіямъ конкурса, участіе въ немъ допускалось опять таки только для французскихъ художниковъ. Большой дворецъ собственно во время выставки предназначался подъ отдѣлъ искусствъ, къ каковому назначенію и надо было его приспособлять. Малый же дворецъ долженъ былъ вмѣщать такъ называемую ретроспективную выставку французскаго художества, т. е. коллекціи выдающихся картинъ всего истекшаго столѣтія. Первый дворецъ долженъ имѣть по 40 тысячъ квадратныхъ метровъ удобнаго помѣщенія въ томъ и въ другомъ этажахъ, малый дворецъ—7 тысячъ квадратныхъ метровъ. Зданія должны быть прочныя, постоянныя; послѣ выставки они поступаютъ въ собственность города, который будетъ отдавать ихъ подъ разныя выставки, конкурсы, празднества и т. п. За лучшіе проекты большого дворца назначалось пять премій: въ 15, 12, 8, 6 и 4 тысячи франковъ, за проектъ малаго тоже пять премій: въ 5, 4, 3, 2 и 1 тысячу франковъ; проекты, удостоенные преміи, по условіямъ конкурса поступали въ полное распоряженіе выставочнаго управленія, которое могло пользоваться ими по своему усмотрѣнію, т. е. могло измѣнять, сочетать, брать детали изъ одного проекта и дополнять ими другой, и т. д. По смѣтѣ предполагали ассигновать 16 милліоновъ франковъ на большое и 4 милліона на малое зданіе.

Всѣхъ проектовъ было подано 59. За нихъ получили за проекты большого дворца: первую премію—Лувэ, вторую—Дегланъ и Бинэ, третью—Тома, четвертую—Жиро и пятую—Тропэ-Бельи. Преміи же за проекты малаго дворца получили: первую—Жиро, вторую—Кассіанъ-Бернаръ и Кузенъ, третью—Тудуаръ и Прадель, четвертую—Мевесъ и пятую—Деперты, отецъ и сынъ.

Послѣ этого предстояло рѣшить, какже выработать окончательный планъ дворцовъ. Съ этою цѣлью администрація выставки обратилась за содѣйствіемъ къ самимъ авторамъ премированныхъ проектовъ. Изъ нихъ составился комитетъ подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго выставочными постройками Бувара. Комитетъ сочеталъ все наиболѣе удачное изъ всѣхъ отдѣльныхъ проектовъ, и въ этомъ видѣ планъ былъ окончательно утвержденъ. Что касается до малаго дворца, то его планъ былъ утвержденъ почти въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ на проектѣ Жиро, получившаго первую премію. Жиро вообще одержалъ нѣкоторый верхъ надъ другими французскими архитекторами; напомнимъ, что общій планъ выставки, получившій первую премію, также принадлежалъ Жиро. Выше помѣщенъ его портретъ и портреты архитекторовъ Тома, Деглана и Лувэ, которымъ поручена постройка большого дворца.

Мы не входимъ пока въ подробное описаніе этихъ зданій; подождемъ, пока ихъ окончатъ. Упоминаемъ же о нихъ прежде чѣмъ о другихъ постройкахъ въ виду ихъ капитальной важности и огромной стоимости. Замѣтимъ только, что оба зданія задуманы въ классическомъ стилѣ; фасадъ большого дворца украшенъ изящною сплошною колоннадою; кровля снабжена на вершинѣ легкимъ куполовиднымъ возвышеніемъ, фасадъ малаго дворца отличается огромными окнами, а кровля его увѣнчана куполомъ съ флагштокомъ.

Въ настоящее время оба зданія возведены вчернѣ, но ихъ внутренняя отдѣлка только-что начинается. Въ своемъ мѣстѣ, когда пойдетъ рѣчь о декоративной части выставки, мы еще будемъ имѣть случай сказать о внутренности этихъ великолѣпныхъ зданій. Теперь же пока помѣщаемъ рисунки (стр. 22 и 23) ихъ главныхъ фасадовъ.

ГЛАВА III.

Выставка 1900 года.—Участіе въ ней иностранцевъ.—Какія государства получили приглашеніе участвовать?—Въ какомъ видѣ, въ общихъ чертахъ, будутъ представлены на выставкѣ разные народы.—Необычайное рвеніе, проявленное иностранцами.

Выставка будущаго 1900 года въ Парижѣ привлекаетъ всеобщее вниманіе тою характерною особенностью, что она должна предста-

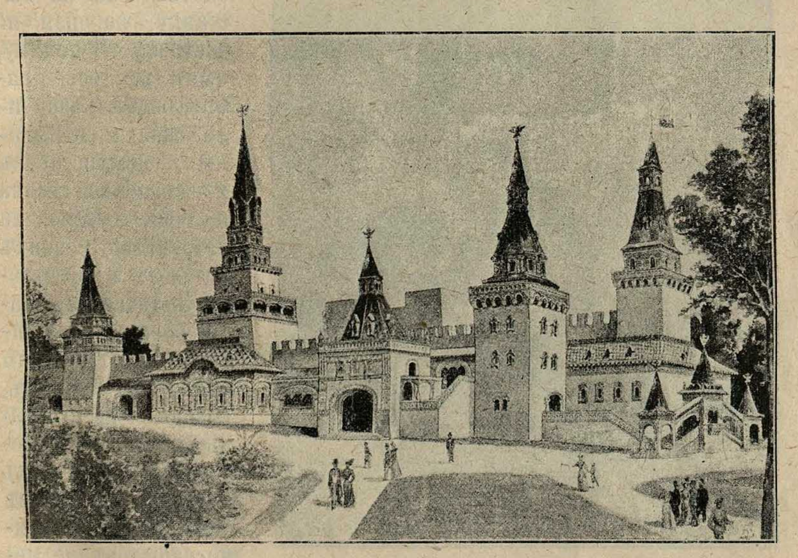

Рис. 18. Павильонъ Азіатской Россіи и Сибири.

вить всему образованному міру итоги умственнаго движенія человѣчества за истекающее столѣтіе наканунѣ новаго наступающаго XX вѣка. Такъ какъ имѣлось въ виду представить эти итоги во всей ихъ полнотѣ, то выставка будетъ заключать въ себѣ возможно разнообразный подборъ экспозитовъ, во всѣхъ рѣшительно областяхъ чистой и прикладной науки, чистаго и прикладного искусства. Въ виду желанія, съ другой стороны, подвести итоги участію въ общемъ дѣлѣ прогресса всѣхъ народовъ, всего человѣчества, приняты мѣры къ привлеченію возможно большаго числа иностранныхъ экспонентовъ со всего міра.

Относительно богатства выставки въ смыслѣ обилія и разнообразія экспозитовъ лучше можно судить, когда выставка будетъ готова и откроется для обозрѣнія. Относительно же размѣровъ участія иноземи-

ныхъ экспонентовъ мы можемъ и теперь составить опредѣленное понятіе, и потому начнемъ съ него, пользуясь этимъ, какъ первою характерною особенностью предстоящей выставки.

Прежде всего отмѣтимъ, что въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторая разница между послѣднею выставкою 1889 года и нынѣшнею. На ту выставку иностранныя государства какъ бы колебались идти; ихъ словно устрашалъ тотъ зловѣщій призракъ революціи, памяти о которой посвящалась выставка. Нынѣ же никакихъ такихъ призраковъ не имѣется, а открывается только всѣмъ широкая и свѣтлая перспектива грядущаго вѣка. Въ 1889 году народы охотно шли на выставку, но шли по частному почину, нынѣ же всѣ правительства назначили своихъ спеціальныхъ коммиссаровъ и ассигновали весьма щедрыя суммы на устройство своихъ отдѣловъ на выставкѣ. Замѣчается желаніе блеснуть зданіями своего отдѣла; это видно по суммамъ, которыя ассигнованы собственно на постройки: на нихъ предназначается въ общемъ бюджетѣ коммиссаріатовъ не менѣе $^1/_5$ части.

Рис. 19. Князь В. Н. Тенишевъ, генеральный коммиссаръ русскаго отдѣла.

На выставкѣ 1900 года будутъ оффиціально представлены: Россія съ Финляндіей, Германія, Австрія, Англія, Соединенные Штаты, Италія, Испанія, Бельгія, Голландія, Венгрія, Данія, Люксембургъ, Греція, Португалія, Румынія, Турція, Андорра, Болгарія, Боснія, Китай, Корея, Экуадоръ, Японія, Либерія, Марокко, Мексика, Монако, Персія, Перу, Санъ-Марино, Сербія, Сіамъ, Швеція, Швейцарія и Трансвааль—всего 35 государствъ.

На долю коммиссаровъ падаетъ, кстати сказать, тяжелая и сложная задача. Имъ надо быть посредниками между своимъ правительствомъ, съ одной стороны, и правительствомъ, устраивающимъ выставку, и ея управленіемъ— съ другой. Тутъ требуется и политичность, и тактъ, и умѣнье ладить съ цѣлою толпою самаго разнообразнаго люда, начиная съ министра и кончая чернорабочимъ и плотникомъ. Каждый

коммиссаръ начинаетъ съ того, что проситъ отвести себѣ участокъ такого-то размѣра, и каждый неизмѣнно получаетъ меньше, чѣмъ проситъ, и долженъ изъ всѣхъ силъ хлопотать о «прибавкѣ», каковой добивается лишь съ трудомъ. Затѣмъ начинается вводъ во владѣніе отведеннымъ участкомъ, водвореніе на немъ съ молебствіями и всяческими церемоніями, смотря по нравамъ и культу страны, которую коммиссаръ представляетъ, потомъ—кипучая возня съ постройками, инженерами, архитекторами, подрядчиками, мастерами, рабочими. Большая часть коммиссаровъ избираются изъ дипломатовъ, но есть между ними крупные чиновники, ученые и негоціанты.

Рис. 20 А. Г. Рафаловичъ, помощникъ генеральнаго коммиссара русскаго отдѣла.

Слѣдуетъ замѣтить, что отдѣльные павильоны разныхъ націй не будутъ заключать въ себѣ обычныхъ групповыхъ экспозитовъ этихъ націй; всѣ эти предметы разбредутся по отдѣламъ выставки. Въ національныхъ же павильонахъ имѣется въ виду сосредоточить лишь то, что прямо характеризуетъ націю, отличаетъ ее отъ другихъ: ея историческіе памятники, предметы древняго искусства; во всѣхъ павильонахъ націй будутъ устроены особые парадные залы, гдѣ будетъ происходить пріемъ коронованныхъ особъ; во многихъ павильонахъ предположено устроить рестораны, конечно, чисто національнаго типа, со всей обстановкою и кухнею представленнаго народа.

Мѣсто для постройки этихъ павильоновъ отведено на лѣвомъ берегу Сены, между Эспланадою Инвалидовъ и Марсовымъ полемъ, говоря точнѣе—между мостами Инвалидовъ и Альмскимъ.

Двигаясь отъ моста Инвалидовъ внизъ по рѣкѣ, мы прежде всего очутимся около павильона Италіи (рис. 23). Теперь еще, когда мы пишемъ эти строки, всѣ постройки обнесены глухими заборами и къ нимъ нѣтъ доступа праздношатающейся публикѣ. Всюду кипитъ самая оживленная работа. За заборомъ итальянскаго участка трудятся смуглые сыны Италіи и раздается звучный языкъ Данте и Аріосто. Изъ кухни несется

настоящій южный запахъ съѣстного, запахъ богатый, даже пресыщенный острыми ароматическими приправами. Итальянцы строятъ себѣ павильонъ съ пятью куполами, обведенный цѣлымъ кружевомъ изящныхъ, сверкающихъ розетокъ. На постройкѣ отражается изящный стиль старыхъ итальянскихъ соборовъ и великихъ мастеровъ давно минувшаго прошлаго. Въ Италіи лѣсовъ мало, крупнаго строительнаго лѣса почти вовсе нѣтъ; тамъ всѣ деревянныя части дѣлаются тонкія, берутся обычно цѣлыми пучками, сплетенными между собою металлическими связями. Эта манера строить отразилась и на выставочномъ павильонѣ. Войдя въ него внутрь въ настоящую минуту, пока онъ еще представляетъ только остовъ, посѣтитель видитъ надъ собою какую-то паутину тонкихъ жердей и желѣзныхъ скобокъ. Эта архитектура «соломенной шляпы», какъ выразился одинъ французскій публицистъ, чудесно характеризуетъ жаркій итальянскій югъ, гдѣ всѣ условія природы и погоды требуютъ легкой, сквозной постройки.

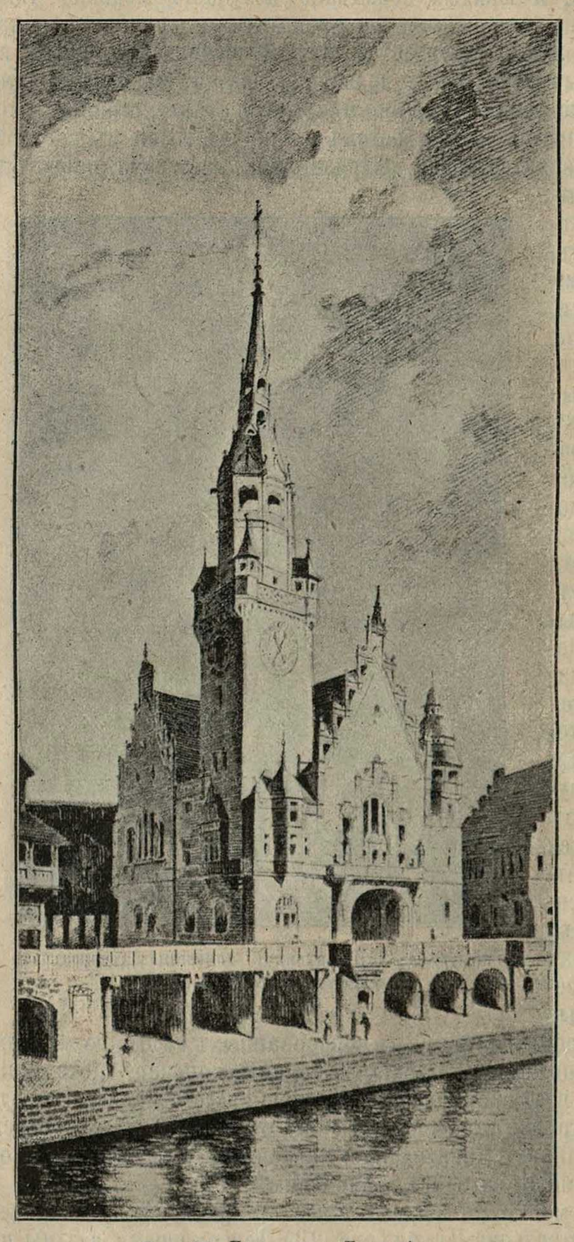

Рис. 21. Павильонъ Германіи.

За итальянскимъ участкомъ—пустое мѣсто!.. На немъ, правда, рѣзво развѣвается національный флагъ, флагъ Блистательной Порты. Она не спѣшитъ, она еще собирается. Хотя остается всего три-четыре мѣсяца до открытія выставки, но Аллахъ великъ: онъ поможетъ правовѣрнымъ на изумленіе гяурамъ воздвигнуть цѣлый дворецъ въ одно мгновеніе. Пока объ этомъ дворцѣ можно судить только по его плану; ничего, вещь была бы недурная, если бы ее выстроить,—спереди эффектная мавританская аркада, а слѣва отъ нея—изящная башня-минаретъ (рис. 25).

Въ двадцати саженяхъ отъ этого минарета на бумагѣ строится вну-

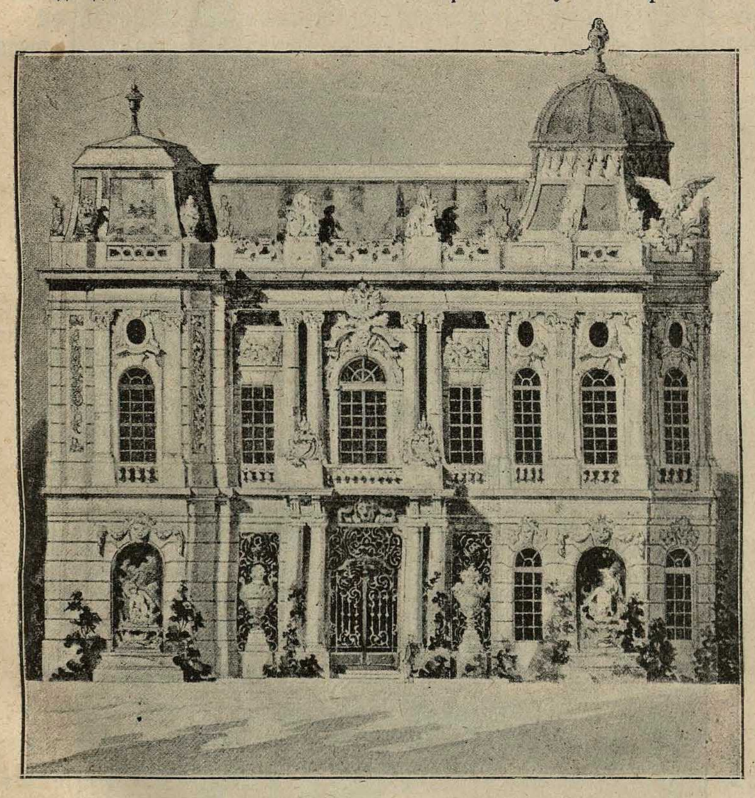

Рис. 22. Павильонъ Австріи.

шительный павильонъ Соединенныхъ Штатовъ (рис. 26). Онъ весь возведенъ вчернѣ, но о немъ тоже еще трудно судить безъ плана. Онъ будетъ напоминать собою одно изъ красивыхъ и величественныхъ бѣлыхъ зданій Чикагской выставки. Янки народъ юный, они еще не создали своего стиля и компануютъ свои постройки на такой же манеръ, какъ философы-эклектики свои философскія системы—съ бору да съ сосенки. Америка, впрочемъ, собирается сдѣлать Франціи болѣе многозначительный подарокъ—воздвигнуть во дворѣ Лувра памятникъ Лафайету. Извѣстно, что этотъ французскій герой былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и американскимъ героемъ, такъ какъ принималъ участіе въ войнѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ. Предполагается устроить послѣ откры-

тія этого памятника торжественное шествіе отъ него къ павильону Соединенныхъ Штатовъ. Немедленно будетъ дано знать, по спеціальнымъ электрическимъ проводамъ и черезъ атлантическій телеграфный кабель, президенту Соединенныхъ Штатовъ, что памятникъ открытъ. Президентъ нажметъ кнопку той же системы электрическаго соединенія,

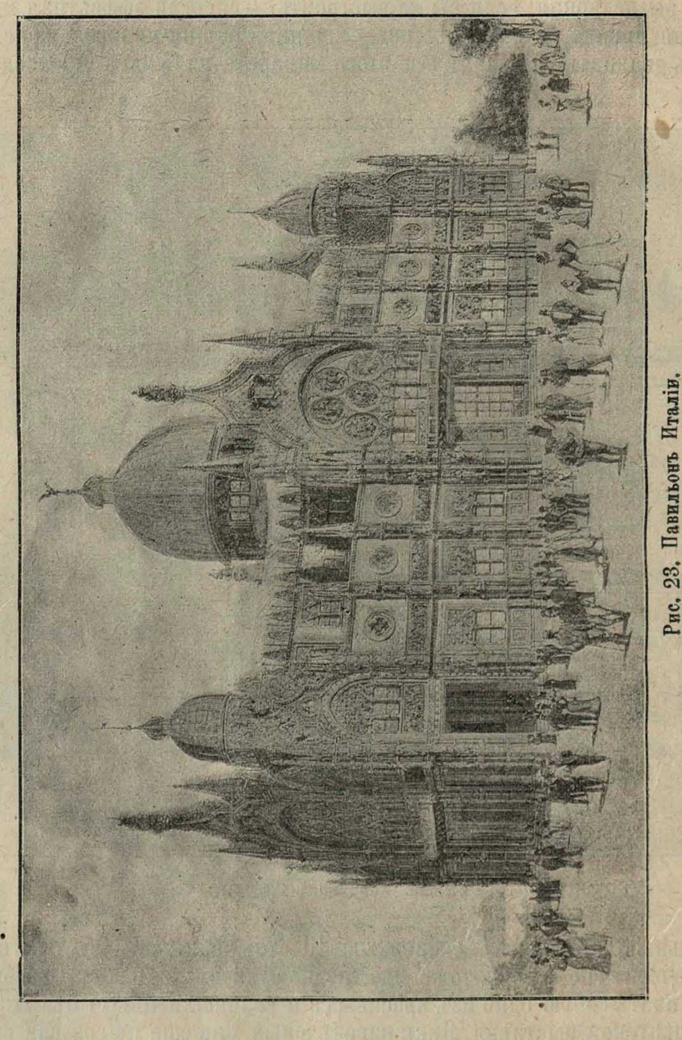

Рис. 23. Павильонъ Италіи.

и... въ тотъ же моментъ на вершинѣ башни Эйфеля развернется американскій національный флагъ неслыханныхъ и небывалыхъ размѣровъ! Картина задумана недурная, но она пока еще въ проектѣ. Американскій коммиссаръ, мистеръ Удуардъ, стоитъ за этотъ проектъ горою. Что касается до американскаго павильона, то надъ нимъ работаютъ все американцы—архитектора, художники, декораторы, мастера. Въ немъ будетъ грандіозная Тріумфальная арка съ конскою группою

на вершинѣ, и громадный куполъ, увѣнчанный орломъ,--все это американскаго производства.

Американскій павильонъ задавитъ своею массою скромнаго сосѣда—австрійца. Австрійскій павильонъ (рис. 22) будетъ незначителенъ по размѣрамъ, но изященъ по исполненію. Это будетъ довольно просторный домъ въ стилѣ барокко, выродившемся изъ рококо и процвѣтавшемъ въ XVIII столѣтіи. Общее впечатлѣніе этой постройки—солидность и благородство. Около павильона предположено устроить два большіе фонтана.

Въ австрійскомъ павильонѣ посѣтители выставки услышатъ образцовое исполненіе нѣмецкой музыки вѣнскимъ хоровымъ обществомъ

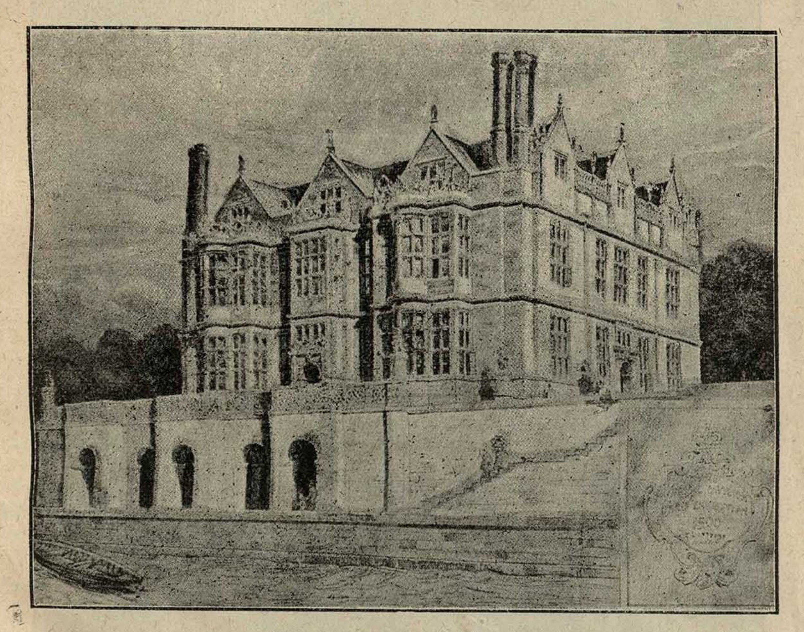

Рис. 24. Павильонъ Англіи.

«Schubertbund». Утверждаютъ, что въ этомъ павильонѣ будутъ собраны замѣчательнѣйшія сокровища, которыя доставитъ кабинетъ императора. Самое зданіе, вѣроятно, также будетъ привлекать публику, такъ какъ вѣнскіе архитекторы великіе знатоки своего дѣла и отличаются большимъ художественнымъ вкусомъ.

Между Австріею и ея союзницею Венгріею помѣстился павильонъ Босніи—Герцеговины (рис. 27). Зданіе будетъ небольшое, но очень оригинальное и кокетливое, съ причудливыми свѣсами кровли, съ четыреугольною башенкою, все окутанное вьющимися растеніями.

Строитель этого павильона, сынъ знаменитаго филантропа Мозера, Генрихъ Мозеръ, нашъ петербургскій уроженецъ. Онъ обѣщаетъ представить на выставку въ свой павильонъ очень любопытный экспозитъ: рядъ кинематографическихъ снимковъ, т. е. живыхъ фотографій своей родины, характеризующихъ ея нравы, костюмы, обстановку и проч.

Венгерскій павильонъ (рис. 28) словно подчеркиваетъ несливаемость и рознь, вѣчно царящія между двумя главными составными частями Австрійской имперіи. Онъ уже почти оконченъ и даже теперь возбуждаетъ оживленные толки. Утверждаютъ, что это одно изъ самыхъ характеристическихъ зданій будущей выставки, что Венгрія сумѣла въ немъ сочетать и выразить всю свою народную самобытность. Въ этомъ небольшомъ домѣ слито не менѣе двадцати мотивовъ, взятыхъ изъ са-

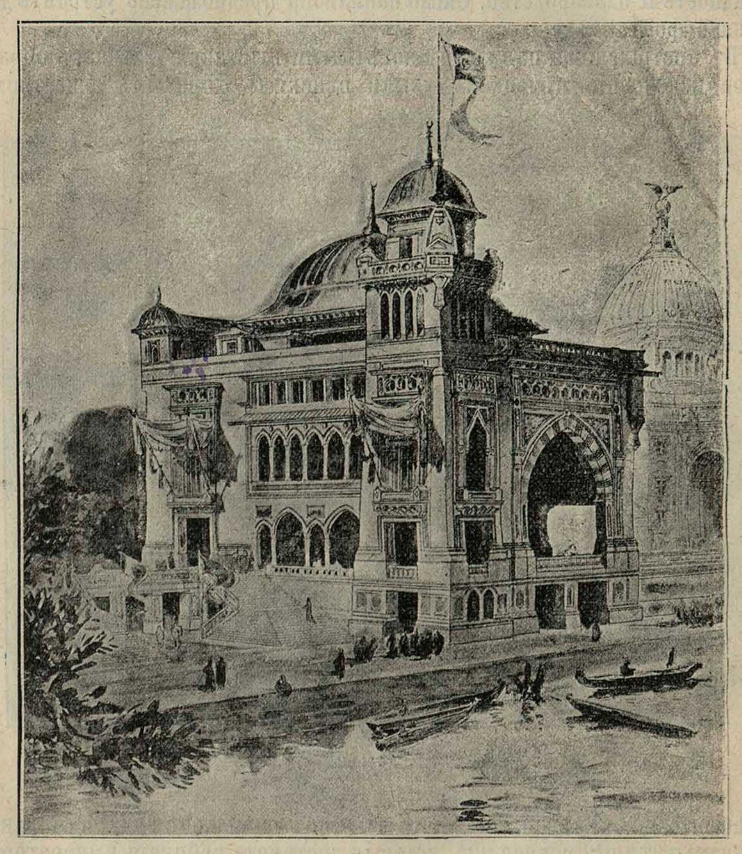

Рис. 25. Павильонъ Турціи.

мыхъ характеристическихъ эпохъ исторіи Венгріи. Его фасадъ, выходящій на Орсейскую набережную, напоминаетъ знаменитыя часовни въ Якѣ и Дюлофехейрварѣ; другія части опять таки являются какъ бы сколками съ другихъ знаменитыхъ венгерскихъ памятниковъ старины. Заимствованы очертанія, формы, цвѣта,—отъ чернильно-чернаго до горячаго желтаго.

Рядомъ съ этимъ пестрымъ, какъ букетъ цвѣтовъ, строеніемъ высятся какіе-то мрачные желѣзные столбы, связаньые солиднѣйшими скрѣпами. Кажется, будто собираются строить мостъ черезъ рѣку и уже вывели прочную и основательную береговую часть. Но этотъ желѣзный

ёжъ не будущій мостъ, а будущій павильонъ британской націи (рис. 24). Онъ будетъ весь выстроенъ изъ желѣза и въ виду его огромнаго вѣса подъ нимъ очень старательно укрѣпили фундаментъ. Онъ будетъ представлять точную копію Кингстонъ-Хауза, дома въ Бретфортѣ, выстроеннаго при Генрихѣ VIII. Оригиналъ давалъ убѣжище знаменитому ко-

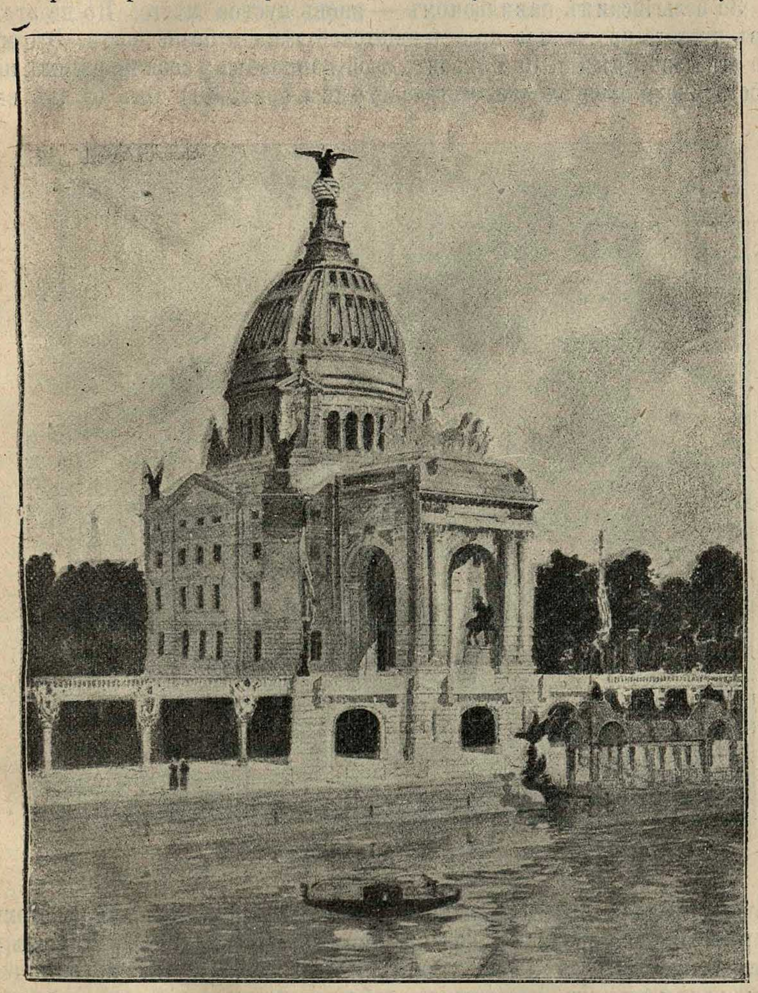

Рис. 26. Павильонъ Соединенныхъ Штатовъ.

ролю, а парижская копія пріютитъ въ своихъ стѣнахъ принца Уэльскаго. Его частные покои въ его отсутствіе будутъ открыты для публики; они отлично воспроизводятъ типъ богатаго англійскаго коттеджа, который остается изъ вѣка въ вѣкъ почти безъ всякихъ измѣненій.

Еще подальше виднѣется какая-то постройка, окруженная досчатымъ кожухомъ, словно положенная въ ящикъ. Это бельгійскій павильонъ. Дѣло въ томъ, что онъ весь цементный; онъ уже возведенъ и

теперь пока сохнетъ въ своемъ деревянномъ кожухѣ (рис. 29). Его цементныя стѣны будутъ покрыты украшеніями, точно скопированными съ тѣхъ, которыя покрываютъ старинное зданіе городской думы въ Оденардѣ. Эта постройка считается въ Бельгіи лучшимъ и самымъ характеристическимъ образцомъ готическаго стиля, усвоеннаго бельгійцами.

За бельгійскимъ павильономъ — вновь пустое мѣсто. Но на этотъ разъ пустота произошла не отъ азіатской лѣни и безпечности. Это мѣсто отведено Швеціи. Она строитъ свой павильонъ у себя на родинѣ, изъ собственнаго превосходнаго строевого лѣса (рис. 30). Онъ будетъ вы-

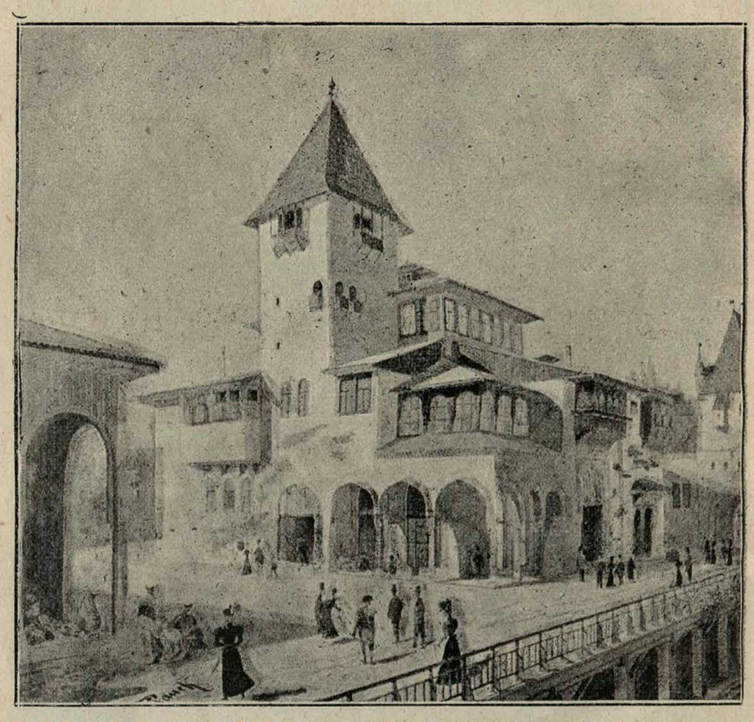

Рис. 27. Павильонъ Босніи и Герцеговины.

строенъ, публика шведская сначала полюбуется имъ у себя дома, потомъ его разберутъ по бревнамъ, перемѣтятъ ихъ, перевезутъ въ Парижъ и здѣсь вновь соберутъ. На эту сборку готоваго дома достаточно остается времени и павильонъ, несомнѣнно, заблаговременно займетъ свое мѣсто. Зданіе очень красивое, судя по плану, съ башенками, соединенными между собою висящими высоко въ воздухѣ мостиками, все увитое какими-то гирляндами, словно нарочно снаряженное на какой-то веселый народный праздникъ.

Германія, какъ уже сказано, нынче отступила отъ примѣра предшествовавшей выставки, не отказалась и заняла участокъ на Орсейской набережной. Это едва ли не единственная страна, которая объявила торжественный конкурсъ на проектъ своего зданія на выставкѣ. Изъ трехъ проектовъ, признанныхъ одинаковыми по достоин-

ству, императоръ Вильгельмъ лично избралъ тотъ, который имѣлъ девизомъ слова извѣстной французской пѣсенки «Ça ira». Германскій павильонъ (рис. 21) представляетъ зданіе во вкусѣ нѣмецкаго ренессанса; онъ напоминаетъ нѣмецкіе дома XV и XVI вѣковъ, съ расписными фасадами и острыми башенками на кровлѣ. Чтобы со всею нѣмецкою добросовѣстностью соблюсти историческую правду на выставкѣ при постройкѣ этого дома, даже лѣса возвели совершенно такіе же, какіе дѣлались при постройкѣ домовъ въ Средніе вѣка.

Испанія тоже строитъ домъ въ стилѣ возрожденія (рис. 31). Это что-

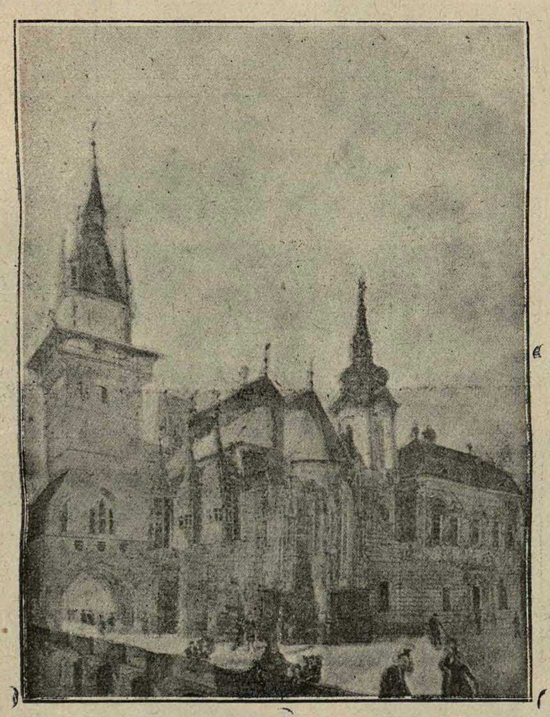

Рис. 28. Павильонъ Венгріи.

то сквозное, просвѣчивающее, съ плоскими кровлями, обведенными рѣшетками, и скульптурными украшеніями на этихъ рѣшеткахъ; въ иллюстраціяхъ Густава Дорэ попадаются такіе архитектурные мотивы. Въ такомъ южномъ, легкомъ и изящномъ характерѣ выдержанъ и павильонъ Монако, который такъ и напоминаетъ благодатное солнце и ясное небо Средиземнаго побережья Европы.

Балканскія государства—Румынія, Болгарія, Сербія, Греція—выставили въ кучкѣ на Орсейской набережной свои небольшіе, но полные вкуса и запечатлѣнные національнымъ духомъ павильоны.

Павильоны Румыніи и Сербіи (рис. 33 и 34) страннымъ образомъ вышли почти одинаковыми по наружному виду. Румынскій попросторнѣе и у него боковыя башенки нѣсколько выше средняго купола. У сербскаго павильона куполъ очень внушительныхъ размѣровъ, такъ что

придаетъ ему видъ византійской церкви. Болгарскій павильонъ (рис. 32)—прямолинейный, съ хорошенькою входною аркою, около которой

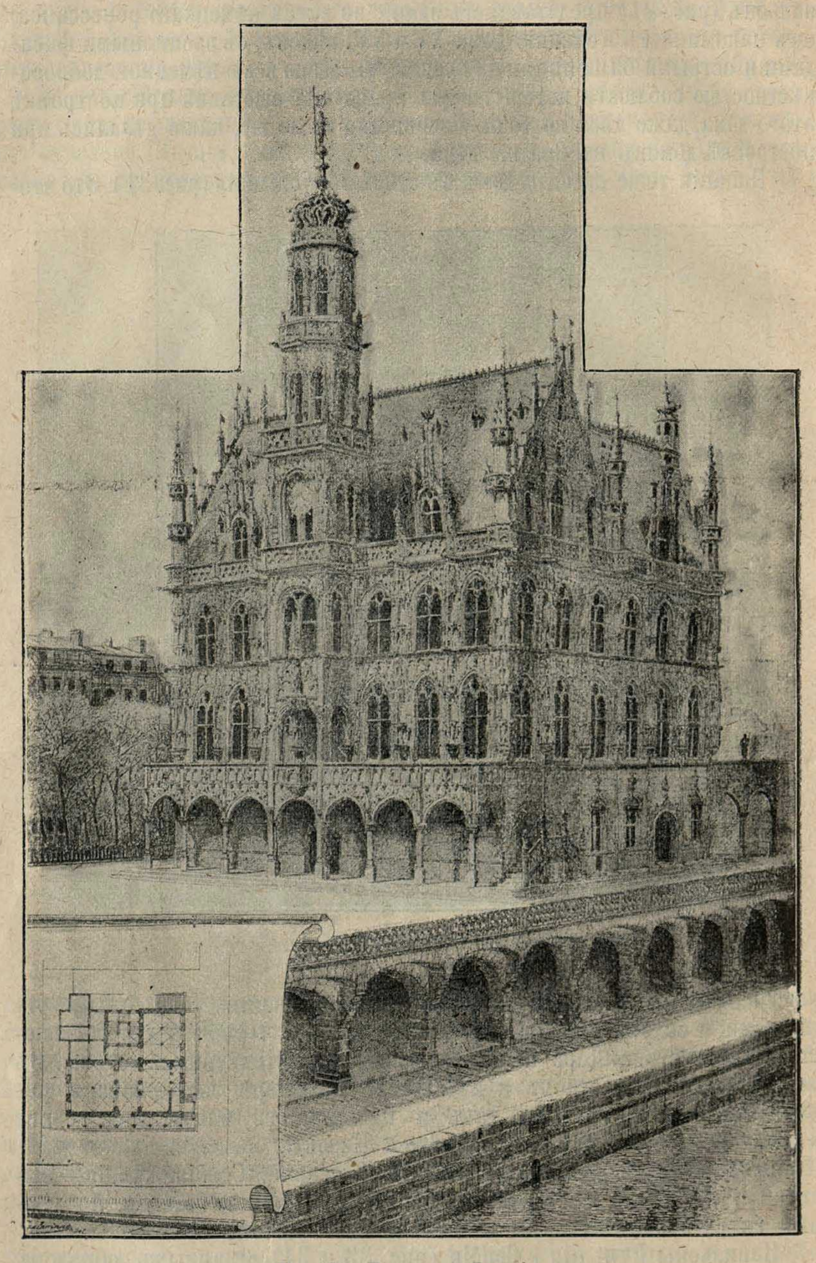

Рис. 29. Павильонъ Бельгіи.

высятся двѣ тонкихъ башенки, соединенныхъ вверху кровелькою, такъ что надъ входною аркою образуется изящный балконъ. Павильонъ Греціи (рис. 35), образецъ византійскаго стиля, тоже очень напоминаетъ по внѣшности сербскій павильонъ, только отличается отъ него своими большими крыльцами и сравнительно низкимъ куполомъ.

Затѣмъ Португалія (рис. 37), Персія (рис. 38), Перу (рис. 36), Финляндія также нашли пріютъ на Орсейской набережной. Остальныя тутъ не умѣстились и ихъ разбросали по всей широкой выставочной площади.

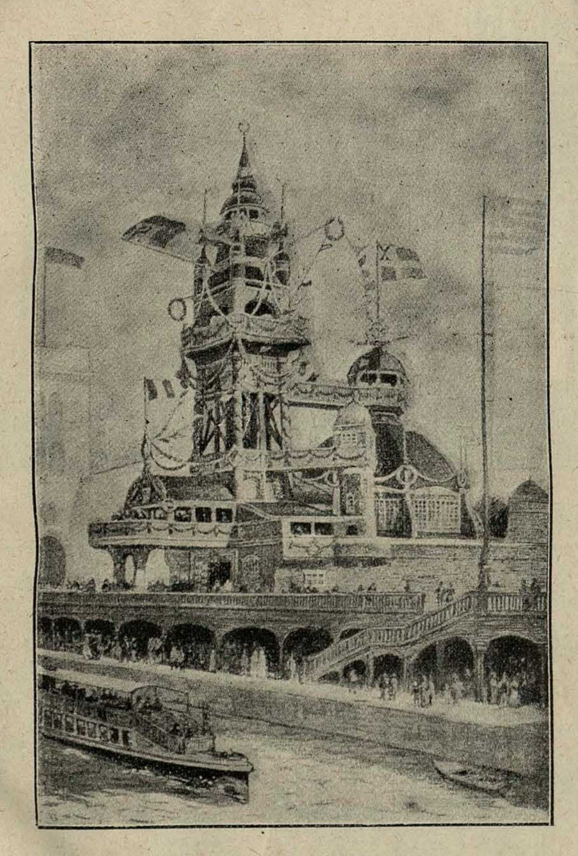

Рис. 30. Павильонъ Швеціи.

Такъ, мексиканскій павильонъ (рис. 44) попалъ на ту сторону Сены и пріютился около Іенскаго моста. Швейцарское шале и павильоны Санъ-Марино, Экуадора (рис. 39), Марокко и Сіама (рис. 40) размѣстились въ окрестностяхъ Эйфелевой башни. Въ саду у Трокадеро выстроены павильоны Китая, Японіи (рис. 41) и Трансвааля (рис. 42). Послѣдній строитъ бѣленькія строеньица, въ которыхъ будетъ обстоятельнѣйшимъ образомъ представлена вся, отъ начала до конца, любопытная картина добычи золота и алмазовъ на богатыхъ мѣсторожденіяхъ въ странѣ буровъ.

Японія ставитъ четыре павильона, которые скопируютъ обычныя въ этой странѣ постройки — храмъ, базаръ, чайный домъ. Такимъ

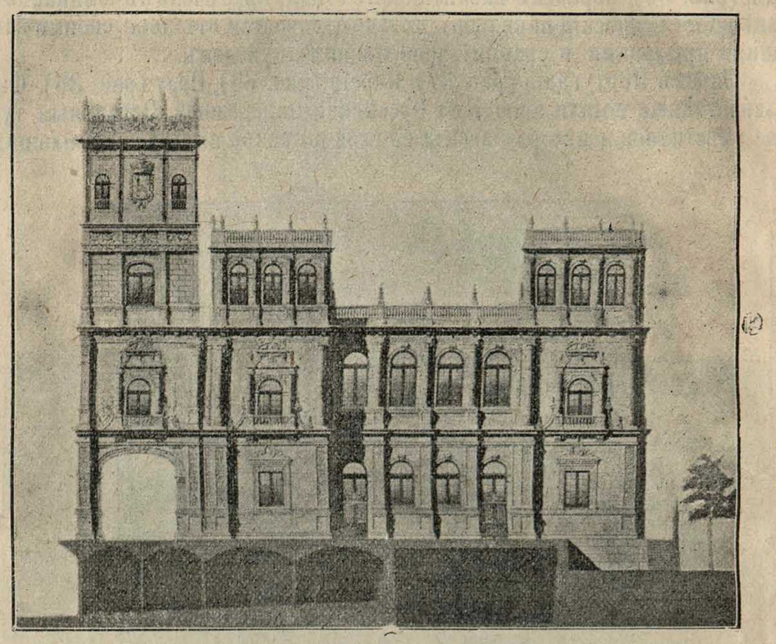

Рис. 31. Павильонъ Испаніи.

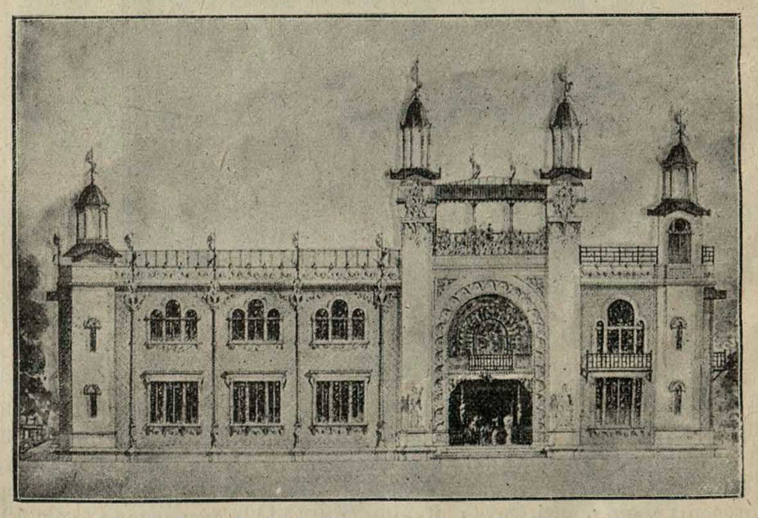

Рис. 32. Павильонъ Болгаріи.

образомъ, на выставкѣ будетъ цѣлый японскій городокъ. Японія доставила множество произведеній своей еще юной промышленности, но они разбредутся по разнымъ отдѣламъ выставки.

Рядомъ съ японскими павильонами будетъ поставленъ египетскій древній дворецъ. Египетъ участвуетъ въ выставкѣ неофиціально.

Китай на этотъ разъ выступаетъ не съ обычною своею «китайскою» постройкою, которая набила оскомину на всѣхъ выставкахъ. Его павильонъ возводится по фотографическимъ снимкамъ, представляющимъ хотя и несомнѣнно китайскія строенія, но все же до нѣкоторой степени отступающія отъ наскучившаго типа.

Но гдѣ же Россія,—спросятъ читатели,—и какъ могла она попасть въ

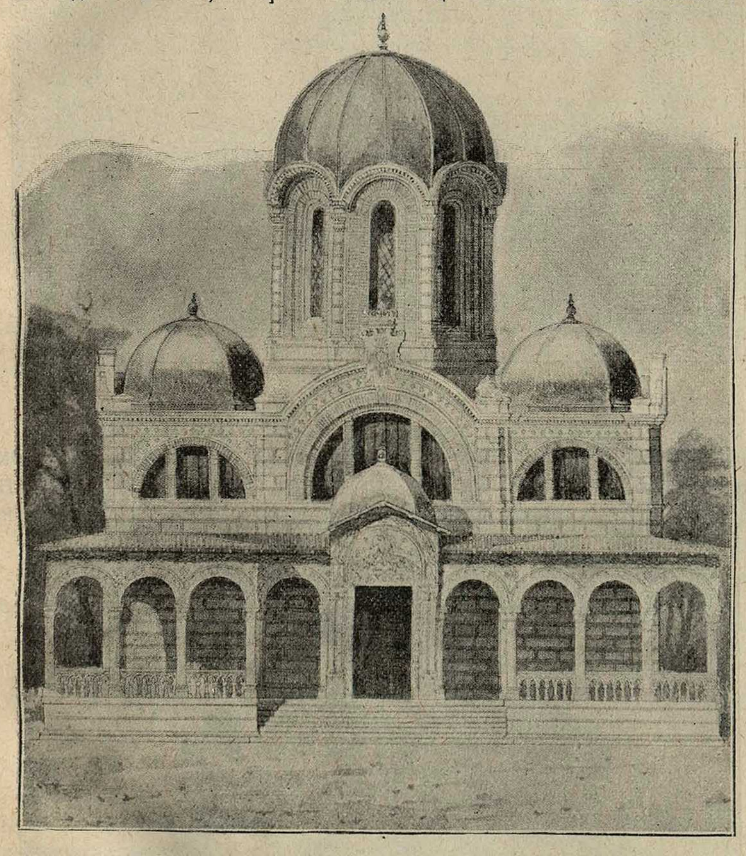

Рис. 33. Павильонъ Сербіи.

нашемъ обзорѣ вмѣсто перваго плана на задній? Увы, никакого павильона Россіи пока нѣтъ еще на выставкѣ и, надо полагать, не будетъ. Сначала Россіи, дружественной странѣ, отвели было мѣсто на Елисейскихъ Поляхъ; рѣшились даже, ради удобнѣйшаго помѣщенія, отмѣнить и измѣнить кое какія предположенныя въ этомъ мѣстѣ работы по канализаціи. Но потомъ этотъ проектъ былъ оставленъ, а почему—мы не знаемъ. Тогда русскій павильонъ предположили перенести на набережную, въ окрестности Инвалиднаго дома. Но и тамъ онъ не укоренился. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что пріемные залы будутъ устроены въ сибирскомъ павильонѣ, въ группѣ колоніальныхъ построекъ.

Главнымъ нашимъ коммиссаромъ на выставкѣ избранъ князь В. Н. Тенишевъ; помощникомъ его назначенъ пребывающій въ Парижѣ ком-

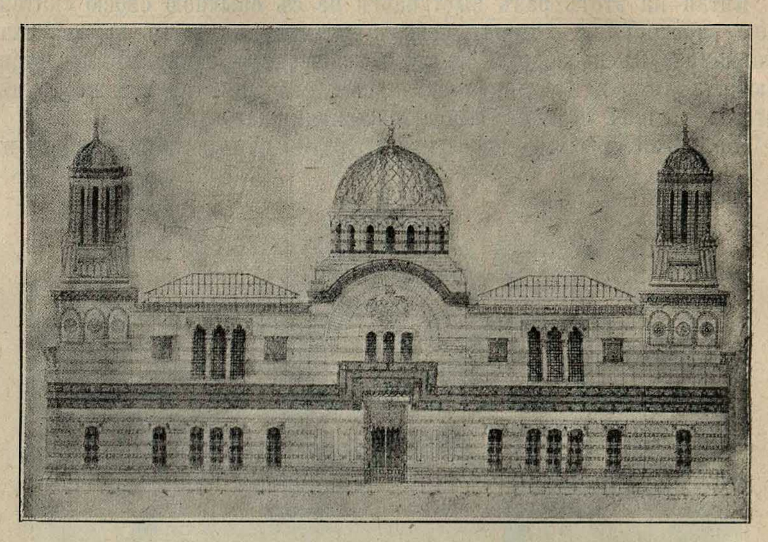

Рис. 34. Павильонъ Румыніи.

мерческій агентъ министерства финансовъ А. Г. Раффаловичъ. Помѣщаемъ здѣсь портреты обоихъ этихъ лицъ (рис. 19 и 20). Отсутствіе особаго русскаго павильона не будетъ, однако, ни въ какомъ случаѣ

Рис. 35. Павильонъ Греціи.

свидѣтельствовать о слабомъ участіи Россіи въ выставкѣ. Не говоря уже о томъ, что русскіе экспоненты принимаютъ участіе въ 15 отдѣлахъ выставки, Россія будетъ представлена своими характеристическими стильными постройками. Главнымъ нашимъ зданіемъ будетъ обширный

сибирскій павильонъ (рис. 18); завѣдываніе отдѣломъ Сибири и окраинъ поручено великому знатоку дѣла, вице-предсѣдателю Императорскаго Географическаго Общества П. П. Семенову (увлекаемые своею несчастною манерою перевирать иностранныя имена, наши друзья-французы пропечатали его—Kemenoff). Художественнымъ нашимъ отдѣломъ завѣдуетъ вице-президентъ академіи художествъ графъ И. И. Толстой. Около башни Эйфеля воздвигается другое наше зданіе, небольшой павильонъ, въ которомъ пріютятся экспозиты винной монополіи. Около дома Инвалидовъ выстроенъ третій нашъ павильонъ—вѣдомства Императрицы Маріи, а рядомъ съ нимъ частный павильонъ чаеторговой фирмы Попо-

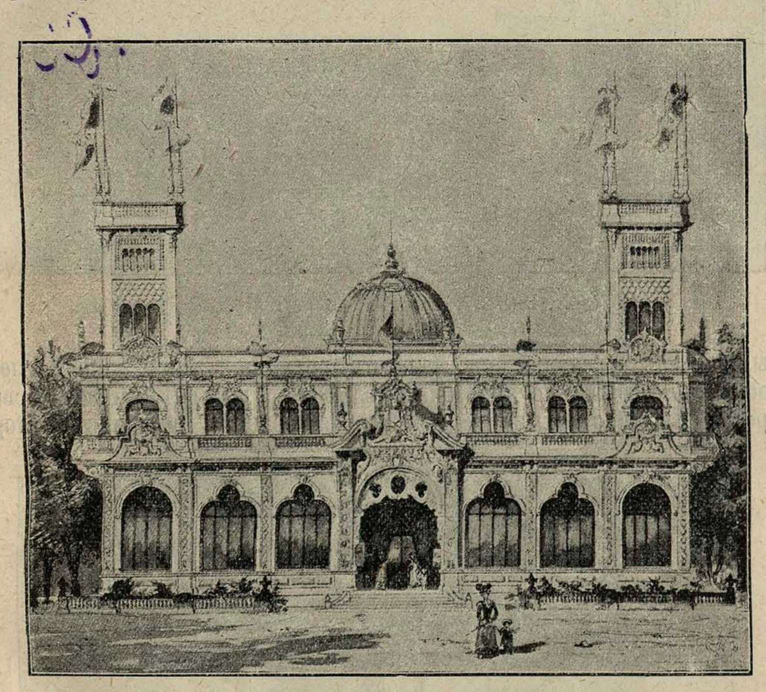

Рис. 36. Павильонъ Перу.

выхъ. Наконецъ, на Марсовомъ полѣ выстроенъ павильонъ почти монументальныхъ размѣровъ нашею пресловутою россійско-американскою компаніею резиновой мануфактуры.

Сдѣлаемъ краткое описаніе нашего сибирскаго павильона, какимъ онъ долженъ предстать передъ публикою, когда будетъ готовъ. Слѣва отъ главнаго входа (павильонъ поставленъ близъ дворца Трокадеро) будутъ царскіе покои, предназначенные для пріема высокихъ гостей и посѣтителей. Прямо противъ главнаго входа—выходъ на просторный дворъ; здѣсь будетъ русскій ресторанъ, а на хорахъ будетъ играть одинъ изъ лучшихъ петербургскихъ оркестровъ графа «Шеремшинъ» (Cheremchin), какъ увѣряетъ «Figaro». Входъ въ залъ Средней Азіи декорированъ во вкусѣ мѣстнаго стиля мечетей; онъ будетъ скопированъ съ фасада знаменитой Самаркандской мечети.

Направо отъ входа помѣстится выставка произведеній главнаго управленія Удѣловъ. Громадныя панно на стѣнахъ павильона представятъ раз-

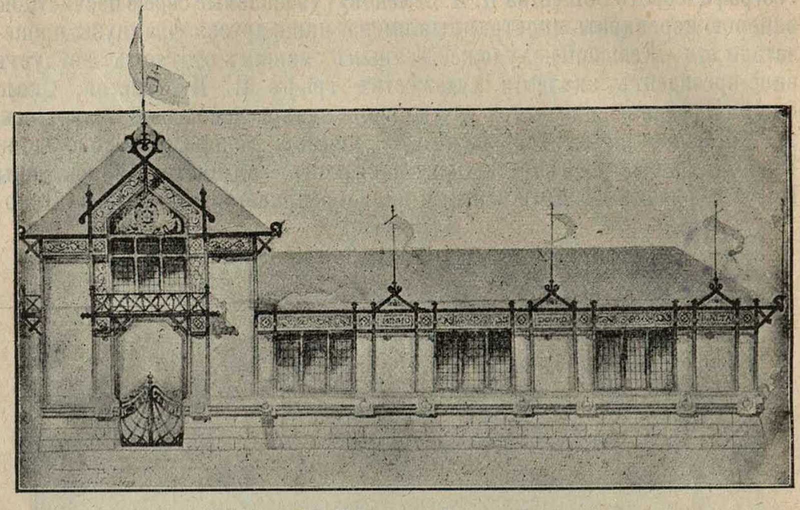

Рис. 37. Павильонъ Португаліи.

ныя картины русской, по преимуществу окраинной жизни и промышленности. Съ тою же поучительною цѣлью въ павильонѣ выставитъ свои прекрасныя панорамы извѣстный путешественникъ-художникъ докторъ

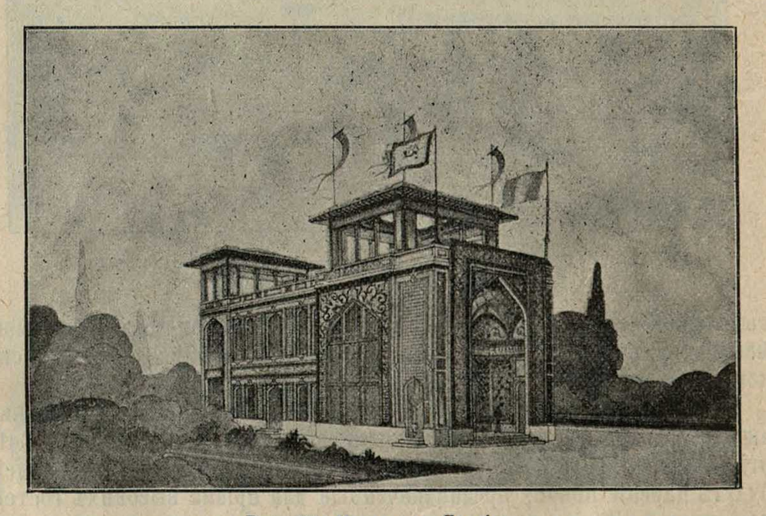

Рис. 38. Павильонъ Персіи.

П. Я. Пясецкій; имъ, между прочимъ, написана полная панорама всего великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, которая, говорятъ, требуетъ болѣе трехъ часовъ времени на то, чтобы ее вполнѣ развернуть передъ зрителемъ. Въ павильонѣ будетъ еще выставлена панорама коронаціон-

ныхъ торжествъ и празднествъ 1896 г., исполненная художникомъ Жервэ. Въ центрѣ павильона возвышается башня, выложенная изъ кирпича, съ разноцвѣтною кровлею, высотою около 27 саженъ. Вообще весь этотъ павильонъ будетъ представлять какъ бы отдѣльный русскій городокъ, что-то вродѣ нашего московскаго Кремля въ маломъ видѣ.

Тамъ же, въ окрестностяхъ Трокадеро, помѣстились голландскіе павильоны. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ средній (рис. 43). Это образецъ индійской архитектуры на островѣ Явѣ: онъ представляетъ собою

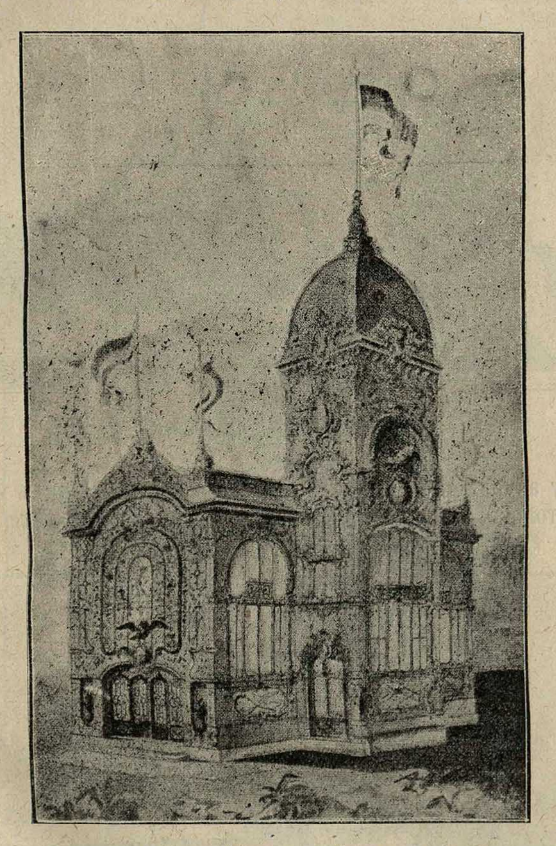

Рис. 39. Павильонъ Экуадора.

точную копію храма Джанди-Сари. Здѣсь можно будетъ наглядно ознакомиться съ буддизмомъ въ его прошломъ и настоящемъ. Сила Голландіи главнымъ образомъ въ ея громадныхъ, по сравненію съ метрополіею, колоніяхъ, и потому вся голландская выставка отличается колоніальнымъ характеромъ.

Изъ числа павильоновъ внѣевропейскихъ странъ болѣе или менѣе обращаютъ вниманіе перуанскій, экуадорскій и персидскій. Перуанцы поставили свое изящное зданіе (рис. 36) въ общей кучкѣ иноземныхъ павильоновъ, на Орсейской набережной. Это небольшой двухъ-этажный домъ, съ изящнымъ фасадомъ, съ большими красивой формы окнами и

стройными башенками на крышѣ. Маленькая американская республика Экуадоръ пріютилась около Эйфелевой башни (рис. 39). Судя по проекту

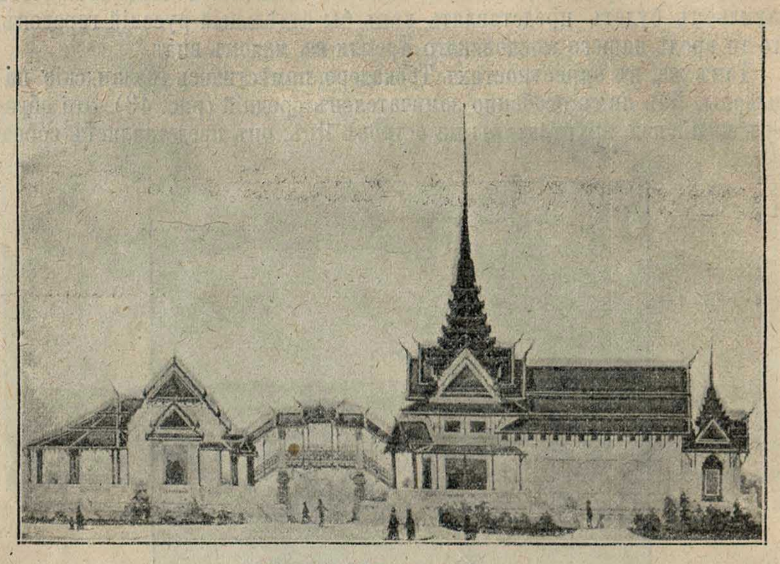

Рис. 40. Павильонъ Сіама.

на бумагѣ, у экуадорцевъ будетъ одно изъ прелестнѣйшихъ маленькихъ зданій, настоящая бонбоньерка. Персидскій павильонъ (рис. 38) очень

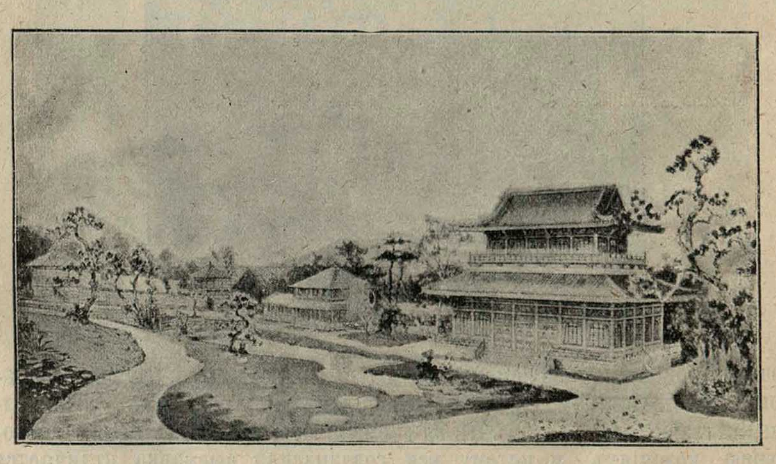

Рис. 41. Павильонъ Японіи.

красивъ и оригиналенъ. Онъ весь прямолинейный, съ сквозными башнями-балконами на плоской кровлѣ. Его фасадъ щедро украшенъ восточными арабесками.

Надо еще упомянуть объ особыхъ павильонахъ колоній разныхъ го-

сударствъ. О сибирскомъ павильонѣ мы уже говорили. Для его постройки была доставлена изъ Россіи партія рабочихъ, которыми французы ужасно интересовались. Рабочіе наши тотчасъ устроились обычнымъ артельнымъ порядкомъ. Явились у нихъ самовары, явилась даже баба-стряпуха, прихваченная съ собою изъ Россіи. Ихъ сапоги и красныя рубахи (французы называютъ ихъ blouses—блузы) рѣзко выдѣляли ихъ изъ толпы иноземныхъ рабочихъ. Передъ началомъ работъ, какъ водится, отслужили молебенъ, окропили все мѣсто святою водою, водрузили традиціонный крестъ на шестѣ. Все это зани-

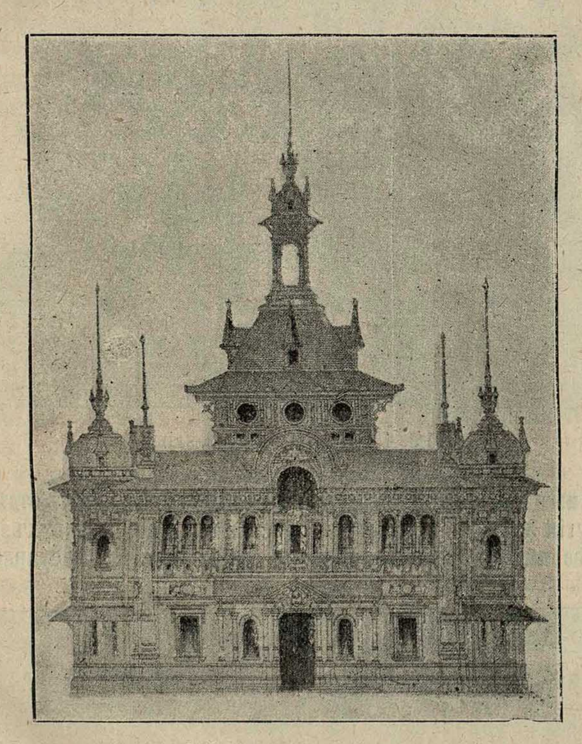

Рис. 42. Павильонъ Трансвааля.

мало парижанъ, все это было сфотографировано, срисовано, описано и разошлось по газетамъ и иллюстрированнымъ изданіямъ. Описывали подробно даже русскіе топоры и восхищались умѣньемъ русскихъ плотниковъ обходиться съ этимъ немудрымъ орудіемъ чуть не во всѣхъ плотничьихъ работахъ, почти безъ помощи другихъ инструментовъ.

Курьезное совпаденіе вышло у Англіи съ Трансваалемъ: ихъ павильоны пришлись другъ противъ друга и раздѣлены только проходомъ. Враги оказались сосѣдями. Парижане слегка посмѣиваются надъ странною загородкою изъ листового желѣза, которою загораживается англійскій (колоніальный) павильонъ, словно желая защитить себя отъ непріятеля.

Экспозиты иностранныхъ государствъ, само собою разумѣется, чрез-

вычайно разнообразны и разбрелись по всѣмъ отдѣламъ. Но въ этомъ отношеніи замѣчается все же большая разница между отдѣльными го-

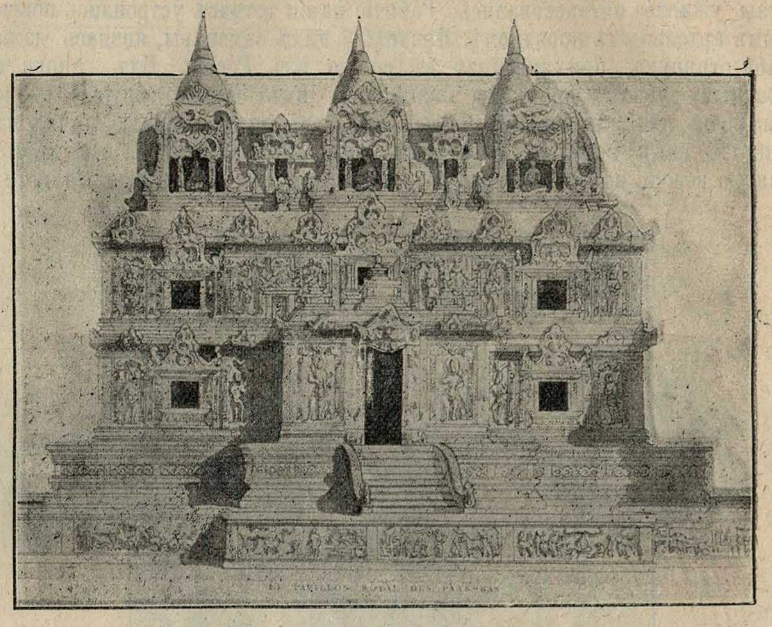

Рис. 43. Павильонъ Голландіи.

сударствами: одни изъ нихъ участвуютъ почти во всѣхъ отдѣлахъ выставки, другія лишь въ нѣкоторыхъ, третьи въ одномъ—двухъ, а нѣкоторыя и вовсе ничего не доставили въ отдѣлы, а все доставленное на

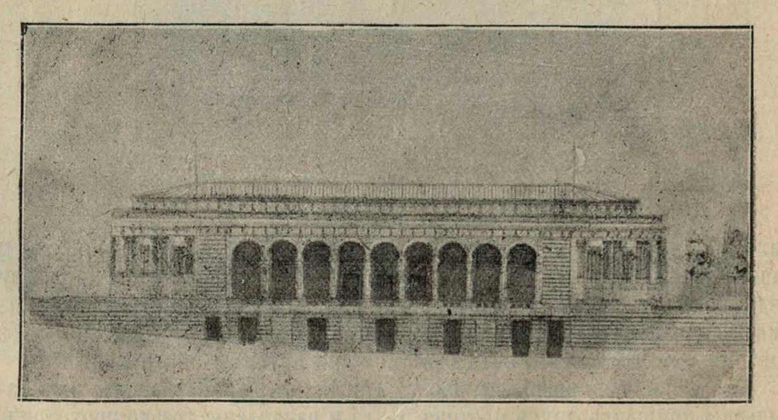

Рис. 44. Павильонъ Мексики.

выставку помѣстятъ у себя въ павильонѣ. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ: Боснія, Китай Эквадоръ, Греція, Марокко, Мексика, Монако, Перу, Персія, республика Санъ-Марино, Сіамъ и Трансвааль; всѣ они ни-

чего не прислали въ отдѣлы. Сербія, Либерія, Люксембургъ, Болгарія и Андорра участвуютъ только въ одномъ какомъ-нибудь отдѣлѣ. Зато Бельгія и Венгрія приняли участіе въ 14 отдѣлахъ; Россія, Италія, Англія и Германія—въ 15, а Австрія и Соединенные Штаты—въ 16 отдѣлахъ.

До тѣхъ поръ, пока экспозиты иностранныхъ государствъ не предстанутъ передъ публикою или, по крайней мѣрѣ, пока не будетъ опубликованъ ихъ подробный списокъ, трудно еще судить о всемъ объемѣ участія ихъ въ выставкѣ. Но, судя по тому, что они до сихъ поръ показали, видно, что всѣ они изо всѣхъ силъ стараются представить себя на выставкѣ въ блестящемъ видѣ. «Всемірное движеніе силъ,—восклицаетъ одинъ изъ парижскихъ публицистовъ,—сходится къ Парижу, какъ меридіаны къ полюсу!».

На первое же приглашеніе, сдѣланное Франціею, всѣ государства тотчасъ безъ всякихъ оговорокъ и затрудненій отвѣтили полнымъ согласіемъ. Всѣ правительства ассигновали на выставку очень крупныя суммы. Германія, напримѣръ, назначила на расходы своего коммиссаріата $1^1/_2$ милліона рублей, а ея экспоненты израсходуютъ, вѣроятно, не меньше 5 милліоновъ. Австрія ассигновала еще больше, около 1,75 милліона.

Ожесточенная борьба изъ-за мѣстъ, изъ-за каждаго квадратнаго метра выставочной площади также громко говоритъ объ усердіи иностранныхъ коммиссаріатовъ. Иные изъ коммиссаровъ чуть не хвастались тѣмъ, что имъ удалось выпросить у комитета выставки нѣсколько квадратныхъ метровъ мѣста. Бѣдному Пикару, главному коммиссару выставки, пришлось выдержать не мало чрезвычайно настойчивыхъ натисковъ иноземцевъ, алкавшихъ лишняго клочечка мѣста, и надо было обладать всѣмъ его артистически развитымъ тактомъ, чтобы умѣть поладить со всѣми.

Едва покончили съ соревнованіемъ изъ-за мѣстъ, какъ началось настоящее чисто выставочное соревнованіе—въ постройкѣ и великолѣпномъ украшеніи павильоновъ, въ декораціяхъ національныхъ группъ въ отдѣлахъ выставки. Во всемъ этомъ проявляется иностранцами изумительная энергія соперничества, стараніе, которому не было, будто бы, примѣра на прежнихъ выставкахъ.

Чѣмъ объясняется эта небывалая доселѣ ревность? Для разъясненія этого вопроса надо, конечно, прежде всего послушать, что говорятъ сами коммиссары. А поговорить передъ публикою у нихъ уже было множество случаевъ. Совѣщанія, банкеты, интервью съ репортерами заставляли ихъ высказываться, произносить тосты, спичи, рѣчи, давать объясненія.

Главный коммиссаръ Соединенныхъ Штатовъ Пекъ говорилъ: «Мы являемся во Францію, одушевленные самыми сердечными чувствами, для того, чтобы показать внушительныя силы нашихъ фабрикъ на предстоящей великой французской выставкѣ... Мы выберемъ въ промышленности нашей обширной страны много такого, что будетъ способствовать славѣ и величію вашего великолѣпнаго предпріятія 1900 года».

Испанскій коммиссаръ Вильялобаръ говорилъ: «Прежде всего мы свидѣтельствуемъ Франціи нашу сердечнѣйшую симпатію. Состояніе нашихъ торговыхъ сношеній съ нею обязываетъ насъ широко отвѣтить

на ея приглашеніе. Наконецъ, и производители наши хотятъ показать, что они не ниже производителей другихъ странъ, и я не сомнѣваюсь, что это имъ удастся. Мы, правда, нѣсколько запоздали съ нашимъ вступленіемъ въ промышленную жизнь, но всѣ увидятъ, что мы успѣли наверстать часть потеряннаго времени».

Японскій коммиссаръ Хайаши говорилъ: «Наша народная промышленность сдѣлала за это время значительные успѣхи... Вся наша страна интересуется выставкою 1900 года, и Японія будетъ на ней гораздо лучше представлена, чѣмъ когда-либо раньше».

Австрійскій министръ торговли заявилъ, что на парижской выставкѣ Австрія съ гордостью покажетъ міру результаты своей промышленной дѣятельности, а Венгрія устами своего представителя радуется тому, что можетъ воспользоваться прекраснымъ случаемъ показать, что она «являетъ собою не прошедшее, а будущее».

ГЛАВА IV.

Важнѣйшія выставочныя постройки: мостъ Императора Александра III и монументальныя врата (главный входъ) на площади Согласія.

Еще задолго до приступа къ строительнымъ работамъ на самой площади выставки началась постройка большого новаго моста черезъ Сену, въ память императора Александра III, положившаго начало франко-русскому сближенію. Торжественная закладка этого моста происходила въ присутствіи нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Александровича, 7 октября 1896 года. Названіе новаго моста утверждено декретомъ 5-го октября.

Положеніе перваго камня состоялось съ величайшею торжественностью. Для закладки былъ заготовленъ кусокъ французскаго гранита, очень славящагося во Франціи по причинѣ его прочности и прекраснаго голубоватаго цвѣта; вѣсъ этого камня около 60 пудовъ. Для церемоніи были изготовлены извѣстнѣйшими французскими мастерами необходимые снаряды—лопатка и молотки; всѣ эти вещицы представляютъ настоящіе перлы художества. Лопатка и молотокъ, бывшіе въ рукахъ Его Императорскаго Величества, изготовлены извѣстнымъ парижскимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Фализомъ. Лопатка вся золотая, вѣсомъ въ 750 граммовъ (1 ф. 80 зол.). Она состоитъ изъ трехъ частей: четыреугольной доски, стержня и рукоятки. Доска имѣетъ въ длину $12^1/_2$ сантиметровъ, въ ширину по одной сторонѣ 10, а по другой 6 сантиметровъ. Ручка и стержень представляютъ подобіе урны, изъ которой изливаются струи. На ручкѣ награвирована эмблема города Парижа—символическое судно съ лиліею, а подъ нею масличная вѣтвь съ надписью Sequana—древнимъ именемъ Сены. На поверхности лопатки награвирована надпись: «Le VII octobre MDCCCXCVI Sa Majesté Nicolas II Empereur de toutes les Russies, Sa Majesté l'imperatrice Alexandra Feodorowna et Felix Faure Président de la République Française ont posé à Paris la première pierre du pont Alexandre III, Meline étant président du conseil des ministres, Henri Boucher ministre du commerce et de l'industrie et Alf. Picard, commissaire général de l'exposition universelle de 1900» (т. е. 7 октября

1896 г. Его Величество Николай II, Императоръ Всероссійскій, Ея Величество Императрица Александра Θеодоровна и Феликсъ Форъ, президентъ французской республики, положили въ Парижѣ первый камень моста Александра III, при предсѣдателѣ совѣта министровъ Мелинѣ, министрѣ торговли и промысловъ Анри Бушэ и главномъ коммиссарѣ всемірной выставки 1900 Альфредѣ Пикарѣ).

Рукоятки молотковъ сдѣланы изъ отборной слоновой кости; длина ихъ 31 сантиметръ; самые же молотки стальные, полированные, съ насѣченными золотомъ надписями по бокамъ: «Pax» (миръ) и «Robur» (сила). Молотки соединены съ рукоятками посредствомъ золотыхъ чеканныхъ накладокъ съ девизами «RF» (République Française»). На молоткѣ, предназначавшемся для Его Императорскаго Величества, былъ поставленъ иниціалъ его имени («N»), а на другомъ — иниціалъ покойнаго президента Фора («F»). Даже для подписи протокола закладки была заготовлена особая золотая ручка, въ видѣ тростниковаго колѣна, обернутаго листомъ, какъ обычно можно видѣть на этомъ растеніи. Подписанный протоколъ былъ заключенъ въ особый ларецъ, который былъ вставленъ въ приготовленную для него нишу внутри закладного камня. Въ ларецъ положили русскія и французскія монеты чекана того же 1896 года.

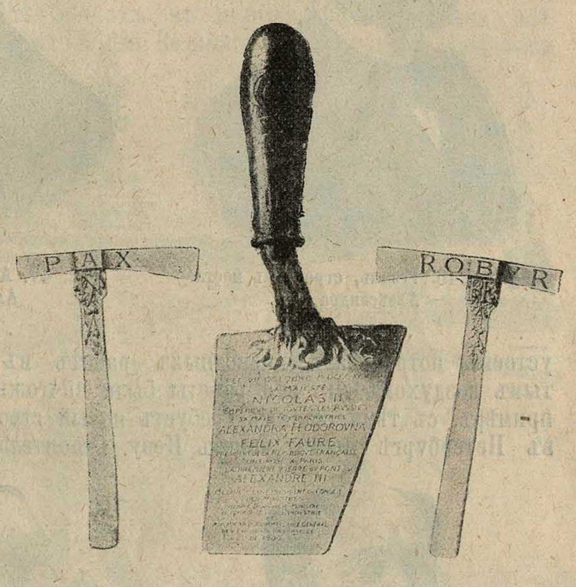

Рис. 45. Лопатка и молотокъ, употреблявшіеся при церемоніи закладки моста Александра III.

Этотъ новый мостъ парижане рѣшили сдѣлать не только мостомъ, но и памятникомъ. Лучшіе артисты и техники Франціи работали надъ выполненіемъ этого замѣчательнаго сооруженія, стоимость котораго, несмотря на сравнительно небольшую ширину рѣки (50 саженъ), достигнетъ семи милліоновъ франковъ (2 милліона 625 тыс. руб.). Основа моста состоитъ изъ одной желѣзной арки, опирающейся концами на гранитные береговые устои. Средина моста возвышается надъ среднимъ уровнемъ воды на 4 сажени.

Проектъ моста былъ составленъ Резалемъ и Альби, инженерами путей сообщенія; но богатая и особенно отвѣтственная декоративная часть моста была поручена двумъ художникамъ-архитекторамъ выставки—Кассіенъ-Бернару и Кузену. Мы помѣщаемъ здѣсь портреты этихъ четырехъ строителей моста.

Не будемъ входить въ разсмотрѣніе техническихъ подробностей постройки моста, потому что, при его сравнительно небольшихъ размѣрахъ, онѣ не представляли ровно ничего выдающагося. Само собою разумѣется, что кладка подводныхъ частей прибрежныхъ

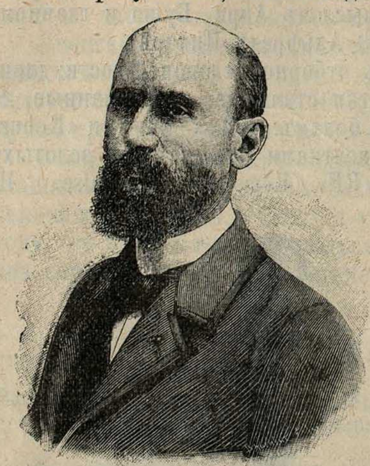

Рис. 46. Резаль, строитель моста Александра III.

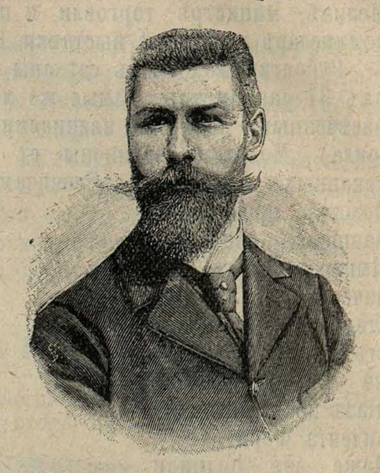

Рис. 47. Альби, строитель моста Александра III.

устоевъ потребовала подводныхъ работъ въ кессонахъ со сжатымъ воздухомъ. Но эти работы были ничтожны сравнительно, напримѣръ, съ тѣми, какихъ требуетъ новый строящійся теперь у насъ въ Петербургѣ мостъ черезъ Неву. Строители моста Александра III

Рис. 48. Кассіенъ-Бернаръ, строитель моста Александра III.

Рис. 49. Кузенъ, строитель моста Александра III.

не располагали грандіозностью, величіемъ размѣровъ и потому должны были сосредоточить все вниманіе на внѣшней отдѣлкѣ сооруженія. По этой части мостъ будетъ представлять замѣчательный памятникъ современнаго зодчества.

Главныя декоративныя части новаго моста, привлекающія къ нему вниманіе издали, это четыре башни (пилона) по его угламъ, на набережныхъ. Вообще такія украшенія идутъ къ путевымъ сооруженіямъ, особенно для обозначенія ихъ концовъ. Римляне понимали это впечатлѣніе отъ высокихъ колоннъ и часто ставили ихъ у своихъ дорогъ и вообще при входахъ. Пилоны моста Александра III имѣютъ форму четыреугольныхъ башенъ въ 6 саженъ высоты. На передней части каждаго пилона, на особомъ выступѣ, помѣщены очень крупныя женскія фигуры — эмблемы Франціи. Но эти четыре женскія фигуры не одинаковы; онѣ служатъ напоминаніями о самыхъ выдающихся эпохахъ въ исторіи Франціи. Одна изъ нихъ олицетворяетъ время Карла Великаго, другая—годы Людовика

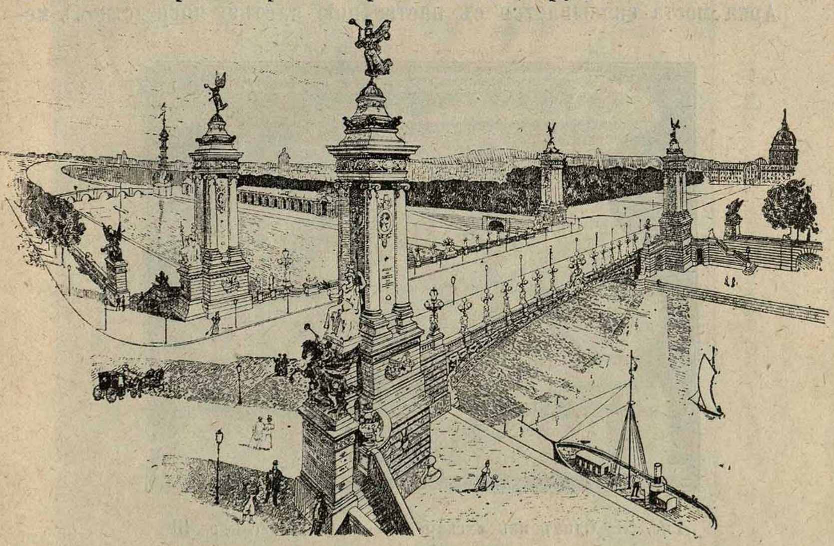

Рис. 50. Общій видъ новаго моста Александра III.

XIV, третья — революціонную эпоху и четвертая — наше время. Исполнителями этихъ изваяній были Кутанъ, Маркестръ, Ленуаръ и Мишель. Вершины пилоновъ должны быть увѣнчаны большими статуями славы. Среднія части пилоновъ окружены по угламъ выступающими колоннами, между которыми вдѣланы очень изящные фигурные медальоны съ переплетенными буквами R и F (République Française). Близъ большихъ пилоновъ на набережной будутъ поставлены еще малые пилоны, служащіе пьедесталами для группъ герольдовъ съ трубами, мчащихся на крылатыхъ пегасахъ. Но особенно богаты украшеніями рѣшетка моста и внѣшнія стороны его арки. Относительно стиля украшеній моста колебаться не приходилось. Когда еще обсуждали проекты дворцовъ на Елисейскихъ Поляхъ, тогда было рѣшено, что они должны быть въ строгой гармоніи съ зданіями по другую сторону рѣки, т. е. съ постройками Инвалиднаго дома. Эти постройки были сооружены при Людовикѣ XIV Брюаномъ и Мансаромъ. Послѣдующія постройки на площади Согла-

сія сооружались потомкомъ того же Мансара и были строго выдержаны въ томъ же стилѣ Людовика XIV. Поэтому нынѣшніе дворцы выставки, большой и малый, и мостъ Александра III, связывающій площадь Согласія съ Елисейскими Полями, было рѣшено выдержать въ томъ же стилѣ. Архитекторы моста Кассіенъ-Бернаръ и Кузенъ строго держались этого рѣшенія. Такимъ образомъ, въ декоративной части мостового сооруженія выступилъ на первый планъ вѣкъ короля-солнца съ его архитектурными мотивами—пегасами, геніями, амурами. Не забыли, разумѣется, что мостъ, какъ сооруженіе надводное, долженъ собрать на себѣ всякаго рода эмблемы воды, царства Нептуна: листья водяныхъ растеній, цвѣты кувшинокъ, камышъ, тростникъ, раковины.

Арка моста связывается съ настильною частью посредствомъ ме-

Рис. 51. Одинъ изъ маскароновъ моста Александра III.

таллическихъ стержней, отстоящихъ другъ отъ друга на $5^1/_2$ аршинъ. Каждый изъ этихъ стержней украшенъ большими изваяніями женскихъ и мужскихъ головъ (маскароновъ). Эти маскароны связаны другъ съ другомъ массивными гирляндами, плетенными изъ листьевъ водяныхъ растеній, цвѣтовъ кувшинки, шишекъ рогозника, стеблей камыша и раковинъ. Маскароны имѣютъ около $^3/_4$ аршина въ поперечникѣ. Исполненіе этихъ декоративныхъ фигуръ поручено скульптору Гланзену, который съ честью вышелъ изъ всѣхъ затрудненій, представившихся при этой сложной работѣ.

Всѣ эти маскароны, гирлянды, пилястры, части рѣшетки моста, фонарные столбы отливаются изъ чугуна, какъ и большинство подобныхъ украшеній въ Парижѣ. Самыя крупныя декоративныя группы будутъ помѣщены посрединѣ рѣшетки моста, съ внѣшней стороны. Средины группъ занимаетъ медальонъ въ видѣ раковины, украшенный сверху вѣеромъ изъ тростниковыхъ листьевъ и шишекъ рогозника. Въ глубинѣ медальона будутъ помѣщены: по одну сторону моста—русскій государственный гербъ, т. е. двуглавый орелъ съ его обычными эмблемами, а

по другую сторону—гербъ города Парижа (корабль). По обѣ стороны каждаго медальона будутъ помѣщены полусидячія фигуры обнаженныхъ женщинъ, водяныхъ божествъ, русалокъ или ундинъ. Голова одной изъ нихъ увѣнчивается уборомъ изъ листвы, а другой—подобіемъ русскаго кокошника. Вокругъ этихъ фигуръ размѣщаются рыбы,

Рис. 52. Группа въ средней части перилъ моста Александра III.

кувшины, изъ которыхъ льется влага, и другія эмблемы Нептунова царства. Протянутыя руки ундинъ опираются на весла. Такая группа вся въ цѣломъ будетъ имѣть около $3^1/_2$ саженъ въ длину; фигуры женщинъ должны выйти приблизительно въ двойную натуральную величину.

Несмотря на то, что мостъ начали строить почти тотчасъ послѣ закладки, онъ до сихъ поръ еще не оконченъ и его полнаго окончанія можно ожидать только ко времени открытія выставки. Въ общемъ, какъ мы уже замѣтили, размѣры рѣки не допускали въ этомъ сооруженіи ничего громоздкаго, величественнаго. Но къ его украшенію приложено столько заботъ, что онъ, несомнѣнно, станетъ однимъ изъ привлекательнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ Парижа.

Переходимъ къ другому монументальному сооруженію, уже чисто выставочному,—къ громадной тріумфальной аркѣ на площади Согласія, которая будетъ служить какъ бы парадною дверью, главнымъ церемоніальнымъ входомъ на выставочную площадь. Мѣсто этихъ воротъ выставки указано на нашемъ планѣ. Въ правой сторонѣ плана легко отыскать крайній мостъ черезъ рѣку—мостъ Согласія (Pont de la Concorde). Какъ только посѣтитель перейдетъ черезъ него съ той стороны рѣки, отъ Эспланады Инвалидовъ, ворота находятся тотчасъ влѣво отъ моста; на планѣ они обозначены надписью «Porte monumentale».

Рис. 53. Бинэ, архитекторъ, строитель главнаго входа на выставку.

Строителемъ этого замѣчательнаго сооруженія является молодой художникъ-архитекторъ Бинэ, который, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ еще ничѣмъ выдающимся себя не заявилъ, но зато своимъ проектомъ этого тріумфальнаго входа сразу выказалъ недюжинный декораторскій талантъ.

Тріумфальная входная арка очень сложное сооруженіе. Впрочемъ, наши рисунки помогутъ читателю составить понятіе о ея планѣ и составныхъ частяхъ. Самая арка представляетъ нѣчто вродѣ громадной сквозной бесѣдки, открывающейся на три фасада широкими сводчатыми дверьми. Спереди, со стороны площади Согласія, къ аркѣ пристроены два полукружія—изгороди, съ высокими тонкими колоннами, такъ называемыми минаретами. Посѣтитель, войдя сквозь эту арку съ площади, очутится подъ просторнымъ сквознымъ куполомъ; вправо и влѣво передъ нимъ будутъ такія же двѣ арки, какъ входная, а позади этихъ арокъ онъ увидитъ множество отдѣльныхъ дверей, верхи которыхъ покрыты флагштоками и флагами. Это и есть двери на выставку. Ихъ устроено такъ много—58—для того, чтобы многочисленная толпа посѣтителей по возможности не испытывала большой задержки, сопряженной съ контролемъ входныхъ билетовъ.

Общій стиль этого сооруженія не поддается точному опредѣленію. Отъ него вѣетъ чѣмъ-то восточнымъ, но его нельзя признать мавританскимъ. Бинэ видимо позаимствовалъ кое-что изъ южно-итальянской, въ особенности помпейской архитектуры, и кое-что изъ мавританской. Но онъ все это сочеталъ, переработалъ и сдѣлалъ попытку создать свой самостоятельный стиль и планъ. Онъ рисковалъ провалиться съ

своими новшествами, но, однако, не провалился, а, напротивъ, прославился: его арка привлекаетъ всеобщее вниманіе.

Главная особенность этого сооруженія—необыкновенное богатство и разнообразіе украшеній. Бинэ, какъ говорится, не оставляетъ живого мѣста на поверхности стѣнъ своей арки; вся она испещрена украшеніями, напоминающими что-то зоологическое: панцыри ящеровъ, чешую рыбъ, фигуры на опереніи птицъ. Въ углахъ между проходами онъ устраиваетъ три углубленныя ниши съ фонтанами и бассейнами на уровнѣ пола, а передъ этими бассейнами ставитъ на причудливо изукрашенныхъ пьедесталахъ огромныя статуи. Одна изъ нихъ, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ на стр. 58, должна служить символомъ электричества. Объ этомъ, собственно говоря (если судить только по

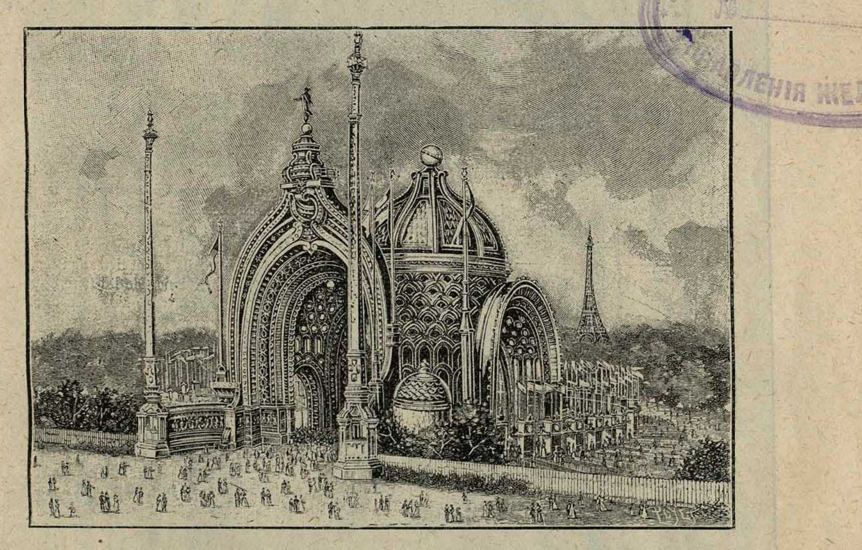

Рис. 54. Общій видъ главнаго входа на выставку. (Porte Monumentale)

рисунку), свидѣтельствуютъ лишь Вольтовы столбы, на которые опирается загадочная женская фигура, держащая въ согнутыхъ рукахъ какіе-то цвѣты; вѣроятно, внутри этихъ цвѣтовъ будутъ вставлены электрическія лампочки. Здѣсь будетъ къ слову сказать кое-что объ освѣщеніи главнаго входа. Оно будетъ одинаково эффектно и днемъ, и ночью. Дѣло въ томъ, что весь сводъ и стѣны сооруженія пронизаны безчисленнымъ множествомъ окошечекъ и въ нихъ будутъ вставлены разноцвѣтныя стекла. Большая часть этихъ стеколъ будетъ матовая, млечно-бѣлая; но по карнизамъ и сводамъ будутъ вставлены цвѣтныя стекла. Такимъ образомъ, днемъ подъ сводами входа будетъ царствовать смѣшанное освѣщеніе и, закинувъ голову, посѣтитель увидитъ множество небольшихъ сіяющихъ свѣтлыхъ точекъ. Днемъ вообще будетъ владычествовать сквозной свѣтъ, проходящій внутрь извнѣ. Для вечерняго же освѣщенія имѣются въ запасѣ другіе эффекты. Почти вся поверхность внутри сводовъ арки сдѣлана граненая; этой гране-

ности способствуютъ множество упомянутыхъ украшеній, въ изобиліи покрывающихъ стѣны. Многія изъ этихъ украшеній будутъ стеклянныя, граненыя, съ сильно отражающими свѣтъ гранями. Тысячи этихъ маленькихъ, расположенныхъ подъ угломъ другъ къ другу, зеркалъ бу-

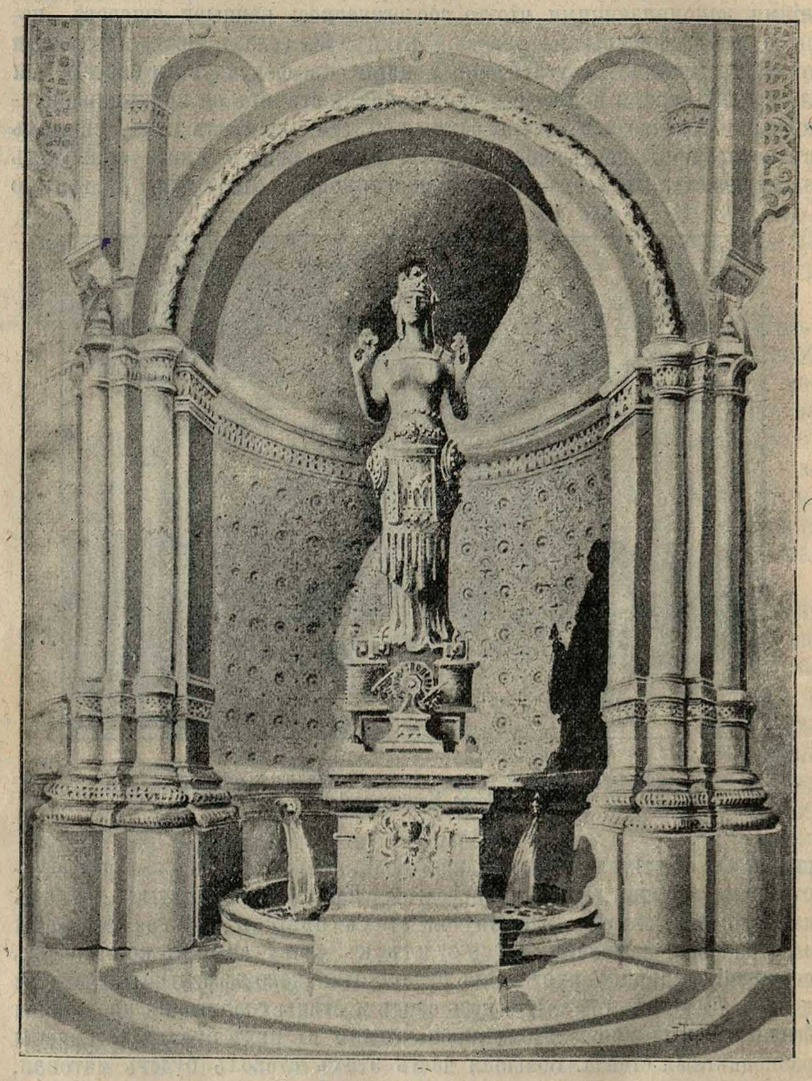

Рис. 55. Ниша со статуей, эмблемой электричества, внутри главнаго входа.

дутъ лить снопы яркаго свѣта по всѣмъ направленіямъ. Когда безчисленные электрическіе свѣточи вспыхнутъ среди ночного мрака по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ постройки и по тонкимъ колоннамъ предвходныхъ минаретовъ, зрѣлище, безъ сомнѣнія, будетъ единственное въ своемъ родѣ. Бинэ, однако, опасался, чтобы это море свѣта не произ-

вело слишкомъ крикливаго впечатлѣнія; онъ порѣшилъ смягчить такой неблагопріятный эффектъ. Съ этою цѣлью онъ размѣстилъ передъ входомъ съ полдюжины высокихъ мачтъ съ сильными дуговыми фонарями. Свѣтъ этихъ могучихъ фонарей зальетъ и утопитъ снаружи все

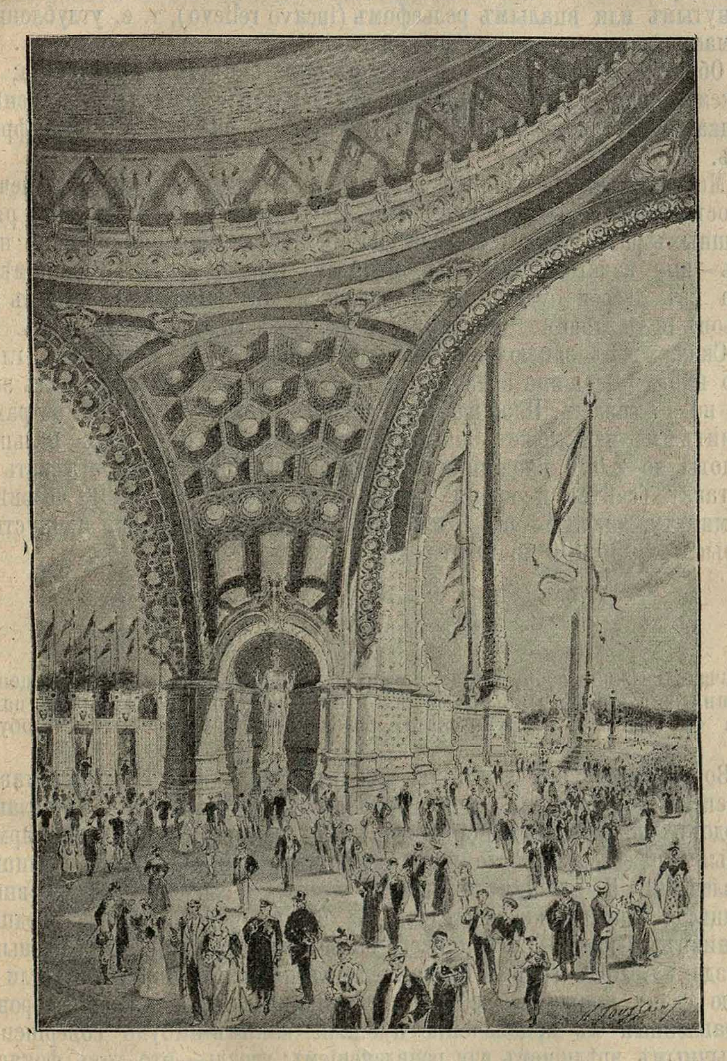

Рис. 56. Внутренній сводъ главнаго входа на выставку.

зданіе входа и тогда всѣ его безчисленныя свѣтовыя точки будутъ выступать въ этомъ морѣ свѣта подобно червячкамъ-свѣтлякамъ.

Большую роль въ декоративной части главнаго входа будутъ играть поля на стѣнахъ (фризы) съ символическими группами. Среди нихъ особенно выдается группа «Труда». Это цѣлая толпа рабочихъ, тѣхъ скромныхъ тружениковъ, руками которыхъ создалась вся вы-

ставка и все, что на ней будетъ помѣщено для обозрѣнія всего міра. Эта группа сдѣлана горельефомъ, т. е. выступающими формами. Сверхъ того, въ другихъ мѣстахъ будутъ еще фигуры и группы изъ животнаго міра, исполненныя способомъ, который итальянцы называютъ вогнутымъ или впалымъ рельефомъ (incavo relievo), т. е. углубленныя въ массу, которую они украшаютъ.

Общая стоимость этого сооруженія по смѣтѣ намъ неизвѣстна; мы можемъ пока только сообщить, что земляныя работы и каменная кладка обойдутся въ 80.000, а металлическія части въ 109.000 франковъ.

Многочисленныя входныя дверцы на площадь выставки, конечно, не оставлены безъ украшеній; по фризу между ними тянется рядъ изящныхъ розетокъ, а надъ каждою отдѣльною дверцою сдѣлана надпись—имя какого-нибудь изъ крупныхъ городовъ; такъ, напримѣръ, одна изъ дверей будетъ носить надпись «St. Pétersbourg», а въ медальонѣ подъ этою надписью будетъ изображенъ двуглавый орелъ.

Скажемъ въ заключеніе еще нѣсколько словъ о размѣрахъ главнаго входа. Вершина большого купола будетъ возвышаться надъ землею на 17 саженъ. Площадь подъ сводомъ равняется 500 кв. метрамъ; значитъ, на ней можетъ помѣститься одновременно безъ большой тѣсноты до 2.000 входящихъ. 58 дверей въ состояніи пропускать на выставку (считая и время контроля билетовъ) до 1.000 человѣкъ въ минуту; значитъ, въ теченіе часа можно безъ давки пропустить на выставку 50.000 посѣтителей.

ГЛАВА V.

Замѣчательнѣйшія сооруженія выставки для любителей сильныхъ ощущеній, соединяющія пріятное съ полезнымъ:—гигантское колесо, мареорама, панорама «Путешествіе вокругъ свѣта», большой телескопъ, гигантскій глобусъ

Во вступительной главѣ мы уже указывали на то, что выставки постепенно утрачивали свой первоначальный характеръ состязаній народовъ въ промышленности и превращались въ колоссальныя ярморочныя торжества, на которыхъ большинство публики искало зрѣлищъ, развлеченій. Нынѣшняя выставка, чтобы не сыграть въ плачевный дефицитъ, должна была раздѣлить эту общую участь своихъ предшественницъ и потому прежде всего озаботилась снабдить себя разными «гвоздями». Подъ такимъ прозаическимъ наименованіемъ упрочили за собою славу приманокъ разныя выдумки частныхъ антрепренеровъ, направленныя къ привлеченію публики какимъ-нибудь совершенно необычнымъ зрѣлищемъ или развлеченіемъ; гвоздь—это тотъ фокусъ, къ которому стекаются самыя густыя массы выставочной публики. Мы упомянемъ здѣсь о главныхъ приманкахъ нынѣшней выставки, на которыя возлагаетъ надежды администрація.

Поставимъ во главѣ гигантское колесо, которое впервые было выстроено еще на выставкѣ въ Чикаго; затѣя очень понравилась публикѣ, и можно думать, что она и въ Парижѣ не ударитъ лицомъ въ грязь. Подробно описывать все устройство этого соору-

женія—не видимъ надобности, частью потому, что публика его знаетъ по чикагской выставкѣ и по ея описаніямъ, частью потому, что нашъ рисунокъ даетъ о немъ вполнѣ ясное понятіе. Стоитъ всмотрѣться въ этотъ рисунокъ, чтобы понять устройство. Все колесо вѣситъ 800 тоннъ, т. е. 50 тысячъ пудовъ. Его ось покоится

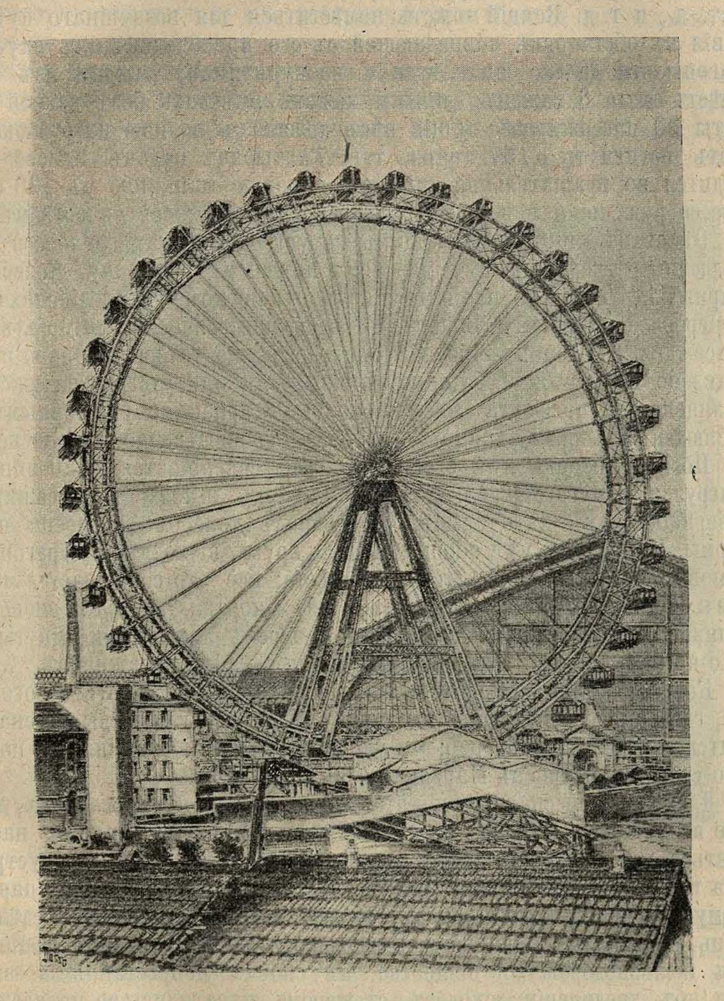

Рис. 57. Гигантское колесо на выставкѣ.

на козлахъ, на высотѣ болѣе 30 саженъ надъ землею. Поперечникъ этого колеса—93 метра, т. е. 130 аршинъ или 43⅓ сажени. Такимъ образомъ, при вращеніи колеса каждая его точка поднимается почти на 50 саженъ надъ уровнемъ земли. По ободу колеса подвѣшены вагоны, свободно вращающіеся около своихъ точекъ подвѣса; значитъ, при вращеніи колеса они все время сохраняютъ неизмѣнное положеніе, какъ будки на круглыхъ качеляхъ; притомъ движеніе ко-

леса идетъ такъ плавно и медленно, что вагонъ почти не испытываетъ никакихъ сотрясеній. Вагоны, въ числѣ 40 штукъ, приспособляются для всяческихъ назначеній, смотря по любительскимъ склонностямъ публики. Въ одномъ будетъ буфетъ, въ другомъ кабачекъ для выпивки, въ третьемъ курильня, въ четвертомъ кабинетъ для чтенія и т. д., и т. д. Всякій можетъ помѣститься для воздушнаго путешествія въ обстановкѣ, совпадающей съ его преобладающимъ вкусомъ. Вагоны эти далеко не клѣтки и не курятники; каждый изъ нихъ имѣетъ около 6 саженъ длины и можетъ вмѣстить безъ всякой тѣсноты 30 пассажировъ; общій вѣсъ колеса съ полною нагрузкою можетъ достигнуть 1.167 тоннъ, т. е. 72 тысячъ пудовъ. Колесо приводится во вращательное движеніе паровою машиною въ 120 силъ. Все сооруженіе и всѣ вагоны щедро освѣщены электричествомъ.

Отмѣтимъ мимоходомъ, что мысль устройства такого колеса принадлежитъ американскому морскому инженеру Крейтону. Колесо въ Парижѣ строилось по планамъ и подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ Слиткинса и Балета. Но весь металлическій матеріалъ для колеса взятъ французскій. Самое колесо уже готово, собрано и поставлено на мѣсто; его уже испытывали въ присутствіи парижскаго полицейскаго префекта Блана; оно было признано устроеннымъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій общественной безопасности.

Полный оборотъ этого огромнаго колеса совершается въ 20 минутъ. Выгрузка и нагрузка вагоновъ, т. е. входъ и выходъ пассажировъ совершаются въ пять смѣнъ. Внизу подъ колесомъ устроены платформы. Пассажиры, уже обошедшіе весь кругъ, выходятъ изъ вагоновъ, а новые тотчасъ занимаютъ ихъ мѣста; все это совершается менѣе чѣмъ въ минуту. Такимъ образомъ, сразу опоражнивается и вновь наполняется восемь нижнихъ вагоновъ, а черезъ каждыя три минуты колесо на одну минуту останавливается для смѣны пассажировъ.

Колесо будетъ помѣщаться на авеню Сюффрена, противъ того мѣста, гдѣ во время послѣдней выставки (1889 года) была выстроена гигантская машинная галерея; эта улица тянется (см. нашъ планъ) по лѣвую сторону построекъ Марсова поля.

Другая интересная затѣя—это мареорама, приспособленіе, дающее возможность публикѣ на сухомъ пути, въ центрѣ Парижа, наслаждаться всѣми впечатлѣніями морского путешествія. Мысль устройства такого зрѣлища принадлежитъ чрезвычайно популярному парижскому художнику-иллюстратору Гюго д'Алези. Этотъ артистъ сдѣлалъ очень оригинальную карьеру. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскія желѣзнодорожныя общества, въ своихъ непрестанныхъ заботахъ объ увеличеніи доходовъ, съ жаромъ ухватились за предложенныя этимъ художникомъ услуги. Онъ взялся поставлять имъ громадныя, мастерски нарисованныя афиши съ видами разныхъ живописныхъ мѣстностей. Эти афиши выставлялись на вокзалахъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Публика охотно глядѣла на нихъ и очень часто соблазнялась живописными видами, мастерски изображенными д'Алези. Соблазнительная картинка возбуждала желаніе посмотрѣть на изображенныя красоты природы, и желѣзнодорожная компанія немедленно являлась съ своими услугами—билетами туда и обратно по удешевленной цѣнѣ, со всѣми путевыми издержками, оте-

лями, проводниками и т. д. Дѣло бойко пошло въ ходъ. Д'Алези, человѣкъ добросовѣстный, самъ посѣтилъ всѣ мѣстности, которыя потомъ изображалъ на своихъ афишахъ; у него громадная коллекція фотографій и набросковъ. Передъ выставкою ему пришла мысль дать публикѣ полную панораму Средиземнаго моря въ сочетаніи съ полною иллюзіею морского путешествія по его побережью. Эта идея и осуществляется теперь въ его мареорамѣ.

Затѣя была очень обширная и потребовала особаго помѣщенія. Такимъ образомъ, въ числѣ многочисленныхъ выставочныхъ построекъ появился еще «Дворецъ мареорамы», выстроенный неподалеку отъ башни Эйфеля. Вся машинная часть сооружена подъ наблюденіемъ

Рис. 58. Мареорама. Палуба, на которой будутъ находиться зрители.

инженера Вуарена. Существенною частью мареорамы является громадная движущаяся панорама, писанная на полотнищѣ въ версту длиною и въ восемь саженъ шириною. Развертываясь постепенно передъ зрителемъ, она даетъ удачную иллюзію движенія вдоль береговъ Средиземнаго моря. Но этого мало. Д'Алези устроилъ такъ, что публика не только видитъ всѣ мѣстности, представленныя на панорамѣ, но одновременно испытываетъ и всѣ ощущенія морского путешествія. Зритель оказывается на настоящей палубѣ морского парохода: онъ видитъ воду за бортомъ, трубу парохода, изъ которой валитъ дымъ, видитъ рубку, вытяжныя трубы, капитана судна и весь его экипажъ, который на его глазахъ продѣлываетъ всякіе морскіе маневры. Мало того, зритель чувствуетъ кругомъ морской воздухъ, особый морской запахъ. Говорятъ, что съ этою цѣлью воздухъ, поступающій внутрь

зданія, предварительно проходитъ сквозь массу морскихъ водорослей, смоченныхъ водою. По временамъ на палубу налетаетъ болѣе или менѣе чувствительный порывъ вѣтра; иногда поднимается даже что-то вродѣ бури: воздухъ свиститъ въ снастяхъ и срываетъ съ головъ публики шляпы. Матросы тотчасъ кидаются во всѣ стороны и исполняютъ все, что надлежитъ дѣлать во время шторма. Что судно идетъ по волнамъ, въ этомъ публика чувствительно убѣждается по качкѣ обоихъ родовъ — килевой и боковой. Палуба имѣетъ около 17 саженъ длины и 5 саженъ ширины, такъ что даже по размѣрамъ можетъ обмануть неопытнаго зрителя. А пока зритель «плыветъ», онъ, само собою разумѣется, видитъ передъ собою берега Франціи, Италіи, Греціи, Сиріи, Египта, Туниса, любуется дивными панорамами Неаполя, Венеціи, Константинополя. По временамъ судно встрѣчаетъ обычныхъ морскихъ путниковъ — рыбацкія парусныя суденышки. «Выѣхавъ» въ путь днемъ, зритель видитъ, какъ быстро наступаетъ ночь, какъ все судно постепенно погружается во мракъ. Но среди этой глубокой ночи передъ нимъ вдругъ выступаетъ изъ мрака великолѣпная картина ярко освѣщенной Венеціи. Ночь, конечно, смѣняется потомъ зарею, и при ея розовомъ свѣтѣ путники видятъ передъ собою Константинополь. Передъ глазами зрителя развертывается настоящая сказка изъ «Тысячи и одной ночи».

Другое зрѣлище въ такомъ же родѣ задумано и устраивается художникомъ Дюмуленомъ. Для него тоже выстроено на Марсовомъ полѣ особое очень обширное зданіе вродѣ театра, на которомъ красуется крупная надпись: «Messageries maritimes. Tour du monde» (Морское судоходство. Вокругъ свѣта). Здѣсь тоже главную роль играетъ движущаяся панорама, какъ и въ мареорамѣ д'Алези. Только здѣсь все устройство вообще проще. Зритель остается неподвиженъ на особой платформѣ и окруженъ полнымъ мракомъ. Полотнище панорамы тихо движется передъ нимъ, оставляя въ немъ впечатлѣніе его собственнаго движенія. Начинается это кругосвѣтное путешествіе съ отхода изъ Марсельскаго порта; передъ зрителемъ-французомъ мелькаютъ одна за другою знакомыя ему панорамы порта и его окрестностей; вотъ передъ нимъ открытое море, а затѣмъ онъ видитъ передъ собою древнія Аѳины съ ихъ Акрополемъ, Парѳенономъ и, наконецъ, современную столицу Греціи. Далѣе передъ глазами зрителя проходятъ Дарданеллы, Константинополь, потомъ Сирія, Бальбекъ. Отсюда путникъ переваливаетъ въ Египетъ, ко входу въ Суэзскій каналъ. Надо замѣтить, что панорама нигдѣ не остается мертвою. Вездѣ на сценѣ толпа, люди, мулы, верблюды, слоны; все это движется и живетъ своею обычною мѣстною жизнью. Въ Египтѣ, напримѣръ, на сценѣ является крикливая толпа феллаховъ и группа граціозныхъ танцовщицъ. Послѣ Египта вдали мелькаетъ столица Менелика, а за нею развертывается роскошный видъ Цейлонскаго берега, цѣлый лѣсъ пальмъ, но пальмъ опять-таки живыхъ, плавно качающихъ своими кудрявыми вершинами. Среди этого лѣса вдругъ появляется куча очковыхъ змѣй и слышится звукъ флейты, которыми индусы усыпляютъ этихъ ядовитыхъ тварей. Змѣи эти не поддѣльныя чучела, не машины, а настоящія кобры, только, конечно, съ вырванными ядовитыми зубами. Любители природы во всѣхъ ея проявленіяхъ могутъ тутъ же

усладиться зрѣлищемъ охоты мангусты за коброю; граціозный звѣрекъ выскакиваетъ откуда-то на сцену, кидается на одну изъ змѣй и тутъ же душитъ ее, схвативъ за затылокъ. Говорятъ, что для обновленія этого зрѣлища сдѣланъ очень большой запасъ гадовъ, чѣмъ, конечно, оказана добрая услуга бѣднымъ индусамъ, тысячи которыхъ гибнутъ ежегодно отъ укушеній разныхъ ядовитыхъ змѣй. Змѣй смѣняетъ ин-

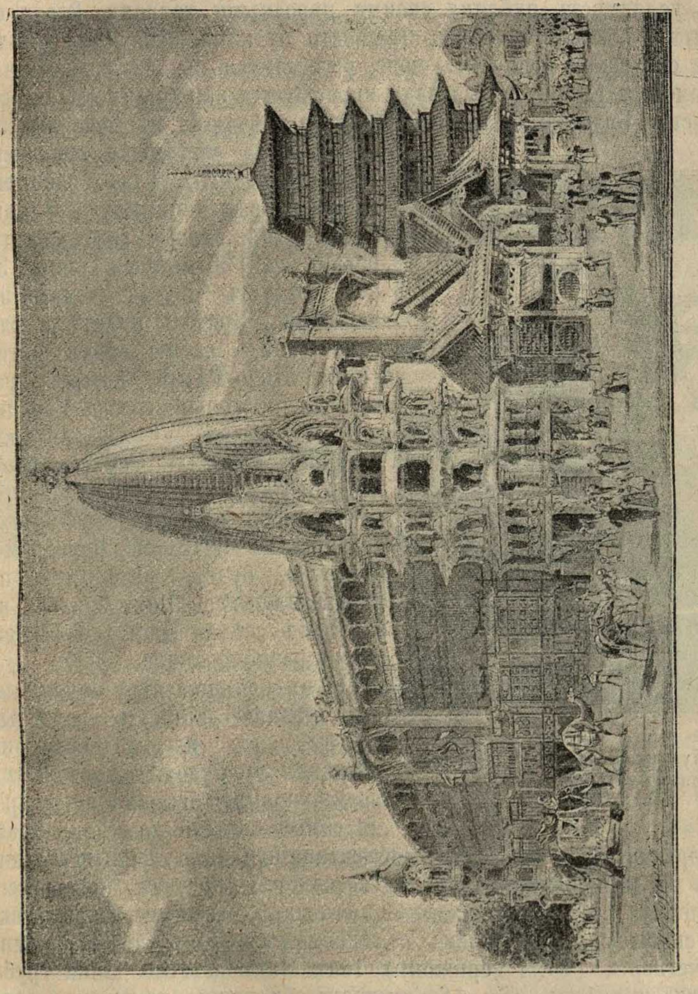

Рис. 59. Зданіе панорамы «Путешествіе вокругъ свѣта».

дійскій факиръ-фокусникъ. Онъ, напримѣръ, на глазахъ публики садитъ въ землю какое-то зерно; почти тотчасъ же изъ земли поднимаются сначала сѣмядоли, потомъ весь ростокъ; растеніе тянется кверху, одѣвается листьями и все на глазахъ у зрителей. Затѣмъ выводятъ женщину, садятъ ее въ корзину, захлопываютъ крышку, потомъ тотчасъ открываютъ корзину—женщина изчезла!

Путешественникъ слѣдуетъ далѣе по южной окраинѣ Азіи. Онъ ви-

дитъ всю роскошь тропической растительности, видитъ населеніе всѣхъ странъ, живое, предающееся своимъ обычнымъ занятіямъ и развлеченіямъ. Съ южнаго берега поворачиваютъ на восточный, обозрѣваютъ Шанъ-Хай, чайныя плантаціи; маленькія китаянки выбѣгаютъ навстрѣчу путникамъ и танцуютъ передъ ними. Но едва зритель успѣлъ залюбоваться ими, какъ онъ уже въ Японіи! Группа японцевъ, сидящихъ въ чайномъ домѣ, вскакиваетъ съ мѣстъ и въ свою очередь услаждаетъ публику своими народными танцами. Вдали на горизонтѣ мелькаетъ вершина страшнаго вулкана Фузи-Яма. Затѣмъ зрителя окружаетъ открытое море; онъ мчится по его волнамъ назадъ, домой въ Европу. «Высадка» происходитъ на испанскомъ берегу, около устья Бидассоа, гдѣ прибывшихъ встрѣчаютъ мѣстные жители обоего пола мастерски исполненнымъ фанданго. Такъ заканчивается первая часть кругосвѣтнаго путешествія, первая круговая панорама въ 120 метровъ длины. За нею слѣдуетъ другая, такого же характера. Зритель видитъ передъ собою опять сцены всѣхъ частей свѣта: Индо-Китай, потомъ громадные портовые города Европы, полные жизни уголки Африки, Америки, Австраліи... Несомнѣнно, что эта панорама—одно изъ интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ зрѣлищъ на выставкѣ. Мареорама, вѣроятно, будетъ интереснѣе по личнымъ впечатлѣніямъ зрителя, но «Вокругъ свѣта» Дюмулена полезнѣе и разнообразнѣе.

Рис. 60. Художникъ Дюмуленъ, устроитель панорамы «Вокругъ свѣта».

Не въ меньшей мѣрѣ поучительное зрѣлище дастъ и громадный телескопъ, изготовляемый къ выставкѣ. Это будетъ тоже въ своемъ родѣ чудовище. Въ настоящее время самые большіе телескопы снабжены предметными стеклами (объективами), едва превышающими аршинъ въ поперечникѣ; такихъ телескоповъ, впрочемъ, пока всего только четыре или пять на всемъ земномъ шарѣ. Телескопъ же выставки будетъ снабженъ объективомъ въ 125 сантиметровъ, т. е. аршинъ и три четверти (28,12 вершковъ). Такъ какъ обычно длина трубы равняется, примѣрно, 15—16 діаметрамъ объектива, то, значитъ, выставочный телескопъ долженъ имѣть въ длину 26—27 аршинъ, или около 9 саженъ.

Изготовленіе такого громаднаго стекла сопряжено съ величайшими затрудненіями. Объективъ долженъ быть ахроматическій, т. е. двойной, составленный изъ двухъ отдѣльныхъ стеколъ—двояковыпуклаго наружнаго и плосковогнутаго, обращеннаго внутрь трубы. Для достиженія ахроматизма, т. е вполнѣ безцвѣтнаго изображенія, оба стекла

должны быть разнаго состава, чтобы они обладали разнымъ показателемъ преломленія свѣта; на этой разницѣ преломленія и основанъ ахроматизмъ: расщепленный переднимъ стекломъ бѣлый лучъ свѣта вновь сливается при прохожденіи черезъ заднее стекло. Итакъ, надо изготовить два стеклянные круга, каждый въ 1³/₄ аршина въ поперечникѣ.

Въ этой-то именно операціи, т. е. въ отливкѣ стеклянныхъ круговъ, изъ которыхъ потомъ вышлифовываются стекла, и заключается вся трудность задачи.

Каждый объективъ состоитъ изъ двухъ стеколъ: передняго—двояковыпуклаго, имѣющаго составъ кронгласа, и изъ плосковогнутаго, имѣющаго составъ флинтгласа. Эти два слова обозначаютъ только химическій составъ стекла. Флинтъ (приставка гласъ значитъ стекло) представляетъ сплавъ кремнезема съ щелочами, т. е. кали и натромъ, а также известью, кронъ—сплавъ того же кремнезема съ щелочью и свинцомъ. Нѣтъ ничего проще, какъ взять смѣсь тонкаго песку, поташа,

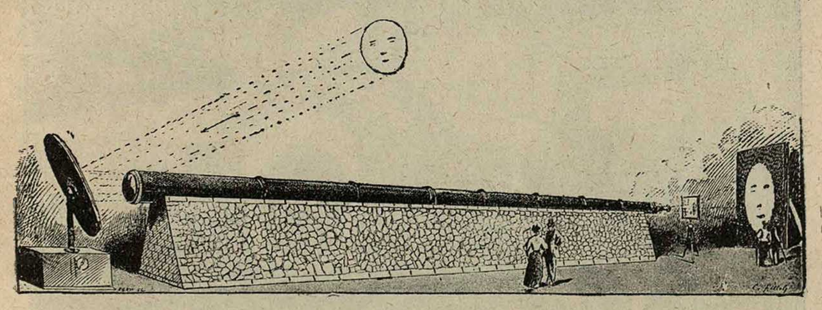

Рис. 61. Видъ большого телескопа Делонкля.

соды, извести или свинцоваго глета и сплавить эти вещества въ сильномъ жару; эта смѣсь плавится довольно легко. Но дѣло въ томъ, что стеклянная масса должна быть во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненна, безъ малѣйшихъ царапинъ, трещинъ, пузырьковъ, неровностей и притомъ чистая, безцвѣтная и прозрачная, какъ вода. Благодаря такой строгости требованій, на практикѣ и выходитъ, что иной большой объективъ требуетъ на свое производство два года. До какой степени трудна эта работа, можно судить еще и по цѣнѣ объективовъ. Для выставочнаго телескопа Делонкля изготовлены два объектива—одинъ для прямыхъ наблюденій, другой для фотографическихъ работъ; оба вмѣстѣ они обошлись въ 600 тысячъ франковъ, т. е. 225 тысячъ рублей. Огромное затрудненіе заключалось также въ отысканіи завода, которому могла быть поручена отливка такихъ стеколъ. Во Франціи нашелся только одинъ заводчикъ, который могъ рискнуть взяться за это дѣло—Мантуа, въ Парижѣ.

Плавленіе стеклянной смѣси производится въ наглухо замурованной печи, изъ которой выставляется только согнутое горло глинянаго тигля, содержащаго сплавляемую смѣсь. Дѣло въ томъ, что каждое флинтовое стекло для телескопа выставки вѣситъ 360 килограмовъ (864 фунта), а кроновое 229 килограмовъ (550 фунтовъ). Для вмѣщенія такихъ массъ

стеклянной смѣси надо было изготовить особые тигли, около $1^1/_2$ аршинъ въ поперечникѣ. Прежде всего накаляютъ до красна пустой тигель, а потомъ уже, когда онъ накалится, въ него закладываютъ заготовленную стеклянную смѣсь; попавъ въ калильную температуру, смѣсь сильно вздувается, и если бы ее накалить всю сразу, то она вылѣзла бы изъ тигля; закладка поэтому происходитъ медленно, малыми порціями; вся масса вводится порція за порціею въ теченіе цѣлаго дня. Въ смѣсь всегда входятъ углекислыя соли и вещества, богатыя кислородомъ; при плавленіи массы происходитъ химическая реакція, при которой изъ нея выдѣляются углекислота и кислородъ. Оба эти газа, выдѣляясь, и производятъ вспучиваніе массы. Послѣ оконча-

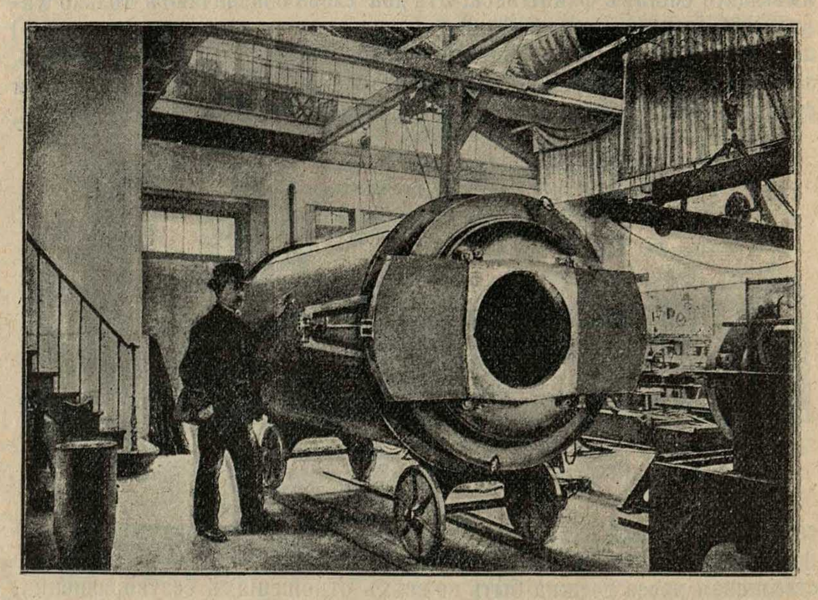

Рис. 62. Вагончикъ, на которомъ подвозятъ къ трубѣ телескопа его стекла.

нія всего химическаго процесса смѣсь все еще задерживаетъ въ себѣ безчисленные пузырьки этихъ газовъ, какъ шипучая вода или шампанское. Надо во что бы то ни стало выгнать всѣ эти пузырьки до единого изъ расплавленной массы стекла. Съ этою цѣлью надо его перегрѣть, довести чуть не до кипѣнія, и тогда газы выдѣлятся изъ него, подобно тому, какъ изъ кипящей воды выдѣляется воздухъ. Въ это время температура печи доводится до 1700 градусовъ и выше; при такой температурѣ, какъ извѣстно, начинаетъ плавиться даже огнеупорная платина. Этотъ жаръ надо поддерживать часовъ 20 или 30 подъ-рядъ. Послѣ того надо изслѣдовать стекло, осмотрѣть его тщательно—очистилось ли оно отъ газовъ. Его вычерпываютъ изъ тигля желѣзною ложкою, даютъ вынутой пробѣ остынуть и затѣмъ внимательно и долго разсматриваютъ сплавъ черезъ лупу, притомъ при разномъ освѣщеніи, подъ разными углами, потому что иные маленькіе

пузырьки внутри массы видны только подъ извѣстнымъ угломъ и при опредѣленномъ цвѣтѣ освѣщенія. Если окажется, что всѣ вынутыя пробы съ честью выдержали испытаніе, т. е. оказались чистыми и прозрачными, то заводчику остается только ликовать. Очень рѣдко полная удача получается сразу; весьма нерѣдки случаи, когда надо все передѣлывать вновь, потому что, напримѣръ, самое ничтожное окрашиваніе массы даетъ уже достаточный поводъ къ ея забраковкѣ.

Если все благополучно, массѣ даютъ устояться и осторожно счерпываютъ ея верхній слой, пѣну, въ которой могутъ встрѣтиться коекакія нечистоты. Послѣ этого надо тщательно перемѣшать всю массу, чтобы она стала вполнѣ однородною; эта операція называется брассажемъ. Она производится длиннымъ желѣзнымъ крюкомъ; его накаливаютъ до бѣла, затѣмъ вводятъ въ тигель и осторожно, долго перемѣшиваютъ имъ стекло. Это одна изъ мучительнѣйшихъ операцій отливки. Она продолжается не менѣе десяти часовъ. Рабочій долженъ исполнять ее, стоя близъ адски раскаленнаго жерла тигля. Люди смѣняются у рукоятки крюка каждыя пять минутъ,—дольше выдержать нѣтъ силъ. На заводѣ у Мантуа брассажемъ всегда руководитъ самъ хозяинъ; онъ зорко слѣдитъ за рабочими и указываетъ имъ, какъ надо дѣйствовать. Во время перемѣшиванія огонь въ печи постепенно уменьшаютъ, пока, наконецъ, стекло не загустѣетъ такъ, что крюкъ начинаетъ въ немъ вязнуть; тогда перемѣшиваніе прекращается и вмѣстѣ съ тѣмъ тушатъ огонь въ печкѣ. Стекло стынетъ; его пробуютъ по временамъ желѣзнымъ крюкомъ; часовъ черезъ пять оно уже издаетъ характеристическій звукъ отвердѣвшаго стекла и звенитъ при ударѣ желѣзнымъ прутомъ. Въ это время надо опять принять мѣры къ тому, чтобы стекло отъ быстраго остыванія не закалилось. Съ этою цѣлью его вновь нагрѣваютъ почти до плавленія, а затѣмъ наглухо замазываютъ всю печь и предоставляютъ ей медленно и по-

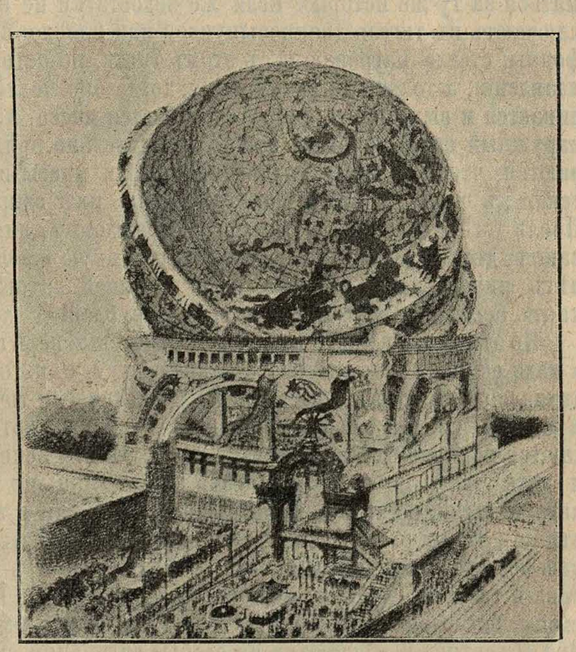

Рис. 63. Наружный видъ большого небеснаго глобуса Галерона.

степенно охладиться; надо, чтобы охлажденіе для такой массы длилось не менѣе мѣсяца.

Послѣ полнаго охлажденія массы тигель вынимаютъ изъ печки и осторожно раскалываютъ его. Обыкновенно во время остыванія масса никогда не остается цѣлою: она лопается. Обнаживъ ее, нужно выбрать изъ нея кусокъ подходящаго размѣра, какой требуется для объектива. Его выбрали, наконецъ. Теперь надо его опилить, отшлифовать, чтобы изъ него получился правильный дискъ нужнаго размѣра. Этотъ дискъ полируютъ и вновь его старательнѣйше разглядываютъ насквозь по всѣмъ направленіямъ, причемъ въ немъ могутъ оказаться неисправимые недостатки, изъ-за которыхъ его надо бросить и вновь приниматься за ту же исторію. Если же недостатки не велики, то дискъ заключаютъ въ тигель двояковыпуклой или плоско выгнутой внутренней формы; стекло нагрѣваютъ съ этомъ тиглѣ, но осторожно, не доводя до плавленія, а только до размягченія; тогда оно медленно спадается, сваливается и выполняетъ форму; получается масса, имѣющая тотъ самый наружный видъ, какой ей нужно окончательно придать. При этомъ стараются, чтобы разные внутренніе огрѣхи массы при ея спаденіи подтекли къ краю, и тогда по охлажденіи ихъ сдираютъ, спиливаютъ. Послѣ того стекло опять медленно охлаждаютъ, вновь все пересматриваютъ, дѣлаютъ, если надо, вторичную такую же формовку, и т. д... и нѣтъ ничего удивительнаго, если за такой каторжный трудъ фабрикантъ беретъ десятки и сотни тысячъ рублей!

Но этимъ дѣло, разумѣется, не кончается; теперь готово только стекло, а надо еще изъ него выдѣлать объективъ, т. е. изготовить четыре (для двухъ объектиковъ) тщательно и математически точно отшлифованныя и безукоризненно отполированныя чечевицы, которыя потомъ сочетаются попарно въ два объектива. Эта работа исполняется машинами и хотя не сопряжена съ тѣми рискованными неожиданностями, какъ отливка, но требуетъ массу труда, времени и вниманія. Теперь съ этими кусками стекла начинаютъ обходиться какъ съ тяжело ранеными: ихъ берегутъ, какъ зѣницу ока, устраняютъ отъ нихъ всякій ударъ, всякій толчекъ, всякую неосторожную царапину. Послѣ того готовыя стекла вставляются въ оправы и доставляются на мѣсто, къ телескопу. Оба объектива помѣщаются на особые вагончики и подкатываются къ трубѣ объектива по рельсамъ (см. рис. 62).

Телескопъ Делонкля еще не собранъ въ окончательномъ видѣ и потому мы можемъ дать о немъ обо всемъ понятіе лишь съ помощью нашего схематическаго рисунка. Его громадная труба, какъ мы уже замѣтили, должна быть равна по длинѣ, по крайней мѣрѣ, 15 поперечникамъ объектива, т. е. $1{,}25 \times 15 = 19{,}75$ метрамъ. Но Делонкль придалъ своимъ объективамъ гораздо болѣе длинное фокусное разстояніе, такъ что труба его телескопа будетъ имѣть болѣе 25 саженъ длины. Само собою разумѣется, что такую трубу поставить на обычный станокъ и двигать по направленію предмета наблюденія было бы немыслимо. Поэтому Делонкль придумалъ для своего телескопа другое устройство. У него труба будетъ лежать неподвижно въ горизонтальномъ положеніи, а свѣтъ отъ звѣзды будетъ направляться на объективъ при посредствѣ громаднаго зеркала, такъ называемаго сидеростата. Понять основную идею сидеростата очень немудрено. Вооружитесь би-

ноклемъ и станьте у себя въ комнатѣ противъ зеркала. Въ зеркалѣ ясно отражаются всѣ предметы, находящіеся въ комнатѣ позади и сбоку отъ васъ, и вы можете ихъ отраженія преспокойно разсматривать въ бинокль. То же самое будетъ и въ телескопѣ Делонкля: передъ его объективомъ будетъ стоять большое, круглое, тщательно изготовленное зеркало. Громадный и очень точный часовой механизмъ будетъ вра-

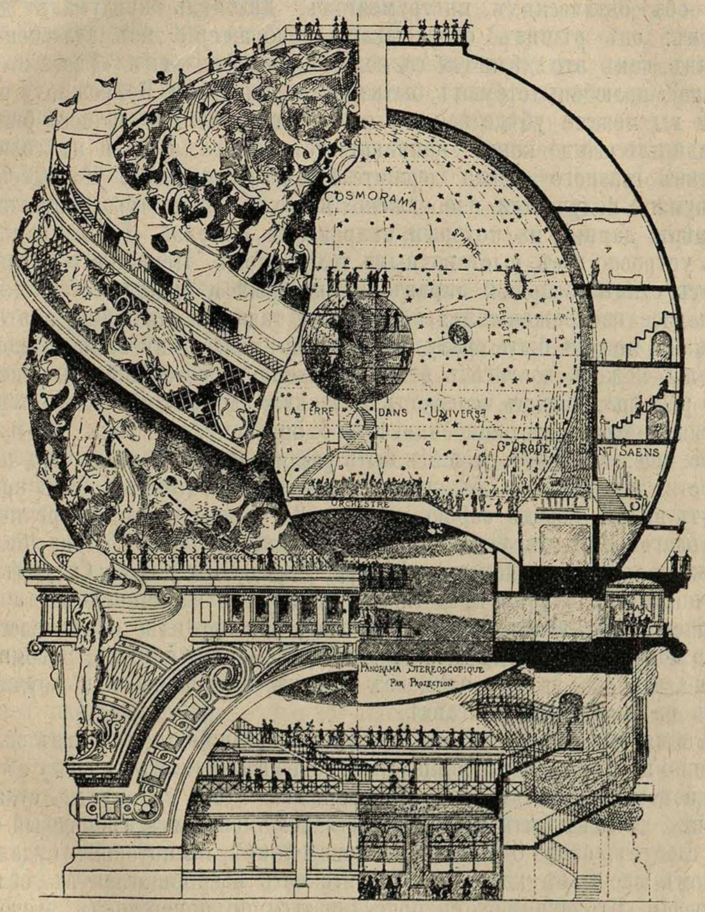

Рис. 64. Внутренній видъ большого небеснаго глобуса Галерона.

щать это зеркало съ такою же скоростью и въ такомъ направленіи, въ какомъ движется земля или, какъ намъ кажется, сводъ небесный. Если установить зеркало сидеростата такъ, чтобы оно было противъ луны и чтобы изображеніе луны было видно какъ разъ по линіи оси трубы телескопа, то механизмъ сидеростата будетъ потомъ медленно поворачивать зеркало, такъ что направленіе лучей отъ луны все время будетъ оставаться нерушимо одинаковымъ, т. е. она все время будетъ видна по линіи оси трубы телескопа. Такимъ образомъ, наблюдатель, стоящій по другую сторону, у другого конца телескопа, у его оку-

ляра, можетъ все время наблюдать луну въ самомъ центрѣ поля зрѣнія телескопа.

Но дѣло въ томъ, что телескопъ на выставкѣ предназначается для публики. Подпускать каждаго отдѣльно къ окуляру непрактично: немногимъ тогда можно полюбоваться «луною на разстояніи одного метра», какъ прозвонили въ газетахъ, худо освѣдомленныхъ въ ученіи объ оптическихъ инструментахъ. Делонкль придумалъ другой пріемъ: онъ рѣшилъ отбрасывать изображеніе изъ телескопа на экранъ, какъ это дѣлается съ волшебнымъ фонаремъ. «Развѣ это возможно?» полюбопытствуютъ, быть можетъ, читатели. Возможно, и опять-таки вы можете убѣдиться въ этомъ съ помощью вашего бинокля. Раздвиньте его до конца, направьте хоть на лампу или на солнце, а противъ глазного стекла держите бѣлую бумагу. Вы убѣдитесь, что на бумагѣ получается изображеніе вверхъ ногами того предмета, напримѣръ, лампы, на который направленъ бинокль. То же самое будетъ устроено и съ выставочнымъ телескопомъ. Передъ его окуляромъ будетъ стоять большой экранъ, на который и будетъ отбрасываться громадное изображеніе луны (вѣроятно, также и планетъ), и это изображеніе можетъ быть сразу наблюдаемо массою публики. Какой величины можетъ достигать это изображеніе? Уже самый объективъ такого размѣра, какъ въ телескопѣ Делонкля, даетъ изображеніе луны въ 60 сантиметровъ въ поперечникѣ, т. е. больше $^3/_4$ аршина. Это изображеніе еще, навѣрное, можетъ быть увеличено въ 10 разъ, безъ потери яркости, такъ что въ большомъ и достаточно темномъ залѣ зрители могутъ видѣть передъ собою луну въ 3—4 сажени въ поперечникѣ, а при благопріятныхъ условіяхъ, быть можетъ, вдвое, втрое больше. Ближнія къ нимъ планеты—Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, вѣроятно, можно будетъ представить на экранѣ величиною въ тарелку. Впрочемъ, объ этомъ теперь еще пока рано судить; самъ телескопъ скоро покажетъ, что онъ можетъ дать любопытствующимъ. Несомнѣнно только, что эта затѣя—одна изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ на нынѣшней выставкѣ.

Упомянемъ здѣсь, кстати, о другомъ предпріятіи, тоже изъ области астрономическихъ развлеченій, именно о громадномъ глобусѣ, сооружаемомъ архитекторомъ Галерономъ. Этотъ глобусъ, судя по проекту, долженъ быть двойной. Его ядромъ служитъ громадный земной глобусъ, около 6 саженъ въ поперечникѣ, на которомъ будетъ въ точномъ масштабѣ нанесено все, что есть выдающагося въ области географіи. Публика можетъ прогуливаться по поверхности этого глобуса по особымъ дорожкамъ. А этотъ внутренній глобусъ будетъ окруженъ громадною сферою, на внутренней поверхности которой будутъ нанесены всѣ свѣтила небесныя. «Земля» будетъ снабжена своимъ обычнымъ правильнымъ движеніемъ; она будетъ совершать полный оборотъ около своей оси въ сутки. Такимъ образомъ, всѣ свѣтила съ поверхности этого глобуса будутъ казаться совершающими свой обычный земной путь: восходить надъ горизонтомъ данной мѣстности, двигаться по извѣстному направленію, потомъ заходитъ на западѣ.

Такимъ образомъ, въ общемъ этотъ глобусъ будетъ представлять собою сооруженіе въ высшей степени внушительныхъ размѣровъ и его наружная массивная фигура не затеряется въ массѣ выставочныхъ

построекъ. Надо замѣтить, что внѣшняя сфера, та, которая изображаетъ вселенную, будетъ имѣть въ поперечникѣ около 22 саженъ (46 метровъ). Слѣдовательно, зритель, находящійся на поверхности внутренняго глобуса, земли, будетъ видѣть сводъ небесный довольно высоко надъ собою, саженяхъ въ 8 или 9. Это должно дать нѣкоторую иллюзію настоящаго неба. Капитальное орудіе современной техники—электричество дастъ средства изобразить свѣтила свода небеснаго въ самомъ ближайшемъ къ натурѣ видѣ. На небѣ будутъ горѣть солнце, луна, звѣзды, планеты. Солнце будетъ медленно и плавно, съ натуральною скоростью, двигаться по небу и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ совершать свое годовое движеніе по эклиптикѣ. Точно также луна, звѣзды, планеты, каждое свѣтило будетъ описывать свой изъ вѣчности ему указанный путь. Само собою разумѣется, что всѣ свѣтила будутъ обладать свойственнымъ имъ цвѣтомъ и относительною величиною и яркостью. Зритель, помѣстясь на землѣ, будетъ совершать, такъ сказать, путешествіе по вселенной.

Нашъ рисунокъ (64) даетъ нѣкоторое понятіе о внутреннемъ устройствѣ этого громаднаго шара, который будетъ выситься среди выставочныхъ построекъ. Снаружи онъ, судя по проектному рисунку, будетъ украшенъ громадными фигурами созвѣздій, всѣхъ этихъ медвѣдицъ, драконовъ, камелеопардовъ и т. д. Просторная крытая галерея обовьется вокругъ него спиралью, начиная съ подножія и до маковки. На самой вершинѣ будетъ устроена платформа, съ которой публика можетъ вдоволь полюбоваться на Парижъ, такъ какъ эта площадка, вѣроятно, придется на высотѣ 35 саженъ надъ землею.

Кромѣ развлеченія астрономическаго и географическаго, въ глобусѣ не забыты и другія. Само собою разумѣется, что на немъ будетъ отведено мѣсто и буфету. Читатели могутъ на нашемъ рисункѣ даже отыскать его мѣсто: въ правомъ углу верхняго пояса пьедестала сферы (надпись на рисункѣ: BAR). Внутри этого же верхняго пояса будетъ показываться любопытное зрѣлище, которое пока еще не вошло во всеобщее распространеніе, именно—волшебный фонарь-стереоскопъ. Дѣло въ томъ, что если стереоскопическій снимокъ, обѣ его половинки, откинуть волшебнымъ фонаремъ на экранъ, такъ, чтобы оба отдѣльныхъ изображенія совпали между собою, то (при соблюденіи разныхъ условій, въ подробности которыхъ мы здѣсь не будемъ входить) на экранѣ получится почти такое же рельефное изображеніе, какъ то, какое мы видимъ въ обыкновенномъ стереоскопѣ, только въ натуральную величину. Зрѣлище это обѣщаетъ не мало новаго и привлекательнаго. На громадной террасѣ внизу этого глобуса извѣстный композиторъ и органистъ Сенъ-Сансъ будетъ давать концерты на органѣ и съ оркестромъ. Эта терраса можетъ вмѣщать до двухъ тысячъ посѣтителей.

Мы перечислили теперь тѣ «гвозди» выставки, которые имѣютъ въ виду на-ряду съ развлеченіемъ и поученіе публики; все это—болѣе или менѣе «научныя» развлеченія. Теперь бросимъ взглядъ на другую серію «гвоздей», въ которыхъ сторона развлеченія будетъ брать преобладаніе надъ поучительностью.

ГЛАВА VI.

Зрѣлища выставки въ характерѣ спорта историческихъ воспоминаній, и т. п.:—древне-греческое ристалище—стадій.—Дворецъ танцевъ.—Дворецъ женщинъ.—Венеція.—Старый Парижъ.—Швейцарская деревня.

Компанія страстныхъ любителей всякихъ состязаній, во главѣ которой стоитъ спортсмэнъ-британецъ Джонъ Лорисъ, исхлопотала дозволеніе устроить на выставкѣ особое ристалище для древне-греческихъ олимпійскихъ игръ, когда-то считавшихся самыми блестящими

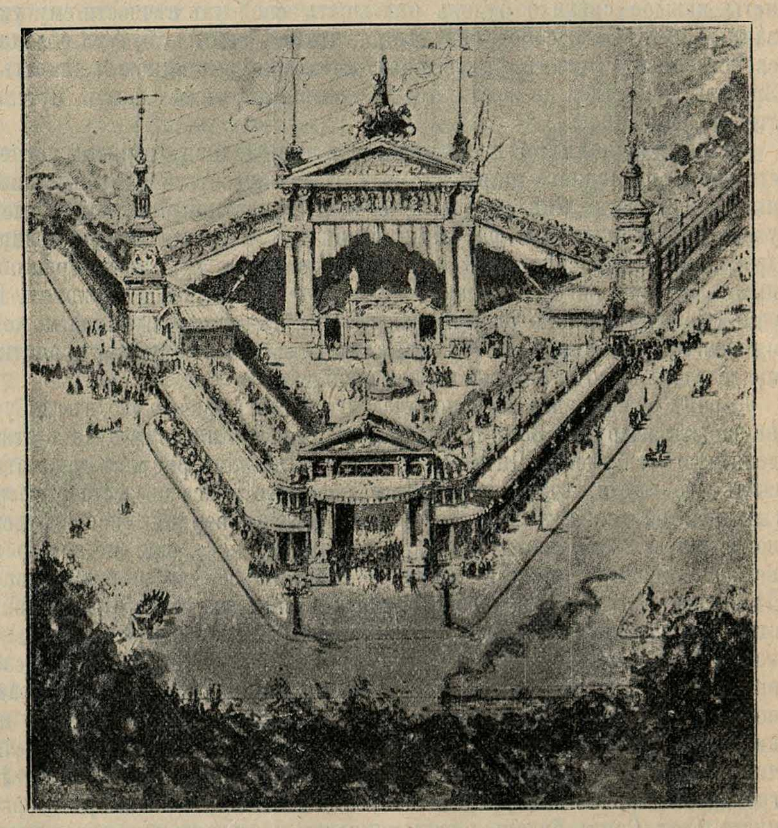

Рис. 65. Древне-греческій циркъ—стадій. Внѣшній видъ.

и многолюдными праздниками классической Греціи. Эти игры были, какъ извѣстно, длиннымъ рядомъ всякаго рода атлетическихъ состязаній—бѣга пѣшихъ и всадниковъ, конскихъ ристалищъ, прыжковъ, метанья дисковъ, борьбы, кулачнаго боя, метанія копій въ цѣль и т. д. Мѣсто для этихъ состязаній называлось стадіемъ. Въ Греціи классическихъ временъ эти стадіи были устроены во всѣхъ большихъ городахъ; такъ, въ Аѳинахъ былъ обширнѣйшій стадій, котораго мѣстоположеніе

въ точности извѣстно и обозначается на планахъ города къ юго-востоку отъ крѣпости (Акрополя).

Какъ можно судить по прилагаемымъ здѣсь рисункамъ, стадій на выставкѣ въ Парижѣ будетъ представлять собою крытое помѣщеніе съ громаднымъ амфитеатромъ, разсчитаннымъ на 10 тысячъ зрителей. Самая площадь игръ, арена, должна занимать около 1.800 квадратныхъ метровъ; круговая тропа для состязанія въ бѣгѣ должна быть около 90 метровъ (42—3 сажени) длиною и 20 метровъ (ок. 9 саж.) въ ширину. Зданіе стадія строится на авеню Великой Арміи, значитъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ выставки, по ту сторону извѣстной Арки Звѣзды (Arc de l'Etoile). Предположено соорудить основательное и долговѣчное зданіе, которое продолжало бы свою службу и послѣ выставки на пользу и благо всякаго рода спортамъ и состязаніямъ. Общество,

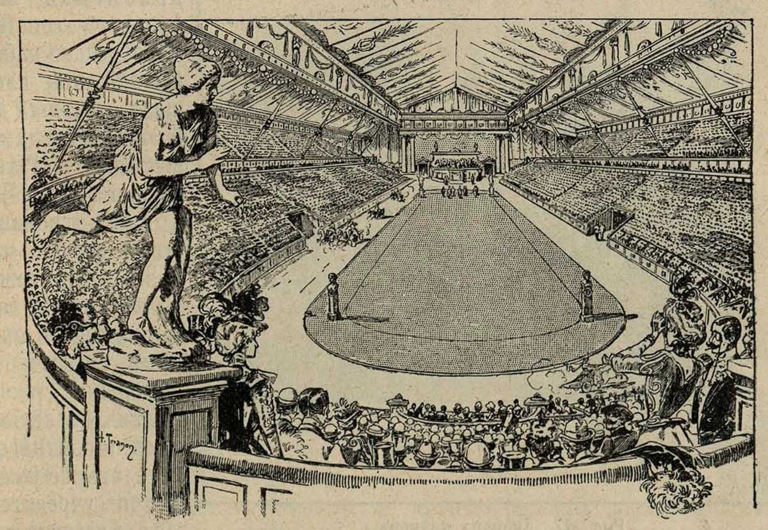

Рис. 66. *Видъ арены стадія.*

которое устраиваетъ стадій, заключаетъ свои контракты на тридцатилѣтніе сроки.

Собственно выставочная программа стадія задумана очень широко. Въ нее введены всякаго рода состязательныя зрѣлища и игры древности и среднихъ вѣковъ. Изъ міра классическаго будутъ заимствованы бои гладіаторовъ, тріумфальныя шествія римскихъ военачальниковъ. Средніе вѣка воскреснутъ въ своихъ мистеріяхъ и играхъ Флоры, основанныхъ въ Тулузѣ въ 1322 году и состоявшихъ въ состязаніи поэтовъ, наконецъ, въ подробностяхъ и картинахъ Крестовыхъ походовъ. Изъ новыхъ временъ будутъ воспроизводимы разныя преимущественно батальныя картины. На обширныхъ аренахъ этого громаднаго цирка (а ихъ предполагалось сдѣлать нѣсколько) будутъ устраиваться всевозможные бѣга и бои: испанскіе бои быковъ, арабскія конскія гонки, игры мексиканскихъ и сѣверо-американскихъ охотниковъ, коневодовъ и пастуховъ, колесничные бѣга древнихъ, турниры рыцарей, бои боксеровъ,

состязанія гимнастовъ, атлетовъ, стрѣлковъ, фехтовальщиковъ, велосипедистовъ, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что во время выставки стадій привлечетъ всѣхъ міровыхъ знаменитостей по части спорта, всѣхъ чампіоновъ и установщиковъ всемірныхъ рекордовъ. Это будетъ блестящая международная Академія Атлетовъ.

Рядомъ съ состязаніями спортсмэновъ всего свѣта на выставкѣ подготовляется не менѣе блестящее состязаніе плясуновъ всѣхъ странъ и временъ. Для него также строится особый дворецъ, особая палата танцевъ (Palais des danses). Она сооружается на бойкомъ мѣстѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ выставкою, даже въ ея чертѣ, именно на Королевиномъ проспектѣ (Cours la Reine). Этотъ проспектъ или бульваръ тянется параллельно набережной отъ площади Альмы до большого входа на выставку (Porte monumentale). На предшествовавшей выставкѣ 1889 года тоже существовала такая затѣя, но она была черезчуръ откровенно разсчитана на любителей пикантнаго. На этотъ же разъ задачи учредителей оказываются солидными и скромными. Они просто-на-просто хотятъ дать, въ лицахъ и дѣйствіи, исторію танца. Здѣсь будутъ подвизаться балетныя труппы всевозможныхъ національностей. Китайцы будутъ отплясывать свой «Пин-вонъ», индѣйскія баядерки—свои религіозные танцы, посвященные богу Шивѣ; особая труппа возобновитъ передъ публикою зрѣлище древнихъ танцевъ въ честь египетской Изиды; греки будутъ исполнять пиррическую пляску, римляне—вакханалію, древніе галлы—пляску мечей, средневѣковые плясуны—пляску жонглеровъ. Затѣмъ публика увидитъ гавоты, менуэты, канканъ временъ Директоріи и всѣ современные танцы въ ихъ образцовѣйшемъ исполненіи. Конечно, для выполненія такой обширной программы требовалось содѣйствіе великихъ знатоковъ дѣла. Въ числѣ руководителей предпріятія мы и находимъ такихъ мастеровъ, какъ режиссеръ парижскаго Одеона, Жоржъ Бурдонъ, принявшій на себя всю распорядительную часть; архитекторъ Лемарьэ, составившій планы постройки и сценъ, и, наконецъ, Хансенъ, управляющій балетомъ Большой Оперы въ Парижѣ. Само собою разумѣется, что танцы будутъ

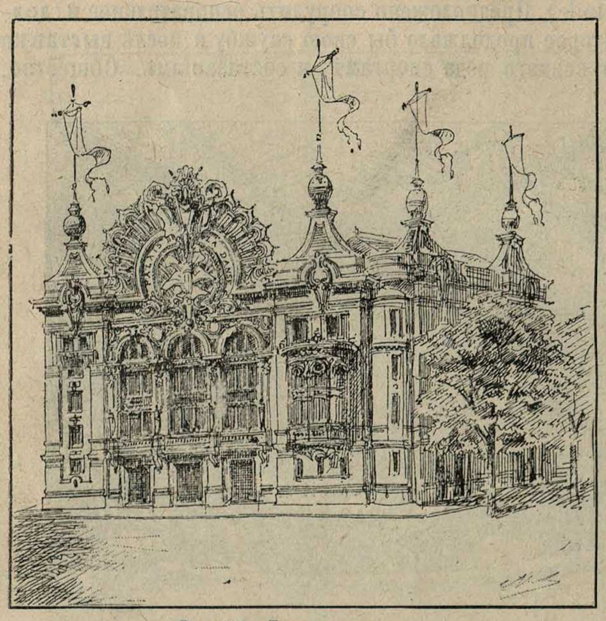

Рис. 67. Дворецъ танцевъ.

происходить подъ музыку блестящаго бальнаго оркестра, которымъ будетъ управлять Феликсъ Дегранжъ. Исполнителями танцевъ будутъ точно также не первые набранные съ улицы добровольцы, а самые опытные члены парижскихъ балетныхъ труппъ, съ которыми уже заключены условія. Списокъ лицедѣевъ пока еще держится въ секретѣ, но хорошо освѣдомленныя лица утверждаютъ, что на подмосткахъ палаты танцевъ будутъ подвизаться первостепенныя свѣтила европейскихъ балетныхъ труппъ, настоящія «этуали», какъ теперь ихъ принято называть. Предположено давать по шести представленій въ день: три дневныхъ и три вечернихъ.

У подножія башни Эйфеля воздвигается двухъ-этажный небольшой домъ, подъ заманчивымъ по своей неясности названіемъ Дворца или Палаты Женщинъ (Palais des femmes). Что такое, собственно, будетъ заключаться въ этой роскошной палатѣ и чѣмъ она будетъ тянуть къ себѣ публику? Въ этомъ зданіи предположено собрать все, что создано человѣчествомъ на соблазнъ прекраснаго пола. Первое мѣсто среди этихъ блестящихъ примановъ займутъ чисто женскія работы всѣхъ временъ, странъ и народовъ, начиная съ грубѣйшихъ произведеній дикарокъ и кончая тончайшими кружевами и артистическими вышиваньями. Для исполненія на мѣстѣ, на глазахъ публики, всевозможныхъ такихъ работъ будутъ вызваны мастерицы со всѣхъ концовъ свѣта. Коллекціи этихъ работъ будутъ имѣть значеніе чисто ремесленно-техническое и въ то же время представлять собою богатѣйшій подборъ всѣхъ, какія только были и есть на свѣтѣ, женскихъ одеждъ и украшеній, выдѣлываемыхъ руками самихъ женщинъ. Въ домѣ будетъ ресторанъ, предназначенный спеціально для прекраснаго пола, гдѣ дама не понесетъ риска очутиться въ смѣшанной компаніи. Въ нижнемъ этажѣ будутъ ряды обширныхъ и снабженныхъ всяческимъ комфортомъ уборныхъ; здѣсь подъ руководствомъ опытнѣйшихъ знатоковъ и мастерицъ дамы могутъ поправить свой туалетъ, прическу, достать все, что для этого требуется. Такимъ образомъ, у дамъ, посѣтительницъ выставки, будетъ свой удобный и изящный уголокъ, гдѣ онѣ могутъ и покушать, и полакомиться, и освѣжиться, и досыта налюбоваться на наряды и украшенія, оставаясь все время исключительно въ своей средѣ и чувствуя себя, какъ у себя въ будуарѣ.

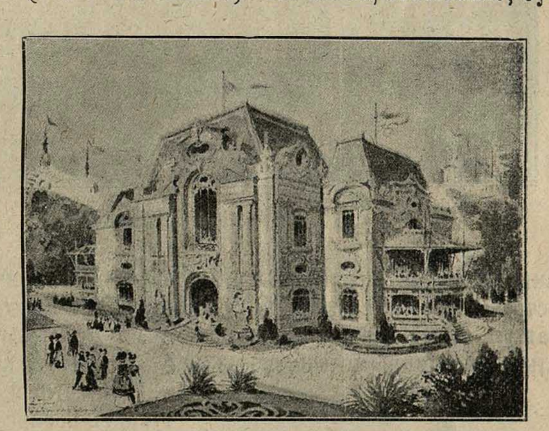

Рис. 68. Дворецъ женщинъ.

Извѣстно, что большая часть европейскихъ туристовъ особенно прельщается Швейцаріею и Венеціею и мечтаетъ посѣтить эти мѣстности.

На парижской выставкѣ публикѣ будетъ предоставлена возможность видѣть то и другое почти въ натурѣ. Передъ посѣтителями предстанетъ почти живая царица Адріатики. Нашъ русунокъ даетъ полное понятіе о томъ, какая часть города будетъ воспроизведена на выставкѣ. Передъ

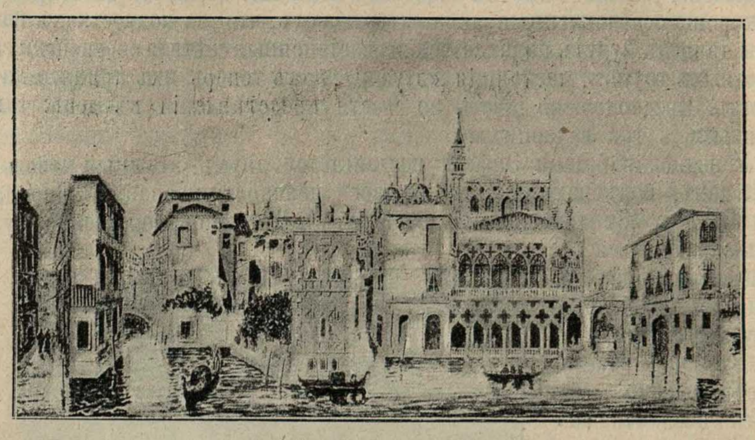

Рис. 69. Павильонъ Венеціи.

нами, очевидно, «площадка» (Piazetta) съ дворцомъ дожей и ближайшія постройки. Все это будетъ выстроено у самой воды, которая будетъ изображать Canal Grande и впадающіе въ него рукава. Настоящія гондолы съ подлинными гондольерами будутъ всегда къ услугамъ публики.

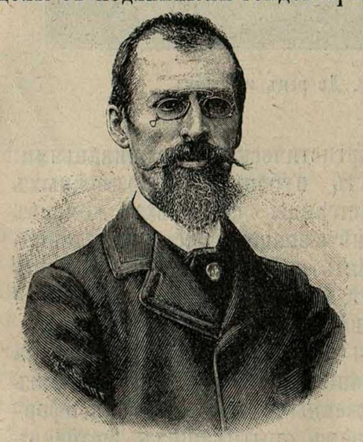

Рис. 70. Робида, художникъ, по мысли котораго устроенъ старый Парижъ.

Извѣстный художникъ-карикатуристъ Робида задумалъ устроить въ очень обширнонъ размѣрѣ реставрацію стараго Парижа, какимъ онъ былъ въ Средніе вѣка, съ его постройками, жителями, общественною жизнью, торговлею, зрѣлищами и т. д. На выставкѣ будетъ не одинъ, а два старыхъ Парижа. Одинъ, о которомъ мы здѣсь будемъ говорить, Робидовскій, будетъ помѣщаться на самомъ берегу Сены (на Cours la Reine, см. планъ), другой будетъ выстроенъ на авеню Сюффрена, неподалеку отъ описаннаго уже нами большого колеса съ вагонами. Въ этомъ второмъ участкѣ будетъ воспроизведенъ знаменитый Дворъ Чудесъ, описанный въ романѣ Гюго «Соборъ Богоматери въ Парижѣ» (Notre Dame de Paris).

На многихъ выставкахъ послѣднихъ лѣтъ появлялись такія попытки возстановленія древнихъ видовъ всѣхъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ происходили эти выставки. Такъ, публика уже бродила по старому Амстердаму, по древнему Антверпену, по средневѣковымъ Бер-

лину, Пешту, Брюсселю, Руану. Нынѣшняя выставка не могла остаться безъ подобнаго интереснаго и поучительнаго для современныхъ французовъ зрѣлища. Въ настоящее время старый Парижъ и Дворъ Чудесъ

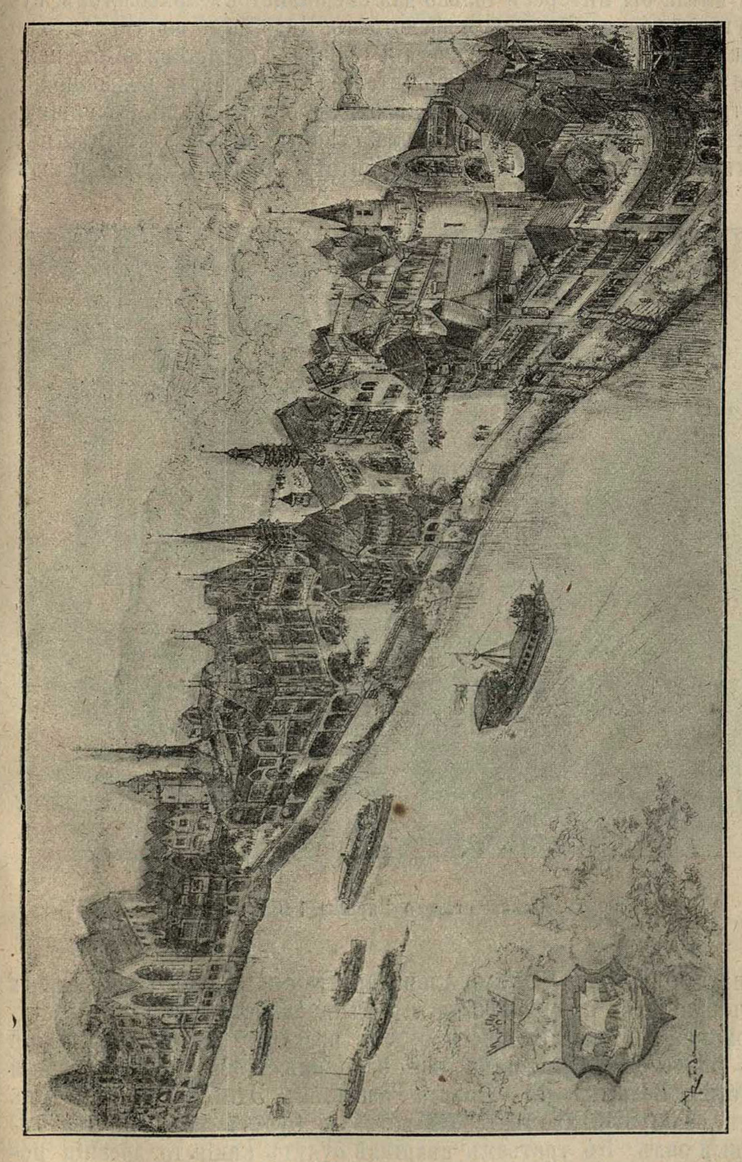

Рис. 71. Видъ построекъ стараго Парижа.

на выставкѣ дѣятельно заканчиваются. Старый Парижъ строится подъ руководствомъ Элара (Heulhard), по планамъ Робида и Бенувиля. Всѣ проектированныя постройки должны будутъ занять въ длину около четверти версты. На этомъ сравнительно крошечномъ пространствѣ надо было представить, такъ сказать, резюме древняго Парижа, собрать

здѣсь все, что только въ немъ было примѣчательнаго, характеристическаго. Вдобавокъ, дѣло шло не объ одной только исторической и археологической точности; такая задача, сколь бы удачно она ни была разрѣшена, имѣла бы интересъ только для спеціалистовъ-археологовъ; публикѣ тутъ не на что было бы и посмотрѣть. Надо было во что бы то ни стало оживить этотъ археологическій прахъ, представить въ немъ кипучую жизнь старой французской столицы. Описывать подробно всѣ эти постройки мы здѣсь не будемъ, скажемъ о нихъ лишь въ общихъ чертахъ; все, что могли бы мы объ этомъ сказать, имѣетъ чисто мѣстный археологическій интересъ. Весь вообще этотъ городокъ будетъ раздѣ-

Рис. 72. Стѣны стараго Парижа 1400 года.

ляться на три квартала. Около Альмскаго моста будетъ расположенъ кварталъ школъ, съ окружавшими его въ древности улицами и старыми домами. Въ средней части будетъ представлена Св. Юліанская площадь (Place St. Julien) и на ней одно изъ типичнѣйшихъ зданій стараго стиля Возрожденія—Палата Разсчетовъ. Эти постройки будутъ окружать обширный дворъ, среди котораго будетъ устроенъ театръ-концертный залъ. Въ третьемъ кварталѣ будутъ какія-то древнія постройки, которыя мы, по нашему невѣдѣнію въ французской археологіи, не сумѣемъ даже и назвать по-русски.

Надо полагать, что старый Парижъ будетъ однимъ изъ самыхъ оживленныхъ уголковъ выставки и днемъ, и вечеромъ. Вся эта площадь, растянувшаяся на добрую четверть версты по берегу Сены, бу-

детъ кишѣтъ народомъ—древними парижскими жителями въ ихъ старыхъ одеждахъ. Въ лавочкахъ посѣтитель найдетъ бойкихъ купцовъ и торговокъ Среднихъ вѣковъ. Таверны, кабачки, закусочныя будутъ встрѣчаться на каждомъ шагу. Школьники былыхъ временъ будутъ гудѣть и верещать по этимъ кабачкамъ, какъ они гудятъ въ знаменитомъ романѣ Виктора Гюго «Соборъ Парижской Богоматери». А вечеромъ все это зальется электрическимъ свѣтомъ. Конечно, электрическій свѣтъ въ средневѣковомъ Парижѣ — очень странный анахронизмъ, но что же дѣлать, теперь безъ электричества шага не ступить; притомъ, какъ много выиграютъ при ночномъ яркомъ освѣщеніи всѣ эти древнія причудливыя постройки и вся эта древняя толпа!

На авеню Сюффрена старый Парижъ будетъ представленъ Дво-

Рис. 73. Внутренній видъ Парижа 1400 года.

ромъ чудесъ, задуманнымъ и выполненнымъ по мысли архитектора Колибера, того же артиста, который на предшествовавшей выставкѣ 1889 года устроилъ реставрацію Бастиліи и ея взятія парижскимъ населеніемъ въ началѣ революціи 1789 года. Эти Дворы чудесъ были почти въ каждомъ большомъ городѣ въ Средніе вѣка, а въ Парижѣ ихъ насчитывалось до дюжины. Дворомъ чудесъ назывался глухой кварталъ города, обитаемый главнымъ образомъ нищими, а также ворами и вообще всякаго рода подонками населенія. Человѣкъ, не принадлежавшій къ этой почтенной корпораціи, буде онъ пребывалъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, отнюдь не отваживался навѣдываться въ эти богоспасаемыя мѣста не только вечеромъ, но даже и среди бѣла дня. Одинъ изъ такихъ уголковъ древняго города и будетъ представленъ на авеню Сюффрена. Снаружи, съ улицы, зритель

увидитъ только зубчатыя стѣны и большія ворота средневѣковой постройки. Но пройдя эти ворота, публика сразу погрузится въ самую глубь, въ самое сердце средневѣковаго города. Прямо отъ входа разстилается площадка Двора чудесъ; кругомъ ея тѣснятся, словно опираясь другъ на друга, чтобы не повалиться, старые, грязные и темные домики, лавочки, кабачки. Налѣво углубляется тѣсная улица Filles-Dieu, идущая между такими же старыми домиками. Въ глубинѣ виднѣется небольшая старинная церковь съ острымъ шпилемъ, а дальше на горизонтѣ простирается панорама Парижа и окружающихъ его возвышенностей. На площади толкутся сотни обитателей глухихъ кварталовъ древняго Парижа и его Дворовъ чудесъ. Названіе это, кстати сказать, произошло отъ того, что толпа калѣкъ, безногихъ, безрукихъ, нѣмыхъ и т. д., покончивъ съ своимъ дневнымъ мытарствомъ на улицахъ столицы и возвратившись въ гостепріимныя нѣдра своего квартала, мгновенно исцѣлялась. Хромые и безногіе бѣжали въ припрыжку въ кабакъ, нѣмые начинали орать пѣсни или ругаться, слѣпые начинали видѣть, глухіе—слышать, и т. д. Все это были явныя чудеса, почему и кварталы, гдѣ они совершались, получили законное названіе чудесныхъ.

Въ этой точно воспроизведенной декораціи сѣдой древности, вѣка Людовика XI, къ которому относится романъ Гюго «Соборъ Парижской Богоматери», будутъ разыгрываться сцены, сюжетъ которыхъ отчасти позаимствуютъ изъ романа, между прочимъ, и описанный въ немъ свадебный обрядъ съ разбитіемъ кружки. Это будетъ пантомима съ куплетами, въ семи сценахъ. Въ первой сценѣ на площадь выползутъ изъ своихъ домовъ-логовищъ всѣ обитатели Двора чудесъ, въ своихъ тогдашнихъ одеждахъ. Они размѣстятся по площади въ живописныхъ группахъ, ожидая выхода своего повелителя, египетскаго или цыганскаго князя (le duc d'Egypte). Онъ не замедлитъ выйти къ своимъ подданнымъ, торжественно помѣстится на бочкѣ, служащей ему трономъ, и объявитъ народу о томъ, что сейчасъ начнется праздникъ. Публика выпиваетъ и передъ нею танцуетъ группа нищихъ. Тѣмъ временемъ на сценѣ появляется цыганочка Маравилья (Эсмеральда романа Гюго) съ своею козочкою; она привѣтствуетъ князя, танцуетъ, и такъ возбуждаетъ своею пляскою всю толпу, что та сама пускается въ необузданный плясъ. Уродъ и горбачъ Лазарильо (Квазимодо романа) выходитъ изъ своего жилья и дѣлаетъ Маравильѣ признаніе въ любви; та отталкиваетъ его и хохочетъ надъ нимъ; онъ ползетъ за нею на колѣняхъ, потомъ озлобляется, хватаетъ цыганку; та отбивается, и какъ разъ на выручку ей является патруль—капитанъ королевскихъ стрѣлковъ съ своими людьми. Пока стрѣлки хватаютъ и вяжутъ Лазарильо, капитанъ (Фебусъ романа) разглядываетъ цыганочку и изъясняетъ ей свое восхищеніе, и цыганочка выслушиваетъ его любезности внимательно. Но тутъ какъ разъ входитъ египетскій князь. Онъ протестуетъ противъ нашествія стрѣлковъ на Дворъ чудесъ; капитанъ же разсказываетъ ему про злодѣйства Лазарильо и для пущей убѣдительности суетъ ему въ руку кошелекъ съ золотомъ. Уступчивый фараонъ тотчасъ произноситъ свой приговоръ: онъ головою выдаетъ преступнаго горбуна стрѣлкамъ. Воспользовавшись минутой, горбунъ вдругъ вырывается, кидается на капитана, хочетъ его убить кинжаломъ, промахивается, и убѣгаетъ,

преслѣдуемый стрѣлками. Одинъ изъ стрѣлковъ нагоняетъ его. Происходитъ эффектная сцена схватки. Лазарильо взбирается на крышу церкви, стоящей въ глубинѣ площади, стрѣлокъ лѣзетъ за нимъ. Начинается борьба; горбунъ одолѣваетъ и сбрасываетъ стрѣлка съ крыши, но его самого подстрѣливаютъ, и онъ сваливается на земь вслѣдъ за побѣжденнымъ врагомъ. Тогда капитанъ стрѣлковъ, влюбленный въ Маравилью, проситъ ея руки у князя. Тотъ объявляетъ ему, что, женясь на цыганкѣ, онъ долженъ стать подданнымъ владѣльца Двора чудесъ и принять всѣ законы этого маленькаго, но мощнаго царства. Капитанъ нимало не колеблется; онъ тотчасъ изъявляетъ полное согласіе стать настоящимъ бродягою и воромъ и приноситъ присягу въ вѣчной вѣрности воровскому дѣлу. Фараонъ женитъ его на Маравильѣ, разбивая, въ знакъ заключенія брака, кружку, по числу осколковъ ко-

Рис. 74. Швейцарская деревня.

торой предсказываетъ имъ о числѣ лѣтъ счастливаго брака. Послѣ того вся толпа, съ княземъ и молодыми, входитъ въ церковь.

Кромѣ этой оживленной и интересной сцены, точнаго слѣпка давно отошедшей въ область преданій средневѣковой жизни, въ старомъ Парижѣ улицы Сюффрена будетъ еще представленъ блестящій рыцарскій турниръ. Онъ будетъ служить воспроизведеніемъ, согласно описаніямъ современниковъ, торжественной встрѣчи Карломъ VI прибывшей въ Парижъ принцессы баварской Изабеллы, невѣсты короля. Это торжество происходило въ 1382 году, т. е. за полсотни лѣтъ до событій, описанныхъ въ романѣ Гюго, такъ что вся внѣшняя декоративная часть вполнѣ соотвѣтствуетъ обоимъ этимъ воспроизведеніямъ древности.

Въ ряду всякаго рода воспроизведеній старины и современности намъ остается упомянуть еще объ одной живой панорамѣ, обѣщающей публикѣ одно изъ самыхъ интересныхъ зрѣлищъ на выставкѣ, о швейцарской деревнѣ.

Швейцарская деревня будетъ близкою сосѣдкою Двора чудесъ: она строится на томъ же авеню Сюффрена. Горы, постройки, люди, въ ежедневныхъ подробностяхъ ихъ быта—такова основная задача этой затѣи. Зритель, вступивъ сюда, попадаетъ не въ фантастическую Швейцарію, а въ точно воспроизведенную копію одного изъ уголковъ живописной родины Вильгельма Телля. Публика будетъ прогуливаться по хорошенькой горной деревушкѣ и повсюду, во всѣ стороны будетъ видѣть замыкающія горизонтъ высокія, покрытыя лѣсомъ и вѣчнымъ снѣгомъ горы.

Швейцарская деревня займетъ площадь въ 20 тысячъ квадр. метровъ, т. е., примѣрно, въ двѣ десятины. Ея планъ выработанъ женевскими архитекторами Генебергомъ и Алеманомъ. Будучи сами швейцарцами, они являются, конечно, самыми подходящими устроителями для этой маленькой выставочной Швейцаріи.

Въ деревню будетъ два входа: одинъ съ авеню Сюффрена, другой—съ улицы Ламотъ-Пикэ. Входъ съ Сюффреновскаго авеню устроенъ въ видѣ двухъ башенъ, въ обычномъ стилѣ этого рода построекъ, принятомъ въ Швейцаріи. Лѣвая башня украшена огромными механическими часами, а правая—солнечными; какъ извѣстно, Швейцарія славится своимъ часовымъ производствомъ. Башни соединяются между собою крытымъ переходомъ и подъ этимъ висячимъ переходомъ открывается широкій проходъ на выставку; впрочемъ, и въ башняхъ тоже устроены ворота. Входъ съ улицы Ламотъ-Пикэ представляетъ копію съ феодальнаго замка Шильно, на Невшательскомъ озерѣ, построеннаго Рейнальдомъ д'Эставайеръ въ 1135 году.

Если войти съ главнаго входа, съ авеню Сюффрена, то прежде всего бросается въ глаза позади правой входной башни рядъ домовъ старинныхъ швейцарскихъ городовъ—Женевы, Берна и Мора, съ ихъ характеристическими балконами, аркадами, острыми башенками и выступами. Далѣе виднѣется прелестный охотничій домъ графовъ Ромоновъ въ Рюйерѣ (Фрейбургскій кантонъ). Еще дальше—типическій жилой домъ Цюрихскаго кантона, гдѣ, какъ и повсюду въ нѣмецкой части Швейцаріи, любили когда-то спускные ставни у оконъ. Далѣе тянется рядъ другихъ домовъ, въ которыхъ точно воспроизводятся стили швейцарскихъ построекъ, преимущественно XVI и XVII вѣковъ. Такая же улица характеристическихъ домовъ идетъ позади лѣвой входной башни; здѣсь, между прочимъ, замѣчателенъ фасадъ ратуши въ Цугѣ, построенный въ началѣ XVI столѣтія; онъ выдается своими защитными кровельками надъ окнами. Дальше виднѣется небольшой домикъ, скромная гостинница въ деревнѣ, Буръ-С.-Пьеръ, гдѣ когда-то останавливался св. Бернардъ и гдѣ завтракалъ 21 мая 1800 года генералъ Бонапартъ передъ своимъ переходомъ черезъ Альпы, незадолго до боя при Маренго; съ тѣхъ поръ эта гостинница такъ и называется «гостинницею завтрака Наполеона I» и въ ней показываютъ кресло, на которомъ Банапартъ сидѣлъ. Въ общемъ на этомъ небольшомъ пространствѣ будетъ воздвигнуто не менѣе сотни всякаго рода построекъ, наиболѣе характеристическихъ для Швейцаріи. На небольшой площади, посреди другихъ построекъ, будетъ поставлена точная модель одной изъ стариннѣйшихъ церквей Швейцаріи и вообще западной Европы, именно церкви въ Вурцбрюнненѣ; въ этой церкви особенно

замѣчателенъ потолокъ, весь изукрашенный выжженными рисунками очень искусной работы.

Но рядомъ съ этимъ первымъ, такъ сказать, городскимъ участкомъ, будетъ еще цѣлая равнинка, представляющая швейцарскій сельскій видъ, т. е. швейцарскую деревню въ собственномъ смыслѣ слова.

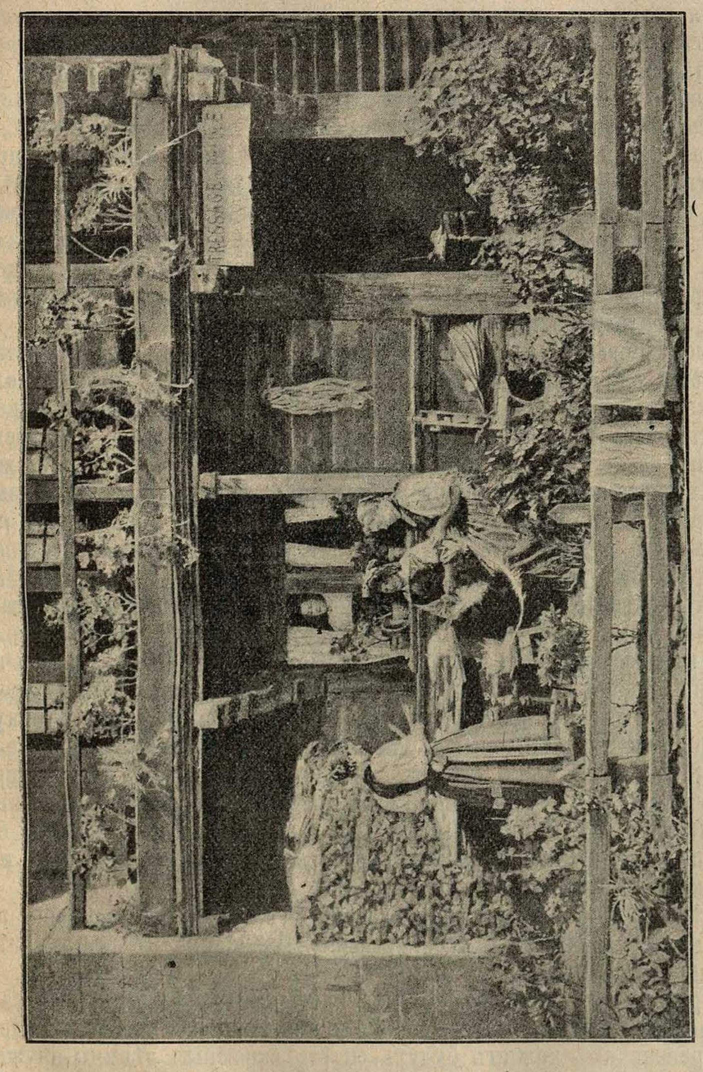

Рис. 75. Швейцарская деревня. Лавочка плетельщицъ соломенныхъ издѣлій.

Здѣсь публика увидитъ и типическія швейцарскія шалэ, видъ которыхъ у насъ иногда придается нашимъ дачамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все характерное въ ея грандіозной природѣ—горные ручьи, громады скалъ, водопады. Почти вся площадь обнесена громадными деревянными лѣсами, которые такъ задекорированы и расписаны, что даютъ полную иллюзію настоящихъ горъ. Въ одномъ мѣстѣ

въ этихъ горахъ устроенъ водопадъ, бьющій съ высоты 15 саженъ; онъ даетъ начало ручью, который протекаетъ потомъ, извиваясь, по всей площади деревни, въ крутыхъ каменистыхъ берегахъ. На этотъ водопадъ надо будетъ расходовать около 4 милліоновъ литровъ (330.000 ведеръ) воды въ сутки, и онъ будетъ едва ли не самымъ выдающимся изъ «водяныхъ» чудесъ выставки. Цѣпь горъ, замыкающая горизонтъ, тянется почти на 300 саженъ и достигаетъ высоты отъ 10 до 20 саженъ. Пропорціи этой массы будутъ такъ строго разсчитаны, что зритель съ нѣкотораго разстоянія будетъ видѣть передъ собою настоящіе живые снѣжные Альпы. Ближайшія ихъ части, на которыя можно будетъ публикѣ всходить, выдѣланы изъ особаго цемента, прекрасно воспроизводящаго натуральный видъ скалъ; притомъ эти груды горъ будутъ нагромождены не кое-какъ: въ этой цѣпи будутъ представлены точныя копіи знаменитѣйшихъ альпійскихъ вершинъ—Юнгфрау, Монаха, Брейтхорна, Эйгера и пр. По низинамъ, доламъ и горамъ будутъ разсажены всѣ характерныя и въ томъ числѣ самыя рѣдкія альпійскія растенія, гдѣ на нихъ могутъ досыта любоваться любители ботаники.

Само собою разумѣется, что деревня не будетъ стоять пустая; наоборотъ, она будетъ густо населена, въ ней будетъ до 300 человѣкъ жителей, большею частью подлинныхъ и неподдѣльныхъ швейцарцевъ, благо добыть ихъ во Франціи вовсе немудрено. Населеніе деревни будетъ самое пестрое и разнообразное. Будетъ тутъ, между прочимъ, образцовая швейцарская молочная ферма, съ ея пастухами, карабкающимися по горнымъ кручамъ, дѣвицами-маслодѣлками и сыроварами. На фермѣ будетъ десятка два головъ безподобнаго швейцарскаго горнаго скота, дающаго густое, какъ сливки, молоко. Швейцарія, какъ извѣстно, обладаетъ крупнѣйшими породами рогатато скота—швицкою, симментальскою. Вѣсъ быковъ послѣдней породы колеблется въ предѣлахъ отъ 70 до 110 пудовъ. 110 пудовъ—это почти полслона! Коровы же этихъ породъ даютъ часто до 2.500 кружекъ молока въ годъ. Но кромѣ этихъ молочныхъ гигантовъ, на искусственно разбитыхъ газонныхъ пастбищахъ будетъ еще пастись десятокъ прелестныхъ, такъ сказать, декоративныхъ, пейзажныхъ коровокъ; такія мелкія, чрезвычайно изящныя коровы попадаются во многихъ мѣстностяхъ южной Швейцаріи. А кромѣ рогатаго скота, будутъ еще козы, красивыя, длинношерстныя, бѣленькія животныя, изъ окрестностей Симплонскаго перевала.

Затѣмъ, въ домахъ городской части и въ шалэ деревенской, публика можетъ обозрѣвать все населеніе Швейцаріи въ его главнѣйшихъ представителяхъ.

Оберландъ доставитъ сюда своихъ кустарей, мастерски вырѣзывающихъ всякія фигурки изъ дерева. Подъ просторнымъ навѣсомъ одной изъ деревенскихъ хижинъ будутъ сидѣть скромныя дѣвицы-кружевницы въ своихъ бѣлыхъ рубашечкахъ и темненькихъ корсажахъ. На нашемъ рисункѣ (75) представлены плетельщицы соломенныхъ шляпъ изъ кантона Ааргау. Издѣлія этихъ женщинъ давно славятся своимъ неподражаемымъ изяществомъ, тонкостью исполненія; онѣ плетутъ изъ грубой соломины что-то подобное кружеву, по легкости и прозрачности. Корзинщики, токари, рѣзчики, чеботари, гончары, швеи, вы-

шивальщицы—словомъ, всѣ славящіяся въ Швейцаріи ремесла и кустарные промыслы пришлютъ на выставку своихъ представителей, и посѣтитель выставки,—хоть въ Швейцарію не ѣзди: тутъ же въ Парижѣ онъ увидитъ все, что есть интереснаго въ самой Швейцаріи.

ГЛАВА VII.

Андалузія временъ мавританскаго владычества.— Памятникъ воздухоплавателямъ временъ осады Парижа.— Китайцы на выставкѣ. —Камбоджа.— Пагода Вишну. — Общій видъ Эспланады инвалидовъ. — Выставочный жетонъ.

Подобно тому, какъ возникла мысль о возстановленіи въ вѣрной копіи стараго Парижа и Двора чудесъ, точно также зародилось намѣреніе представить на ней и исторически вѣрную картину старой Испаніи, именно Андалузіи временъ мавританскаго владычества. Памятники Кордовы, Севильи, Гренады сохранили намъ удивительныя произведенія арабскаго искусства, по образцамъ которыхъ можно было возстановить эту блестящую эпоху испанской исторіи. Само собою разумѣется, что и здѣсь, въ старой Андалузіи, устроители не ограничатся тѣмъ, что настроятъ арабскихъ арокъ, минаретовъ и дворцовъ; всѣ эти архитектурные памятники послужатъ только рамою, въ которой будетъ выставлена интересная, привлекательная и точная картина старой испанской жизни. «Андалузія времени мавровъ» будетъ помѣщаться неподалеку отъ дворца Трокадеро, вдоль улицы Бильи; входъ сюда будетъ только со стороны тѣхъ колоніальныхъ построекъ, которыя займутъ паркъ вокругъ Трокадеро. Подъ Андалузіею будетъ занята площадь въ 5 тысячъ квадратныхъ метровъ, т. е. около полдесятины.

Входъ въ «Андалузію»—точная копія съ воротъ Севильскаго дворца Алькazаръ. Она высока (около 7 саженъ), грандіозна и блещетъ своею оригинальною раскраскою—золотою, красною и синею. Входъ ведетъ на просторный дворъ, patio, который опять таки скопированъ съ альказарскихъ дворовъ. Нижній этажъ надворнаго зданія представляетъ собою квартиры женщинъ султана. Вся внутренность двора бѣлая, но по ночамъ всѣ изящные кружевные бордюры мавританскихъ арокъ будутъ расцвѣчиваться разноцвѣтными электрическими огоньками. Изъ двора — выходъ на арену, гдѣ можно поглазѣть на испанскія народныя игрища; по другую сторону двора будетъ устроена испанская деревня, затѣмъ театръ и дома разныхъ типическихъ представителей испанскаго населенія, между прочимъ, испано-африканскихъ арабовъ и евреевъ.

На аренѣ будутъ происходить всякаго рода бои и ристалища въ испанскомъ вкусѣ, преимущественно же разные турниры между христіанскими рыцарями и маврами; предполагается также представить на аренѣ охоту африканскихъ арабовъ за газелями, нападеніе туареговъ на караванъ въ Сахарѣ, цыганскую свадьбу и разныя другія зрѣлища. Все это можетъ быть одновременно созерцаемо тысячью зрителей. Въ кварталѣ айсауаховъ, то есть арабскихъ фокусниковъ, будетъ подобрано все, что въ настоящее время производится въ Африкѣ тузем-

ными чудодѣями; здѣсь на обширной площадкѣ расположится рядъ лавочекъ, въ которыхъ будутъ показывать свое искусство эти странные жрецы искусства; одни будутъ упражняться съ змѣями, другіе—жевать и глотать стекло, третьи—плясать въ огнѣ, четвертые—вколачивать себѣ гвозди въ голову и т. д. Кто не любитъ такихъ жестокихъ зрѣлищъ, можетъ любоваться на граціозные танцы арабокъ и евреекъ.

Испанская деревня будетъ представлять воспроизведеніе самыхъ

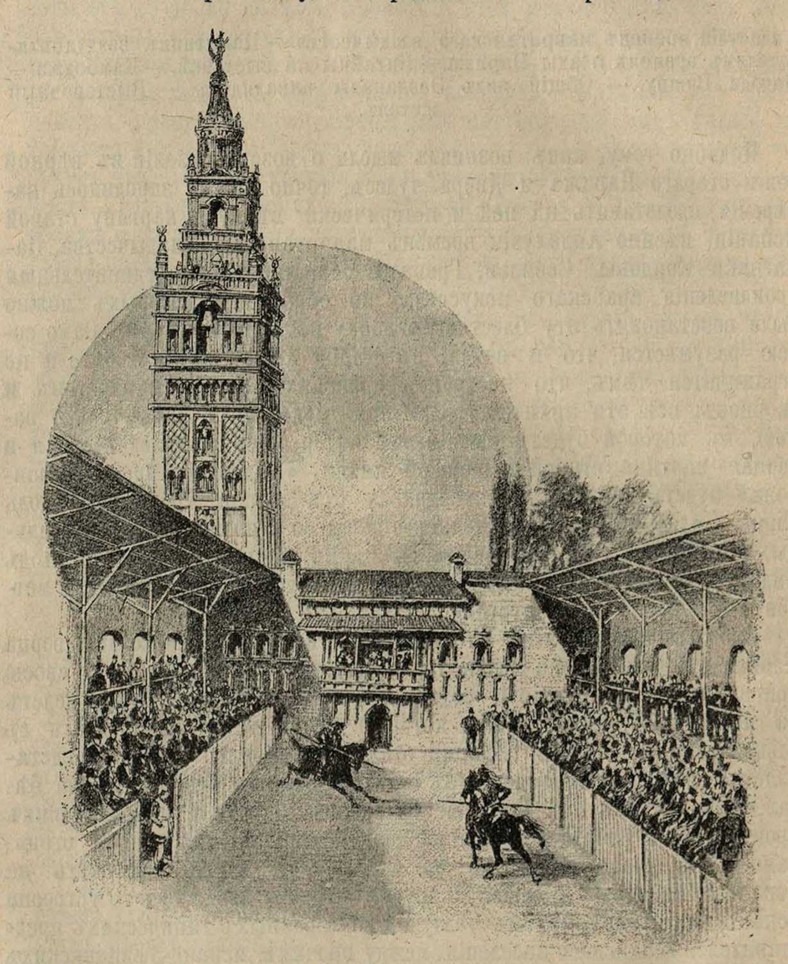

Рис. 76. Андалузія временъ мавританскаго владычества.

характерныхъ старинныхъ испанскихъ построекъ. Здѣсь у каждаго домика будутъ работать испанцы-кустари, современники наши и представители давно минувшихъ лѣтъ. Будетъ тутъ и испанская гостинница, posada, въ томъ видѣ, какъ она описывается творцомъ Донъ-Кихота; здѣсь можно будетъ попробовать испанскій шоколадъ, и всѣ эти арросы, горбансо, пастелильо и прочіе разносолы, описываемые путешественниками по Испаніи.

Театръ «Андалузіи» небольшой, но все же можетъ вмѣстить сотенъ шесть зрителей. Такъ какъ Испанія вообще, а Андалузія въ особенности страна танцевъ, то и въ театрѣ будутъ исполняться по преимуществу народные испанскіе танцы, въ особенности же сегидилья, во всѣхъ ея многочисленныхъ мѣстныхъ разновидностяхъ. Сегидилья — самый любимый и самый характерный изъ испанскихъ народныхъ танцевъ.

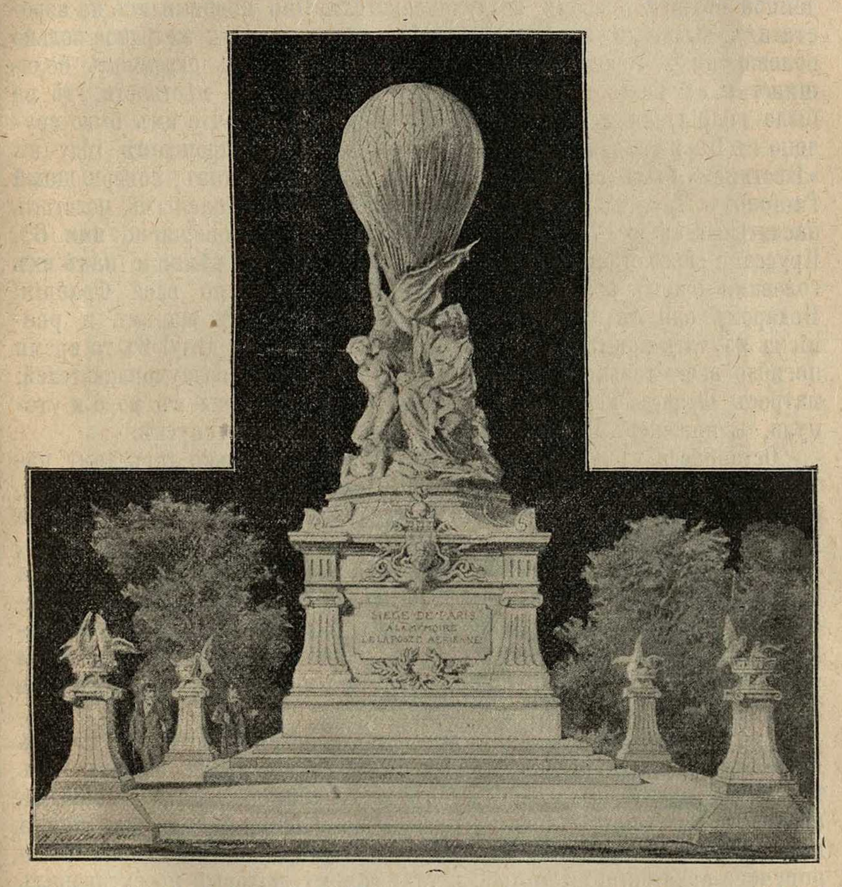

Рис. 77. Памятникъ воздухоплавателямъ временъ осады Парижа.

Изъ ресторана, помѣщеннаго посрединѣ «Андалузіи», можно направо и налѣво обозрѣвать почти все замѣчательное, что будетъ сосредоточено въ этомъ уголкѣ выставки.

За ареною строится колокольня, точная копія знаменитой Севильской хиральды. Выставочная хиральда будетъ имѣть, по проекту, болѣе 30 саженъ высоты; по наклонному помосту на нее можно будетъ взбираться до высоты около 20 саженъ и оттуда полюбоваться видомъ выставки. Предполагается еще устроить пещеры вродѣ тѣхъ, которыя привлекаютъ публику въ Гренадѣ, на Святой Горѣ (Monte

sacro). Въ этихъ гротахъ будутъ плясать изящныя цыганки (гитаны), а другія цыганки будутъ гадать посѣтителямъ по рукѣ и на кофейной гущѣ. Предположено еще собрать въ «Андалузіи» коллекцію картинъ восточныхъ живописцевъ, организовать состязанія между разными арабскими и испанскими ремесленниками, устроить бои быковъ и т. д. Все это, впрочемъ, пока еще извѣстно только по проектамъ.

Во время осады Парижа, какъ извѣстно, громадную услугу осажденной столицѣ оказали воздухоплаватели. Они поднимались на аэростатахъ, вылетали изъ города, переносились черезъ желѣзное кольцо обложившихъ городъ пруссаковъ и спускались, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ благополучно, въ такой мѣстности, гдѣ не было непріятеля и гдѣ можно было передать все, что имъ было вручено въ Парижѣ для отправки въ провинцію. Въ прошломъ году въ «Вѣстникѣ» былъ описанъ одинъ изъ такихъ полетовъ, совершонный Гастономъ Тиссандье. Всѣхъ участниковъ этихъ опасныхъ полетовъ насчитывается до 170 человѣкъ, а всѣхъ полетовъ совершено ими 65. Пруссаки скрежетали тогда зубами, созерцая эти рѣявшіе надъ ихъ головами шары, разносившіе вѣсти изъ Парижа по всей Франціи. Недаромъ они съ тѣхъ поръ принялись съ такимъ жаромъ и рвеніемъ изучать примѣненіе аэронавтики къ военному дѣлу! Въ то время погибло всего только трое изъ этихъ отважныхъ воздухоплавателей: матросъ Франсъ и Фузелеръ Лакюзъ были занесены въ море и утонули, а инженеръ Берто расшибся при неудачномъ спускѣ.

Оставшіеся въ живыхъ аэронавты осады нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовали братскій союзъ. Они недавно подсчитали свои ряды, и, увы, оказалось, что около половины ихъ первоначальнаго состава умерло. Умеръ Гамбетта, поднимавшійся на шарѣ «Арманъ Барбесъ», скончались: инженеръ Сезанъ, префектъ полиціи Дюку, консулъ на Джерсеѣ Алавуанъ, основатель физическаго общества Альмейда, знаменитый физикъ Лисажу, адвокатъ Жюто и много другихъ. Оставшимся въ живыхъ съ трудомъ удалось собрать столько членовъ, чтобы можно было основать общество, потому что многіе изъ оставшихся въ живыхъ покинули Парижъ и Францію.

На нынѣшнюю выставку общество доставитъ все, что можетъ характеризовать дѣятельность его членовъ во время осады и ихъ труды по примѣненію аэростатовъ и голубиной почты. Главнымъ центромъ коллекціи общества будетъ прекрасная модель памятника воздушной почты временъ осады Парижа. Исполненіе памятника было поручено архитектору Бартольди, тому самому, который проектировалъ прекрасную статую свободы, украшающую входъ въ нью-іоркскую гавань. Центральною фигурою памятника будетъ возвышающійся надъ пьедесталомъ воздушный шаръ съ его сѣткою; конечно, онъ будетъ изваянъ по образцу тѣхъ аэростатовъ, которые были сооружены во время осады. Ладьею ему служитъ галера вродѣ той, какая входитъ въ гербъ города Парижа. Шаръ будетъ построенъ изъ опаловаго стекла, такъ что если освѣтить его внутри, то онъ образуетъ громадный матовый свѣточъ, символъ «города свѣта», Парижа. Шаръ представленъ какъ бы въ моментъ поднятія; аэронавтъ уже усаживается въ ладью. Рядомъ съ ладьею—женская статуя, эмблема осажденнаго города, какъ бы протягиваетъ руку къ голубю, который летитъ къ

ней сверху, неся обратныя вѣсти изъ провинціи; она какъ будто хочетъ подскочить и подняться на воздухъ навстрѣчу голубю, и поднялась бы, еслибъ не держала свое дѣтище, которое сидитъ у ней на колѣняхъ измученное холодомъ и голодомъ. Артистъ, исполнитель проекта, не позабылъ ни парижскаго гамена, ни національнаго гвардейца, испускающаго послѣдній вздохъ въ борьбѣ на защиту роднаго

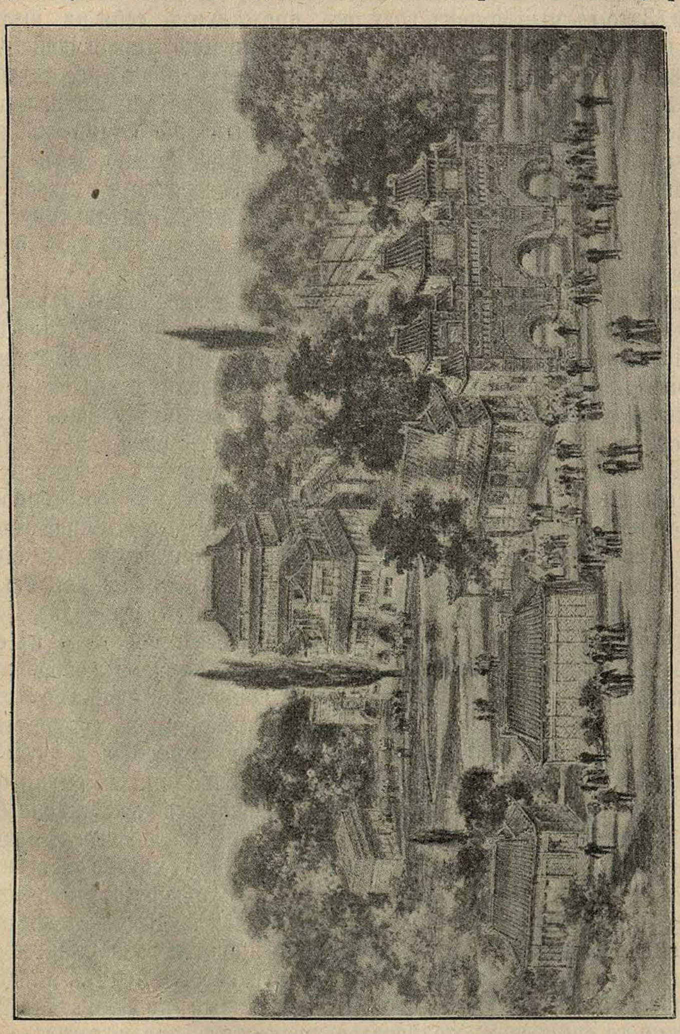

Рис. 78. Китайская выставка у Трокадеро.

города. По угламъ около памятника поставлены четыре высокія тумбы, на которыхъ посажены парами почтовые голуби. Высота памятника около 5 саженъ и таковы же его размѣры въ ширину, по основанію; вся архитектурная часть должна быть сдѣлана изъ мрамора, а фигуры будутъ литыя бронзовыя.

Въ число чисто выставочныхъ статей, которыя по своему особо оригинальному характеру до нѣкоторой степени примыкаютъ къ полу-

экспозитамъ, полу-развлеченіямъ, вродѣ стараго Парижа, старой Андалузіи, швейцарской деревни и т. п., можно причислить также китайскій городокъ на выставкѣ. Китай нынче впервые такъ торжественно выступаетъ на европейской всемірной выставкѣ; раньше были только отдѣльные экспоненты изъ Небесной имперіи, а, напримѣръ, въ 1889 году Китай вовсе отказался отъ участія въ тогдашней выставкѣ. Зато въ нынѣшнемъ году онъ представитъ себя на выставкѣ очень пышно. Китайское правительство поручило управляющему своими таможенными сборами, сэру Роберту Херту, собрать все китайское, что можетъ быть интересно въ глазахъ европейской публики, и отправить все это на парижскую выставку. Главнымъ же коммиссаромъ китайскаго отдѣла назначенъ французскій ученый Ваперо. Онъ съ 1869 года живетъ въ Китаѣ и служитъ тамъ профессоромъ въ школѣ европейскихъ языковъ. Онъ лично хорошо извѣстенъ китайскому министерству иностранныхъ дѣлъ, цунгли-ямену, которое сумѣло оцѣнить его заслуги за тридцатилѣтнее пребываніе въ Китаѣ.

Живя все это время въ Пекинѣ, Ваперо превосходно изучилъ китайскую столицу и ея окрестности. Ему принадлежитъ основной планъ устройства китайскаго городка на выставкѣ. Онъ страстный любитель-фотографъ и, конечно, накопилъ у себя многочисленную коллекцію снимковъ китайскихъ зданій, мѣстностей, типовъ населенія, уличныхъ сценъ. Китайскій городокъ будетъ расположенъ въ паркѣ около дворца Трокадеро. Тутъ цѣлая группа очень красивыхъ построекъ, воздвигнутыхъ не въ обычномъ «китайскомъ» вкусѣ, а совершенно точно скопированныхъ съ натуры, съ подлинныхъ построекъ Пекина и его окрестностей. Такъ, напримѣръ, на нашемъ рисункѣ (78) въ центрѣ представлена въ уменьшенномъ видѣ часть городской стѣны китайской столицы, конечно, въ уменьшенномъ масштабѣ; въ натурѣ эта громадная стѣна возвышается почти на 7 саженъ. Надъ каждыми воротами въ стѣнѣ выстроены высокія многоэтажныя башни, гдѣ помѣщены оборонительныя машины и орудія. Основаніе выставочной постройки вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ обычные нижніе этажи китайскихъ храмовъ и монастырей, въ которыхъ обыкновенно стоятъ ужасные и чудовищные китайскіе боги, хранители страны. Лѣстница справа скопирована съ лѣстницы храма Чернаго Дракона, гдѣ совершаются торжественныя моленія о ниспосланіи дождя въ случаѣ засухи. Одна изъ построекъ представляетъ точную копію большихъ воротъ въ большой китайской стѣнѣ, по дорогѣ изъ Китая въ Сибирь, въ 50 верстахъ къ сѣверу отъ Пекина. На этихъ воротахъ имѣется шесть надписей на разныхъ языкахъ, и изъ этихъ надписей одна, кстати сказать, до сихъ поръ еще не разобрана, ибо неизвѣстно, на какомъ языкѣ она сдѣлана. Эти ворота будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ представлять собою мостъ, черезъ который пройдетъ китайская вѣтвь нашего сибирскаго желѣзнодорожнаго пути; предполагается тутъ же выставить и одинъ изъ спальныхъ вагоновъ будущей линіи. Рядомъ съ этимъ мостомъ выстроятъ китайскій ресторанъ; здѣсь можно будетъ полакомиться ласточкиными гнѣздами и другими утонченными блюдами китайской кухни. Остальныя постройки китайскаго городка представляютъ копіи или подражанія разнымъ павильонамъ богдыханскаго дворца въ Пекинѣ. Направо, спереди, на нашемъ рисункѣ представлены тріумфальныя ворота очень распространеннаго въ Китаѣ

типа; такія ворота имѣются, напримѣръ, у храма Конфуція въ Пекинѣ, въ храмѣ лежащаго божества, въ пятнадцати верстахъ отъ Пекина, въ императорскомъ охотничьемъ замкѣ, и т. д.

Десятка полтора небольшихъ павильоновъ-лавочекъ дадутъ обозрѣвателю выставки полное понятіе объ уличной жизни въ китайскихъ городахъ. Во всѣхъ этихъ лавочкахъ посадятъ подлинныхъ

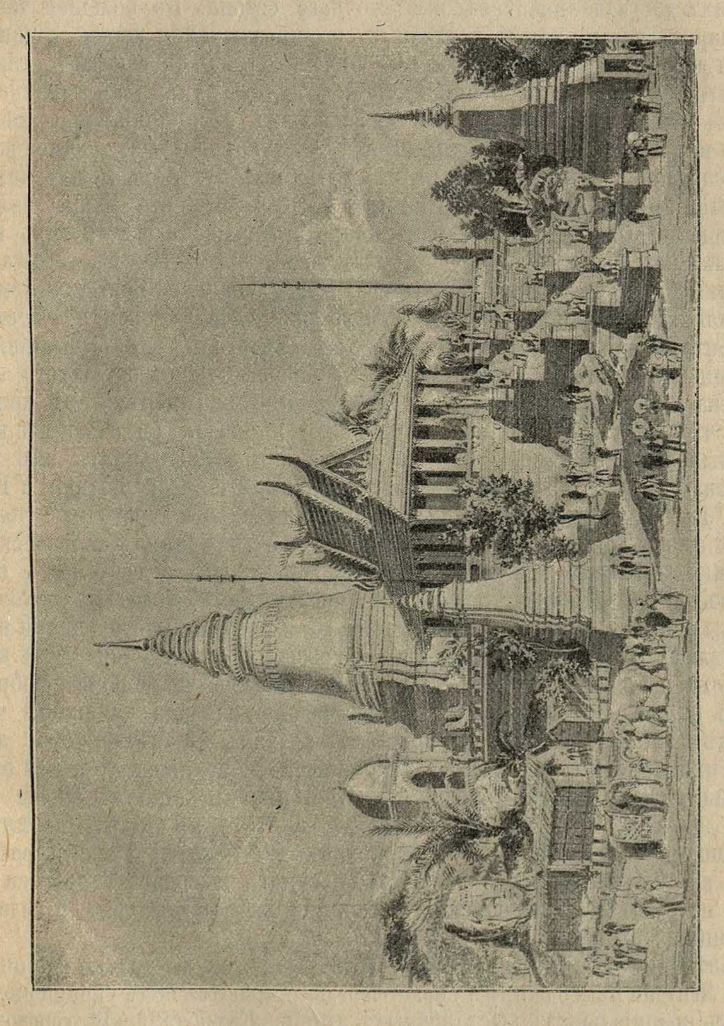

Рис. 79. Строенія Камбоджи и французскихъ владѣній въ Индо-Китаѣ.

китайцевъ-ремесленниковъ, которые на глазахъ у публики будутъ производить свои издѣлія и тутъ же продавать ихъ желающимъ. Такимъ образомъ на выставкѣ можно будетъ покупать вещи несомнѣнныя, настоящія китайскія—гарантія весьма утѣшительная, въ виду колоссально размножившихся поддѣлокъ китайскихъ и японскихъ вещей.

Въ настоящее время (мартъ) площадь у Трокадеро превращается мало-по-малу въ какое-то столпотвореніе вавилонское. Здѣсь, какъ мы

уже упомянули, будутъ по преимуществу сосредоточены колоніальные павильоны. Теперь тутъ толчется пестрѣйшая толпа инородцевъ всѣхъ оттѣнковъ кожи, отъ желтаго до чернаго, и слышится говоръ чуть не всѣхъ народовъ Азіи. Особенно любопытно, по словамъ французскихъ журналовъ, побывать въ колоніи индо-китайскихъ выходцевъ; ихъ будетъ много на выставкѣ—ремесленниковъ, танцоровъ, торговцевъ и всякихъ другихъ лицедѣевъ выставочнаго сезона. По большей части это народъ мелкій, тощій, костлявый, но чрезвычайно живой, подвижной и дѣятельный. Среди нихъ, если присмотрѣться, бросаются въ глаза извѣстныя племенныя особенности. Легко отличить, напримѣръ, аннамцевъ по ихъ стриженымъ волосамъ и смышленымъ физіономіямъ; совсѣмъ иною наружностью обладаютъ жители Лао, коренастые, коротенькіе, имѣющіе въ своей внѣшности что-то обезьянье; тутъ же, между ними, толкутся китайцы со своими длинными косами. Вся эта толпа занята работою на выставкѣ; вся отдѣлка построекъ китайскаго и другихъ колоніальныхъ городковъ поручена мѣстнымъ, туземнымъ мастерамъ и рабочимъ, которыхъ нарочно выписали изъ колоній. Всю эту армію дальняго Востока помѣстили въ особомъ нанятомъ для нея помѣщеніи въ центрѣ Парижа, въ аристократическомъ кварталѣ, близъ выставки. Коренные обыватели этого квартала пришли въ ужасъ отъ такого сосѣдства и даже собирались подать прошеніе по начальству; имъ казалось, что эти восточные люди непремѣнно принесли съ собой всѣ восточныя болѣзни: холеру, чуму, и немедленно распространятъ ихъ въ кварталѣ, затѣмъ по всему Парижу, а потомъ и по всей Франціи и Европѣ. Но, разумѣется, эти опасенія были напрасны. Восточные человѣчки содержатся чисто, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ европейской гигіены; вдобавокъ, всѣ они оказались очень милымъ и любезнымъ народомъ, выучились кое-что болтать по-французски и весьма обходительны съ многочисленными осаждающими ихъ любопытствующими посѣтителями. Многіе изъ нихъ страшно соблазняются европейскимъ костюмомъ и пріобрѣтаютъ его себѣ изъ первыхъ же денегъ; пріобрѣтаютъ не сразу, а постепенно, вещь за вещью: сначала начинаетъ человѣкъ щеголять въ котелкѣ при всемъ прочемъ еще туземномъ, затѣмъ нацѣпляетъ галстухъ, потомъ манжеты, ботинки и т. д. Всѣ они довольны своею судьбою, какъ, вѣроятно, никогда еще въ жизни не были довольны. Ихъ удобно размѣстили, держатъ въ чистотѣ, кормятъ хорошо, да еще даютъ по 25 франковъ въ недѣлю! Такой заработокъ, круглымъ счетомъ, вдвое больше самаго высокаго заработка у нихъ на родинѣ. Въ первой партіи ихъ прибыло 40 человѣкъ, а недавно прибавилось еще 200.

Китайцы трудятся въ своемъ городкѣ, который мы только-что описали. Жители Камбоджи, въ свою очередь, стараются надъ украшеніемъ своихъ колоніальныхъ выставочныхъ зданій. Камбоджійскій городокъ будетъ въ высшей степени оригиналенъ и живописенъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ нынѣшней выставки, обращено чрезвычайно серьезное вниманіе на возможно точное и вѣрное воспроизведеніе мѣстнаго стиля. Камбоджа была когда-то населена племенемъ хмеровъ (французы пишутъ Khmer), отъ которыхъ нынѣшніе камбоджійцы ведутъ свое происхожденіе; отъ тѣхъ же хмеровъ заимствовали они и стиль своихъ построекъ. Развалины древнихъ хмерскихъ построекъ были тщательно

и повсемѣстно изслѣдованы французскими археологами Муо, Гарнье и Делагрэ. Делапортъ, Арманъ и Бланъ показали связь и родство этого хмерскаго стиля съ древне-индійскимъ. Выставочныя постройки кам-

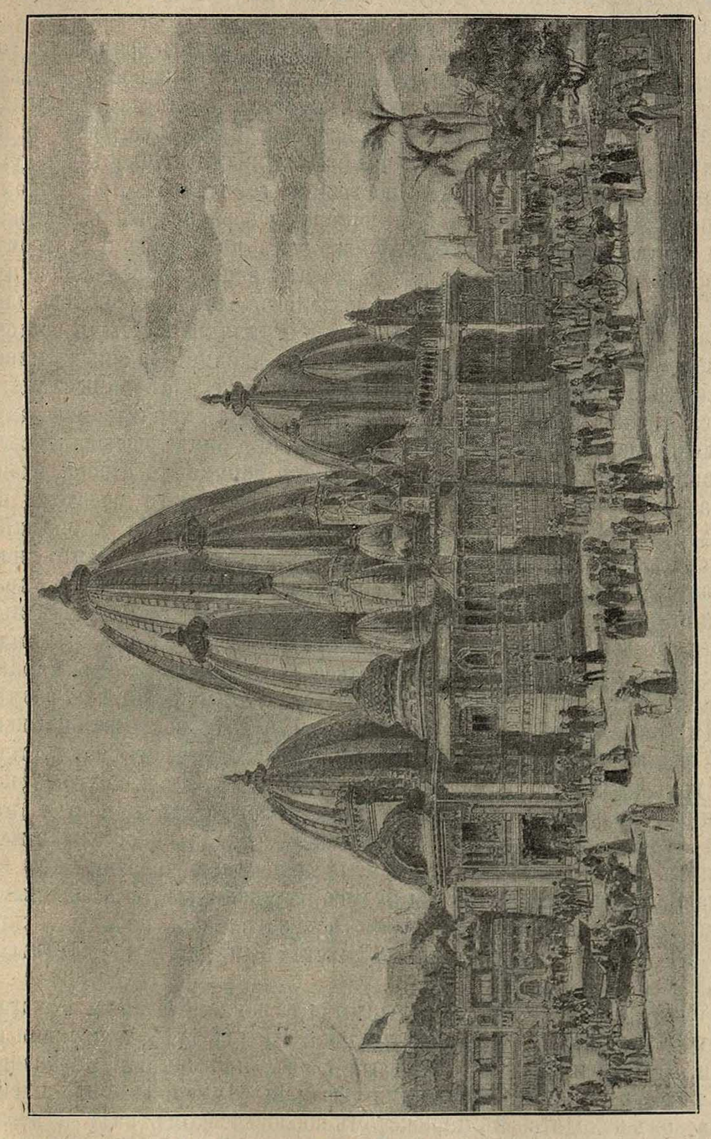

Рис. 80. Пагода Вишну въ отдѣлѣ индустанскихъ колоній Франціи.

боджійскаго городка возводятся подъ главнымъ руководствомъ индо-китайскаго коммиссара Николя и архитектора Марселя. Подъ постройки отведенъ участокъ близъ Трокадеро съ крутымъ скатомъ. Строители воспользовались этимъ уступомъ почвы, чтобы сдѣлать внутри его подражаніе очень распространеннымъ въ Камбоджѣ подземнымъ храмамъ. Верхъ этой подземной части выровняли въ площадку, а его бока

обсѣкли, и прибывшіе въ Парижъ камбоджійцы не мало потрудились надъ украшеніемъ этихъ скатовъ въ своемъ старинномъ національномъ стилѣ. Въ настоящее время большая часть такихъ древнихъ построекъ уже разрушена временемъ. Жители охотно селятся на такихъ развалинахъ, причемъ часто среди ихъ бамбуковыхъ хижинъ валяются какіе-нибудь остатки сѣдой старины; случается, напримѣръ, видѣть громадную голову отъ статуи Будды, выглядывающую изъ густой заросли; сколько времени она тутъ лежитъ, среди этихъ кустовъ, никто изъ мѣстныхъ жителей не сумѣетъ сказать. Нѣчто подобное будетъ устроено и на выставкѣ. Туземныя постройки—кучка бамбуковыхъ домиковъ--будутъ расположены слѣва отъ главной постройки городка. Въ просторномъ подземномъ залѣ устроютъ разныя панорамы и расположатъ разнообразныя выставочныя коллекціи; этотъ же залъ послужитъ и театромъ, въ которомъ туземные артисты будутъ являть передъ европейскою публикою свое искусство. На вершину подземелья, на его верхнюю площадку ведетъ большая лѣстница, съ перилами, изукрашенными восточными мастерами; вдоль лѣстницы размѣстятъ изваянія разныхъ миѳологическихъ животныхъ и персонажей. Посреди платформы будетъ выситься точная копія пагоды царя Народома, съ характерною двускатною кровлею со скульптурными украшеніями, опирающеюся краями на колоннаду. Позади этой пагоды поставятъ монументъ особой, очень оригинальной формы, нѣчто вродѣ большого, узкаго колокола на четырехгранномъ массивномъ основаніи. Это—подражаніе камбоджійскимъ святилищамъ, «пномъ-пенхъ». Пномъ значить гора, но это слово прилагается также къ головнымъ уборамъ, которыми обычно украшаются статуи Будды. Пномъ на выставкѣ долженъ имѣть изрядные размѣры: его вершина поднимается на высоту около 16 саженъ надъ землею; этотъ колоколъ будетъ сообщаться съ нижнимъ заломъ. Справа и слѣва отъ лѣстницы будутъ помѣщаться пномы меньшихъ размѣровъ. На террасѣ, справа отъ царской пагоды, будетъ возсѣдать на пьедесталѣ громадный Будда, сооруженный съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей камбоджійскаго боговаянія. На платформѣ же и кругомъ постройки будутъ разставлены огромныя тѣнистыя пальмы; частью эти пальмы будутъ натуральныя, частью искусственныя; стволы этихъ послѣднихъ дѣлаются желѣзные, одѣтые цементною, окрашенною въ надлежащіе цвѣта массою; листья будутъ натуральные, но особеннымъ образомъ обработанные; теперь такія искусственныя пальмы можно видѣть во многихъ общественныхъ мѣстахъ и даже въ частныхъ домахъ.

Въ бамбуковыхъ хижинкахъ поселятся тѣ же камбоджійцы и будутъ заниматься разными туземными ремеслами. Будутъ тутъ и корнаки со слонами; будетъ великолѣпный бѣлый слонъ, присланный управляющимъ индо-китайскими владѣніями Франціи Думеромъ, по имени «Шери»; онъ находится въ парижскомъ зоологическомъ саду и послѣ выставки останется тамъ же. Бѣлые слоны въ Камбоджѣ пользуются особыми, чуть ли не божескими почестями; сообразно съ такимъ почетомъ «Шери» получитъ на выставкѣ особое роскошное помѣщеніе, и нѣтъ сомнѣнія, что благочестивые его земляки будутъ усердно служить ему. Камбоджійскій городокъ будетъ однимъ изъ интереснѣйшихъ уголковъ выставки.

Очень любопытна будетъ также выставка французскихъ колоній Индустана. Французы владѣютъ въ Индіи, въ южной части полуострова, областями Пондишери, Чандернагоръ, Махэ, Карикаль, Янаонъ. За устройство городка этихъ колоній взялся извѣстный писатель Ренэ де-Понъ-Жестъ, который провелъ всю свою молодость въ Индіи. Главнымъ зданіемъ городка будетъ грандіозная и чрезвычайно эффектная на видъ пагода Вишну—бога хранителя, второго лица индусской тримурти (троицы). Ее строитъ Альфонсъ Симиль, стяжавшій себѣ славу многочисленными работами по реставраціи древностей. Средній куполъ этой пагоды возвышается надъ землею на 150 футовъ; всѣ ея украшенія воспроизведены по слѣпкамъ, сдѣланнымъ на мѣстѣ, то есть въ Индіи, съ оригинальныхъ индусскихъ украшеній. Тутъ опять таки преслѣдовалась все та же точность и близость къ оригиналу, какая положена въ основу всѣхъ подобнаго рода работъ на выставкѣ. Внутренность пагоды служитъ и храмомъ, и театромъ. Изъ Индіи выписана цѣлая армія браминовъ, баядерокъ, всякаго рода фокусниковъ и акробатовъ. Богослуженіе, по строжайшему чину браминской религіи, будетъ совершаться подлинными браминами на санскритскомъ языкѣ, при звукахъ индусской музыки и колоколовъ и будетъ сопровождаться религіозными плясками баядерокъ. Здѣсь не лишнее кстати сказать нѣсколько словъ объ этихъ восточныхъ балеринахъ, которыхъ многіе въ Европѣ знаютъ только по названію.

Баядерки набираются изъ изящнѣйшихъ дѣвушекъ страны. Ихъ вербуютъ въ ранней молодости и даютъ имъ въ храмахъ довольно тщательное образованіе. Большинство индусскихъ дѣвушекъ совсѣмъ невѣжественны и безграмотны. Баядерки же обучаются не только танцамъ, музыкѣ и пѣнію, но сверхъ того и грамотѣ. Онѣ знаютъ санскритъ—священный языкъ, на которомъ написаны веды и великія поэмы Индіи «Рамайяна» и «Махабхарата»; онѣ заучиваютъ наизусть большіе отрывки изъ этихъ произведеній древнѣйшей въ мірѣ литературы. Онѣ мастерски играютъ на изящныхъ трехструнныхъ „ситара“.

Баядерки дѣлятся на постоянныхъ членовъ причта индусскихъ храмовъ, такъ называемыхъ девадаси, и публичныхъ танцовщицъ—нанчнэ. Нерушимый древній обычай укрѣпилъ за ними нѣкоторыя привилегіи, которыя свято соблюдаются не только индусами, но и англичанами. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Индіи свирѣпствовали туги, сектанты, обожатели кровожадной богини смерти Кали, которые душили всякаго, кто попадалъ въ ихъ руки, однѣ только баядерки ничуть не опасались ихъ: туги никогда ихъ не трогали. По индусскому обычаю, у баядерки нельзя за долги отбирать ея украшеній, подобно тому, какъ у ремесленника нельзя отбирать инструментовъ—орудій ремесла, которымъ онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе.

Въ Индіи безъ баядерокъ не обходится ни одно торжество, ни общественное, ни частное. Правда, въ частный домъ могутъ приглашать танцорокъ только люди достаточные, потому что надо хорошо одарить этихъ гурій. Иная изъ нихъ надѣваетъ на себя на 5—10 тысячъ рублей всякихъ украшеній и драгоцѣнностей.

Девадаси живутъ въ храмахъ; но онѣ не затворницы и пользуются полною свободою, могутъ идти куда угодно и когда угодно. При выходѣ ихъ, правда, сопровождаетъ вооруженная стража; но это не конвойные, а почетные тѣлохранители.

Пагода Вишну, какъ уже сказано, служитъ не только храмомъ, но и театромъ. Когда брамины справятъ свою службу, тогда на особой сценѣ будутъ выступать всякіе лицедѣи, кудесники и фокусники, какими кишатъ города Индіи. Тутъ будутъ показывать свои неимовѣрныя упражненія акробаты, эквилибристы и жонглеры. Все это — полуголый народъ, котораго нѣтъ возможности заподозрѣть въ какомъ бы то ни было ухищреніи, въ пользованіи искусными декораціями, машинами, приспособленіями, аппаратами. У этихъ фокусниковъ все совершается на виду, открыто, такъ сказать, по «чистой совѣсти». Изумительное терпѣніе въ дрессировкѣ—вотъ единственный рессурсъ, которымъ они располагаютъ.

На смѣну фокусникамъ и акробатамъ являются другіе кудесники. Здѣсь можно видѣть укротителей змѣй, доставляющихъ одно изъ самыхъ удивительныхъ и подирающихъ по кожѣ зрѣлищъ. Они работаютъ съ очковыми змѣями, укушеніе которыхъ можно считать безусловно смертоноснымъ. Укротитель играетъ на какой-то первобытной дудочкѣ, а ядовитыя гадины пляшутъ передъ нимъ. Какъ они умиротворяютъ этихъ тварей—это ужь ихъ секретъ; вѣроятно, вырываютъ у нихъ ядовитые зубы.

Въ подвальномъ этажѣ пагоды Вишну помѣщается большой музей восковыхъ фигуръ. Здѣсь собрано въ художественныхъ изваяніяхъ все, что только породилъ страннаго, чудовищнаго безграничный религіозный фанатизмъ индусовъ. Здѣсь, напримѣръ, выставлены восковыя фигуры факировъ-самоистязателей. Какъ извѣстно, эти благочестивые люди, ради снисканія вѣчнаго блаженства (отчасти также и ради насущнаго хлѣба), продѣлываютъ надъ собою безпощадные опыты: остаются цѣлыми днями, недѣлями, мѣсяцами неподвижно въ какой-нибудь сверхъестественной позѣ, закапываются живьемъ въ землю, подвѣшиваются высоко надъ землею на крюкахъ, которые загоняютъ себѣ подъ кожу или даже подъ ребра, и т. д. Иные наносятъ себѣ раны, подвергаютъ себя всяческимъ истязаніямъ, кидаются подъ колесницы боговъ, колесами которыхъ ихъ давятъ на смерть. Въ восковомъ музеѣ пагоды Вишну собраны всѣ, какія только случалось подмѣтить, формы самоистязанія индусовъ подъ наитіемъ благочестія.

Не забыты, конечно, на выставкѣ ремесленники и кустари Индіи. Какъ и въ другихъ колоніальныхъ отдѣлахъ, они на глазахъ публики выдѣлываютъ разныя украшенія, мелкія вещи, оружіе, посуду, и т. д. Устроенъ ресторанъ съ индусскою кухнею, играетъ оркестръ туземныхъ музыкантовъ. Ренэ де-Понъ-Жестъ самъ объѣздилъ французскія колоніи въ Индіи и лично нанялъ всю толпу туземцевъ, которые служатъ на выставкѣ; нѣтъ ни одного поддѣльнаго, переодѣтаго европейца, всѣ участники, вся прислуга индусы.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ волей-неволей приходится нѣсколько отступить отъ строгой группировки матеріала нашего описанія выставки. Она еще неготова и о многомъ пока еще невозможно было получить свѣдѣнія. Мы перейдемъ теперь пока къ описанію зданій отдѣловъ, дворцовъ или палатъ (Palais), какъ ихъ принято называть у французовъ, по мѣрѣ появленія о нихъ свѣдѣній.

Общій видъ длинныхъ рядовъ этихъ палатъ читатели могутъ обозрѣть по прилагаемымъ рисункамъ (81 и 82). На одномъ изъ нихъ представлено новое авеню Николая II. Здѣсь на первомъ планѣ, вправо и влѣво отъ зрителя (который предполагается ставшимъ у авеню Елисейскихъ Полей, лицомъ къ рѣкѣ), высятся громады выставочныхъ дворцовъ—Большого и Малаго, — направо Большой, налѣво Малый. Между ними оставлено довольно значительное пространство, не менѣе ширины Сены, судя по плану, т. е. 45—50 саженъ; эта площадка между дворцами, едва ли не лучшими зданіями на выставкѣ, не останется, конечно, пустою: на ней разводятся роскошные цвѣтники, въ строгой школѣ французскаго декоративнаго садоводства; купы зелени и цвѣтовъ оживятъ громадные каменные фасады дворцовъ. Далѣе, тотчасъ за дворцами, выступаютъ прелестные колонны (пилоны) новаго сенскаго моста, имени въ Бозѣ почивающаго императора Александра III. За мостомъ идетъ обширная часть выставки—цѣлая улица палатъ, между которыми оставленъ широкій проходъ, замыкаемый на заднемъ планѣ величественнымъ куполомъ Инвалиднаго дома.

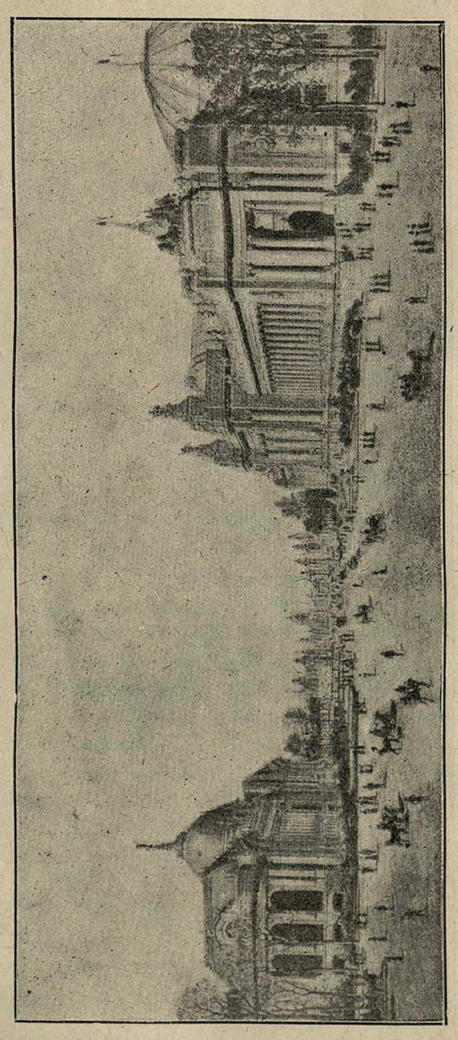

Рис. 81. Перспектива новыхъ дворцовъ и площади Инвалидовъ.

На другомъ (82) рисункѣ представлена только что упомянутая улица построекъ отдѣловъ, идущая отъ моста Александра III вплоть до дома Инвалидовъ. Направо—отдѣлъ національныхъ мануфактуръ, гдѣ собраны произведенія такихъ знаменитыхъ фабрикъ, какъ гобеленовая, Бовэ и др.; за этимъ дворцомъ, по той же правой сторонѣ, идутъ отдѣлы декоративнаго искусства и меблировки, далѣе— общественныхъ зданій и частныхъ жилищъ, наконецъ, отдѣлъ разныхъ отраслей промышленности. Налѣво, противъ дворца

національныхъ мануфактуръ, вполнѣ ему подобный по наружному виду такой же дворецъ, и за нимъ опять таки такого же вида и размѣра цѣлый рядъ изящныхъ фасадовъ, что и направо, и съ такими же экспозитами. Такимъ образомъ, тутъ направо и налѣво отъ главнаго прохода, отъ

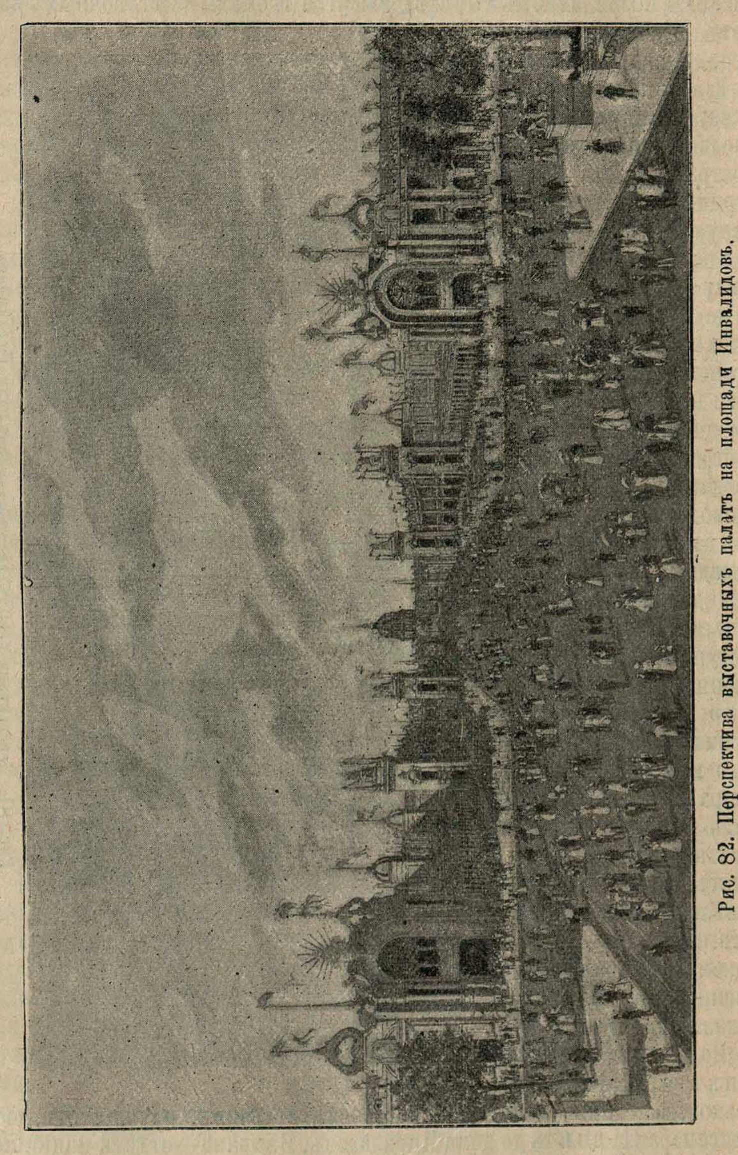

Рис. 82. Перспектива выставочныхъ палатъ на площади Инвалидовъ.

этой просторной улицы, идущей отъ моста Александра III къ дому Инвалидовъ, будутъ одни и тѣ же отдѣлы, такъ что выйдетъ, какъ будто каждый отдѣлъ перерѣзанъ на-двое этою улицею. Все это—такъ называемыя палаты новаго авеню, которому дано названіе имени Его Величества Императора Николая II. Впрочемъ, потомъ всѣ эти постройки,

несомнѣнно, будутъ разрушены и площадь передъ домомъ Инвалидовъ приметъ свой обычный будничный видъ.

Въ заключеніе этой главы скажемъ два слова объ изящномъ жетонѣ, изготовленномъ для всѣхъ посѣтителей выставки, имѣющихъ надобность бывать на ея территоріи до ея открытія. Сначала съ этою цѣлью выдавались особые билеты, срокомъ на три мѣсяца. Потомъ, по мѣрѣ возрастанія числа экспонентовъ, начавшихъ устраивать свои отдѣлы, и представителей печати, интересовавшихся ходомъ работъ, понадобилось измѣнить этотъ порядокъ, и тогда стали выдавать билеты съ

Рис. 83. Жетонъ для входа на выставку.

наклеенными на нихъ фотографическими портретами лицъ, получившихъ право свободнаго входа на выставку. Въ послѣднее же время эти билеты замѣнили особыми жетонами, видъ которыхъ представленъ на рис. 83. Рисунокъ жетона принадлежитъ Даніелю Дюпюи, извѣстному граверу и чеканщику медалей, который проектировалъ модели новыхъ бронзовыхъ французскихъ монетъ. Внѣшній видъ жетона ясенъ по рисунку. На верхушкѣ сдѣлано ушко, съ изображеніемъ двухъ переплетающихся змѣй; за это ушко жетонъ можно подвѣшивать. На одной сторонѣ фигура Славы съ трубою и оливковою вѣтвью; сверху надпись «Exposition universelle», снизу: «Paris, 1900». На оборотной сторонѣ фигура дюжаго кузнеца, созерцающаго возводимыя вдали постройки. Жетонъ, выдѣланный изъ золоченаго серебра, представляетъ собою очень изящную вещицу, которую можно нацѣпить на часовую цѣпочку въ видѣ брелока.

ГЛАВА VIII.

Французскіе колоніальные отдѣлы и ихъ постройки.—Тунисъ, Мадагаскаръ.—Дворецъ одеждъ.—Дворецъ электричества.

Французскія колоніи, какъ мы уже видѣли по Камбоджѣ и пагодѣ Вишну, блестяще представлены на выставкѣ. Пользуясь только-что опубликованными въ послѣднихъ номерахъ выставочнаго журнала

«L'Exposition de Paris 1900» свѣдѣніями о тунисскомъ и мадагаскарскомъ отдѣлахъ, мы помѣщаемъ здѣсь рисунки и описанія этихъ отдѣловъ. Оба эти городка, кстати, представляютъ какъ бы продолженіе того ряда полу-экспозитовъ, полу-развлеченій, которымъ мы посвятили послѣднія главы нашего описанія.

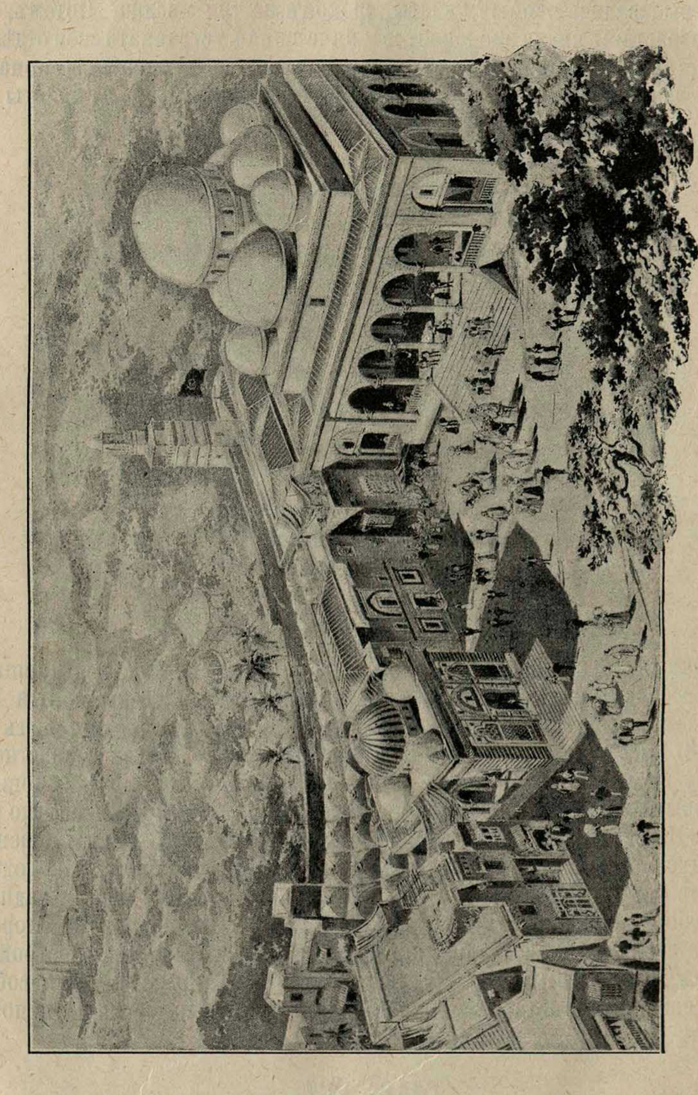

Рис. 84. Тунисскій городокъ на выставкѣ колоній.

Тунисскій отдѣлъ обратилъ на себя вниманіе публики еще на предшествовавшей выставкѣ 1889 года. Тогда постройки были возведены архитекторомъ Саладеномъ, и теперь ему же было вновь поручено устройство этого отдѣла. Онъ много странствовалъ по Тунису, изучая памятники его старины, въ которыхъ перемѣшались всѣ стили классическаго міра, такъ что тунисскій стиль хотя и похожъ на мавритан-

скій, но заимствовалъ отъ него только главныя черты и щедро прибавилъ къ нимъ много чуждаго.

Тунисскій отдѣлъ на выставкѣ помѣщается близъ Іенскаго моста, между дворцомъ Трокадеро и Сеною, т. е., значитъ, въ общей группѣ французскихъ колоній. По наружному виду это—цѣлый городокъ, вродѣ, напримѣръ, описанныхъ нами Китайскаго или стараго Парижа; подъ нимъ занято около $^1/_3$ десятины. Все мѣсто обнесено стѣною и постройками, такъ что представляетъ замкнутую площадь. Тутъ есть все, что можетъ характеризовать тунисскую жизнь—базаръ, лавочки, кофейни и даже мечеть, и въ ней будетъ отправляться богослуженіе, за которое устроителямъ выставки, конечно, будутъ благодарны многочисленные магометане, собирающіеся на выставку и служащіе при ней. Постройки расположены въ настоящемъ восточномъ порядкѣ, т. е. въ вопіющемъ безпорядкѣ; восточные люди недолюбливаютъ улицъ, въ нашемъ смыслѣ слова, т. е. прямыхъ, строго выравненныхъ линій домовъ; ихъ жилища то углубляются внутрь ряда, то безцеремонно выступаютъ впередъ, какъ вздумается домовладѣльцу; часто межъ двухъ сосѣднихъ домовъ перекидывается арка и подъ ней начинается переулокъ, большею частью глухой. Такъ именно располагаются и выставочные домики. Мѣстами воспроизведены по возможности законченно полные дворы тунисскаго населенія. Объ украшеніяхъ, башенкахъ, рѣшеткахъ, рисункахъ на стѣнахъ нечего и говорить; все это, конечно, точно скопировано съ ходячихъ тунисскихъ образцовъ. Приняты даже мѣры къ тому, чтобы эти постойки не казались новыми, нарядными, выставочными; кое-гдѣ видны облѣзлыя мѣста на стѣнахъ, выкрошившіеся кирпичи, отбитые углы и карнизы и пр.; принято даже въ разсчетъ то дѣйствіе, которое оказываетъ въ тропическихъ странахъ тамошнее горячее солнышко на окраску наружныхъ частей строеній. Всѣ постройки сдѣланы въ натуральныхъ размѣрахъ; это не представляло большихъ затрудненій, потому что въ Тунисѣ народъ не любитъ крупныхъ домовъ. Главная постройка здѣсь, конечно, храмъ Аллаха—мечеть. Она скопирована съ извѣстной тунисской мечети Сиди-Маареса, построенной въ XVII вѣкѣ; въ эту мечеть, кстати замѣтить, до сихъ поръ не допускаютъ христіанъ. Даже самъ Саладенъ не могъ добиться, чтобы его впустили въ мечеть; онъ убѣждалъ, что этотъ осмотръ ему необходимъ во славу Пророка, потому что такую же мечеть выстроятъ въ Парижѣ и въ ней будутъ служить мусульманскіе муллы,—ничего не помогло, нельзя и кончено! Пришлось ограничиться снимками наружнаго вида таинственной мечети, а внутренность ея устроить по догадкамъ и соображеніямъ, частью по слухамъ. Послѣ мечетей особенно интересно будетъ обозрѣть тунисскій базаръ. Это отдѣльная постройка, нѣчто вродѣ обширнаго сквозного сарая, на колоннахъ, чрезвычайно ярко расписанныхъ разными крикливыми цвѣтами. Тутъ толкутся толпы мѣстныхъ купцовъ. На выставку выписаны, по возможности, представители всѣхъ отраслей тунисской торговли; здѣсь можно будетъ видѣть ткани, кайруанскіе ковры, оружіе съ отдѣлкою изъ коралловыхъ инкрустацій, кожаный товаръ, отдѣланный шелковыми и золотыми вышивками, разную одежду. Наконецъ, не малый интересъ представляетъ въ тунисскомъ городкѣ особый павильонъ, гдѣ собраны мѣстныя древности;

не надо забывать, что по своему географическому положенію Тунисъ былъ мѣстомъ, гдѣ сходились всѣ культуры древняго историческаго міра—греческая, римская, финикійская, карѳагенская, арабская, египетская. Все, что осталось отъ этихъ древнихъ культуръ въ Тунисѣ, по возможности, подобрано въ этомъ павильонѣ.

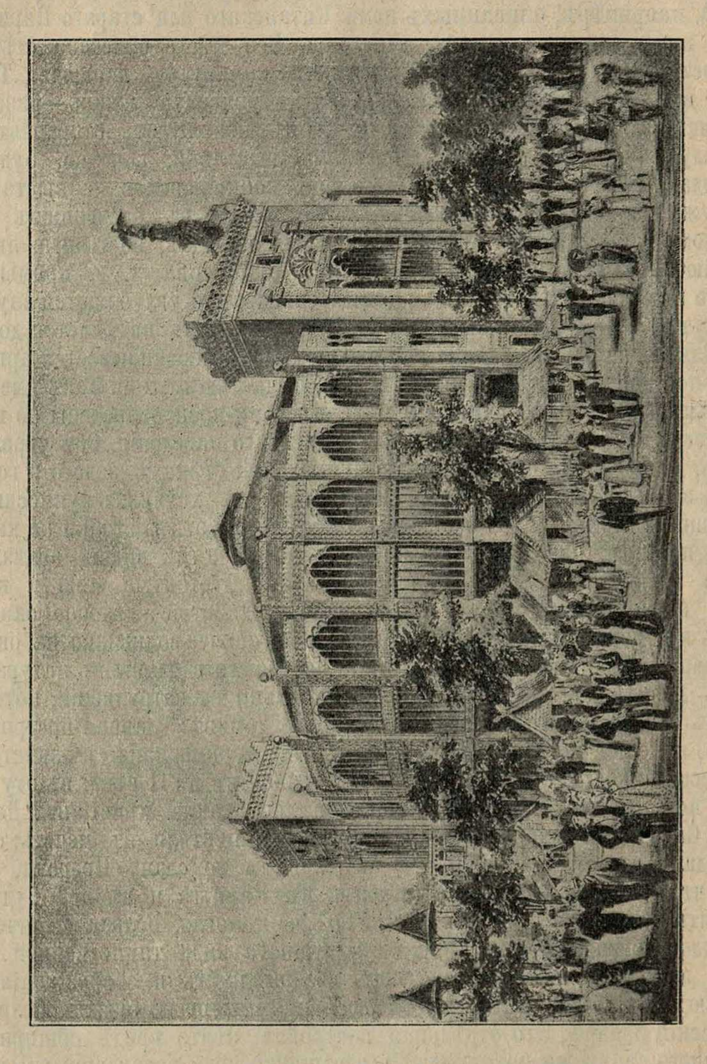

Рис. 85. Зданіе Мадагаскарскаго отдѣла.

Мадагаскарскій отдѣлъ сначала собирались помѣстить въ зданіи, которое должно было представлять копію съ серебрянаго дворца въ Тананаривѣ. Но на постройку зданія по такому проекту не хватало назначенныхъ денегъ. Тогда рѣшено было выстроить ту ротонду, которая представлена на нашемъ рисункѣ (85). Ея проектъ разработанъ инженеромъ Жолли и архитекторомъ Нено. Отъ первоначальнаго проекта серебрянаго дворца въ этой постройкѣ оставленъ только одинъ орелъ, ко-

торый увѣнчиваетъ башню надъ входомъ. Круглая фигура зданія указывалась самымъ участкомъ, на которомъ оно построено; подъ него отвели большой бассейнъ, находящійся въ этомъ мѣстѣ на Трокадерской площади. Ротонда соединена съ Трокадеро мостикомъ. Внутреннее устройство постройки незатѣйливое: въ центрѣ устроена обширная платформа, а по стѣнамъ идетъ полотнище панорамы, представляющей взятіе Тананаривы и исполненной художникомъ Тинеромъ, который участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Для европейцевъ, не бывавшихъ на Мадагаскарѣ, эта панорама явится любопытнымъ и своеобразнымъ зрѣлищемъ; почва тамъ обыкновенно отличается рѣзкимъ и яркимъ красно-охрянымъ цвѣтомъ, дающимъ разительный контрастъ съ роскошною зеленью тропической растительности. Вокругъ полотнища панорамы, т. е. позади его, между нимъ и стѣнами зданія, образуется громадное кольцо-корридоръ, въ которомъ и размѣщены всѣ экспозиты Мадагаскара, главнымъ образомъ, конечно, вывозимое оттуда сырье. Подъ платформою панорамы расположены всѣ главныя характеристическія произведенія животнаго и растительнаго міра острова; всѣ эти образцы размѣщены на изящной скалѣ или горкѣ, которая, подобно островку, возвышается среди воды бассейна, надъ которымъ построена ротонда. Вокругъ ротонды, внѣ бассейна, поставлены маленькія убогія хижины и соломенные шалаши—всѣ типическія разновидности жилыхъ построекъ туземцевъ острова Мадагаскара. Матеріалъ, изъ котораго тамъ возводятъ постройки, очень разнообразенъ: иные бьютъ стѣны изъ глины, другіе строятъ глино-хворостовыя плетушки; третьи строятъ также изъ бревенъ и досокъ, изъ древесной коры и даже просто-на-просто изъ рогожъ, тканыхъ изъ волокна пальмовыхъ листьевъ.

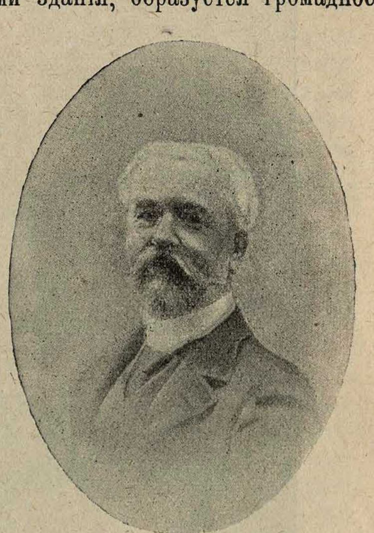

Рис. 86. Феликсъ, строитель дворца одеждъ.

Франція всегда была законодательницею модъ и до сихъ поръ удержала за собою эту почетную и далеко не безвыгодную позицію. Понятно, что моды должны и на выставкѣ занять весьма выдающееся мѣсто. Чтобы представить ихъ, въ возможной полнотѣ, архитекторъ Феликсъ проектировалъ особую палату, которая построена на Марсовомъ полѣ и носитъ названіе дворца одеждъ (Palais des costumes). Зданіе само по себѣ очень изящное, но о его наружномъ видѣ не стоитъ распространяться, потому что въ этомъ отношеніи оно ничѣмъ не превзойдетъ другихъ построекъ. Но весьма оригинальна мысль представить исторію одеждъ въ видѣ коллекціи одѣтыхъ фигуръ. По этому поводу въ выставочномъ журналѣ припоминается старинный анекдотъ. Одному художнику было поручено изобразить исторію одеждъ всѣхъ народовъ земного шара, избравъ для этого особенно характеристическій для каждаго на-

рода костюмъ. Пока художникъ изображалъ прочіе народы, у него дѣло шло гладко, но когда приступилъ къ французу, онъ призадумался, и наконецъ придумалъ престранную штуку: онъ изобразилъ совершенно нагого человѣка, держащаго въ рукѣ штуку матеріи. Этою аллегоріею онъ хотѣлъ указать на характеристическую черту французской одежды—

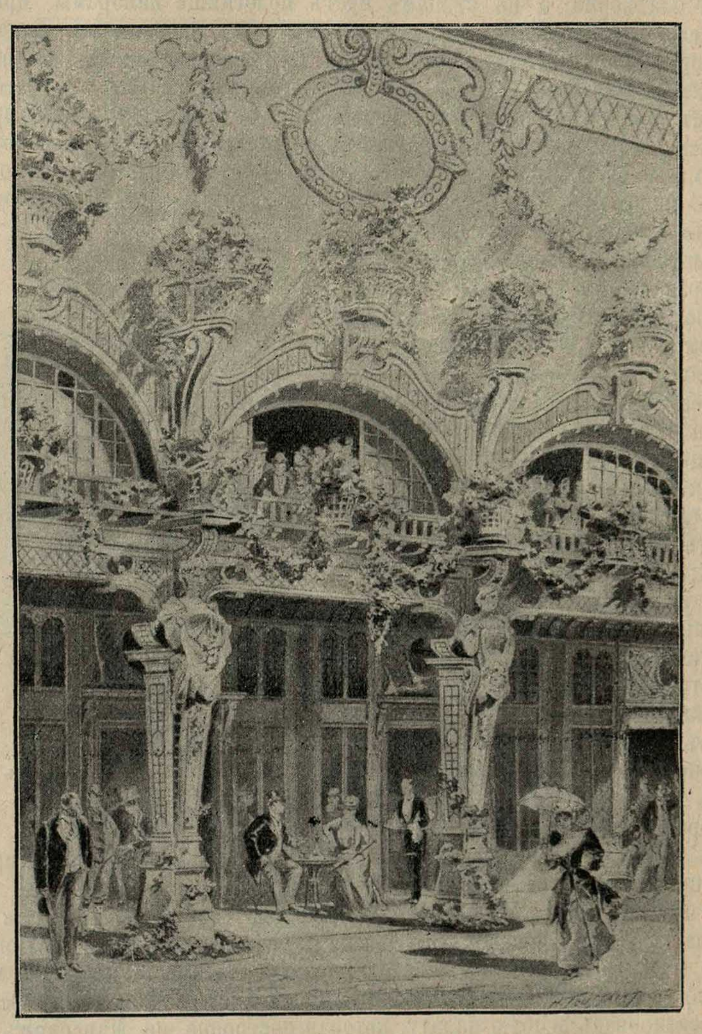

Рис. 87. Дворецъ одеждъ.

неуловимую подвижность и измѣнчивость ея формъ или, другими словами, моды. Феликсъ задался мыслью представить всю исторію моды не въ рисункахъ и моделяхъ, а въ фигурахъ, въ манекенахъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, съ галловъ, и кончая послѣдними словами моды временъ Консульства и Директоріи. Но выставить тысячи разряженныхъ куколъ въ рядъ было бы достаточно скучное и

утомительное зрѣлище; надо было во что бы то ни стало устранить эту музейную монотонность. Феликсъ и придумалъ размѣстить своихъ куколъ въ живописныхъ группахъ и въ разныхъ положеніяхъ. Вдобавокъ, во дворцѣ одеждъ выставлены не всѣ безъ исключенія разновидности модъ—это загромоздило бы залы массою однообразныхъ фигуръ,—а избраны изъ каждой эпохи, изъ каждой полосы въ превращеніяхъ костюма лишь наиболѣе характеристическіе образцы. Говорятъ, что Феликсъ, въ компаніи съ сотрудниками-спеціалистами, потратилъ не мало труда на изученіе модъ и на выборъ нужныхъ образцовъ. Такимъ образомъ, каждая эпоха въ исторіи моды представлена особою цѣльною группою фигуръ, главнымъ образомъ женскихъ; кавалеры при нихъ только для разнообразія и дополненія. Всѣ куклы чуть-чуть больше натуральной величины, такъ какъ вообще замѣчено, что изображеніе человѣка въ натуральный ростъ кажется, по какому-то странному обману зрѣнія, по крайней мѣрѣ большинству зрителей, меньше натуральной величины. На головахъ куколъ натуральные человѣческіе волосы, надлежащимъ образомъ причесанные и убранные. Ткань одеждъ строжайше согласована съ историческою правдою. Иныя ткани было невозможно въ настоящее время отыскать въ продажѣ; ихъ нарочно выткали, по особому заказу. Вся декоративная часть—колонны, двери, меблировка—точно также всюду сдѣлана въ соотвѣтствующемъ группѣ стилѣ, все это было тщательно изучено и выдѣлано по подлиннымъ стариннымъ образцамъ. Такимъ образомъ, въ этомъ удивительномъ дворцѣ можно будетъ, напримѣръ, видѣть весьма правдоподобную группу древнихъ галлокъ, пріютившихся подъ кровомъ древней хижины, выстроенной въ тѣни дубоваго лѣса, гдѣ когда-то друиды искали священную вѣтвь омелы. За галлами слѣдуетъ кучка галло-римлянокъ, возлежащихъ вокругъ стола. Затѣмъ выступаютъ представительницы временъ Карловинговъ, далѣе—дамы Среднихъ вѣковъ, времени Возрожденія, Фронды, Людовика XIV, Консульства, Директоріи. Всѣ костюмы исполнены по рисункамъ и подъ наблюденіемъ Тома, извѣстнаго рисовальщика театральныхъ костюмовъ.

Нечего и говорить о томъ, какіе эффекты сулитъ на выставкѣ электричество, особенно электрическое освѣщеніе. Оно весьма щедро разлито по всей ея громадной площади. Но для представленія его въ полномъ блескѣ выстроенъ еще особый дворецъ, который такъ и называется электрическимъ и въ то же время водянымъ, потому что одно изъ самыхъ дивныхъ примѣненій электрическаго свѣта—это именно примѣненіе его яркой игры къ движущейся водѣ, къ фонтанамъ и каскадамъ. На эту постройку было представлено нѣсколько проектовъ, и изъ нихъ избраны проекты архитекторовъ Энара и Полена. Энаръ—одинъ изъ парижскихъ городскихъ архитекторовъ; онъ былъ смотрителемъ извѣстной громадной галереи машинъ на предшествовавшей выставкѣ 1889 года. Поленъ—архитекторъ и ученый писатель, авторъ цѣннаго изслѣдованія о римскихъ баняхъ. Зданіе въ окончательномъ видѣ выстроено по проекту, составленному изъ двухъ проектовъ. Для постройки его отведено мѣсто въ самой глубинѣ того громаднаго «П», которое образуютъ выставочныя зданія на Марсовомъ полѣ, позади башни Эйфеля. Просимъ взглянуть на планъ выставки, помѣщенный въ февральской книжкѣ нашего журнала. Въ лѣвой сторонѣ этого

плана представлено расположеніе выставочныхъ зданій на Марсовомъ полѣ, расположенныхъ покоемъ между авеню Лябурдонэ, авеню Сюффрена и кварталомъ военнаго училища. Какъ разъ противъ главнаго подъѣзда этого училища приходится грандіозный выставочный залъ празднествъ, а за нимъ сейчасъ же, въ сторону рѣки, выстраивается дворецъ электричества; его мѣсто на планѣ отмѣчено французскою надписью: «Electricité». Такимъ образомъ, этотъ дворецъ-свѣточъ находится въ самомъ средоточіи выставочныхъ построекъ. Постройка, какъ можно заключить даже по нашему небольшому рисунку, въ высшей степени эффектна. Тонкое полосовое желѣзо и стекло — вотъ главные матеріалы, изъ которыхъ сооружается это зданіе, представляющее какъ бы огромнѣйшую бонбоньерку изъ желѣзнаго кружева. Мощный каскадъ воды, цѣлый водопадъ, изливается изъ главной арки зданія и вода стекаетъ въ прелестный бассейнъ, устроен-

Рис. 88. Энаръ, строитель дворца электричества.

Рис. 89. Поленъ, строитель дворца электричества.

ный передъ дворцомъ. Здѣсь публика увидитъ все, чего можно достигнуть въ настоящее время по части примѣненія электрическаго свѣта къ иллюминаціи. Съ помощью безчисленныхъ свѣточей, дуговыхъ и калильныхъ, будутъ устраиваться настоящіе фейерверки. Будетъ мгновенно вспыхивать цѣлый снопъ красныхъ огней, потомъ внезапно тухнуть и смѣняться такимъ же снопомъ синихъ. Массы воды будутъ освѣщаться невидимыми источниками свѣта сзади и снизу; вода будетъ литься, вся пронизанная свѣтомъ, какъ бы самосвѣтящаяся. Всевозможные переливы ея цвѣтовъ, цѣлыя молніи въ ея массѣ будутъ загораться и погасать съ волшебною быстротою. Свѣтящіеся фонтаны заведены уже давно, публика любовалась ими на всѣхъ послѣднихъ большихъ выставкахъ, но на этотъ разъ въ Парижѣ будетъ, несомнѣнно, превзойдено все, чѣмъ до сихъ поръ приходилось любоваться. Дворецъ электричества построенъ въ два этажа. Въ нижнемъ этажѣ выставлены динамо-электрическія машины громадныхъ размѣровъ. Верхній этажъ содержитъ всевозможные экспозиты по части техниче-

скихъ приложеній электричества. Эта часть зданія непосредственно сообщается съ заломъ празднествъ, о которомъ мы упоминали. Этотъ залъ, какъ можно видѣть на планѣ (гдѣ онъ обозначенъ надписью: «Salle des Fêtes»), раздѣляетъ на два крыла большой сельско-хозяйствен-

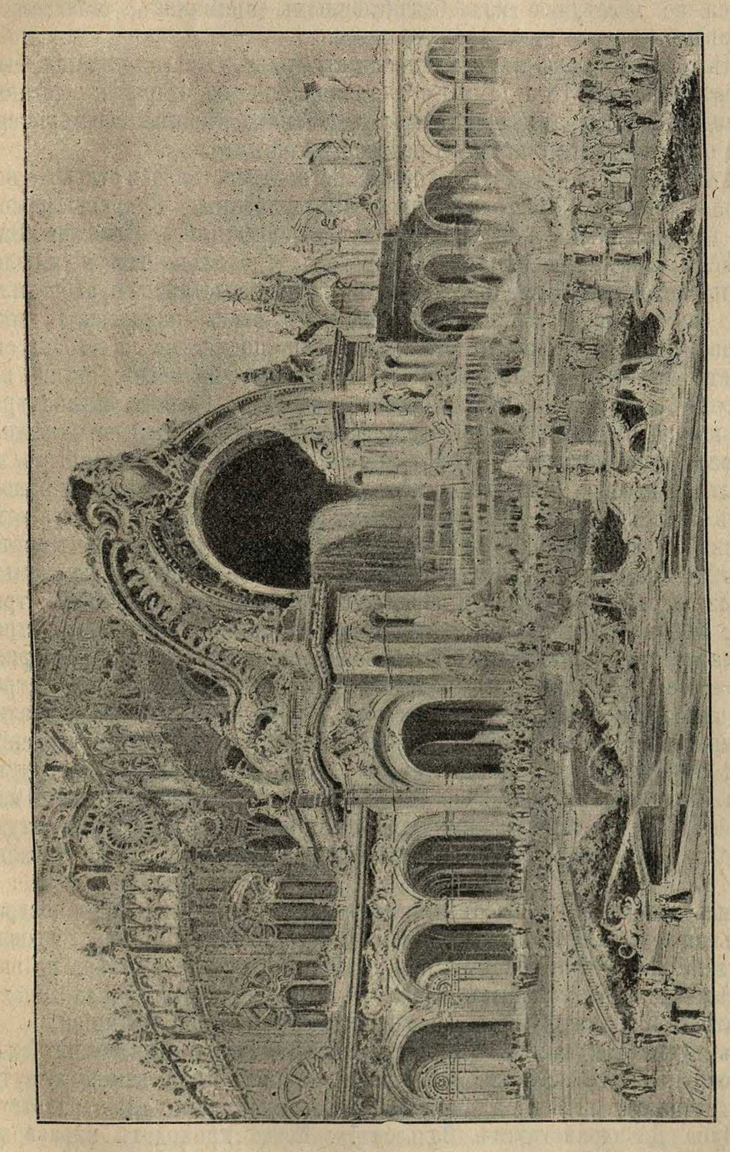

Рис. 90. Дворецъ электричества и фонтановъ.

ный отдѣлъ: налѣво группа земледѣлія, направо—питательныхъ веществъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ залъ празднествъ построенъ въ разсчетѣ на пятнадцать тысячъ зрителей. Мы не упомянули еще о громадной фигурѣ Генія Электричества, которая поставлена на вершинѣ Электрическаго дворца. Геній этотъ металлическій, вѣроятно, цин-

ковый; его окружаютъ громадные лучи изъ полаго стекла, которые, будучи освѣщены изнутри, образуютъ вокругъ генія ореолъ громаднѣйшаго свѣтового напряженія. Такимъ образомъ, этотъ чудесный дворецъ, о которомъ пока, къ сожалѣнію, нельзя сообщить бо̀льшихъ подробностей, явится не послѣднею изъ безчисленныхъ приманокъ, обѣщаемыхъ выставкою.

Въ то время какъ мы оканчивали эту главу нашего описанія, были получены первыя телеграммы о состоявшемся уже открытіи выставки. Приводимъ здѣсь эти телеграммы и добавимъ къ нимъ кое-какія свѣдѣнія о состояніи выставки въ настоящую минуту.

ПАРИЖЪ, 1-го (14-го) апрѣля. Сегодня состоялось открытіе всемірной выставки 1900 года. День ясный, солнечный. Вокругъ Марсова поля безчисленныя толпы народа, въ праздничныхъ одеждахъ. Salle des Fêtes (залъ празднествъ, о которомъ мы только-что упоминали), гдѣ происходитъ самое торжество открытія выставки, преобразился какъ бы волшебствомъ; вчера еще онъ былъ заваленъ кучами мусора, вчера еще вездѣ стояли лѣса и подмостки, а сегодня онъ блещетъ чистотой и великолѣпенъ по своему убранству: стѣны всѣ изукрашены фресками, въ нишахъ стоятъ чудной работы скульптуры; тамъ и сямъ чудныя группы горельефовъ; громадный плафонъ мозаичной работы обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ приглашенныхъ на открытіе выставки, которые шумной, пестрой и нарядной толпой наполняютъ Salle des Fêtes. Въ толпѣ мелькаютъ блистательные туалеты, красивые военные мундиры, живописные костюмы всѣхъ странъ свѣта. Вдоль по стѣнамъ круглаго зала амфитеатромъ расположены скамьи, обитыя краснымъ бархатомъ; передъ ними помѣщаются громадныя трибуны. При входѣ въ залъ президента республики Лубэ оркестръ играетъ марсельезу, затѣмъ слѣдуютъ оваціи присутствующихъ по адресу Лубэ. На трибуну входитъ Мильеранъ, рѣчь котораго покрывается громомъ апплодисментовъ. Затѣмъ говоритъ Лубэ, но рѣчь его неоднократно прерывается рукоплесканіями и выраженіями живѣйшаго одобренія. Когда Лубэ кончилъ, восторженнымъ оваціямъ, казалось, не будетъ конца. По произнесеніи рѣчей торжественный кортежъ выходитъ изъ Salle des Fêtes и между толпами народа направляется къ Сенѣ, а оттуда на лодкахъ къ мосту Императора Александра III и на площадь Инвалидовъ.

Мильераномъ получена отъ министра финансовъ С. Ю. Витте поздравительная телеграмма съ выраженіемъ благодарности министру торговли за содѣйствіе, оказанное имъ при устройствѣ русскаго отдѣла на выставкѣ. Министръ говоритъ также въ этой телеграммѣ о взаимныхъ симпатіяхъ и узахъ дружбы, связывающихъ Россію съ Франціей.

Въ другой телеграммѣ изъ Парижа, также отъ 1-го апрѣля, мы читаемъ:

«Вокругъ Елисейскаго дворца и на Елисейскихъ Поляхъ по всему пути президента собралась громадная толпа. Слышны клики: «Да здравствуетъ Лубэ! Да здравствуетъ Вальдекъ!». Когда проходятъ кирасиры, толпа кричитъ: «Да здравствуетъ армія!». Съ высоты лѣсовъ вокругъ большого дворца рабочіе кричатъ: «Да здравствуетъ Лубэ! Да здравствуетъ президентъ республики!». Войска стоятъ шпалерами по пути президента».

Лубэ выѣхалъ изъ Елисейскаго дворца въ 1 ч. 45 мин., въ па-

радной коляскѣ, которую сопровождали другія четыре коляски съ министрами, между которыми не было только Галлифэ и Мильерана. Кортежъ съ конвоемъ кирасиръ прибылъ въ залъ празднествъ въ 2 часа. Лубэ былъ во фракѣ съ лентой Почетнаго Легіона. Его встрѣтили Мильеранъ, Пикаръ и высшіе чины администраціи выставки. Лубэ привѣтствовали представители державъ и иностранные коммиссары. Затѣмъ всѣ вошли въ залъ. Оффиціальныя лица, послы и иностранные коммиссары, а также публика привѣтствовали Лубэ кликами. Оркестръ исполнилъ марсельезу. Зрѣлище было грандіозное. Мильеранъ произнесъ рѣчь, на которую Лубэ отвѣчалъ. Президентъ съ сопровождавшими его лицами прошелъ въ гостиную, гдѣ Лубэ принялъ и поздравилъ иностранныхъ коммиссаровъ. Иностранные коммиссары выслушали рѣчь Лубэ стоя. Когда президентъ поднялся, чтобы говорить, изъ всѣхъ концовъ зала раздались единодушныя рукоплесканія иностранцевъ. Въ 3 ч. 25 м. Лубэ, въ сопровожденіи министровъ, пословъ, иностранныхъ коммиссаровъ, сенаторовъ, депутатовъ и др., прошелъ по Марсовому полю среди рукоплесканій толпы и въ 3 ч. 50 м. сѣлъ въ лодку, чтобы плыть по Сенѣ. Всѣ общественныя зданія и большинство частныхъ домовъ убраны флагами. Погода прекрасная. Большое оживленіе. Публики собралось на улицахъ множество еще съ утра. Открытіе выставки совпало съ освященіемъ двухъ сооруженій, носящихъ два дорогихъ для каждаго русскаго имени: Императоровъ Николая II и Александра III. Новая улица, начинающаяся у Елисейскихъ Полей двумя прекрасными дворцами изящныхъ искусствъ, получила имя Императора Николая II. Она тянется чрезъ мостъ Императора Александра III до Эспланады Инвалидовъ и представляетъ зрѣлище грандіозное, феерическое. Среди иностранныхъ русскій отдѣлъ самый законченный. Никогда промышленная Россія не являлась въ такомъ блистательномъ видѣ на европейской выставкѣ. 2.400 экспонентовъ различныхъ отдѣловъ расположились въ изящныхъ оригинальныхъ павильонахъ въ Трокадеро. Воспроизведеніе Кремля представляетъ архитектурную игрушку, которою публика очень восхищается. На Эспланадѣ Инвалидовъ взгляды приковываются изящной постройкой въ русскомъ стилѣ, заключающей въ себѣ выставку учрежденій Императрицы Маріи, гдѣ многочисленные предметы даютъ публикѣ обширное понятіе объ удивительныхъ дѣяніяхъ, внушаемыхъ благороднымъ сердцемъ русской Государыни. Президентъ республики горячо поздравилъ князя Тенишева и заявилъ, что спеціально посѣтитъ всѣ русскіе отдѣлы.

Въ телеграммахъ, полученныхъ на другой день по открытіи выставки, между прочимъ, сообщается, что на второй день по открытіи на выставкѣ былъ громадный наплывъ народа. Чрезъ одинъ главный входъ входило 3.000 человѣкъ въ минуту, но самый полный порядокъ господствовалъ повсюду. Иностранные павильоны постепенно пополняются, привлекая много публики. Парижъ имѣетъ такой видъ, какъ въ большіе праздники. Господствуетъ необычайное возбужденіе. Погода чудная.

Русскій отдѣлъ даетъ французской печати поводъ говорить о громадномъ промышленномъ и торговомъ прогрессѣ Россіи. «Evénement» сравниваетъ нынѣшнюю Россію съ Россіей, оффиціально участвовавшей въ послѣдній разъ на выставкѣ 1867 г., и ставитъ на видъ невѣроятный

прогрессъ ея во всѣхъ отрасляхъ искусства и промышленности. «Liberté», подробно описывая русскій отдѣлъ, заявляетъ, что тщательное знакомство съ собранными въ немъ богатствами даетъ посѣтителю точное понятіе о новой промышленной державѣ, объ имперіи, которая еще нѣсколько лѣтъ назадъ ничего другого не могла выставить, кромѣ сырыхъ продуктовъ; теперь же она стоитъ на одномъ уровнѣ съ самыми цивилизованными народами. Говоря объ организаторахъ русскаго отдѣла, газета восхваляетъ общій планъ, мудро выработанный директоромъ департамента торговли и искусно выполненный генеральнымъ коммиссаромъ, извѣстнымъ инженеромъ княземъ Тенишевымъ, который въ сотрудничествѣ съ Вуичемъ сумѣлъ исполнить трудную задачу, увѣнчавшуюся теперь полнымъ успѣхомъ. Президентъ республики спеціально посѣтилъ русскій отдѣлъ, гдѣ посолъ князь Урусовъ вручилъ ему карту Франціи, истинное произведеніе искусства, выполненное изъ уральскихъ камней на Императорскомъ заводѣ. Этотъ Императорскій даръ будетъ послѣ выставки помѣщенъ въ Луврскомъ музеѣ.

Итакъ, выставка открыта. Но готова ли она? Это иной вопросъ. Къ сожалѣнію, почти всѣ корреспонденты, всѣ газеты Франціи и Европы въ одинъ голосъ твердятъ, что выставка вовсе еще неготова была ко дню открытія и что самое открытіе составляло какую-то почти забавную формальность. Кромѣ русскаго отдѣла, на выставкѣ нѣтъ ровно ничего вполнѣ законченнаго, да притомъ же и многія зданія далеко еще не готовы и въ нихъ еще нельзя ничего ставить. Лица, собравшіяся на торжество открытія, проходили въ залъ празднествъ черезъ земледѣльческій отдѣлъ; эта громадная постройка стоитъ еще совершенно пустая. Даже самый залъ празднествъ былъ наскоро, кое-какъ задѣланъ временными драпировками и декораціями, потому что и его стѣны все еще стоятъ наполовину голыя и неотдѣланныя. Поторопились только рестораторы да увеселители. Высказывается увѣренность, что полной законченности выставка едва ли достигнетъ раньше, какъ черезъ два мѣсяца, при усиленной работѣ.

Мы упомянули объ увеселеніяхъ выставки. Такъ какъ ихъ предприниматели имѣли очень серьезныя побужденія, чтобы поторопиться и быть готовыми ко дню открытія, то парижская печать, говоря о выставкѣ, теперь больше ими и занимается. Любопытно, между прочимъ, бросить взглядъ на общую стоимость всѣхъ увеселительныхъ предпріятій на выставкѣ. Высчитано, что однѣ только главныя увеселительныя приманки выставки стоили не менѣе 60 милліоновъ франковъ. Такъ, напримѣръ, ремонтировка башни Эйфеля, которая, несомнѣнно, будетъ привлекать тысячи иностранцевъ, жаждущихъ полюбоваться панорамою современнаго Вавилона съ такой необычайной высоты, обошлась въ 5.100.000 фр.; волшебный манежъ стоилъ 1.000.000 фр.; панорама Рима – 1.000.000 фр.; Парижъ 1440 г., нами уже описанный,— 850.000 фр.; древне-греческое ристалище Стадіонъ—1.500.000 франковъ; исполинскій театръ Колумбія--1.600.000 фр.; Иподромъ--3.000.000 фр.; большой циркъ, такъ называемый Cirque Palace, на Елисейскихъ Поляхъ—1.600.000 фр.; Везувій въ Парижѣ—1.000.000 фр.; разные рестораны--2.100.000 фр.; электрическіе пути сообщенія--4.000.000 фр.; архитектурное общество Трокадеро истратило 1.500.000 фр.; разныя второстепенныя заведенія—1.000.000 фр.; исполинскій глобусъ—

2.500.000 фр.; щвейцарская деревня—3.000.000 франковъ; панорама кругосвѣтнаго путешествія—2.000.000 фр.; Венеція въ Парижѣ—1.000.000 фр.; дворецъ костюмовъ—2.000.000 фр.; дворецъ женщинъ—

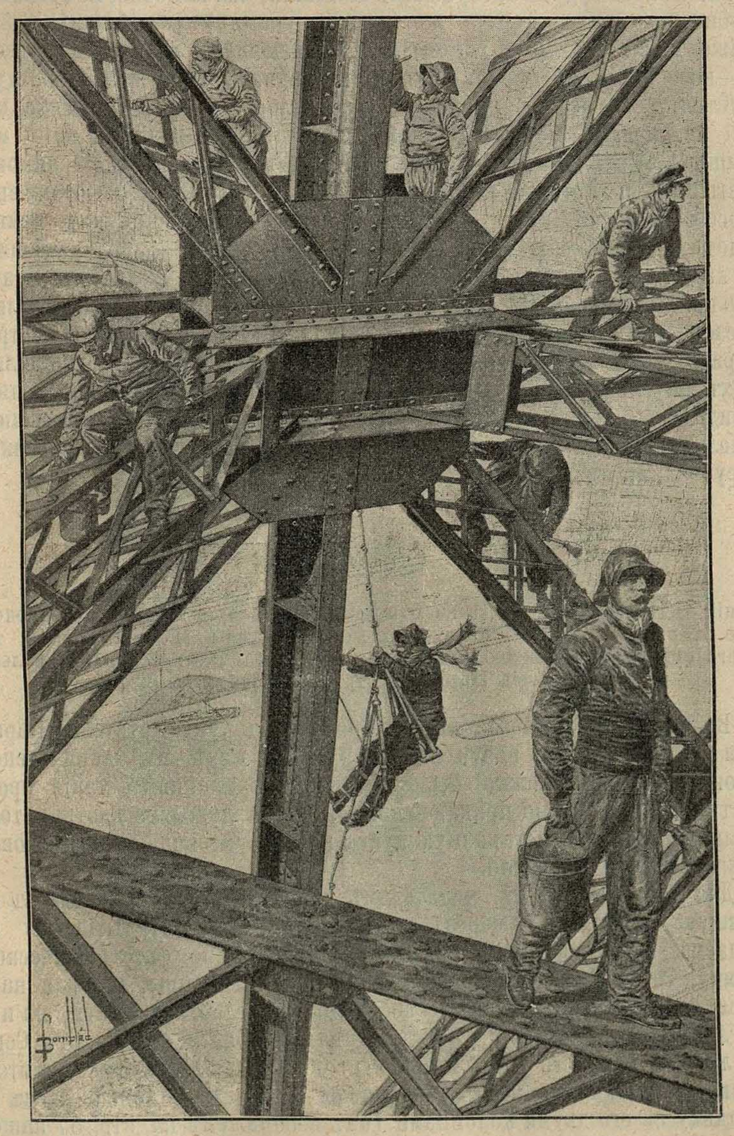

Рис. 91. Перекраска башни Эйфеля.

600.000 фр.; дворецъ танцевъ—750.000 фр.; разныя панорамы и діорамы — $3^1/_2$ мил. фр.; большое парижское колесо—4.000.000 фр.; дворецъ моря—1.000.000 фр.; улица въ Каирѣ—$1^1/_2$ мил. фр.; панорама морской битвы—1.000.000 фр.

Часть только-что перечисленныхъ увеселительныхъ выставочныхъ затѣй была нами описана, о другихъ мы, къ сожалѣнію, не имѣли подъ руками свѣдѣній; если такія свѣдѣнія окажутся въ нашемъ распоряженіи и самыя затѣи будутъ заслуживать вниманія, мы, конечно, не преминемъ сообщить о нихъ. Теперь же, кстати, упомянувъ о башнѣ Эйфеля, скажемъ два слова о ея ремонтѣ. Онъ заключался, главнымъ образомъ, въ возобновленіи окраски этого громаднаго сооруженія. Слѣдуетъ замѣтить, что на эту окраску потребовалось ни болѣе ни менѣе, какъ 700 метрическихъ центнеровъ краски, что составитъ на нашу мѣру свыше 4.000 пудовъ. Вершина башни выкрашена въ яркій лимонно-желтый цвѣтъ, который книзу постепенно сходитъ въ темно-оранжевый. Способъ окраски, какъ можно судить по нашему рисунку, немного напоминаетъ манеру нашихъ маляровъ, спокойно раскачивающихся на какой угодно высотѣ въ своихъ классическихъ люлькахъ. Правда, люльки, употребляемыя французскими малярами, гораздо основательнѣе и безопаснѣе нашихъ, тѣмъ не менѣе, парижане не безъ ужаса смотрѣли на работу этихъ маляровъ-пауковъ, висѣвшихъ на своихъ металлическихъ паутинахъ надъ 100-саженною бездною. Французскіе маляры, повидимому, также какъ и наши костромичи, народъ привычный, исполняющій свое опасное дѣло съ полнымъ равнодушіемъ, съ пѣсенками и трубочками въ зубахъ.

ГЛАВА IX.

Общій видъ выставки послѣ ея открытія.—Залъ празднествъ, гдѣ происходило открытіе.—Зданія набережной Сены: отдѣлы военно-морской; торговаго судоходства; лѣсоводства и охоты: палата конгрессовъ, павильонъ города Парижа и отдѣлъ садоводства.

Въ то время, какъ эта книга попадетъ въ руки читателя, Парижская выставка будетъ почти или, по крайней мѣрѣ, въ такой степени закончена, чтобы можно было считать устраненными такія происшествія, какъ недавно приключившееся когда довольно плотная толпа публики, обойдя выставочную пустыню, забунтовала и потребовала деньги за входъ обратно.

Для того, чтобы дать читателямъ понятіе о видѣ выставки въ настоящую минуту, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ ея открытія, мы помѣщаемъ здѣсь ея общій видъ, исполненный по фотографическому снимку. Этотъ видъ снятъ отъ церкви Св. Магдалины, которая находится по ту сторону (т. е. къ сѣверу) отъ Елисейскихъ Полей, на прямой линіи моста Согласія, примѣрно, на разстояніи версты отъ Сены. Въ лѣвомъ нижнемъ углу снимка—мостъ Согласія; затѣмъ, на этомъ берегу, недалеко отъ моста (вправо на рисункѣ) главный входъ на выставку съ его двумя колоннами (онъ изображенъ на стр. 57 нашего описанія); еще правѣе и повыше—Малый дворецъ Елисейскихъ Полей, а противъ него—Большой дворецъ, оба недавно открытые для обозрѣнія. Посреди рисунка идетъ бѣлая полоса Сены и на ней мосты: Александра III, съ его четырьмя пилонами по концамъ, и за нимъ мостъ Инвалидовъ. На заднемъ планѣ высится башня Эйфеля, влѣво отъ нея, на краю рисунка—колесо съ вагонами (см. стр. 61), а по-

ниже его огромное зданіе—залъ празднествъ и ряды разныхъ отдѣловъ выставки.

Приступить теперь къ описанію одного за другимъ этихъ отдѣловъ мы еще не имѣемъ возможности, главнымъ образомъ потому что, кромѣ нашего русскаго и художественнаго, ни одинъ изъ нихъ еще не готовъ. Въ настоящее время работаютъ пока еще только увеселительные элементы выставки, и на нихъ и устремляется вся толпа посѣтителей. При томъ же у насъ остаются еще неописанными нѣкоторыя большія зданія выставки, собственно зданія отдѣловъ. Мы избираемъ изъ нихъ лишь нѣкоторыя, потому что многіе отдѣлы выстроены по одинаковому плану и описаніе ихъ было бы безполезнымъ повтореніемъ. Прежде всего скажемъ кое-что о залѣ празднествъ, въ которомъ происходило открытіе выставки.

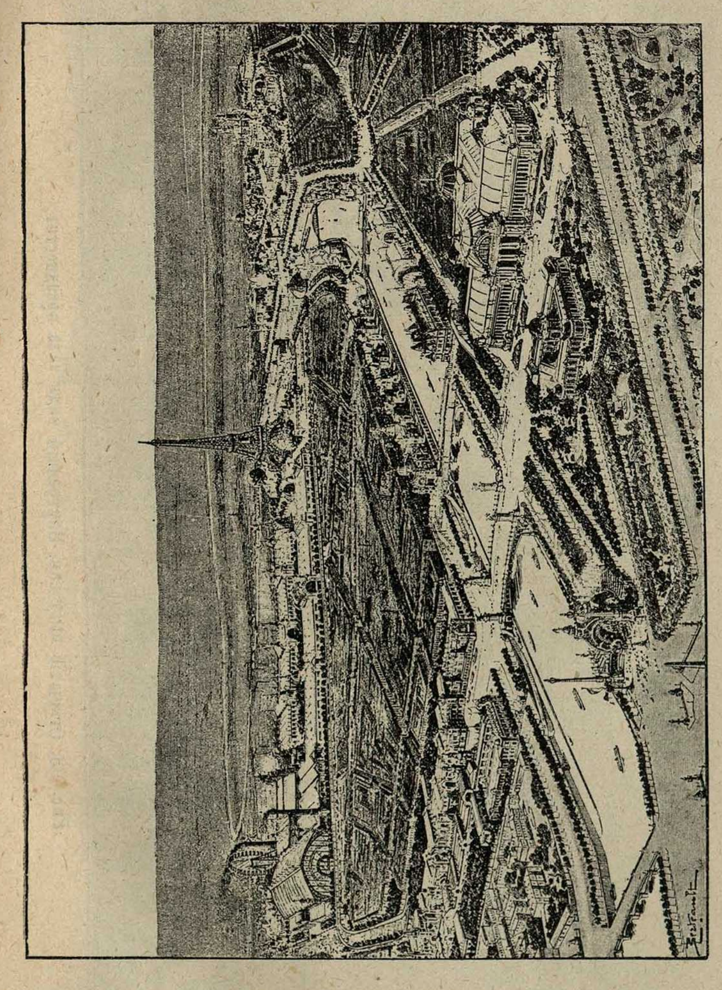

Рис. 92. Видъ выставки послѣ ея открытія.

Мѣстоположеніе этого великолѣпнаго зала нами уже указано. Онъ находится позади башни Эйфеля и образуетъ верхнюю полосу того

громаднаго П, видъ котораго приданъ всѣмъ выставочнымъ постройкамъ Марсова поля (см. планъ, стр. 15). О размѣрахъ и внутреннемъ устройствѣ этого зала даетъ понятіе помѣщаемый здѣсь рисунокъ (93), изображающій церемонію открытія выставки, именно тотъ моментъ,

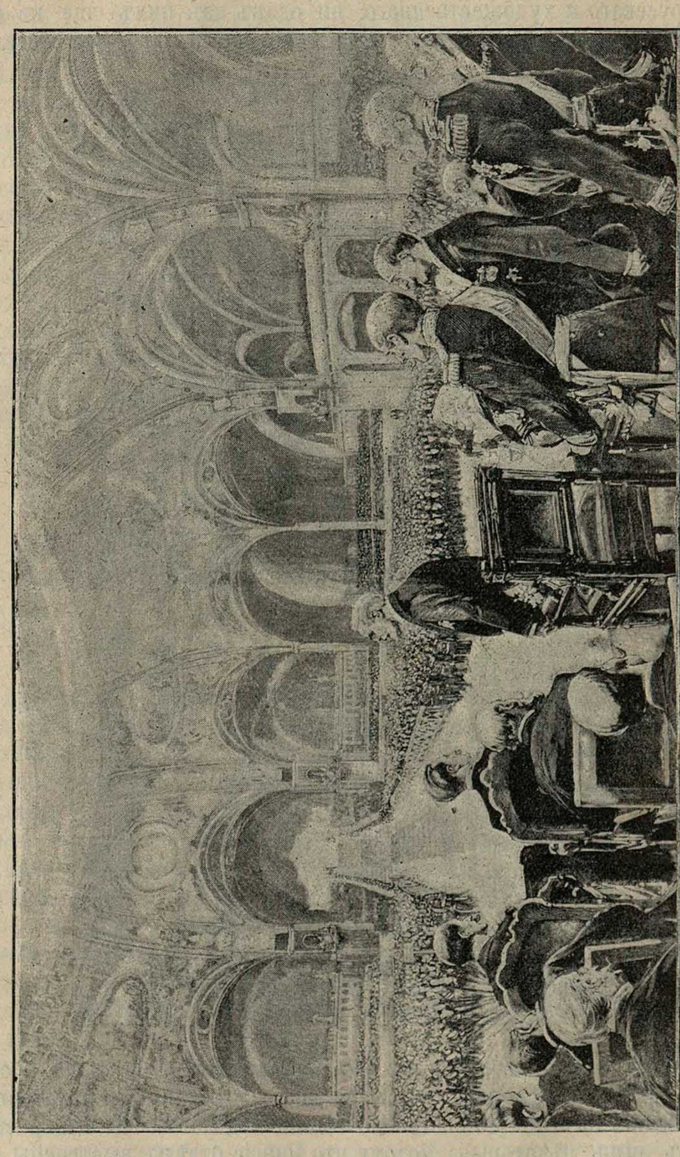

Рис. 93. Открытіе выставки. Внутренній видъ зала празднествъ.

когда президентъ Лубэ говоритъ привѣтственную рѣчь. Съ того мѣста, гдѣ стоитъ Лубэ, трибуны на противоположной сторонѣ зала, биткомъ набитыя публикою, представляются какими-то закромами, наполненными горохомъ; этимъ горохомъ представляются головы публики.

Надъ внутреннимъ украшеніемъ этого великолѣпнаго зала трудились лучшія художественныя силы Франціи. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ собою настоящій художественный перлъ. Но у него есть одинъ большой недостатокъ. Дѣло въ томъ, что онъ устроенъ на подобіе какого-

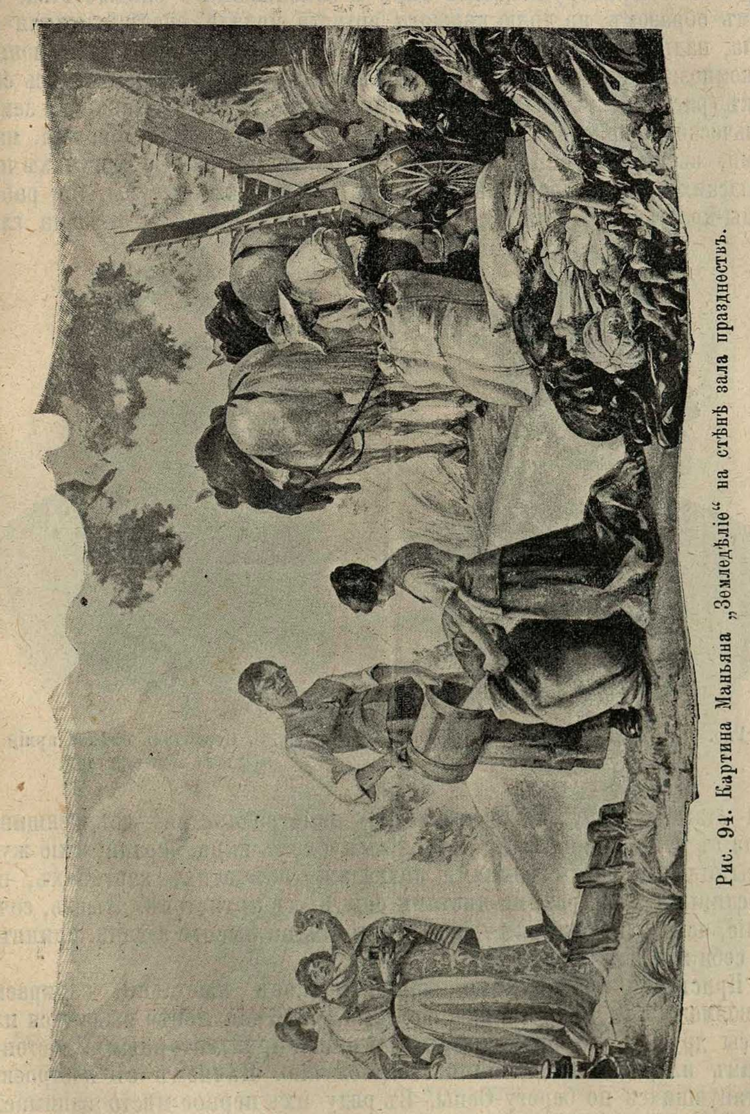

Рис. 94. Картина Маньяна „Земледѣліе" на стѣнѣ зала празднествъ.

то водолазнаго колокола. Онъ со всѣхъ сторонъ замкнутъ и доступенъ свѣту и свѣжему воздуху только черезъ свой громадный стеклянный куполъ. Если лѣтомъ въ немъ будутъ какія-нибудь торжества въ жаркое время, то вѣерамъ въ рукахъ дамъ предстоитъ не мало работы!

Стѣны и потолки зала расписаны четырьмя художниками: Маньяномъ, Рошгроссомъ, Кормономъ и Фламаномъ. Каждому изъ нихъ

пришлось покрыть своею живописью площадь въ 6 саженъ длины и въ 3 сажени ширины. Темы картинъ были обязательныя. Рошгроссъ, напр., долженъ былъ представить изящныя искусства: скульптуру, архитектуру, музыку, и сверхъ того, по бокамъ главнаго рисунка, изобразить аллегоріи гигіены, вооруженныхъ силъ и колоніальнаго владычества. Такимъ образомъ, на долю каждаго артиста падала очень сложная задача, надъ которой надо было подумать. Для того, чтобы дать понятіе о композиціяхъ названныхъ художниковъ, мы помѣщаемъ здѣсь снимокъ (рис. 94) съ главной картины Маньяна, представляющей земледѣльческое хозяйство. Направо, внизу, куча огородныхъ овощей, надъ ними, выше, жатвенная машина, запряженная парою могучихъ нормандскихъ коней; посрединѣ картины двѣ женскія фигуры, двѣ работницы-крестьянки, занятыя пересыпкою зерна; налѣво—эмблема глав-

Рис. 95. Строитель отдѣла арміи и флота Обюртенъ.

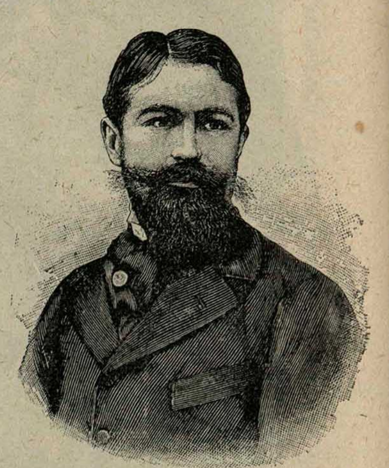

Рис. 96. Строитель отдѣла арміи и флота Умбденстокъ.

ной статьи французскаго хозяйства, виноградарства—двѣ женщины, одна съ кистью винограда, другая съ кубкомъ вина. Французскіе журналы отзываются съ громкими похвалами объ этихъ картинахъ, набросанныхъ мастерскими кистями опытныхъ артистовъ. Мысль, сочиненіе, исполненіе, краски—все это стоитъ на высотѣ задачи, принятой на себя художниками.

Приступая въ описанію зданій отдѣловъ выставки, избираемъ по возможности тѣ изъ нихъ, которыя болѣе или менѣе выдаются изъ массы другихъ по своимъ размѣрамъ или архитектурнымъ достоинствамъ или, наконецъ, по мѣстоположенію. Начнемъ съ построекъ, вытянувшихся по берегу Сены. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ павильонъ военнаго и морского отдѣловъ. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки, на Орсейской набережной, между Іенскимъ и Альмскимъ мостами (см. нашъ планъ, стр. 15, на которомъ этотъ павильонъ означенъ надписью: Armée de terre и Armée de mer). Строителями этого обширнаго зданія были архитекторы Обюртенъ и Умбденстокъ, портреты которыхъ (рис. 95 и 96) мы здѣсь помѣщаемъ.

Павильонъ арміи и флота занимаетъ на набережной около 175 саженъ въ длину. Любопытно, что тѣ три милліона франковъ, которые требовались по смѣтѣ на постройку этого зданія, правительство съ своей стороны отпускало охотно и безпрекословно; но надо было еще добиться, чтобы палата депутатовъ утвердила этотъ расходъ; а это случилось какъ разъ въ такое время, когда, послѣ дѣла Дрейфуса, армія

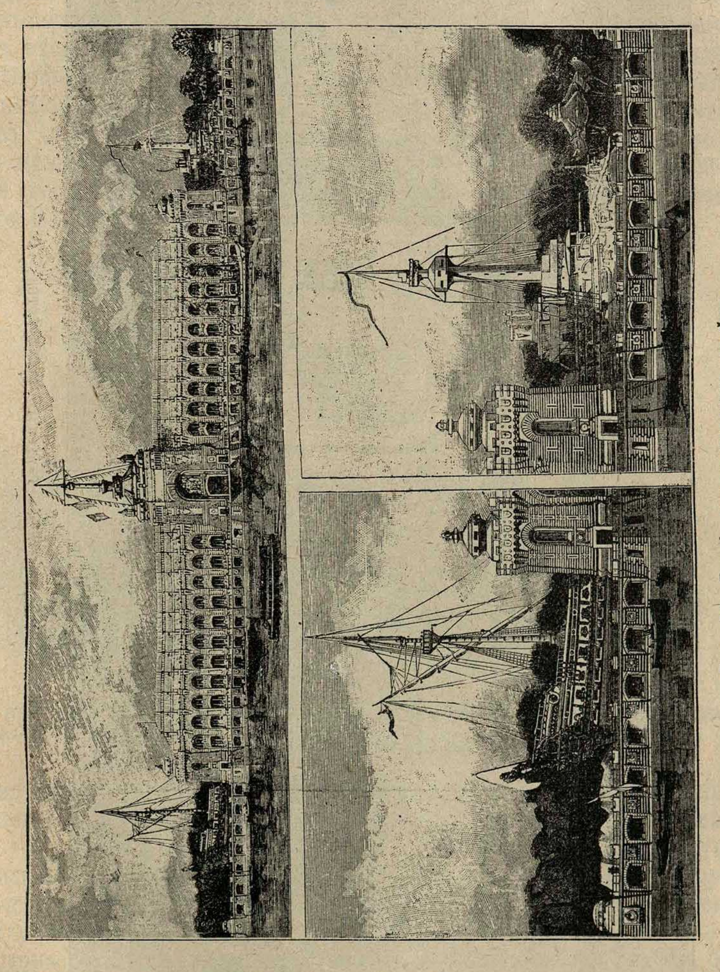

Рис. 97. Зданіе военно-морского отдѣла.

была далеко не въ авантажѣ у публики. Палата отказала въ кредитѣ, и пришлось совершенно измѣнить первоначальный планъ постройки, затѣянный гораздо шире, чѣмъ она выполнена теперь. Предполагалось первоначально по концамъ громаднаго дворца поставить два судна, какъ показано въ нижней половинѣ нашего рисунка (см. рис. 97); слѣва—старинный военный корабль временъ Людовика XIV, справа—современный броненосецъ. Этими двумя судами какъ бы резюмировались главные моменты въ исторіи военнаго флота. Но эту затѣю пришлось оставить. Главный коммиссаръ выставки Пикаръ оказался горячимъ

сторонникомъ этого отдѣла; онъ употребилъ всѣ усилія на то, чтобы всетаки представить его по возможности въ блестящемъ видѣ; онъ велѣлъ видоизмѣнить планъ такъ, чтобы уменьшить смѣту на милліонъ, и постарался съэкономить на другихъ отдѣлахъ, чтобы только собрать для военнаго нужные два милліона. Къ сожалѣнію, пока боролись съ этими

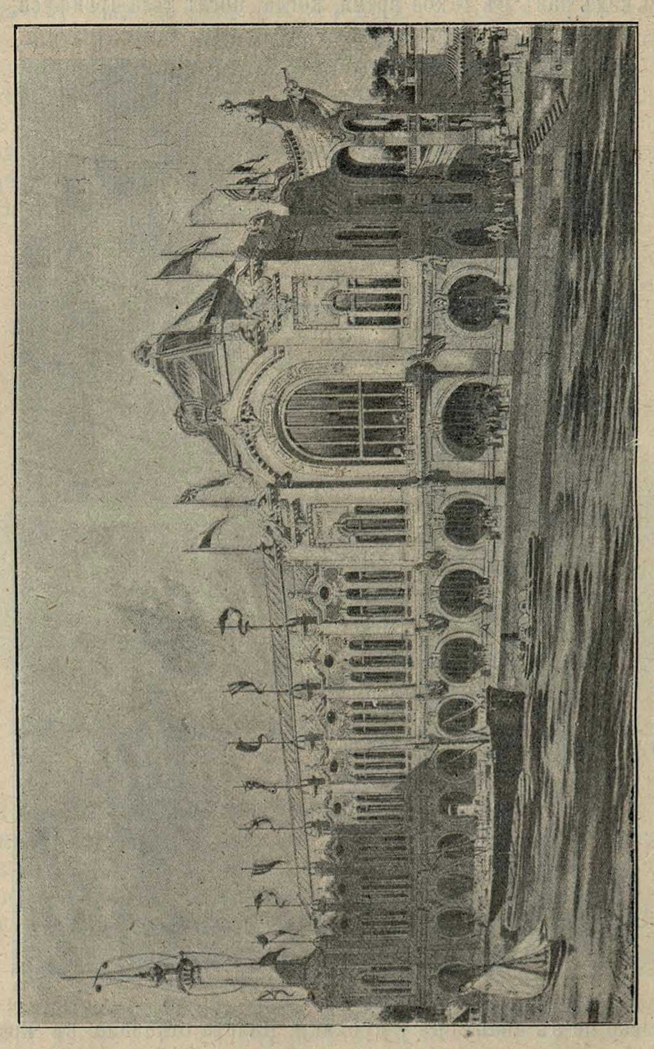

Рис. 98. Зданіе отдѣла торговаго судоходства.

затрудненіями и устраняли ихъ, время шло, и наконецъ, когда все было улажено, его осталось такъ мало, что нечего было и думать строить цѣльно-желѣзный корпусъ, какъ первоначально предполагалось; стали строить изъ дерева. Этой постройкѣ вообще какъ-то не везло; такъ, напримѣръ, въ началѣ она, въ одинъ прекрасный день, внезапно вся обрушилась изъ-за какой-то оплошности, и хотя, по счастью, никого не задавила, но пришлось начинать все сызнова.

Несмотря на всѣ задержки, зданіе уже въ февралѣ текущаго года было отстроено и приступили къ его внутренней отдѣлкѣ. Въ его теперешнемъ видѣ отдѣлъ состоитъ изъ двухъ строеній, примыкающихъ одно къ другому; переднее, выходящее къ рѣкѣ, основано на сваяхъ и опирается на почву берега, а заднее покрываетъ собою галерею подъѣздного къ выставкѣ желѣзнодорожнаго пути. Внѣшній, береговой фасадъ зданія не прямой, а округленный, что зависѣло отъ фигуры берега, дѣлающаго въ этомъ мѣстѣ изгибъ. Главный входъ, посрединѣ фасада, очень грандіозенъ: онъ напоминаетъ ворота крѣпости; верхъ его увѣнчанъ генуэзскимъ широкимъ карнизомъ, съ окнами по фризу, напоминающими бойницы. Въ обѣ стороны отъ входа фасадъ вытянутъ въ довольно однообразную строгую линію. Прямо отъ воротъ зданія идетъ новый пѣшеходный мостикъ черезъ Сену, упирающійся на той сторонѣ рѣки въ лѣвое крыло уже описанныхъ нами построекъ Стараго Парижа.

Рис 99. Строитель отдѣловъ лѣсного и торговаго судоходства Рей.

Рис. 100. Строитель отдѣловъ лѣсного и торговаго судоходства Троншэ.

Видъ на выставку со стороны военно-морского отдѣла очень привлекателенъ. Прямо черезъ Сену видны постройки Стараго Парижа, влѣво—цѣлый маленькій портъ, съ множествомъ судовъ отдѣла увеселительнаго судоходства, а еще лѣвѣе—громада Трокадерскаго дворца съ кучею окружающихъ его разнообразныхъ колоніальныхъ построекъ, въ ряду которыхъ высится и нашъ сибирскій павильонъ.

Рядомъ съ военно-морскимъ отдѣломъ, ближе къ Іенскому мосту, выстроенъ отдѣлъ торговаго судоходства. Его строили архитекторы Рей и Троншэ, портреты которыхъ мы здѣсь помѣщаемъ. Зданіе это небольшое по сравненію съ постройками другихъ отдѣловъ; это—узкій и длинный флигель, вытянувшійся вдоль набережной. Въ его наружности нѣтъ ничего особенно оригинальнаго, кромѣ развѣ огромныхъ круглыхъ аркадъ нижняго этажа. Съ лѣваго конца зданіе украшено высокою, тоненькою башнею, вродѣ минарета, а на правомъ концѣ устроенъ фонарь-куполъ. Лѣвый фасадъ украшенъ разными надписями, именами знаменитыхъ мореплавателей: Васко де-Гамы, Дюгэ Труена, и годами

ихъ подвиговъ. Правый фасадъ украшенъ очень изящною лѣстницею, кровлѣ которой придана фигура половины стариннаго торговаго корабля. Внутри зданіе представляетъ большой, длинный залъ съ галереею.

Тѣ же архитекторы, Рей и Троншэ, строили сосѣдній съ описаннымъ

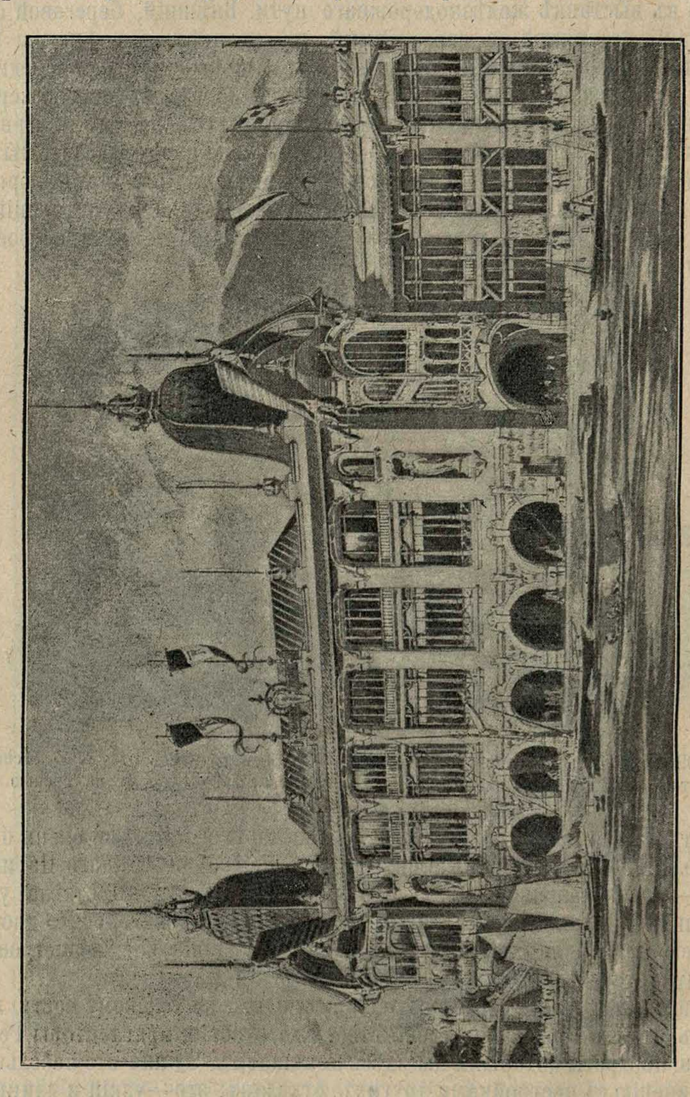

Рис. 101. Зданіе отдѣла охоты, лѣсоводства, рыболовства и плодосбора.

отдѣлъ лѣсоводства, охоты, рыбной ловли и плодосбора. Онъ помѣщенъ еще дальше влѣво отъ военно-морского отдѣла, за Іенскимъ мостомъ. Если стать у башни Эйфеля, спиною къ ней и лицомъ къ рѣкѣ, какъ разъ на линіи Іенскаго моста, то павильонъ торговаго судоходства будетъ въ такомъ же разстояніи вправо отъ зрителя, какъ павильонъ лѣсоводства влѣво.

Въ нынѣшнюю выставку павильонъ этого отдѣла является впервые такихъ обширныхъ размѣровъ; на прежнихъ парижскихъ выставкахъ лѣсоводству не отводили особаго зданія, а помѣщали его экспозиты при другихъ отдѣлахъ—хозяйственномъ, техническомъ. Только въ 1878 г. впервые былъ построенъ небольшой лѣсной отдѣлъ. На послѣдней выставкѣ 1889 года тоже былъ отдѣльный лѣсной павильонъ,

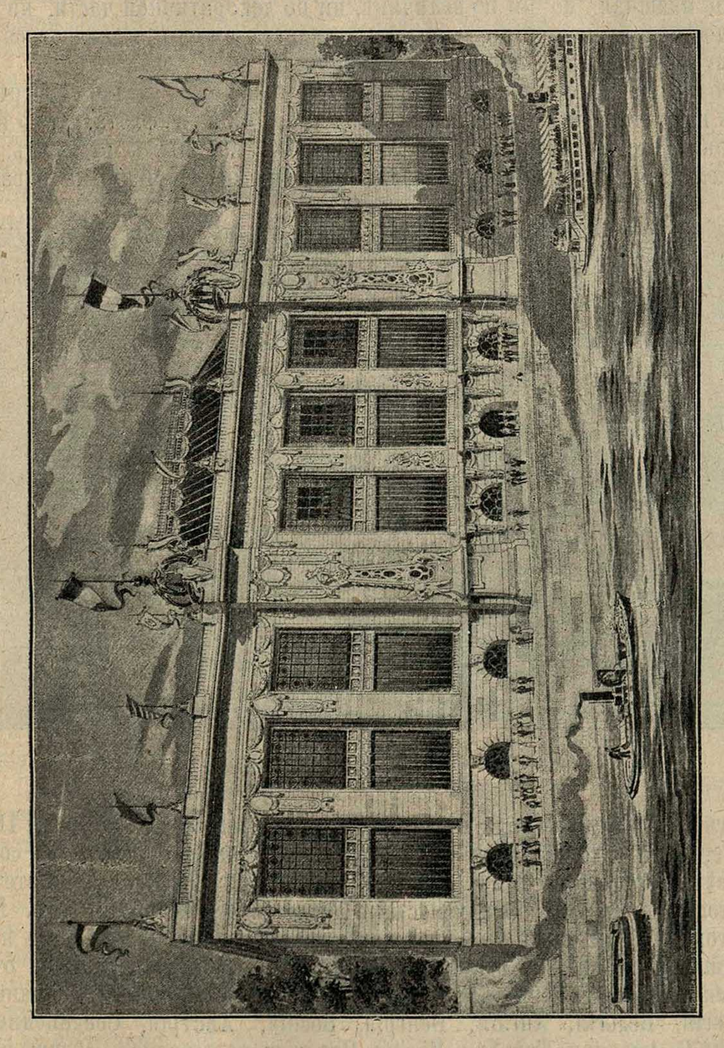

Рис. 102. Палата конгрессовъ и общественной экономіи.

очень красивый, но все же небольшой. Теперь же молодые архитекторы отдѣла (кстати сказать, Рей и Троншэ самые юные изъ архитекторовъ нынѣшней выставки) возвели зданіе, имѣющее 185 метровъ въ длину, по фасаду, вытянувшемуся по набережной (около 90 саженъ).

Вся постройка состоитъ какъ бы изъ двухъ частей, двухъ корпусовъ, сомкнутыхъ одинъ съ другимъ. Изъ нихъ лѣвый, трехъярусный, нѣсколько короче по фасаду, но этажомъ выше праваго и шире его, т. е. идетъ глубже

въ сторону Марсова поля. Этотъ фасадъ увѣнчивается двумя изящными четырехгранными башнямм; онъ собственно и представленъ на нашемъ рисункѣ (101). Его нижній этажъ снабженъ такими же просторными аркадами, проходами, какъ и въ зданіи торговаго судоходства, только тамъ они почти круглые, напоминающіе окошки въ морскихъ пароходахъ, а здѣсь полукруглые. Постройка вся деревянная, въ общемъ довольно изящная, но ни по величинѣ, ни по декоративной части, ни по трудностямъ выполненія она не представляетъ ничего выдающагося, и потому намъ нечего о ней распространяться.

Обратимся теперь назадъ, пройдемъ по набережной мимо осмотрѣнныхъ нами отдѣловъ торговаго судоходства, арміи и флота, мимо павильона Мексики, который стоитъ рядомъ съ военнымъ отдѣломъ, и свернемъ на Альмскій мостъ. Перейдя по нему черезъ рѣку, мы вправо

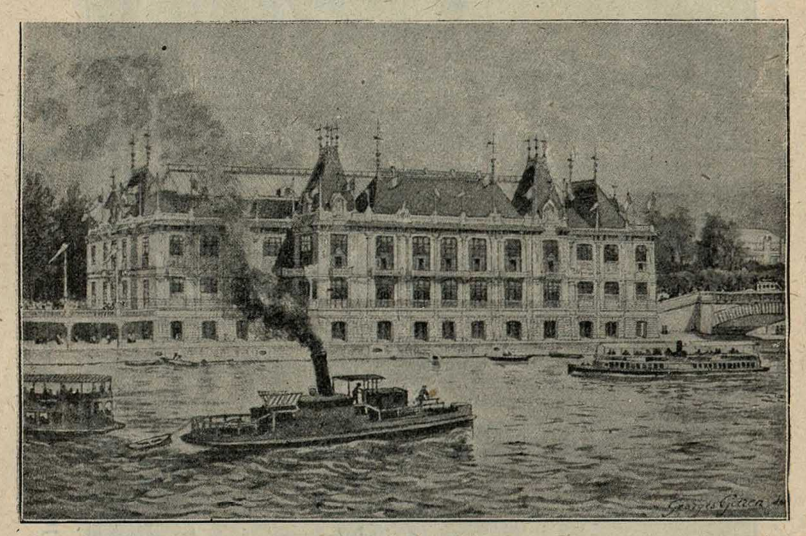

Рис. 103. Павильонъ города Парижа.

передъ собою будемъ видѣть небольшое, представленное на рис. 102 зданіе, палату конгрессовъ и общественной экономіи (Palais des congrès et de l'economie sociale). Бросимъ, кстати, бѣглый взглядъ на этотъ участокъ набережной, между мостами Альмскимъ и Инвалиднымъ. По ту сторону Сены, какъ мы уже говорили, расположены въ рядъ павильоны иностранныхъ государствъ, въ такомъ порядкѣ, начиная отъ Альмскаго моста: Сербія, Греція, Швеція, Монако, Испанія, Германія, Норвегія, Бельгія, Англія, Венгрія, Боснія, Австрія, Соединенные Штаты С. Америки, Турція и Италія. Это такъ называемая «улица народовъ»; постройки этой мѣстности описаны нами и представлены въ рисункахъ на стр. 27—50. Такимъ образомъ, этотъ участокъ набережной занятъ длиннымъ рядомъ самыхъ характеристическихъ стильныхъ строеній выставки. Противолежащій участокъ другого берега, на который мы вступили съ Альмскаго моста, тоже весь густо покрытъ массою построекъ, не столько, впрочемъ, чисто выставочныхъ, сколько

разныхъ увеселительныхъ и подкрѣпительныхъ. Изъ выставочныхъ построекъ здѣсь господствующее мѣсто занимаютъ павильоны и павильончики отдѣла садоводства, о которомъ еще рѣчь впереди; далѣе, у самаго Инвалиднаго моста стоитъ павильонъ города Парижа, о которомъ мы тоже сейчасъ скажемъ. Все же остальное свободное пространство заполнено всевозможными театрами, ресторанами и всяческими другими приманками для публики. Такъ, позади палаты конгрессовъ выстроенъ большой французскій ресторанъ, а рядомъ съ нимъ «Театръ чудесъ» и и такъ называемый «Веселый театръ». На самомъ берегу, рядомъ съ палатою конгрессовъ, помѣщается палата танцевъ, о которой мы уже говорили (стр. 76); позади ея опять театры—Гильома и излюбленный парижанами «Гиньоль», нѣчто вродѣ нашего «Петрушки». Затѣмъ, на берегу, большой Парижскій акваріумъ, а сзади него цѣлый рядъ полутеатровъ, полуресторановъ—«Рулотка», «Черная Кошка», «Живыя картины», театрики «Смѣха» и «Шансонетки» и пр. Вся эта толпа построекъ тѣснится между берегомъ рѣки и замыкающимъ ее сзади Королевинымъ проспектомъ (Cours de la Reine).

Обратимся теперь къ нашей палатѣ конгрессовъ, фасадъ которой, выходящій на Сену, представленъ на рис. 102. Передъ нами двухъэтажное зданіе съ громадными, почти квадратными окнами и подваломъ, съ полукруглыми окнами, что-то вродѣ оранжереи. Прямолинейный фасадъ и скромныя украшенія отнюдь не выдвигаютъ этой постройки изъ среды ея нарядныхъ сосѣдокъ. Назначеніе зданія, судя по его названію, не совсѣмъ понятно; слово «конгрессъ», конечно, не возбуждаетъ недоразумѣнія, но что такое общественное хозяйство или экономія («économie sociale»)? Подъ этимъ словомъ подразумѣвается множество общественныхъ вопросовъ, которые и должны найти свое выраженіе и свое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ. Сюда относятся: обученіе въ широкомъ смыслѣ слова: покровительство малолѣтнимъ рабочимъ и ученикамъ; вознагражденіе за трудъ; участіе рабочаго въ барышахъ предпріятія; артели; общества; всякаго рода рабочіе, промышленные, хозяйственные союзы и синдикаты; общества потребителей, общества поощренія умственнаго развитія и образованія рабочихъ; кассы взаимопомощи, страхованія, и пр.

Такимъ образомъ, это зданіе будетъ вмѣщать въ себѣ все, что по перечисленнымъ предметамъ можетъ быть предъявлено публикѣ въ видѣ выставки, т. е. экспозитовъ предметныхъ, книгъ, отчетовъ, картъ, таблицъ и т. п. И это же зданіе будетъ служить для всякаго рода конгрессовъ, съѣздовъ, конференцій, лекцій, собраній, какіе будутъ происходить во время выставки. Въ нижнемъ этажѣ будетъ собственно выставочный отдѣлъ—музей соціальной экономіи, какъ называютъ его французы; въ верхнемъ же этажѣ—обширный залъ для засѣданій. Зданіе невелико по сравненію съ другими выставочными, однако же, всетаки весьма просторно: по фасаду оно протянулось почти на 50 саженъ, а въ глубину имѣетъ свыше 15 саженъ. Выстроено оно архитекторомъ Мевесомъ; оно деревянное, какъ и большинство казенныхъ построекъ этого угла выставки. Это, кажется, единственное зданіе, которое будетъ по вечерамъ совсѣмъ закрыто, такъ что въ немъ даже нѣтъ никакихъ приспособленій для вечерняго освѣщенія.

Крайнее зданіе этого участка, т. е. послѣднее у Инвалиднаго моста—

это павильонъ города Парижа. Такъ какъ громадному городу было что выставить и показать публикѣ всего свѣта, то потребовалось и зданіе довольно внушительныхъ размѣровъ, около 50 саженъ по фасаду, выходящему на Сену. Зданіе по внѣшности изящное, съ выступающею среднею частью фасада на рѣку, съ двумя острыми кровельками-баш-

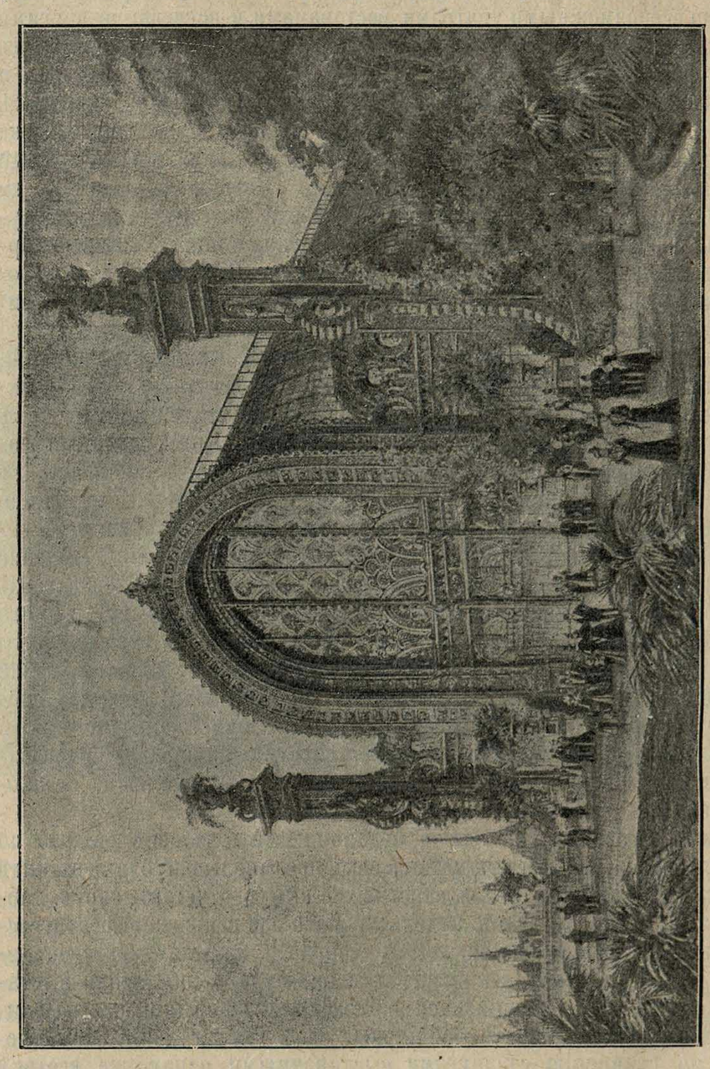

Рис. 107. Фасадъ одной изъ теплицъ отдѣла садоводства.

нями по краямъ этой части фасада. На уровнѣ перваго этажа стѣны покрыты гербами Парижа, въ ихъ историческихъ видоизмѣненіяхъ, начиная съ XIII вѣка; по верхнему вѣнцу стѣнъ—такой же рядъ эмблемъ и значковъ разныхъ парижскихъ цеховъ. Главный входъ—со стороны рѣки. Со входа направо и налѣво идутъ пріемныя комнаты, украшенныя всевозможными предметами искусства, принадлежащими городу. Въ центрѣ зданія—громадный залъ, окруженный на высотѣ перваго

этажа галереею въ 3 сажени ширины. Большая часть этого зала или, лучше сказать, двора будетъ покрыта зеленью и деревьями, такъ что изъ него образуется что-то вродѣ крытаго, зимняго, какъ у насъ называютъ, сада. Посреди зала устраивается прекрасный фонтанъ; въ немъ будетъ четыре крана, и каждый изъ нихъ будетъ давать одинъ изъ образцовъ воды, которою пользуется парижское населеніе. Въ нижнемъ этажѣ будутъ собраны разныя коллекціи, характеризующія всѣ отрасли городского хозяйства и благоустройства—пути сообщенія, финансы, образованіе, санитарную часть и пр. Въ правомъ крылѣ зданія займутъ мѣсто экспозиты полицейской префектуры: данныя изъ антропометрическаго бюро, муниципальной лабораторіи, предметы, относящіеся до пожарной части. Предполагалось еще поставить въ томъ же павильонѣ большой кинематографъ, который показывалъ бы образцы всякаго рода дѣятельности городскихъ учрежденій въ живыхъ картинахъ, снятыхъ съ натуры. Такимъ образомъ, этотъ павильонъ будетъ представлять большой интересъ для каждаго, имѣющаго надобность ознакомиться съ городскимъ хозяйствомъ такого крупнаго населеннаго мѣста, какъ столица Франціи.

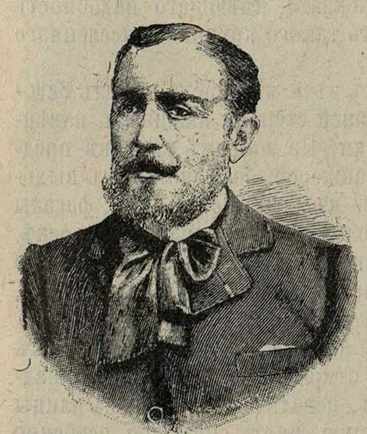
Опишемъ еще, изъ числа построекъ этой мѣстности, отдѣлъ садоводства. Оранжереи этого отдѣла въ высшей степени изящны и, навѣрное, будутъ привлекать вниманіе публики. На нашемъ рисункѣ представленъ одинъ изъ фасадовъ этихъ оранжерей, бока которыхъ выходятъ одинъ въ сторону рѣки, другой—къ Cours de la Reine; фасады же, т. е. входы въ эти оранжереи, расположены по концамъ построекъ. Изящныя постройки оранжерей, помѣщенныя между довольно суровыми и массивными постройками палаты конгрессовъ и павильона Парижа, много выигрываютъ уже отъ одного этого сосѣдства. Такимъ образомъ, дворцовъ или палатъ садоводства будетъ не одна, а три. Посреди этихъ крытыхъ помѣщеній находится большой открытый садъ, также принадлежащій къ этому отдѣлу; онъ, впрочемъ, невеликъ—35 саженъ длины и 25 ширины, но зато на его декоративную часть обращено особенно заботливое вниманіе и надъ нею работали лучшіе садовники-артисты Франціи. Теплицы имѣютъ по 30 саженъ въ длину. Онѣ состоятъ изъ средней части въ 8 саженъ ширины и 9 саж. высоты и двухъ боковыхъ галерей, съ которыхъ открывается прелестный видъ на противоположный берегъ Сены, густо уставленный иностранными павильонами «улицы народовъ». Чудныя, сплошь украшенныя арки изящно огибаютъ фасады построекъ своими широкими полосами. По бокамъ входныхъ дверей стоятъ красивыя колонны, вышиною по 10 саженъ, увѣнчанныя на вершинѣ вазами съ широколиственными растеніями. Верхнія половины входныхъ арокъ забраны фигурнымъ разноцвѣтнымъ стекломъ, а съ каждой стороны входовъ высятся огромныя валы съ зеленью. Задняя теплица нѣсколько ниже другихъ двухъ, но зато ея стѣны щедро украшены зеленью и лѣпною работою и она гораздо длиннѣе другихъ, такъ какъ тянется на 50 саженъ узкою полосою между театрами Гиньоля и Рулоттъ.

ГЛАВА X.

Постройки Марсова поля: отдѣлы инженерный и путей сообщенія; горный и металлургическій; воспитанія и обученія; пряжи, тканей и одеждъ.— Палата оптики.—Водяной замокъ.—Типы построекъ площади Инвалидовъ.—Отдѣлъ меблировки, хозяйства и разныхъ промысловъ.

Отъ оранжерей садоваго отдѣла обратимся къ другимъ, еще не описаннымъ постройкамъ выставки, а именно къ тѣмъ палатамъ разныхъ отдѣловъ, которыя выстроены на Марсовомъ полѣ, между Сеною и авеню Лабурдонэ, Деламоттъ Пикэ и Сюффрена.

Порядокъ расположенія отдѣловъ въ этомъ громадномъ П, тянущемся отъ башни Эйфеля до военнаго училища, нами уже былъ подробно указанъ (см. стр. 19). Начнемъ нашъ обзоръ съ палаты инженернаго отдѣла, соединеннаго съ отдѣломъ путей сообщенія (который обозначенъ на нашемъ планѣ, на стр. 15, надписью: Génie civile et moyens de transport). Эта палата выстроена архитекторомъ Жакомъ Эрманомъ (его портретъ— рис. 108).

Рис. 108. Жакъ Эрманъ, строитель отдѣловъ инженернаго и путей сообщенія.

Палата этого отдѣла представляетъ весьма просторное зданіе. Оно тянется по фасаду на 281 метръ, а глубина его 129 метровъ. Его внѣшній фасадъ, т. е. тотъ, который выходитъ на улицу (авеню Сюффрена), сдѣланъ безъ затѣй, какъ, впрочемъ, и должно быть, потому что всѣ зданія этого П обращены главными фасадами внутрь выставки, на паркъ, разбитый посреди Марсова поля. Съ этой стороны фасады отдѣланы заботливо. На нашихъ рисункахъ представлены: на 109—средняя часть этого параднаго фасада, а на 110—его угловой павильонъ, которымъ онъ примыкаетъ къ сосѣдней палатѣ отдѣла обученія.

Посреди этого параднаго фасада воздвигнутъ величественный входъ, шириною почти въ 13 саженъ. По бокамъ его высятся четыреугольныя башни, увѣнчанныя на вершинахъ куполами съ фонарями. Надъ входомъ устроена закрытая ложа съ частыми низенькими колонками, нѣсколько напоминающая стиль древнихъ западно-европейскихъ храмовъ. Направо и налѣво отъ входной двери идутъ просторныя арки, опирающіяся на четырехгранныя колонны. Надъ каждою колонною вверху, по гребню стѣны, высятся шесты съ флагами разныхъ цвѣтовъ.

Широкое поле (фризъ) надъ каждою аркадою занято группами, изваянными артистомъ, скульпторомъ Алларомъ. Эти превосходныя группы представляютъ всевозможные способы передвиженія, какіе только извѣстны въ исторіи человѣчества, начиная отъ классическихъ пово-

зокъ и колесницъ, быковъ, коней, верблюдовъ, и кончая новѣйшими усовершенствованными локомотивами.

Отъ монотонной и длинной линіи фасада отдѣляется на концѣ его,

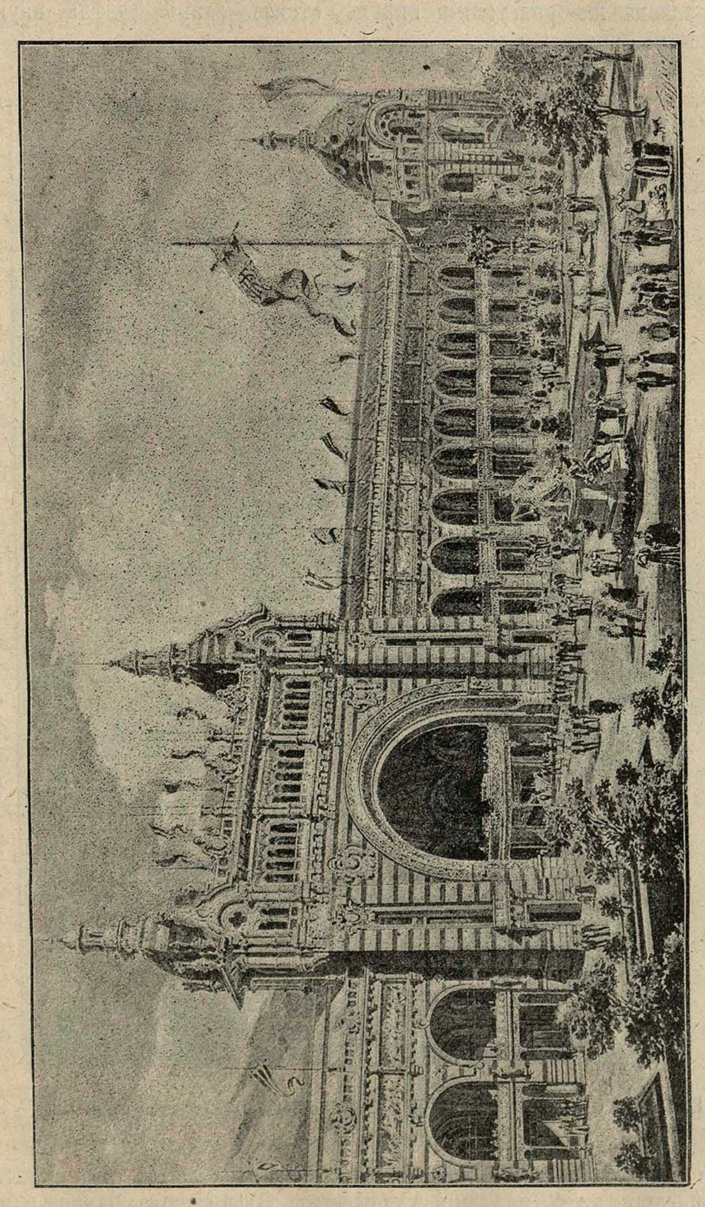

Рис. 109. Отдѣлы инженерный и путей сообщенія. Главный фасадъ.

обращенномъ въ сторону рѣки, угловой павильонъ (см. рис. 110), служащій какъ бы промежуточнымъ звеномъ между этимъ отдѣломъ и его сосѣдомъ — отдѣломъ обученія, выстроеннымъ другимъ архитекторомъ.

Зданіе горнаго отдѣла—крайнее въ ряду построекъ Марсова поля, ближайшее къ рѣкѣ. Если стать задомъ къ башнѣ Эйфеля, то уголъ этого зданія будетъ передъ нами всего въ двадцати саженяхъ, влѣво; въ такомъ же разстояніи вправо стоитъ зданіе отдѣла наукъ и искусствъ.

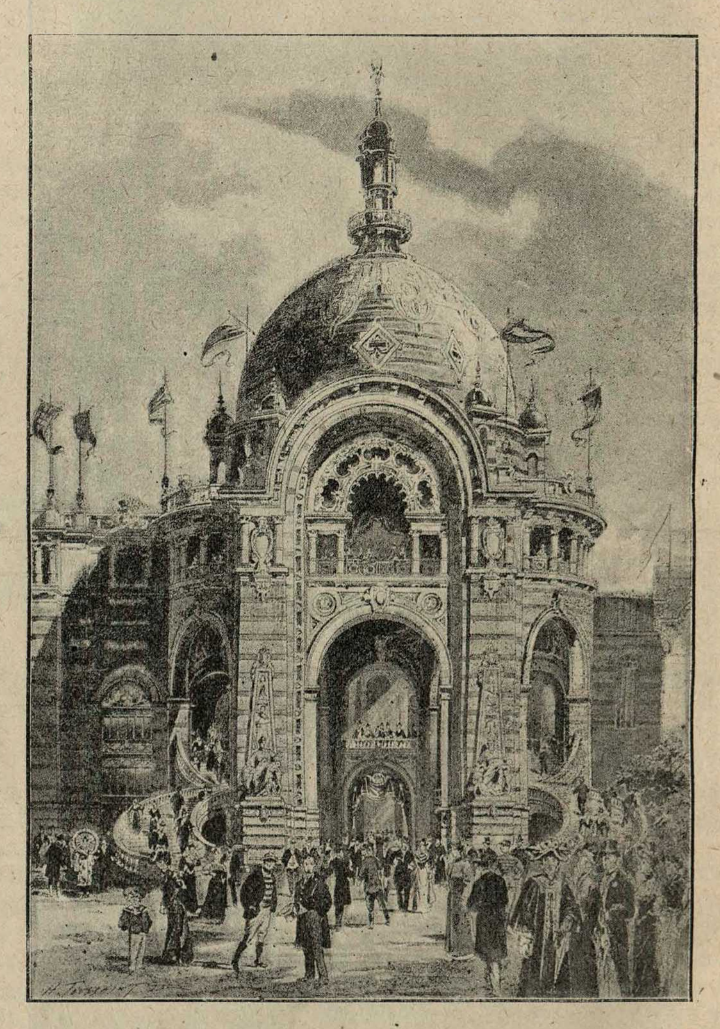

Рис. 110. Отдѣлы инженерный и путей сообщенія. Угловой павильонъ.

Горный отдѣлъ выстроенъ молодымъ архитекторомъ, недавно только вышедшимъ изъ академіи художествъ, Людовикомъ Варколье, портретъ котораго мы здѣсь помѣщаемъ (рис. 111).

Зданіе это средняго размѣра. Его фасадъ въ сторону рѣки имѣетъ въ длину 37 саженъ, а протяженіе его вдоль Марсова поля 65 саженъ. Центръ тяжести архитектуры этой постройки сосредоточивается въ

угловомъ его павильонѣ, выходящемъ къ башнѣ Эйфеля и представляющемъ главный входъ въ зданіе. Этотъ павильонъ представленъ на нашемъ рисункѣ (рис. 112). Онъ состоитъ изъ металлической восьмигранной основы; центральная часть увѣнчана огромнымъ куполомъ, напоминающимъ по виду маковки нашихъ церквей старинной постройки. Впереди этой центральной части выступаетъ великолѣпная разноцвѣтная входная арка, вся покрытая гербами тѣхъ городовъ и мѣстностей, которые особенно прославлены своими рудными богатствами и металлургическими заводами. Вся внутренняя часть аркады забрана оконнымъ переплетомъ, опоясаннымъ почти посрединѣ просторнымъ балкономъ, подъ которымъ открывается рядъ входныхъ дверей. Къ дверямъ ведетъ широкая трехскатная лѣстница, украшенная по бокамъ большими скульптурными группами. По обѣимъ сторонамъ входной арки высятся башенки съ просторными арками, сквозь которыя виднѣется извивающаяся лѣстница. Боковые фасады зданія, вытянувшіеся по набережной и Марсову полю, представляютъ открытыя галереи съ огромными арками. Стеклянная крыша зданія даетъ массу свѣта внутрь его, такъ что всѣ выставленные предметы залиты свѣтомъ.

Рис. 111. Варкольэ, строитель горнаго и металлургическаго отдѣла.

Какъ разъ напротивъ горнаго отдѣла, какъ мы уже сказали, помѣщается дворецъ отдѣла наукъ, искусствъ, воспитанія и обученія. Его строитель—архитекторъ Сортэ; онъ, какъ и строитель горнаго отдѣла, тоже питомецъ парижской академіи художествъ и тоже изъ молодыхъ (его портретъ помѣщенъ на стр. 133). Размѣры этого зданія почти такіе же, какъ и горнаго отдѣла. Молодому его строителю предстояла довольно сложная задача. Надо было такъ или иначе выразить въ архитектурѣ постройки главную идею ея назначенія; такая задача была довольно проста по отношенію къ другимъ отдѣламъ, но здѣсь, благодаря большой пестротѣ отдѣла, трудно было уловить что-либо общее, основное, руководящее. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ зданіи сошлись въ высшей степени разноколиберные экспозиты: тутъ весь сводъ человѣческихъ знаній и всѣ способы передачи и распространенія этихъ знаній. Въ этомъ зданіи должны были собраться и типографское искусство со всѣми его отраслями, и фотографія, и переплетное дѣло, и журналистика, и всякаго рода научные приборы по физикѣ, географіи, астрономіи и пр., и все, что относится до медицины и хиругіи, и въ то же время все, имѣющее связь съ искусствомъ: музыкальные инструменты, принадлежности и орудія живописи, скульптуры, театральнаго дѣла. Чего-чего не входитъ, хотя бы въ одну только эту послѣднюю группу—театральную! Тутъ и планы театровъ, и проекты ихъ обезпеченія отъ пожара, и ихъ освѣщеніе, и костюмы, и

украшенія, и даже румяна и бѣлила для гримировки. А воспитаніе и обученіе, т. е. школьное дѣло во всемъ его разнообразіи! Словомъ, архитектору было надъ чѣмъ подумать, чтобы въ наружности зданія отмѣтить эту необычайную пестроту его предназначенія. Трудно, конечно, утверждать, чтобы выстроенный имъ дворецъ просвѣщенія вполнѣ

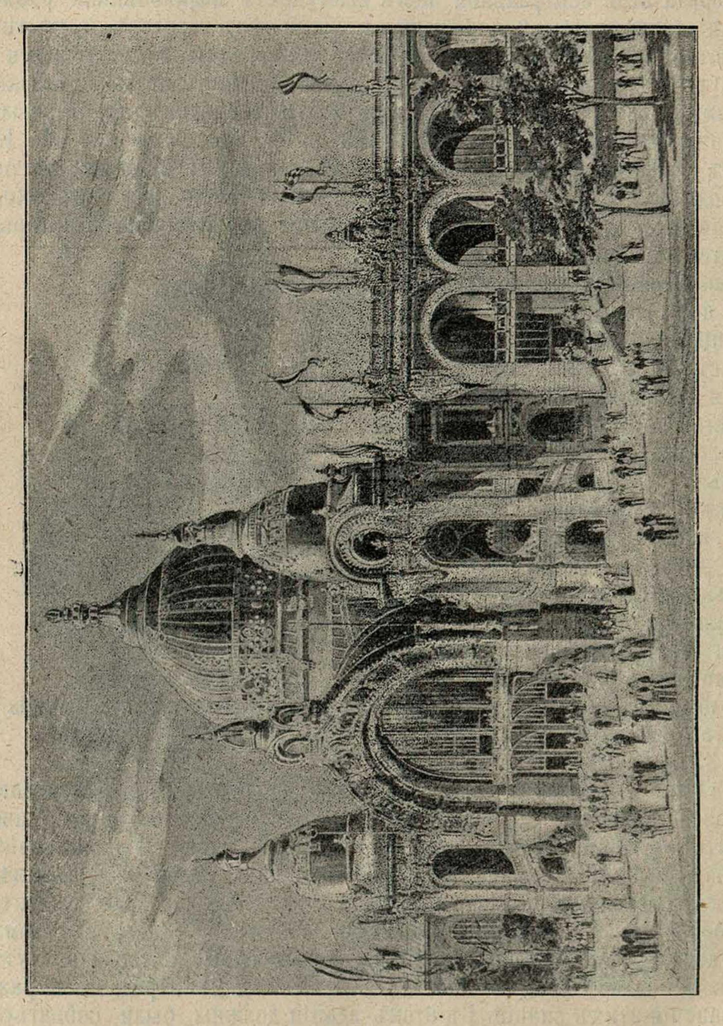

Рис. 112. Зданіе отдѣла горнаго и металлургіи.

одухотворилъ въ своихъ архитектурныхъ формахъ эту сложную задачу, но во всякомъ случаѣ надо отдать справедливость молодому архитектору: его дворецъ вышелъ очень красивымъ зданіемъ.

На нашемъ рисункѣ (рис. 114) представленъ впереди тотъ уголъ зданія, который выходитъ къ Эйфелевой башнѣ. Это большая арка съ двумя башенками по бокамъ, весьма нарядной наружности. Особенно изящна окраина этой арки, рѣзко выдѣляющаяся на фонѣ неба своими крупными фестонами. Въ ключѣ арки, надъ дверью, на про-

сторномъ выступѣ, поставлена статуя генія свѣта и знанія. Входная дверь, т. е. пространство подъ этою аркою, тоже очень заботливо разукрашена. Поперекъ ея идетъ тройной балконъ, между долями котораго поставлены большія ступуи со свѣтильниками. Верхняя часть двери украшена великолѣпною громадною розеткою, окруженною пятью фигурными оконными переплетами. Надъ серединою арки, вверху, возвышается сквозной фонарь съ остроконечнымъ шпицемъ. Затѣмъ, справа и слѣва отъ этого углового павильона тянутся пестро украшенные фасады зданія, состоящіе изъ ряда аркадъ. Каждая изъ нихъ двухъярусная; нижній ярусъ составляютъ двѣ большихъ арки прохода, а верхній состоитъ изъ тройной серединной арки и двухъ боковыхъ пролетовъ; между двумя отдѣлами устроены такія же балконы-ложи, какъ въ аркѣ углового павильона. По всему верху фасада, надъ арками, сдѣланы крупныя надписи группъ отдѣла: «медицина», «хиругія», «музыка» и т. д.

Перейдемъ теперь черезъ аллеи Марсова поля наискось, вглубь поля, въ направленіи къ тому его концу, гдѣ находится залъ торжествъ. Здѣсь рядомъ съ описаннымъ уже нами зданіемъ горнаго отдѣла мы находимъ зданіе отдѣла пряжи, тканей и одежды (fils, tissus, vêtements). Эта постройка почти такой же величины, какъ всѣ ея сосѣди, т. е. уже описанные нами дворцы наукъ, горнаго дѣла, путей сообщенія. Прямолинейный фасадъ зданія бросается въ глаза своими громадными, открытыми, какъ бы зіяющими арками; надъ каждою изъ нихъ сдѣлана крупными буквами надпись—обозначеніе какого-нибудь мѣста, области, города, славящихся тѣмъ или другимъ мануфактурнымъ производствомъ: Лилль, Руанъ, Тюлль, Рубэ, Ліонъ и т. д.

Рис. 113. Сортэ, строитель отдѣла наукъ, воспитанія и обученія.

Главными архитектурными частями этого зданія (его строитель—архитекторъ Блаветъ) являются средняя входная часть и угловой павильонъ, которымъ оно примыкаетъ къ сосѣднему горному отдѣлу. Обширный входъ представляетъ собою громадный шаровидный шатеръ подъ круглымъ куполомъ; это такъ называемый Vestibule Rapp, т. е. сѣни Раппа; названъ же онъ такъ потому, что въ него опирается какъ разъ широкое авеню Раппа, идущее отъ набережной и впадающее въ авеню Лабурдоннэ, вдоль котораго вытянулась эта сторона Марсова поля. Рапповскія сѣни служатъ однимъ изъ главныхъ входовъ на выставку: черезъ нихъ большая часть публики проникаетъ на Марсово поле со стороны квартала Гро-Калью, лежащаго между Марсовымъ полемъ, Сеною и кварталомъ Инвалиднаго дома. Спереди этотъ входъ представляется громаднѣйшею аркою, пересѣченною балкономъ; вверху, по широкому поясу арки тянется надпись: «fils, tissus, vête-

ments»,—названіе отдѣла, которому посвящено зданіе. По бокамъ арки—очень изящные пилоны съ башенками на вершинахъ, исполненными въ стилѣ рококо.

Угловой павильонъ зданія, связующій его съ горнымъ отдѣломъ, представленъ на нашемъ рисункѣ (рис. 115). Это очень изящная по-

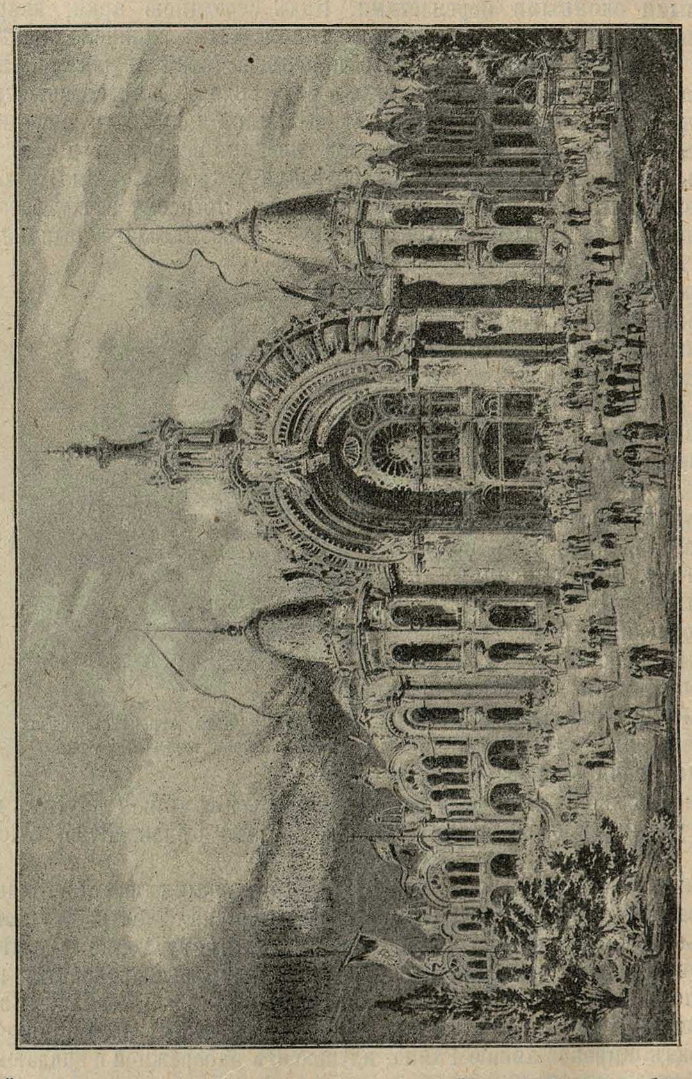

Рис. 114. Зданіе отдѣла наукъ, воспитанія и обученія.

стройка съ прелестнымъ куполомъ въ видѣ колокола, съ большими арками и балконами въ среднемъ поясѣ; по бокамъ ея вьются широкія лѣстницы, ведущія въ среднюю галерею.

Такимъ образомъ, въ задней части Марсова поля около зала торжествъ остаются еще неописанными зданія отдѣловъ химическихъ производствъ, механики, питательныхъ веществъ и сельскаго хозяйства. Но эти постройки по размѣрамъ и общему виду

вполнѣ подобны выше описаннымъ дворцамъ Марсова поля и ихъ описаніе было бы почти повтореніемъ уже сказаннаго нами. Особо замѣчательнаго въ нихъ ничего нѣтъ, такъ что даже спеціальный выставочный журналъ ничего о нихъ не нашелъ нужнымъ сказать до настоящаго времени.

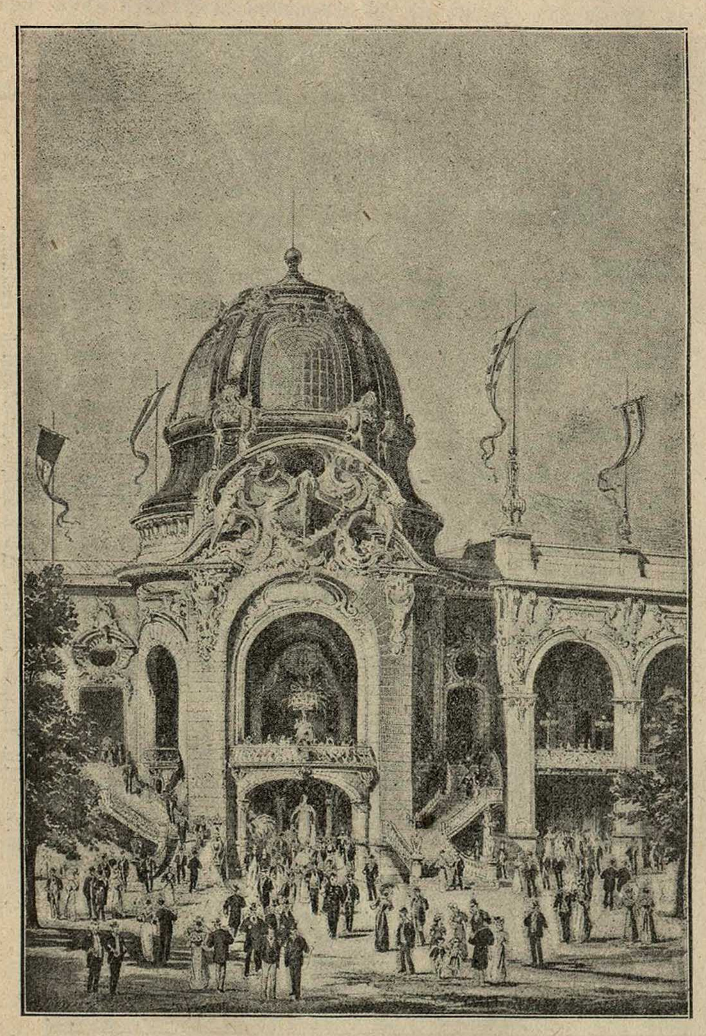

Рис. 115. Отдѣлъ пряжи, тканей и одежды, угловой павильонъ.

На томъ концѣ Марсова поля, который выходитъ къ рѣкѣ, т. е. вокругъ башни Эйфеля, сгруппировано много построекъ; большая часть изъ нихъ у насъ уже описана: панорама кругосвѣтнаго путешествія, дворецъ костюмовъ, мареорама, палата женщинъ, большой глобусъ. Слѣдуетъ только упомянуть еще о палатѣ оптики, выстроенной около самой башни, между нею и отдѣломъ наукъ. Эта палата—та самая постройка,

въ которой помѣщается огромный телескопъ Делонкля, долженствовавшій, какъ воображали многіе пылкіе любители астрономіи, приблизить луну на разстояніе одного метра къ зрителю.

О наружномъ видѣ изящнаго зданія оптической палаты читатели могутъ судить по прилагаемому рисунку. На рис. 116 представленъ

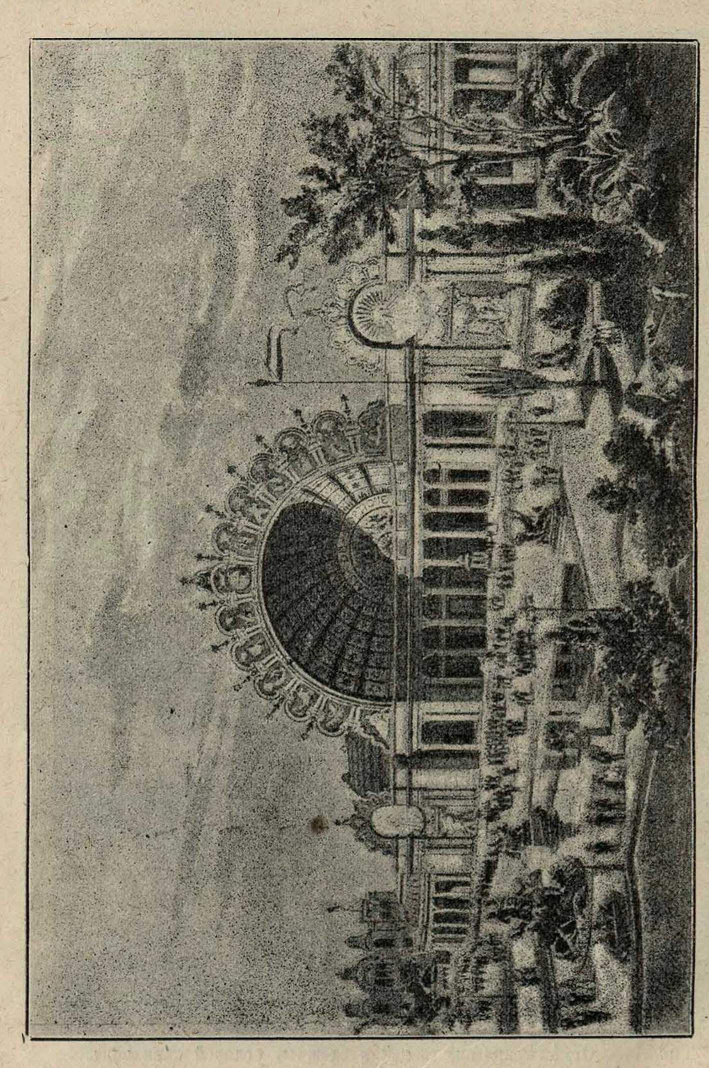

Рис. 116. Палата оптики, гдѣ помѣщается большой телескопъ.

главный входъ въ зданіе, обращенный въ сторону башни Эйфеля. Это—громадная ниша подъ сводомъ, увѣнчанная по фасаду широкою каймою вѣерообразной арки. Верхняя часть входа представляетъ выгнутый полушаръ, а нижняя—изящную колоннаду. Передъ входомъ большой бассейнъ воды, украшенный статуями и группами.

Слѣва и справа отъ входа идутъ крытыя галереи; въ одной изъ нихъ помѣщенъ телескопъ, въ другой разные интересные экспозиты

по части оптики. Въ этомъ дворцѣ оптическихъ чудесъ публикѣ есть чѣмъ поинтересоваться. Прежде всего входящаго поражаетъ странный свѣтъ, исходящій изъ купола; свѣтъ-то, конечно, обыкновенный, но онъ пропускается черезъ искусно подобранныя цвѣтныя стекла и производитъ впечатлѣніе яркаго сѣвернаго сіянія. Таково дневное освѣщеніе подъ куполомъ; вечеромъ же на смѣну сѣверному сіянію является яркій свѣтъ звѣздъ; на громадномъ сводѣ купола появляются созвѣздія въ такомъ видѣ, какъ они видны на сводѣ небесномъ.

Рис. 117. Видъ внутри зала дворца воды.

Изъ подъ купола главнаго входа публика проникаетъ въ галерею телескопа. На сѣверномъ концѣ ея (она вытянута какъ разъ въ направленіи съ сѣвера на югъ) находится камера сидеростата, т. е. той части телескопа, которая направляетъ въ него лучи свѣтилъ (см. описаніе телескопа, стр. 67 и слѣд.); надъ нимъ устроена защитная кровля, которая въ ясную погоду отодвигается, такъ что свѣтъ звѣздъ непосредственно падаетъ на зеркало сидеростата, а въ дождь она прикрываетъ драгоцѣнное зеркало. Далѣе, по длинной галереѣ тянется труба телескопа, положенная на массивныхъ каменныхъ быкахъ, отстоящихъ на 4½ сажени одинъ отъ другого. Вокругъ

этой трубы идетъ, какъ разъ на высотѣ ея, широкій балконъ, съ котораго публика можетъ обозрѣвать всѣ части телескопа; приняты мѣры, чтобы никто посторонній по возможности не прикасался къ телескопу, особенно къ его драгоцѣннымъ стекламъ.

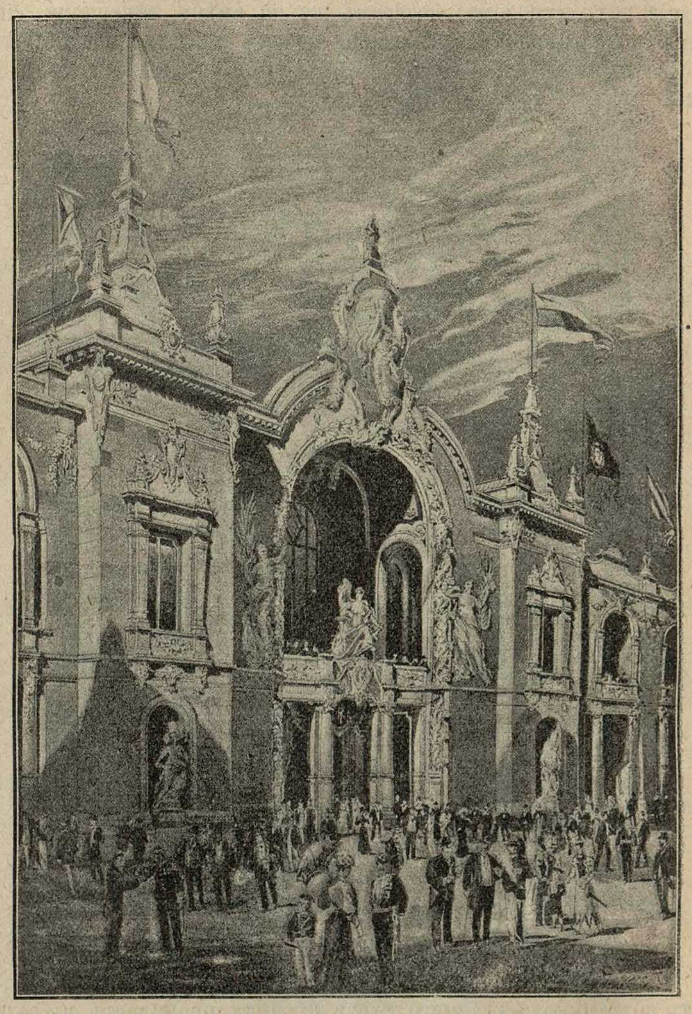

Рис. 118. Дворецъ меблировки и разныхъ отраслей промышленности. Флигель иноземныхъ экспонентовъ.

На другомъ концѣ телескопа находится залъ тѣневыхъ изображеній (Salle de projections); это огромное помѣщеніе, разсчитанное на 2.000 зрителей. На задней стѣнѣ зала помѣщенъ экранъ, на которомъ изъ волшебнаго фонаря съ могучимъ свѣточемъ откидываются изображенія всякаго рода фотографическихъ снимковъ. Въ хорошую погоду, при удачныхъ условіяхъ свѣта, на особомъ экранѣ получа-

ются изображенія свѣтилъ прямо изъ телескопа, изъ его окуляра; мы уже говорили объ этомъ при описаніи телескопа.

Въ другихъ залахъ и галереяхъ этого любопытнѣйшаго изъ выставочныхъ зданій собраны всѣ многочисленныя чудеса оптики. Мы упомянемъ только о главнѣйшихъ. Прежде всего зрители могутъ лю-

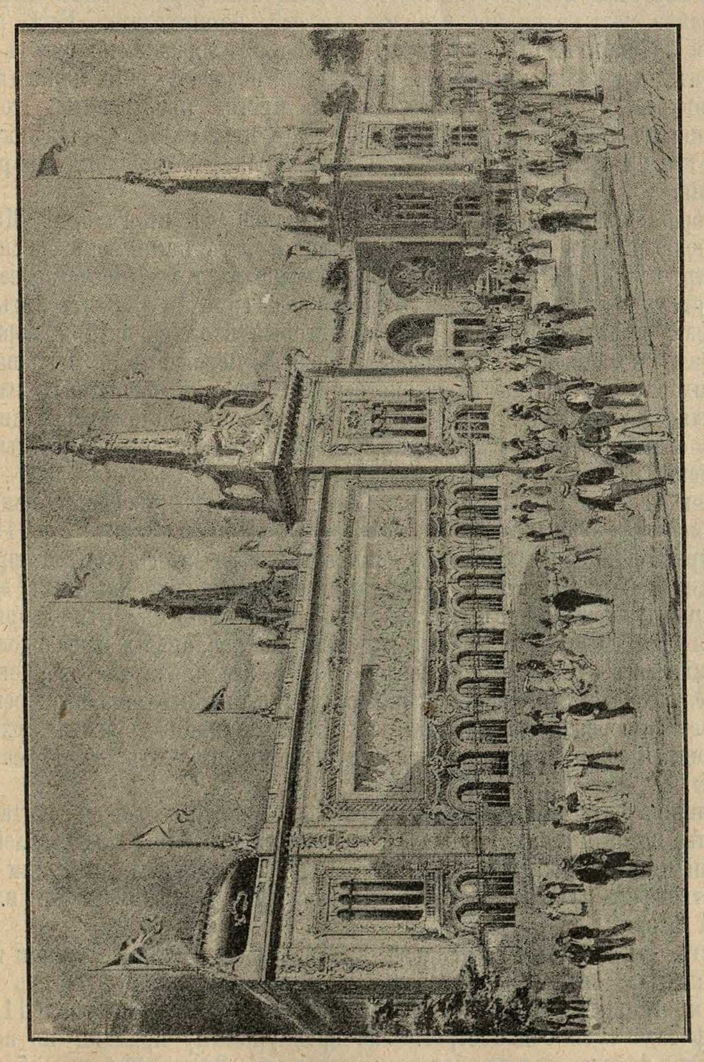

Рис. 119. Дворецъ меблировки и разныхъ отраслей промышленности. Постройка, выходящая на Гренельскую улицу.

боваться живою фотографіею; въ оптическомъ дворцѣ поставленъ особо изготовленный кинематографъ, главное усовершенствованіе котораго заключается въ томъ, что въ немъ совсѣмъ устранено непріятное мельканіе и скачки изображенія; оно остается на одномъ мѣстѣ и измѣняется съ отчетливою, натуральнѣйшею постепенностью. Для малолѣтней публики поставленъ огромнѣйшій калейдоскопъ. Въ

особомъ залѣ собраны всевозможныя зеркала; здѣсь выставлены между прочимъ гиганты современной техники — колоссальныя зеркала въ цѣлую стѣну; а затѣмъ, публика тутъ же можетъ разсматривать себя въ зеркала уменьшающія, увеличивающія, коническія, цилиндрическія и вообще всякія «магическія». Особою системою зеркалъ внутри одного изъ залъ дворца отражается первая платформа башни Эйфеля и публика можетъ видѣть все, что на ней происходитъ. Есть еще особый лабиринтъ, гдѣ посѣтитель, благодаря зеркаламъ, будетъ на каждомъ шагу впадать въ самыя комическія недоразумѣнія, напримѣръ, идти впередъ, воображая передъ собою пустое пространство, тогда какъ передъ нимъ будетъ зеркало. Вообще игра свѣта, цвѣтовъ, красокъ, тѣней—одинъ изъ самыхъ благодарныхъ матеріаловъ для развлеченія.

Дворцы электричества и воды, помѣщающіеся въ глубинѣ Марсова поля, передъ заломъ торжествъ, въ общемъ нами уже описаны (см. стр. 109). Въ дополненіе къ сказанному тамъ представляемъ здѣсь рисунокъ одного изъ залъ дворца воды (рис. 117). Этотъ залъ— одна изъ угловыхъ ротондъ, черезъ которыя входятъ внутрь дворца.

Покончивъ теперь съ Марсовымъ полемъ, перейдемъ на Эспланаду Инвалидовъ, гдѣ остаются единственныя еще не описанныя нами крупныя зданія выставки. Здѣсь помѣстился, собственно говоря, одинъ только отдѣлъ—именно декораціи, меблировки, устройства жилыхъ помѣщеній и разныхъ промысловъ.

Если перейти съ той стороны Сены, т. е. отъ дворцовъ изящныхъ искусствъ черезъ мостъ Александра III (см. планъ стр. 15), то направо и налѣво потянутся длинныя зданія этого отдѣла, причемъ вправо отъ зрителя будутъ постройки, предназначенныя для иноземныхъ экспонентовъ, а слѣва для французскихъ. Эти дворцы тянутся болѣе чѣмъ на сто саженъ въ глубь Эспланады Инвалидовъ, а ширина ихъ—около 25 саженъ. Позади этихъ двухъ дворцовъ, параллельно Гренельской улицѣ и фасаду Инвалиднаго дома, выстроенъ еще третій дворецъ того же отдѣла, только по плану другихъ архитекторовъ. Между дворцами остается широкій проходъ въ 12 саж. ширины.

Изящнѣе другихъ въ архитектурномъ отношеніи можно считать ту часть, которая предназначена для иноземцевъ. Она представлена на нашемъ рисункѣ 118. Ея фасадъ щедро украшенъ статуями и множествомъ другихъ декоративныхъ предметовъ, по преимуществу изъ царства флоры.

Часть, выступающая фасадомъ на Гренельскую улицу, если и не такъ изящна, зато гораздо болѣе доступна для общаго обзора и этимъ много выигрываетъ. Она представлена у насъ на рис. 119. Линіи фасада тутъ болѣе строгія, по преимуществу прямыя; но поверхность фасада также богато изукрашена. Здѣсь особенно обращаютъ на себя вниманіе громадные скульптурные фризы, занимающіе всю средину стѣнъ фасада. Это словно какія-то картины въ роскошныхъ рамахъ, но картины необычайныхъ размѣровъ, потому что онѣ тянутся почти на 13 саженъ въ длину отъ угловъ зданія до башенъ, поставленныхъ у его вдающагося полукружіемъ входа. Представленныя въ барельефахъ фриза фигуры относятся по преимуще-

ству къ области керамики и вообще отрасли промышленности, требующихъ содѣйствія огненной обработки, обжиганія. Здѣсь первоначально и предполагалось помѣстить отдѣлы глиняныхъ, стеклянныхъ, фаянсовыхъ и т. п. издѣлій, но потомъ они попали какъ

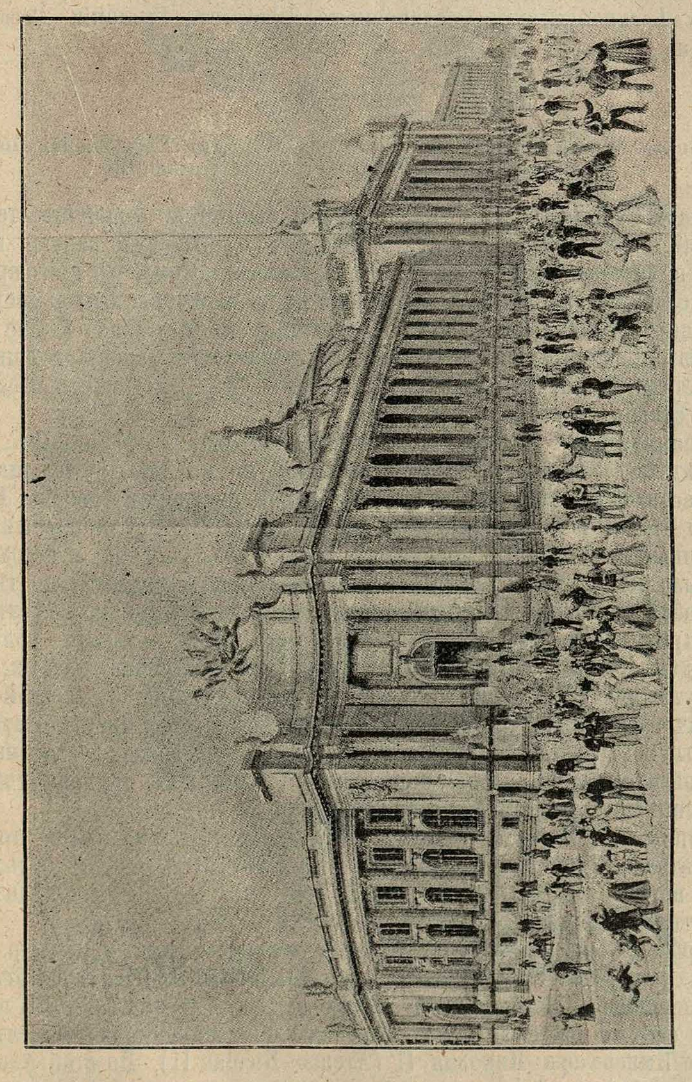

Рис. 120. Общій видъ Большого дворца.

разъ на другой конецъ Эспланады Инвалидовъ; не знаемъ ужь, какъ это случилось.

Кстати, при значительной пестротѣ этого отдѣла не лишнимъ будетъ указать порядокъ расположенія въ немъ отдѣльныхъ группъ. Начнемъ отъ рѣки, слѣва, съ французскаго отдѣла. Здѣсь прежде всего помѣщается, тотчасъ за мостомъ, группа уличныхъ украшеній, далѣе довольно значительное мѣсто занято станціею желѣзной дороги, а за-

тѣмъ идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ группы: частныхъ крупныхъ французскихъ фирмъ, вродѣ парижскихъ торговыхъ домовъ «Au Printemps» и «Луврѣ»; затѣмъ, фирмы бретанскія, провансальскія, арльскія и Пуату. Направо же отъ моста въ иностранномъ отдѣленіи идутъ послѣдовательно экспоненты: Японіи, Австріи, Венгріи, Даніи, Италіи, Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ, Германіи, Россіи и Бельгіи.

ГЛАВА XI.

Большой и Малый дворцы изящныхъ искусствъ на Елисейскихъ Поляхъ, ихъ наружный видъ и внутреннее устройство.

Таковы постройки главныхъ отдѣловъ выставки. Покончивъ теперь съ ними, мы возвратимся къ тѣмъ зданіямъ, о которыхъ раньше поневолѣ упоминали только въ немногихъ словахъ, потому что въ то время, когда о нихъ шла рѣчь, они еще далеко не были готовы и ихъ рисунки мы воспроизводили по проектамъ архитекторовъ. Изъ этихъ зданій наибольшаго вниманія, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ дворцы изящныхъ искусствъ—Большой и Малый, выстроенные на Елисейскихъ Поляхъ, по ту сторону моста Александра III.

Французская публика, безъ сомнѣнія, слѣдила съ ревнивымъ вниманіемъ за всѣми выставочными работами; но ни что другое такъ не интересовало ея, какъ эти три капитальныя постройки: дворцы Большой и Малый и мостъ Императора Александра III. Всѣ остальныя безчисленныя выставочныя сооруженія могли быть, конечно, и неудачны; это было бы досадно и обидно для національнаго самолюбія, но тѣ всѣ постройки не вѣчны, простоятъ только во время выставки, а послѣ нея исчезнутъ; значитъ, всякая неудача съ ними — только полгоря. Иное дѣло дворцы художествъ и мостъ; эти постройки вѣчныя, онѣ останутся послѣ выставки и должны служить украшеніемъ одной изъ самыхъ блестящихъ частей города; онѣ не должны, не могутъ быть неудачны. Вотъ почему, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, на эти постройки были объявлены конкурсы, въ которыхъ приняли участіе выдающіяся художественныя силы Франціи.

Общій видъ Большого дворца представленъ на рис. 120; это его окончательный видъ, послѣ того, какъ онъ уже былъ вполнѣ отдѣланъ; нашъ первый рисунокъ этого зданія (см. стр. 22) былъ сдѣланъ по проектному чертежу.

Просимъ еще разъ бросить взглядъ на планъ выставки (стр. 15), чтобы судить о мѣстоположеніи этого зданія. Оно находится влѣво отъ моста Александра III, если стать спиною къ рѣкѣ. Прямо съ моста идетъ между обоими дворцами новая широкая улица, названная именемъ Государя Императора Николая II (Avenue Nicolas II). По этой улицѣ и вытянулся главный фасадъ зданія, о которомъ идетъ рѣчь; этотъ фасадъ направленъ почти прямо на востокъ. Сѣверный бокъ зданія окруженъ садомъ, южный, выходящій на набережную — также окруженъ зеленью; здѣсь, между прочимъ, выстроена ротонда для музыки. Задній фасадъ выходитъ на широкую Антенскую улицу (Avenue d'Antin), идущую отъ моста Инвалидовъ и пересѣкающую круглый плацъ Елисейскихъ Полей.

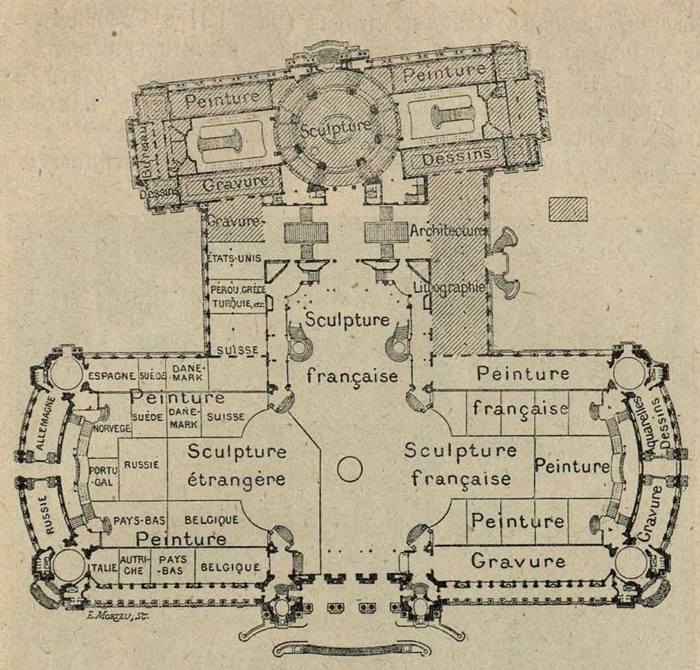

Рис. 121. Планъ Большого дворца. Нижній этажъ.

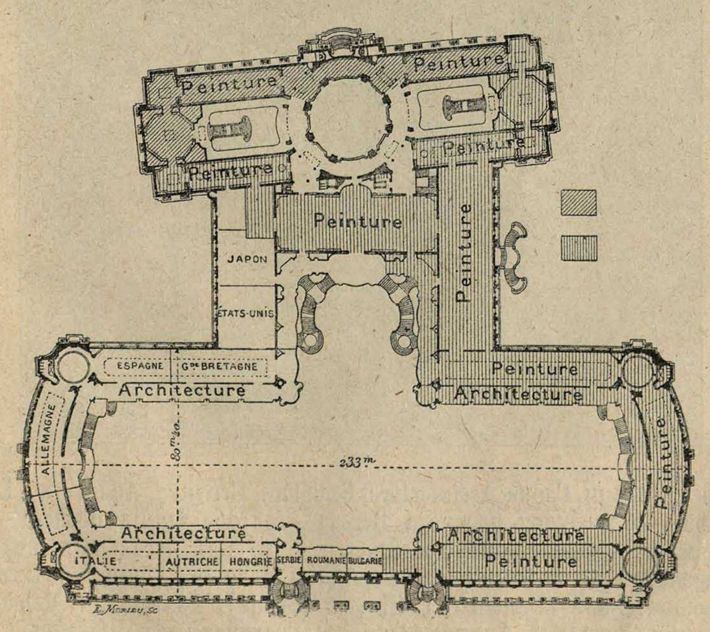

Рис. 122. Планъ Большого дворца Верхній этажъ.

По прилагаемымъ планамъ дворца (рис. 121 и 122) легко видѣть, что по условіямъ мѣстности зданіе вышло несимметричное, т. е. оба его фасада не параллельны между собою. Здѣсь, кстати, не безполезно привести переводы надписей на этихъ планахъ, взятыхъ нами цѣликомъ изъ французскаго журнала. Peinture—означаетъ мѣсто расположенія экспозитовъ по живописи, т. е. картинъ, писанныхъ масля-

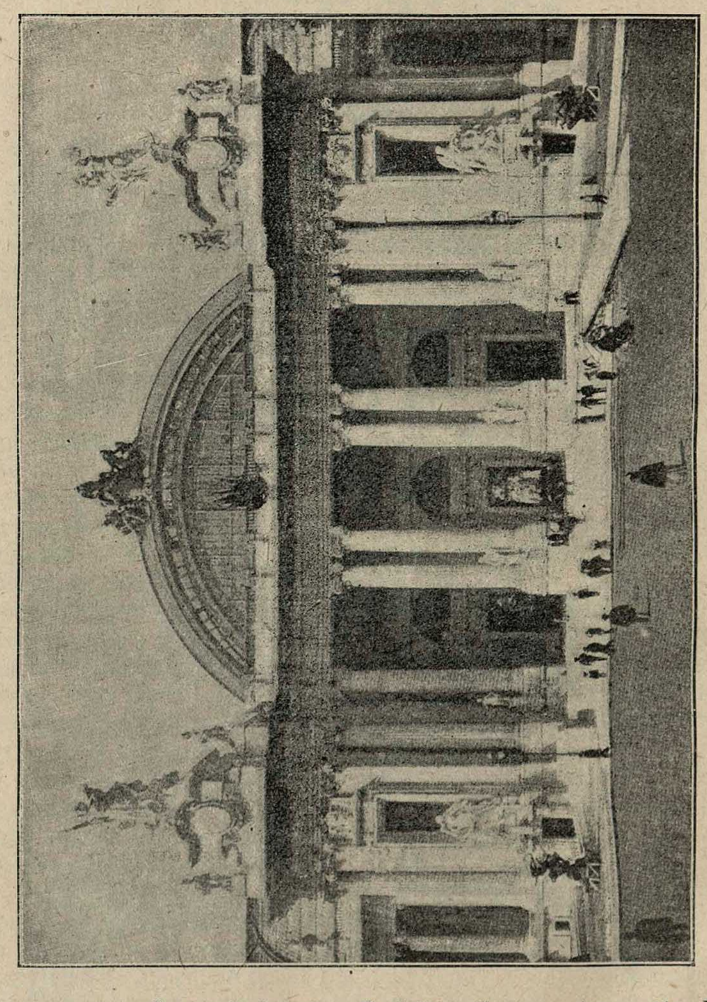

Рис. 123. Портикъ Большого дворца со стороны улицы Николая II.

ными красками. Слова Architecture, Sculpture, Gravure, Aquarelle, Lithographie—не требуютъ перевода. Bureau—контора зданія; dessein—всякіе рисунки карандашомъ, пастелью и т. п. Всѣ остальныя надписи обозначаютъ мѣста, занятыя экспозитами разныхъ иностранныхъ государствъ: Даніи (Danemark), Швеціи (Suède), Германіи (Allemagne), Голландіи (Pays-bas), Австріи (Autriche), Соединенныхъ Штатовъ (Etats Unis) и т. д.

Снаружи главными украшеніями дворца—чисто архитектурными,

потому что, кромѣ архитектурныхъ статей, зданіе съ необычайною щедростью украшено скульптурою; эту шедрость нѣкоторые критики даже ставили ему въ упрекъ, какъ, напр., его великолѣпные и грандіозные входы—портики. На рис. 123 у насъ представленъ портикъ со стороны главнаго фасада, съ улицы Императора Николая II; на рис. 124—портикъ со стороны Антенской улицы. Мы не входимъ въ описаніе ихъ архитектурныхъ деталей, потому что о нихъ легко судить по рисункамъ;

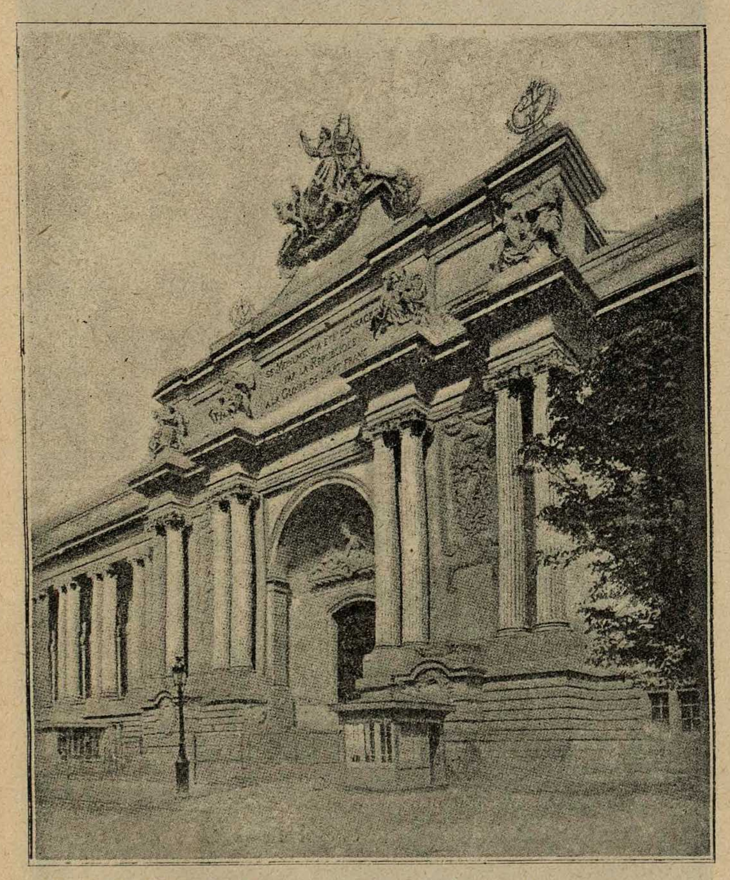

Рис. 124. Портикъ Большого дворца со стороны Антенской улицы.

приводимъ только неясно вышедшую надпись на фронтонѣ фасада Антенской улицы; она гласитъ: «Ce monument a été consacré par la République à la gloire de l'art français», т. е. этотъ памятникъ былъ посвященъ республикою славѣ французскаго искусства.

Фасадъ со стороны улицы Николая II имѣетъ болѣе 100 саженъ въ длину. Все зданіе, взятое цѣликомъ, имѣетъ въ длину 233 метра, т. е. 109 саженъ; но его бока нѣсколько выпуклы, какъ это легко видѣть по планамъ, и потому фасадная стѣна выходитъ короче продольной оси зданія. Глубина этой большой передней половины двор-

ца—около 38 саженъ. Этотъ громадный фасадъ представляетъ сплошную колоннаду около 9 саженъ въ вышину. Громадный входный портикъ занимаетъ около одной трети протяженія фасада. Позади колоннъ тянется галерея, стѣна которой украшена вся стеклянною мозаикою на красномъ фонѣ. Форма этой передней части дворца совершенно симметричная; это продолговатый четыреугольникъ съ выпуклыми

Рис. 125. Группа работы Ларша «Поэзія и Музыка» на фасадѣ Большого дворца.

боками. По угламъ его устроены малые портики, съ входными дверями и крыльцами.

Фасадъ со стороны Антенской улицы болѣе строгаго стиля: въ немъ выдается только портикъ. И тутъ тянется такая же колоннада, какъ по переднему фасаду, а стѣна за колоннами тоже украшена разноцвѣтною мозаикою, только не стеклянною, а каменною.

Какъ мы уже упомянули, фасадъ дворца покрытъ скульптурными украшеніями съ замѣчательною щедростью, вызвавшею даже упреки.

Насчитывается на немъ не менѣе тридцати пяти однѣхъ только алегорическихъ скульптурныхъ группъ, большею частью громаднаго размѣра, работы самыхъ выдающихся современныхъ художниковъ Франціи. Мы укажемъ здѣсь лишь на главнѣйшія изъ этихъ артистическихъ произведеній. На главномъ фасадѣ, по обѣимъ сторонамъ пор-

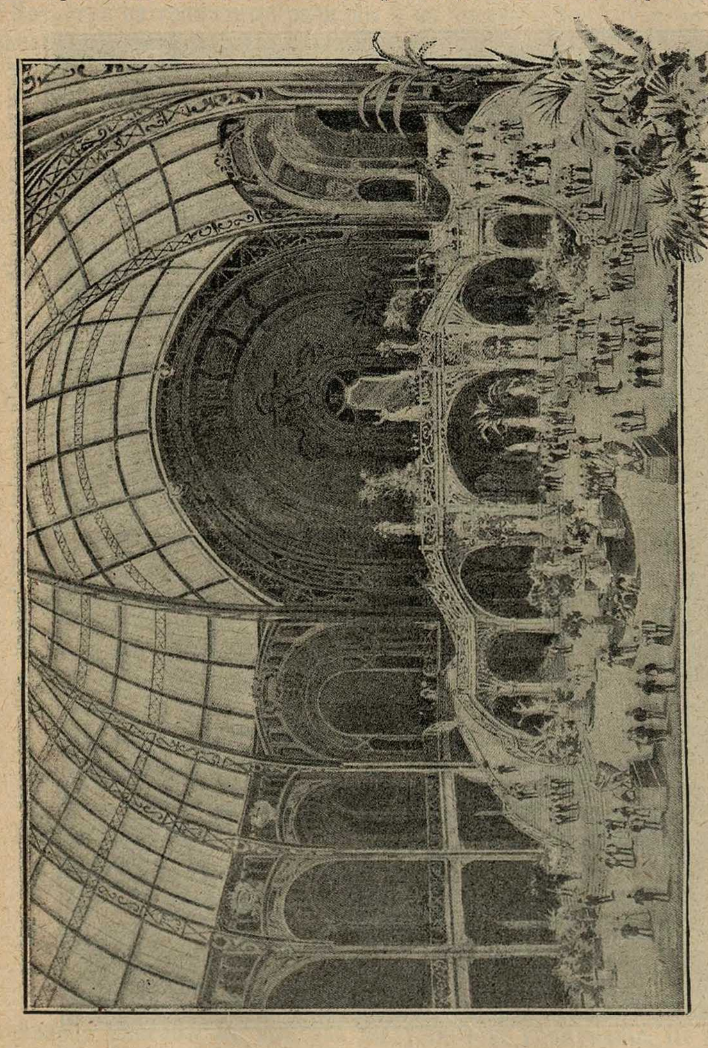

Рис. 126. Парадная лѣстница въ главномъ залѣ Большого дворца.

тика, слѣва и справа, высятся большіе выдающіеся пилоны; въ нишахъ этихъ пилоновъ поставлены двѣ замѣчательно изящныя группы: слѣва—работа Гаска, представляющая «Благоговѣніе артиста передъ красотою», а справа—работа Бушэ—«Вдохновеніе». Вверху, на самомъ вѣнцѣ тѣхъ же пилоновъ, высятся огромныя группы Ломбара: «Миръ, держащій въ плѣну Раздоръ» и Верлэ—«Искусства». Между парными колоннами портиковъ поставлены фигуры искусствъ:

Архитектуры—работы Карлеса, Живописи—работы Лефевра, Скульптуры—работы Карбонье, и Музыки—работы Лабатю. На углахъ главнаго фасада колоссальнѣйшія конныя группы работы Ресипона: «Согласіе, укрощающее раздоръ» и «Безсмертіе, опережающее время». О нео-

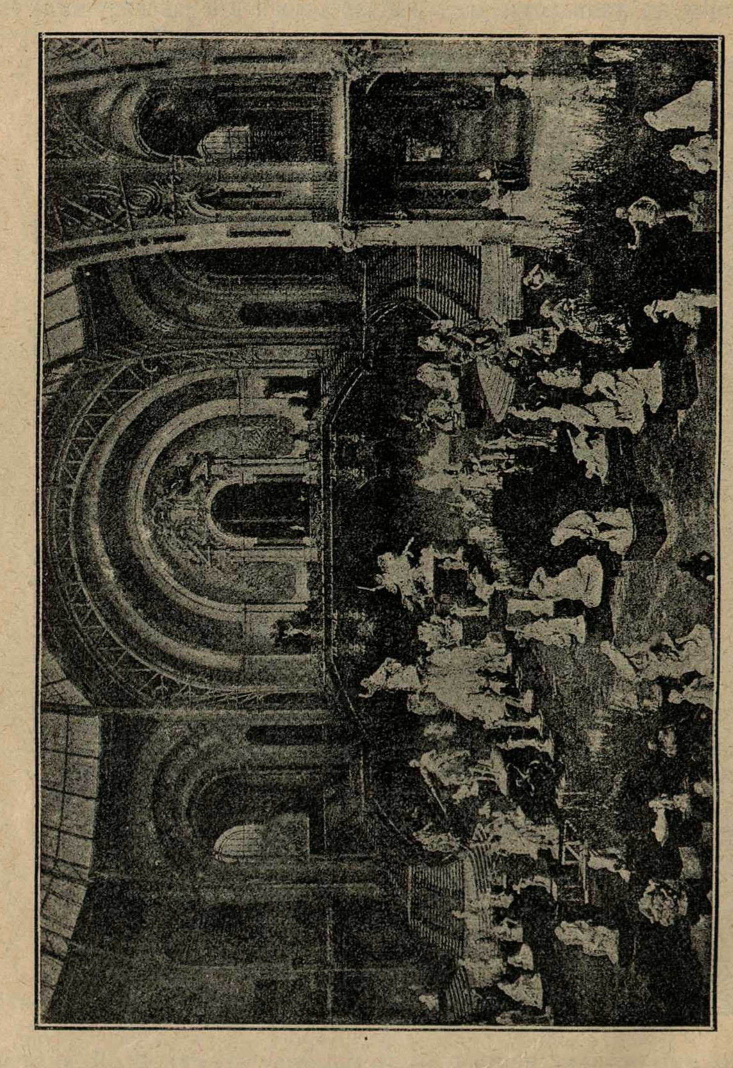

Рис. 127. Главный залъ Большого дворца, гдѣ выставлены произведенія французскихъ ваятелей.

бычайныхъ размѣрахъ и художественномъ исполненіи этихъ группъ было много разговоровъ во французской печати.

Особенно роскошна вторая группа—«Безсмертіе, опережающее время». Прекрасная молодая женщина стоитъ во весь ростъ на колесницѣ, которую влекутъ бѣшено взвившіеся на дыбы кони. Въ правой рукѣ фигура высоко поднимаетъ вѣнокъ славы, а въ лѣвой держитъ книгу и трубу. Дряхлое время съ косою на плечѣ валится въ бездну, сметенное съ до-

роги этимъ побѣднымъ шествіемъ славы. Всѣ фигуры этой группы громадны; такъ, напримѣръ, старецъ-время, лежащій у подножія группы, имѣетъ болѣе трехъ саженъ въ длину, и соотвѣтственно этому сдѣланы и кони, и фигура женщины-славы; кони сдѣланы въ $2^1/_2$ сажени высотою.

Несмотря на громадные размѣры и на чрезвычайно, судя по виду, рискованныя позы, вся эта группа вовсе не особенно тяжела и вполнѣ

Рис. 128. Столѣтняя коллекція французскаго художествъ въ Большомъ дворцѣ.

устойчива. Способъ ея выдѣлки заслуживаетъ упоминанія. По первоначальной модели, сдѣланной изъ гипса самимъ художникомъ, отливаются всѣ части модели изъ чугуна. Потомъ на эту чугунную модель накладываютъ мѣдныя пластинки, толщиною въ полтора миллиметра, и, проковывая ихъ ударами молота, придаютъ имъ фигуру модели, т. е. заставляютъ мѣдные листы облѣплять, облегать всѣ подробности контуровъ чугунной модели. Потомъ эти отформованные наковкою мѣдные листы собираютъ, скрѣпляютъ и получаютъ такимъ путемъ полую внутри, очень тонкостѣнную фигуру сравнительно ничтожнаго вѣса при

ея громадномъ объемѣ. Эту работу выполнила знаменитая мастерская Мондюи, въ Парижѣ, въ которой уже раньше исполнены были многія крупныя скульптурныя вещи, между прочимъ, знаменитая громадная статуя Свободы, поставленная посреди нью-іоркской гавани.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этихъ работахъ французскихъ художниковъ, мы здѣсь помѣщаемъ снимокъ съ группы Ларша «Поэзія

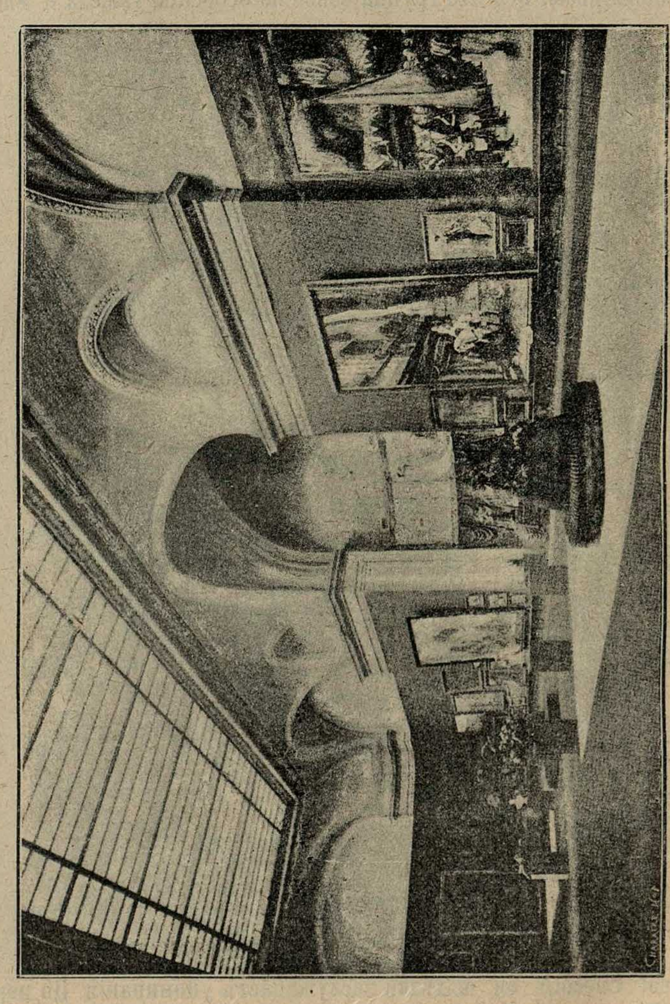

Рис. 129. Десятилѣтняя коллекція французскаго художества, въ Большомъ дворцѣ.

и Музыка», поставленной на верхнемъ карнизѣ портика дворца со стороны Антенской улицы (рис. 125).

Обратимся теперь къ внутреннему устройству Большого Дворца. О расположеніи его залъ въ обоихъ этажахъ легко судить по планамъ, о видѣ же внутреннихъ помѣщеній—по нашимъ рисункамъ. По изяществу постройки обращаетъ на себя особое вниманіе парадная лѣстница дворца въ его главномъ большомъ залѣ. На планѣ второго этажа она представлена въ глубинѣ передней части, противъ главнаго входа, а

ея наружный видъ—на рисункѣ 126. Проектъ этой лѣстницы, по которому она и выполнена, разработанъ архитекторомъ Лувэ. Въ общемъ, какъ можно видѣть на планѣ, ей придана форма подковы. Она оканчивается внизу, на полу, обширными круглыми перронами. Подпорками для нея служатъ толстыя зеленыя порфировыя колонны, а ступени вы-

Рис. 130. Группа иностранной скульптуры въ Большомъ дворцѣ.

дѣланы изъ известняка, добываемаго въ Комбланшіенѣ, употребляемаго во Франціи для самыхъ изящныхъ работъ этого рода. Площадки украшены мраморною мозаикою. Лѣстница вся на виду, на свѣтѣ, на воздухѣ и потому пришлось озаботиться отдѣлкою всѣхъ ея частей, даже и снизу. Лувэ, повидимому, не придерживался никакого опредѣленнаго стиля и свободно фантазировалъ, но, несмотря на безстиль-

ность, создалъ вещь, которою толпа охотно любуется и художественная критика остается довольна. Перила и рѣшетка лѣстницы богато украшены переплетеннымъ металлическимъ орнаментомъ, статуями, фигурами и фонарями.

Начиная отъ подножія этой лѣстницы, открывается богатая и разнообразная группа скульптуры, занявшая весь этотъ обширнѣйшій залъ; это—національный французскій отдѣлъ; скульптура другихъ странъ, какъ

Рис. 131 Малый дворецъ Елисейскихъ Полей. Фасадъ съ улицы Николая II.

видно по планамъ, размѣщена въ другихъ залахъ. О выставленныхъ произведеніяхъ можно сказать, что всѣ они прекрасны, какъ во французскомъ, такъ и въ иностранныхъ отдѣлахъ, но зато страдаютъ отсутствіемъ главной приманки для публики—новизны. Все это уже было на художественныхъ выставкахъ, все въ свое время пересмотрѣно, описано, воспроизведено на страницахъ иллюстрированныхъ изданій. Новыхъ произведеній, впервые появляющихся на выставкѣ, совсѣмъ мало. Правда, выставка и не имѣла задачею представить новыя произведенія. На рубежѣ новаго вѣка цивилизованный міръ собралъ на этой

выставкѣ все, что его умъ и геній создали въ теченіе истекающаго вѣка; эта же задача должна была лечь и въ основу художественнаго отдѣла выставки. Она—итогъ цѣлаго вѣка.

Весь вообще выставленный художественный матеріалъ разбитъ на три группы. Въ первую входятъ экспозиты столѣтней коллекціи французскихъ произведеній, т. е. подборъ всего, заслуживающаго вниманія въ области искусства за весь XIX вѣкъ; во вторую группу

Рис. 132. Малый дворецъ. Дворъ его и цвѣтникъ, разбитый на дворѣ.

вошли такія же отборныя произведенія послѣдняго десятилѣтія, и въ третью—иностранныя художественныя произведенія. Такимъ образомъ, коллекція второй группы представляетъ что-то вродѣ сливокъ первой группы—по выраженію обозрѣвателя французской «Illustration». Отмѣтимъ здѣсь кстати, что помѣщеніе столѣтней выставки на планахъ отмѣчено косыми штрихами, а помѣщеніе десятилѣтней—прямыми; эта манера штриховки обозначена на маленькихъ квадратикахъ, помѣщенныхъ съ праваго бока плановъ. Столѣтняя занимаетъ главнымъ образомъ ту часть дворца, которая выходитъ на Антенскую улицу,

а десятилѣтняя размѣстилась по галереямъ, соединяющимъ обѣ части дворца, и заняла довольно значительную долю перваго этажа передней части дворца.

Итакъ, во время выставки это великолѣпное зданіе заключаетъ въ себѣ ея художественный отдѣлъ. Но оно не погибнетъ вмѣстѣ съ выставкою, и теперь уже обдумано его будущее назначеніе. Въ 1901 году оно займетъ въ Парижѣ роль стараго, разрушеннаго передъ нынѣшнею выставкою дворца промышленности (Palais de l'industrie). Въ немъ будутъ находить пріютъ художественныя выставки и разныя конскія ристалища, а также всякаго рода крупныя парижскія торжества.

Многіе упрекали новый дворецъ въ томъ, что онъ носитъ на себѣ слѣды устарѣлости со стороны архитектуры. На это энергически возражали, что, наоборотъ, чудная постройка запечатлѣна истымъ духомъ современности. Во-первыхъ, выстроена она уже совсѣмъ по современному; закончить такой дворецъ въ три года—объ этомъ и не снилось старымъ мастерамъ; во-вторыхъ, сочетаніе камня и желѣза никогда еще не было допущено въ такомъ величественномъ размѣрѣ, какъ въ этомъ зданіи; въ третьихъ, наконецъ, это дворецъ не избранной знати, а дворецъ толпы; это самая рѣзкая черта его современности.

Перейдемъ теперь къ описанію Малаго дворца Елисейскихъ Полей (или авеню Николая II, какъ ихъ называютъ французы). Его наружный фасадъ представленъ былъ у насъ, по проектному чертежу, на стр. 23. Онъ выстроенъ вправо отъ моста Александра III, если стать спиною къ рѣкѣ. При постройкѣ Малаго Дворца архитекторъ не былъ такъ стѣсненъ мѣстомъ, а потому его плановая фигура совершенно правильна: онъ представляетъ въ планѣ вполнѣ симметричную трапецію; большая сторона ея, т. е. главный фасадъ дворца выходитъ на авеню Николая II, а задній—въ скверъ, разбитый на широкой площади Елисейскихъ Полей. Длина большого фасада этого дворца чуть не вдвое меньше длины Большого Дворца; она равняется 129 метрамъ, т. е. 60 саженямъ; задній фасадъ—81 метръ (около 38 саженъ), а совершенно ровные между собою боковые фасады—по 90 метровъ каждый (42 сажени).

Фасадъ улицы Николая II раздѣляется на пять отдѣловъ; изъ нихъ три, и въ томъ числѣ портикъ (см. рис. 131), покрыты куполами; отъ средняго отдѣла, портика, идутъ въ обѣ стороны колоннады, заканчивающіяся угловыми отдѣлами съ куполами. Фасады, какъ и у Большого дворца, чрезвычайно богаты скульптурными декоративными статьями; но тутъ характеръ постройки нѣсколько иной. Малый дворецъ изящнѣе, граціознѣе; этимъ онъ обязанъ и своимъ относительно меньшимъ размѣрамъ, и главное, болѣе открытому, свободному положенію, благодаря которому онъ почти съ любой стороны обозрѣвается весь сразу, во всей своей цѣлости.

Надъ входомъ во дворецъ изгибается широкою полосою совершенно правильно полукружная арка; подъ нею, надъ самою дверью, помѣщена прелестная группа работы скульптора Энжальбера; группа представляетъ городъ Парижъ, окруженный музами, а позади виднѣется Апполонъ на взвившемся на дыбы Пегасѣ. Эмблема Сены, въ видѣ женской фигуры, сидитъ у ногъ города, охватывая его колѣни; по

сторонамъ представлены моря, окружающія Францію: Атлантика въ видѣ Нептуна и Амфитриты, Средиземное море въ видѣ длиннобородаго старца. По бокамъ входной двери на пьедесталахъ поставлены двѣ большихъ группы: «Четыре времени года», Конвера, и «Сена и ея берега», Феррари. Между аркою и куполомъ прислонены алегорическія фигуры работы Сенъ-Марсо—геніи скульптуры и живописи. Другія группы, которыхъ мы не перечисляемъ здѣсь, украшаютъ фа-

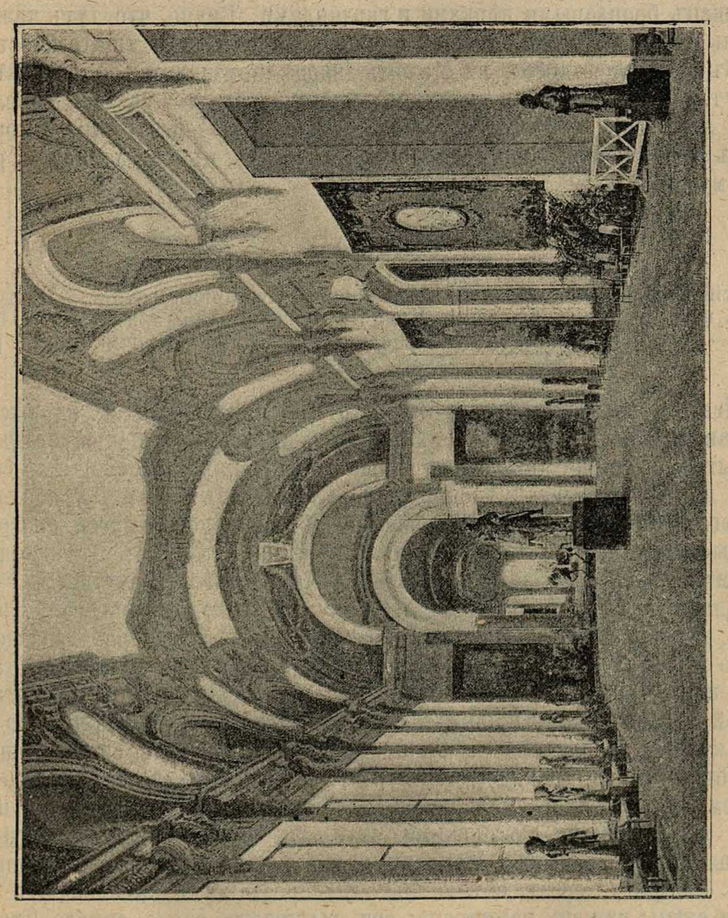

Рис. 133. Малый дворецъ. Рядъ галерей наружнаго фасада.

садъ дворца съ обѣихъ сторонъ, съ улицъ и со двора, который превращенъ въ прелестный садъ-цвѣтникъ (см. рис. 132).

Малый дворецъ—зданіе одноэтажное. У него есть превосходный подвалъ, отлично освѣщенный, хорошо провѣтриваемый. Полъ же единственнаго подземнаго этажа возвышается надъ уровнемъ почвы на 24 ступеньки. Подвалъ остается пока пустой, выставка имъ не воспользовалась, хотя публика охотно въ него спускается, любуясь необычайною солидностью его постройки, а особенно страшныхъ размѣровъ столбами, подпирающими полъ дворца.

Прямо со входа посѣтитель попадаетъ въ просторныя сѣни элиптической формы, крытыя куполомъ; изъ сѣней, по лѣстницамъ въ семь ступенекъ, публика направляется въ богато украшенныя галереи, общій видъ которыхъ представленъ на рис. 133. Изъ этихъ же сѣней можно выйти на полукруглый дворъ зданія, обращенный въ цвѣтникъ. Этотъ садикъ настоящій оазисъ, по которому раскиданы бассейны съ водою, отдѣланные синими съ позолотою украшеніями. Фасадъ входа на дворѣ очень эффектенъ; онъ облицованъ полированнымъ камнемъ и украшенъ бронзовыми вѣнками и гирляндами. Видно, что тутъ каждая мелочь была обдумана и выполнена съ величайшею тщательностью.

Въ настоящее время въ Маломъ дворцѣ помѣщается ретроспективная, т. е. историческая выставка французскаго искусства. Впослѣдствіи это зданіе, какъ и его сосѣдъ, Большой дворецъ, станетъ городскимъ достояніемъ. Городъ порѣшилъ устроить въ немъ свой городской музей.

ГЛАВА XII.

Русскій отдѣлъ на выставкѣ.—Постройки.—Кустарная группа.—Внутренность избы и боярское жилье.—Крайній сѣверъ.—Средняя Азія и Кавказъ.—Русскій павильонъ на Орсейской набережной.—Прочія части русскаго отдѣла.

Честь и слава нашему русскому отдѣлу на нынѣшней парижской выставкѣ! Онъ поспѣлъ одинъ изъ первыхъ, онъ былъ почти готовъ къ открытію выставки, тогда какъ другіе отдѣлы, кажется, еще и до сихъ поръ не готовы. Французская публика тотчасъ жадно накинулась на него, частью потому, что больше почти еще нечего было и смотрѣть на выставкѣ, частью изъ чувства того «alliance'a», которымъ теперь пропитано малѣйшее соприкосновеніе французскаго съ русскимъ.

Для того, чтобы попасть къ русскому или, какъ его прозвали французы, къ сибирскому павильону, надо добраться до дворца Трокадеро. Около этого дворца устроено немало входовъ на выставку, но такъ какъ намъ трудно было бы точно указать на какую-либо изъ этихъ дверей по небольшому нашему плану, то мы предпочитаемъ другую дорогу къ нашему павильону, именно отъ Іенскаго моста, соединяющаго Марсово поле съ Трокадерскимъ участкомъ. Сойдя съ моста, мы попадаемъ на Трокадерской площади прежде всего въ широкій проходъ между двумя алжирскими отдѣлами; пройдя ихъ и обогнувъ справа круглый бассейнъ, направимся вдоль цвѣтниковъ, окружающихъ этотъ бассейнъ; черезъ сотню шаговъ передъ нами замелькаютъ пестрыя стѣны нашего павильона; онъ выстроенъ около самаго Трокадерскаго дворца, саженяхъ въ 20 отъ его громадной ротонды.

Общій видъ павильона представленъ у насъ на рис. 18 (стр. 27). Онъ въ такомъ видѣ и остался. Мы не станемъ подробно описывать его наружный видъ, потому что этотъ родной стиль—стиль кремлей нашихъ древнихъ городовъ—достаточно хорошо знакомъ всѣмъ и каждому. Положеніе постройки на скатѣ трокадерской возвышенности очень выгодное: она кажется выше. Впрочемъ, очень высокихъ башенъ въ этомъ маленькомъ кремлѣ не имѣется; одна только изъ нихъ достигаетъ высоты около 22 саженъ.

Черезъ главный входъ публика вступаетъ въ сѣни. Ближайшее помѣщеніе закрыто для публики; оно оставлено пока на случай посѣщенія императорской фамиліи. Это обширный залъ со сводами, отдѣланный на подобіе Грановитой палаты. Все прочее, всѣ помѣщенія зданія открыты для публики. Со входа посѣтители прежде всего попадаютъ на обширный дворъ. Въ лѣвомъ углу двора устроена ротонда для музыки; утверждаютъ, что большая часть музыкантовъ оркестра—

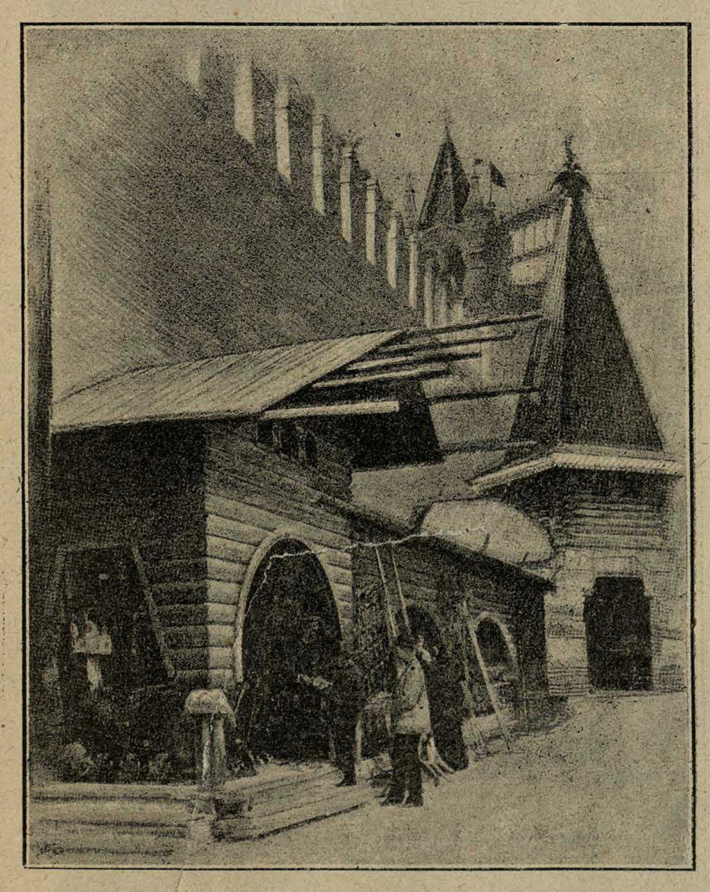

Рис. 134. Русскій павильонъ у дворца Трокадеро. Кустарный отдѣлъ.

русскіе. Около оркестра стоятъ столы, накрытые бѣлыми скатертями, наши настоящіе трактирные столики; это, какъ называютъ французы, ресторанъ сибирской желѣзной дороги; прислуживаютъ половые московскаго типа, то есть одѣтые въ бѣлое. Въ ресторанѣ имѣется розовый квасъ и свѣтлое пиво. Направо, на томъ же дворѣ, въ углу, пріютились ташкентцы съ грудою своихъ ковровъ. Тутъ же рядомъ дверь, ведущая въ помѣщеніе, гдѣ выставлены коллекціи удѣльнаго вѣдомства; посреди этого помѣщенія красуется великолѣпно набитое чучело зубра Бѣловѣжской пущи. Далѣе, въ главной постройкѣ помѣщаются

отдѣлы Средней Азіи, Кавказа, крайняго сѣвера. Но мы пока сдѣлаемъ обзоръ другихъ построекъ.

Изъ нихъ составился особый крошечный городъ, «русская деревня», какъ его называютъ французы. Всѣ эти постройки пріютились между зубчатою стѣною главнаго павильона и крыломъ Трокадерскаго дворца. Всего любопытнѣе для французовъ оказалась кустарная группа. Она

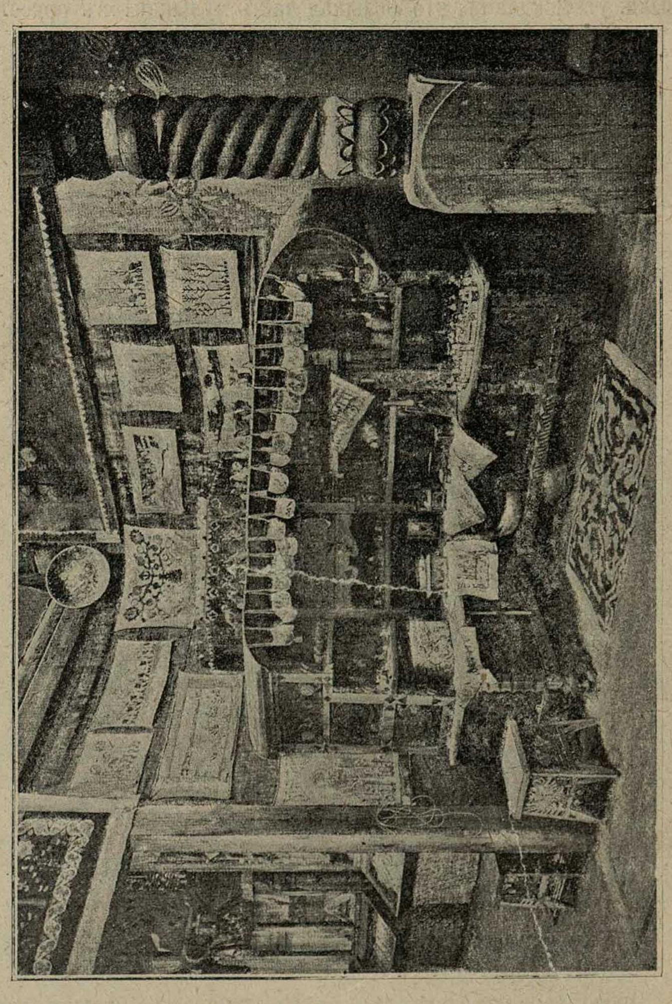

Рис. 135. Внутренность русской избы.

помѣщается въ простой бревенчатой пристройкѣ, очень грубаго, какъ бы незаконченнаго вида. Парижскіе журналы сообщаютъ много свѣдѣній о нашей кустарной промышленности; они оказываются хорошо освѣдомленными; сколько помнится, для выставки была изготовлена очень основательная книга—описаніе всѣхъ отраслей нашей промышленности и вообще экономической жизни Россіи; этимъ руководствомъ французы и пользуются (книга составлена на французскомъ языкѣ).

Въ печати высказывается сожалѣніе, что теперь, послѣ окончанія работъ, исчезли жители этой деревеньки — русскіе рабочіе, которые ее строили. Французы дивовались на ихъ сапоги, на ихъ мѣховыя шапки и картузы съ кожаными козырьками, на растрепанныя бороды, на остриженные въ скобку волосы, на дѣтски добродушные глаза и ла-

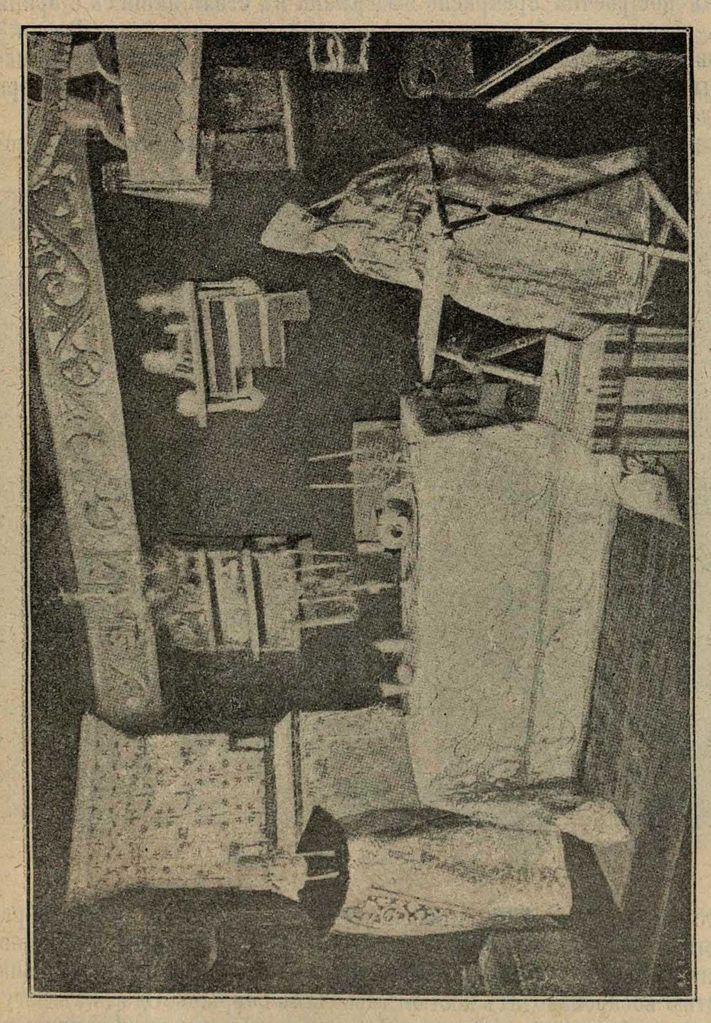

Рис. 136. Внутренность старобоярскаго жилища.

сковыя улыбки. Наши рабочіе особенно удивляли французскихъ товарищей артистическимъ умѣньемъ владѣть топоромъ и съ помощью его выдѣлывать изъ дерева такія вещи, для которыхъ французъ употребляетъ цѣлый наборъ разнообразныхъ инструментовъ. Теперь этихъ экзотическихъ фигуръ уже не видно на выставкѣ. «Isba russe», то есть русская изба, внутренность которой представлена на рис. 135, конечно, тоже осматривается посѣтителями съ великимъ интересомъ. Здѣсь собрана значительная коллекція женскихъ рукодѣлій, особенно

вышивокъ, а также всякаго рода домашней утвари, мебели и мелочей кустарнаго производства. Французамъ нравятся наши сундуки и цѣльно-рѣзныя деревянныя вещи, вродѣ подсвѣчниковъ, чашекъ и т. п.

Крошечная церковь также полна посѣтителей. Эта небольшая деревянная построечка прекрасно выдержана въ стилѣ нашихъ стариннѣйшихъ крошечныхъ бревенчатыхъ церквей дальняго сѣвера Россіи. Вся церковная утварь сдѣлана по стариннѣйшимъ образцамъ, а иконы чрезвычайно искусно поддѣланы подъ тѣ древніе образа, которыми такъ дорожатъ любители старины, особенно старовѣры.

Ближе къ центральной аллеѣ Трокадеро находится копія старо-бо-

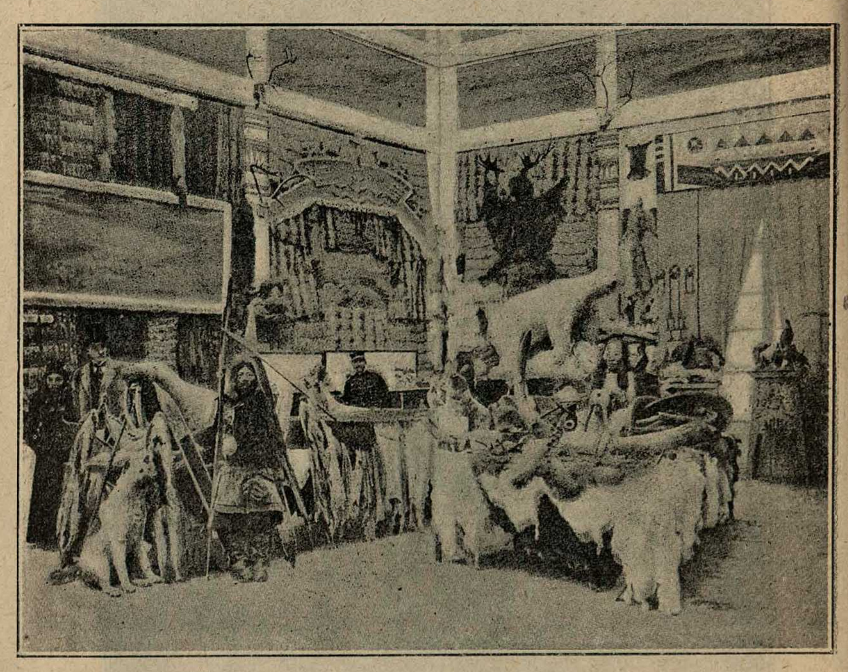

Рис. 137. Дальній сѣверъ Россіи.

ярскаго жилья, (рис. 136), приблизительно XVII вѣка. Тутъ собрана прелестная деревянная рѣзная мебель и вся домашняя обстановка богатаго люда старой Москвы. Двѣ восковыя женскія фигуры съ большою точностью воспроизводятъ костюмъ древнихъ боярынь. Одна изъ фигуръ сидитъ за работою, за пяльцами. Здѣсь, между прочимъ, француженки любуются коллекціею драгоцѣнныхъ кокошниковъ, доставленною г-жею Шабельскою.

Нашъ сѣверъ, какъ уже сказано, пріютился въ главной постройкѣ. По прилагаемому рисунку (рис. 137) можно составить себѣ понятіе о подборѣ экспозитовъ этой группы, едва ли не самой любопытной для южныхъ европейцевъ, особенно французовъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ колоній на сѣверѣ. Понятно, что французскіе журналы съ большимъ усердіемъ занимаются этою группою нашего отдѣла. Особенно

привлекаютъ всѣхъ, конечно, мѣха, развѣшенные повсюду по стѣнамъ; мѣхъ, само собою разумѣется, одинъ изъ главнѣйшихъ и роскошнѣйшихъ даровъ сѣвера, и притомъ тамъ, на выставкѣ, въ самомъ дѣлѣ собраны драгоцѣннѣйшіе образцы, особенно соболей, бобровъ и котиковъ съ Командорскихъ острововъ. Колонія этихъ звѣрей представлена и на огромной картинѣ г. Коровина, украшающей одну изъ стѣнъ зала. Великолѣпныя чучела бѣлыхъ медвѣдей, волковъ, эскимосскихъ собакъ дополняютъ пеструю декорацію этой группы, перенося восхищеннаго и отчасти подавленнаго южанина въ эту страну вѣчнаго льда

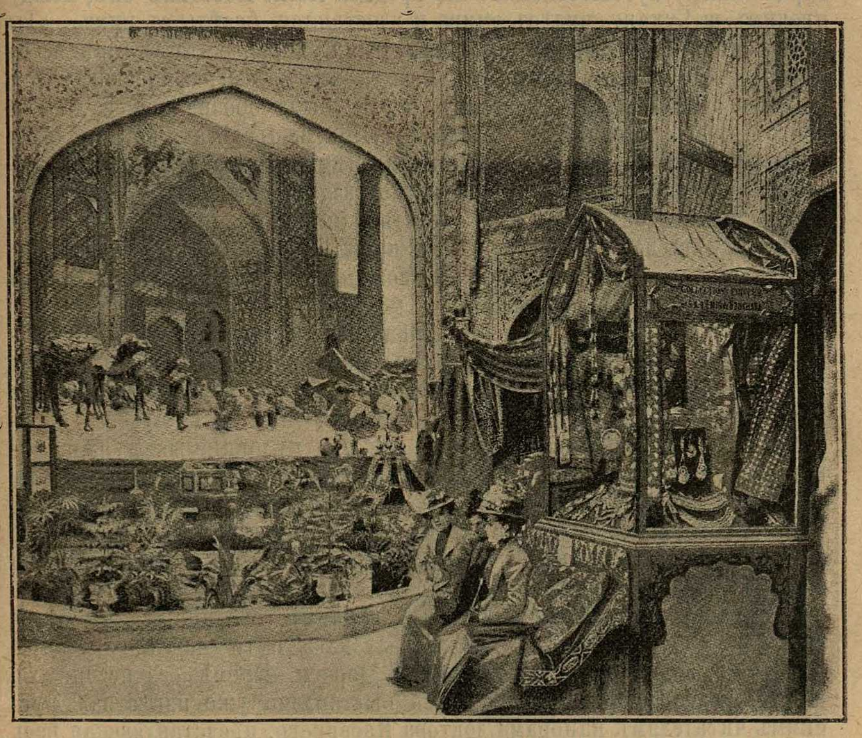

Рис. 138. Средняя Азія.

и мороза, при одной мысли о которой ему, вѣроятно, становится холодно.

Едва ли менѣе интересенъ для парижской публики и залъ среднеазіатской области (см. рис. 138). Здѣсь на стѣнѣ опять громадная картина того же художника, г. Коровина. «Коровинъ и эмиръ Бухарскій,— говоритъ обозрѣватель «Illustration», — главные герои этого зала». Коровинъ представилъ Азію на своей громадной картинѣ, а эмиръ доставилъ на выставку самые интересные экспозиты; онъ даже командировалъ въ Парижъ двухъ своихъ представителей—полковника Зюннетъ-динъ-Токсаби и капитана Мирза-Малекъ-Караулъ-Беги; «Illustration» даетъ ихъ портреты. Большая витрина заключаетъ въ себѣ особую частную коллекцію эмира. Здѣсь можно видѣть золототканныя одежды

несравненной красоты и тонкости работы, роскошную конскую сбрую, украшенія, вышивки, которыя по своей кропотливой тонкости одинъ французскій обозрѣватель назвалъ «ошеломляющими» (étourdissantes). Около этой витрины поставлена богатая тахта, на которой часто съ восточною важностью возсѣдаютъ названные представители эмира въ своихъ чудныхъ халатахъ.

По поводу бухарской коллекціи Морисъ Норманъ приводитъ любопытную историческую справку. Лѣтъ двадцать тому назадъ нѣкто Мозеръ (онъ на нынѣшней выставкѣ выступаетъ коммиссаромъ Босніи-Герцеговины) путешествовалъ по Средней Азіи. Посѣтилъ онъ, между прочимъ, и Бухару, видѣлъ эмира и удостоился бесѣды съ нимъ. «Ты хотѣлъ видѣть,—говорилъ ему повелитель Бухары,—что въ мірѣ всего прекраснѣе», и онъ развернулъ передъ нимъ географическую карту азіатскаго издѣлія. Въ серединѣ карты была обозначена Бухара—центръ міра! Кругомъ простиралась пустыня, за предѣлами которой были показаны: Китай, земля Бѣлаго Царя, Индія, принадлежащая Англи-замъ, а по окружности карты Френгистанъ, т. е. страна французовъ, вообще иноземцевъ. Вотъ что извѣстно было бухарцамъ о Франціи двадцать лѣтъ назадъ, а теперь они прислали въ столицу этой Франціи драгоцѣнности своего эмира и своихъ коммиссаровъ. Какъ много воды утекло за два десятилѣтія!

Въ другихъ залахъ нашего «трокадерскаго кремля», какъ его прозвали французы-посѣтители, иноземцы найдутъ еще много для себя интереснаго. Вообще экзотическія части выставки, несомнѣнно самыя интересныя для большей части публики, ибо всѣ чудеса европейской науки и промышленности, всѣ эти чудовищныя пушки, фонографы, телескопы, ліонскіе шелка и брюссельскія кружева, а рядомъ съ ними и всѣ художественныя сокровища Большого и Малаго дворцовъ Елисейскихъ Полей,—все это давно уже пересмотрѣно всѣми и извѣстно всѣмъ и каждому, а какой-нибудь сибирскій шаманъ или индѣйская баядерка многимъ извѣстны только по описаніямъ.

Въ сибирскомъ павильонѣ, между прочимъ, собрано все, что относится до сооружаемаго великаго желѣзнаго пути черезъ сѣверную Азію, т. е. нашей сибирской желѣзной дороги. Кромѣ безчисленныхъ картъ, плановъ, фотографій, здѣсь выставлена уже извѣстная русскимъ читателямъ панорама доктора Пясецкаго, представляющая весь сибирскій путь на длиннѣйшей бумажной лентѣ. П. Я. Пясецкій у насъ прославился своими странствованіями по Китаю и удивительнымъ мастерствомъ, съ которымъ онъ изготовляетъ свои чудовищныя панорамы—чудовищныя по размѣрамъ, потому что иныя изъ нихъ имѣютъ въ длину сотни аршинъ. Международное общество спальныхъ вагоновъ выставило тѣ вагоны, въ которыхъ совершается теперь длинный и утомительный путь по сибирской желѣзной дорогѣ отъ Москвы до Томска и далѣе, до Иркутска. Устроено такъ, что зритель, помѣстившійся въ одинъ изъ выставленныхъ вагоновъ, видитъ изъ окна смѣну видовъ сибирской желѣзной дороги, какъ бы путешествуя по ней. Въ первомъ этажѣ павильона помѣщается еще исполненная художникомъ Жервэ діорама, представляющая коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Въ центральномъ залѣ павильона поставлены, между прочимъ, двѣ

фигуры, два манекена, представляющихъ мужской и женскій типы кавказскаго горскаго населенія, въ народной одеждѣ. Эти двѣ фигуры открываютъ входъ въ кавказское отдѣленіе (см. рис. 139). Грандіозная природа Кавказа могла быть, конечно, представлена только въ видѣ многочисленныхъ фотографій и картинъ г. Коровина и барона Клодта. Вся обширная коллекція предметовъ, характеризующихъ Кавказъ, умѣстившаяся на весьма тѣсномъ, отведенномъ для нея мѣстѣ, составлена профессоромъ Радде. Французскіе журналы отзываются съ самою лестною похвалою объ умѣньи, съ которымъ профессоръ подобралъ эту

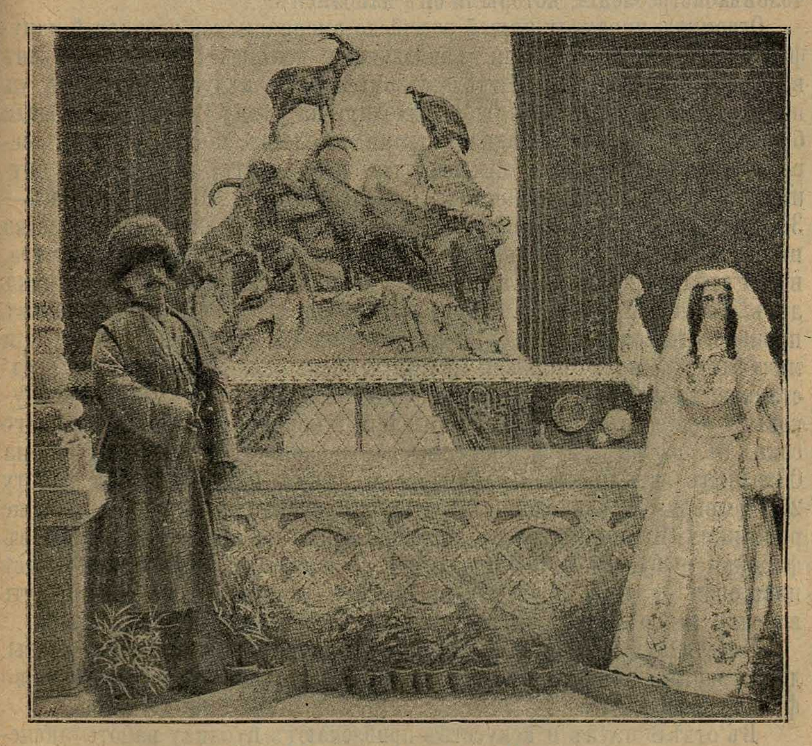

Рис. 139. Входъ въ кавказскій залъ.

коллекцію, называютъ ее «чудомъ методичности и классификаціи». Все, что было нужно для точной характеристики страны, нашло тутъ свое мѣсто: типы жилищъ, одежды, домашней утвари, тканей, музыкальныхъ инструментовъ, украшеній, оружія, чучелъ птицъ и животныхъ, насѣкомыхъ, фруктовъ, винъ, растеній; нѣкоторыя изъ послѣднихъ представлены даже живьемъ въ небольшомъ садикѣ, прилегающемъ къ отдѣлу.

Здѣсь, кстати, чтобы познакомить съ русскимъ отдѣломъ въ возможной полнотѣ, упомянемъ о другихъ постройкахъ нашихъ экспонентовъ, казенныхъ и частныхъ. Большую часть казенныхъ павильоновъ легко различить по ихъ особенному русскому стилю и по двуглавымъ орламъ, увѣнчивающимъ ихъ кровли и башенки. Имѣ-

ются отдѣльные наши павильоны у отдѣловъ лѣсоводства и охоты и военнаго, особый павильонъ винной монополіи, учрежденій императрицы Маріи, метеорологическій, мукомольный; наконецъ, къ нашимъ же павильонамъ долженъ быть отнесенъ финляндскій. Здѣсь, для образца, мы помѣщаемъ (рис. 140) снимокъ съ павильона, построеннаго позади зданія военнаго отдѣла. Его внѣшность достаточно характеризована рисункомъ. Онъ выстроенъ изъ сосноваго лѣса. Во французской печати промелькнуло замѣчаніе, что его внѣшній изящный и кокетливый видъ мало вяжется съ тѣми мрачными экспозитами по части человѣкоистребленія, которыми онъ наполненъ.

Огромную пирамиду нашей россійско-американской резиновой мануфактуры французы прозвали «павильономъ калошъ». Этотъ павильонъ выстроенъ позади зданія отдѣла строительнаго искусства рядомъ съ павильономъ баварскаго пива и выходитъ на улицу Сюффренъ. Издали бросается въ глаза громадная пирамида калошъ, поставленная въ серединѣ этого павильона; она выдѣляется чернымъ, блестящимъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ построекъ Марсова поля. Эта гора калошъ— 35.000 паръ — представляетъ собою итогъ суточнаго производства нашей мануфактуры. Подобныя пирамиды, хотя меньшаго размѣра, наша публика могла видѣть на всѣхъ нашихъ выставкахъ послѣднихъ лѣтъ. Наша мануфактура можетъ гордиться тѣмъ, что по размѣрамъ производства она царитъ и первенствуетъ во всемъ мірѣ. Коллекціи мануфактуры на парижской выставкѣ очень разнообразны; она представила, напримѣръ, въ видѣ діорамы весь ходъ воздѣлыванія каучуковыхъ деревьевъ и способы добыванія и обработки ихъ драгоцѣннаго сока. Въ особой модели представленъ городокъ этой мануфактуры, на Обводномъ каналѣ, въ Петербургѣ; въ немъ находятъ себѣ работу 253 человѣка въ управленіи, 2½ тысячи рабочихъ и почти столько же работницъ. На приведеніе въ движеніе всѣхъ работающихъ снарядовъ фабрики требуется 5.000 паровыхъ лошадиныхъ силъ. Если бы всѣ постройки городка привести къ высотѣ одного этажа и вытянуть въ одну линію, то онѣ растянулись бы безъ малаго на семь верстъ.

Перечислимъ теперь по возможности всѣ выдающіеся экспозиты, доставленные изъ Россіи, на которые было обращено вниманіе во французской печати.

Въ отдѣлѣ наукъ и искусствъ привлекаютъ публику работы экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Экспедиція устроила тамъ громадныхъ размѣровъ витрину и въ ней выставила все, что было ею исполнено замѣчательнаго и что русской публикѣ, конечно, давно извѣстно по многочисленнымъ нашимъ выставкамъ. Въ желѣзнодорожной группѣ французы особенно интересуются всѣми способами и средствами, которые употребляются на нашихъ дорогахъ при борьбѣ съ снѣжными заносами. Въ мануфактурномъ отдѣлѣ блеснула, главнымъ образомъ, своими размѣрами наша хлопчатобумажная ткацкая промышленность, съ ея производительностью въ 250 милліоновъ рублей въ годъ. Братья Сапожниковы выставили коронаціонныя мантіи, около которыхъ толпится множество любопытныхъ.

Въ горномъ и металлургическомъ отдѣлахъ Россія затмила другія страны своею платиною, которой у насъ добывается почти 97% ея общей добычи на земномъ шарѣ; затѣмъ, громко говорятъ о нашихъ

горныхъ богатствахъ марганцовыя руды и уголь Донецкаго кряжа. Въ этомъ же отдѣлѣ французы любуются на ярко сверкающіе бока громадныхъ самоваровъ наслѣдниковъ Баташева—«Héritiers de Batachef».

Въ павильонѣ у военнаго отдѣла выставленъ тотъ самый аэростатъ «Vive la France», который совершалъ свой первый полетъ въ Красномъ Селѣ во время пребыванія въ Россіи покойнаго президента Феликса Фора, въ 1897 году.

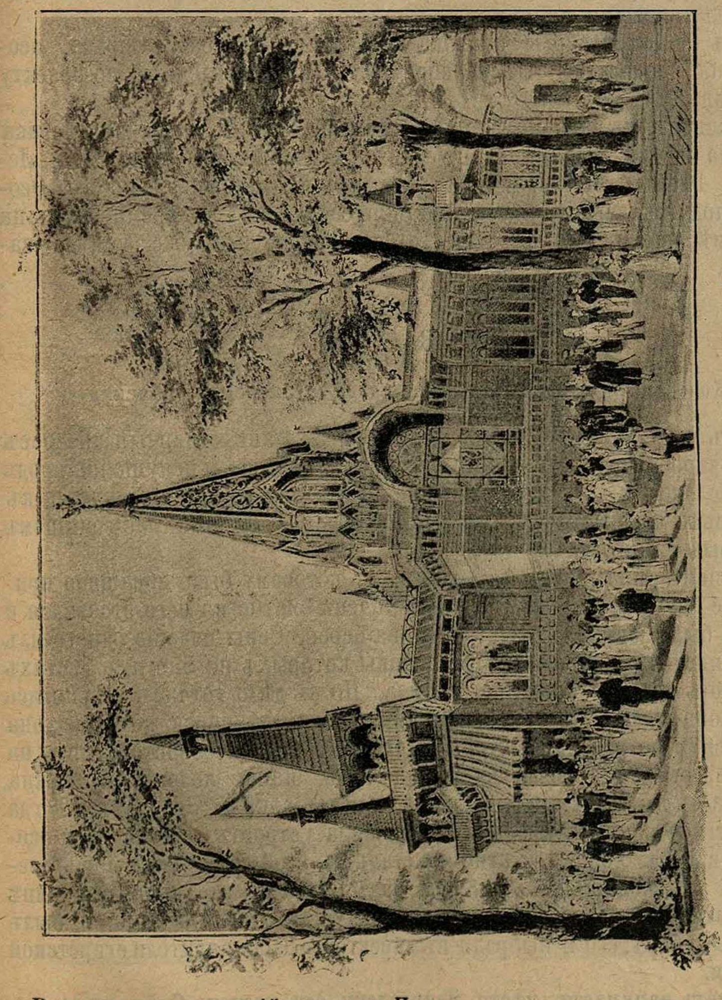

Рис. 140. Русскій павильонъ у военнаго отдѣла.

Въ одномъ изъ зданій площади Инвалидовъ огромная толпа всегда стоитъ передъ картою Франціи, исполненною въ Екатеринбургѣ изъ уральскихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Этотъ даръ Франціи Государя Императора былъ въ свое время описанъ во всѣхъ русскихъ газетахъ. Напомнимъ здѣсь о ней лишь въ главныхъ чертахъ. Карта вдѣлана въ раму изъ сѣрой яшмы и имѣетъ видъ квадрата въ 1½ аршина ширины и длины. Окружающее Францію море представлено пластинками свѣтло-

сѣраго мрамора, а отдѣльные департаменты яшмами разнаго цвѣта. На картѣ обозначено 105 городовъ Франціи. Парижъ обозначенъ большимъ рубиномъ, Гавръ—изумрудомъ, Руань—сапфиромъ, Лилль—фенакитомъ, Реймсъ—хризолитомъ, Ліонъ—турмалиномъ, Нантъ—бериломъ, Бордо — аквамариномъ, Марсель — изумрудомъ, Ницца —гіацинтомъ, Шербургъ—александритомъ, Тулонъ—хризобериломъ. Прочіе города означены аметисами, турмалинами и горнымъ хрусталемъ. Названія городовъ начертаны золотомъ, рѣки обозначены вкрапленными въ яшму платиновыми жилками.

Тутъ же около карты публика любуется на русскіе образа, особенно на иконостасъ изъ серебра съ эмалью, сдѣланный по проекту Васнецова.

Наконецъ, въ Большомъ дворцѣ Елисейскихъ Полей журналистика отмѣтила цѣлый рядъ именъ русскихъ художниковъ: Васнецова, Левитана, Рѣпина, Нестерова, Антокольскаго, князя Трубецкого. Особенно подчеркивается аккуратность русскихъ: въ то время, какъ на выставкѣ еще ничего не было готово, Россія все уже успѣла закончить.

ГЛАВА XIII.

Колоніальныя выставки: египетская, дагомейская, сіамская.

Какъ мы уже замѣтили въ предыдущей главѣ, главный интересъ выставочной публики, послѣ цѣлаго ряда «гвоздей» и искушеній, вродѣ многочисленныхъ панорамъ, театровъ и ресторановъ, привлекается къ колоніальнымъ, экзотическимъ выставкамъ. Мы въ этой главѣ опишемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Начнемъ съ египетской. Хедивъ, къ которому было обращено приглашеніе къ участію въ выставкѣ, очень охотно на него отозвался и сначала было задумалъ выстроить на берегу Сены подобіе одного изъ тѣхъ египетскихъ храмовъ, развалины которыхъ во многихъ мѣстахъ украшаютъ берега священнаго Нила. Но въ дѣло тотчасъ вступилась Англія; она уже давно привыкла считать Египетъ своею колоніею; она обидѣлась и потребовала, чтобы никакого самостоятельнаго Египта на всемірной выставкѣ не было: это, дескать, наша колонія и должна участвовать въ числѣ другихъ нашихъ колоніальныхъ владѣній. Тогда группа египетскихъ капиталистовъ рѣшила устроить на свой счетъ особый павильонъ. Хедивъ охотно присталъ къ этой группѣ, и вышла все-таки, на зло коварному Альбіону, какъ будто бы отдѣльная и вполнѣ самостоятельная египетская выставка. Душою этого предпріятія былъ Филиппъ Субаръ; его и выбрали въ директоры-распорядители египетской выставки.

Египетъ занимаетъ мѣсто неподалеку отъ нашего Сибирскаго павильона. на площади Трокадеро, въ ея участкѣ, прилегающемъ къ Магдебургской улицѣ, отдѣляясь отъ набережной японскимъ павильономъ. Подъ египетскія постройки отведено довольно значительное мѣсто— 2.640 квадратныхъ метровъ, почти ровно четверть десятины. Постройки, возведенныя по планамъ архитектора Дурньона, отличаются значительною массивностью; такъ, напримѣръ, колонны храма, пред-

ставленнаго въ лѣвой сторонѣ нашего рисунка (см. рис. 141), сдѣланы въ 7 саженъ высоты, а поперечникъ ихъ около сажени.

Весь египетскій дворецъ состоитъ собственно изъ трехъ отдѣльныхъ зданій, приставленныхъ одно къ другому. Два крайнія зданія выполнены въ древне-египетскомъ стилѣ, а среднее—въ мавританскомъ. Въ одномъ

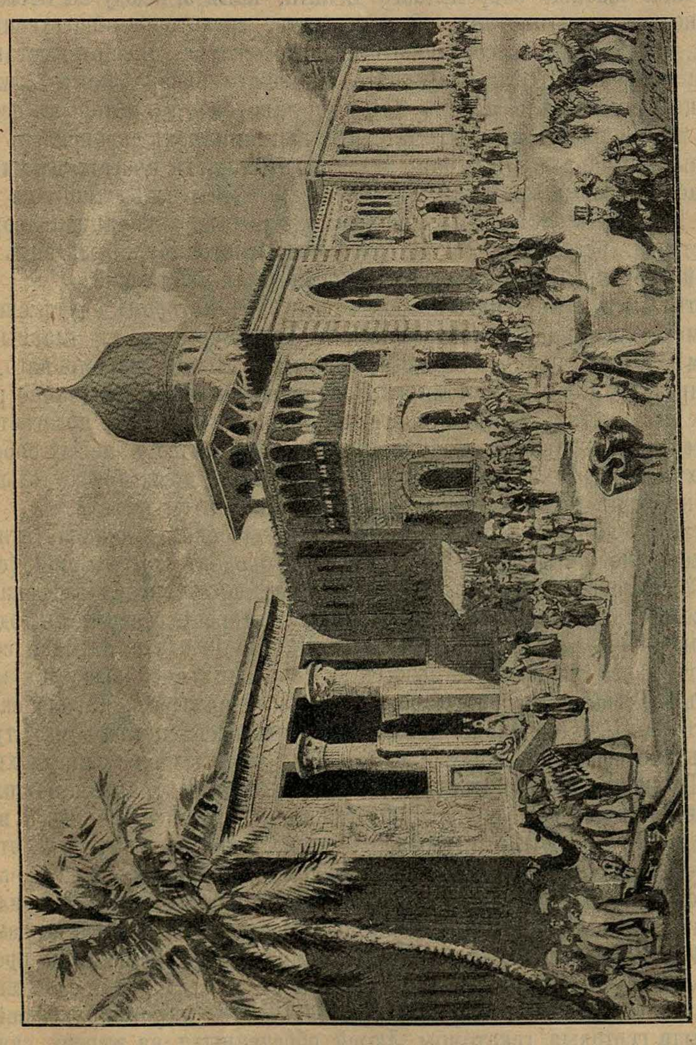

Рис. 141. Постройки египетскаго отдѣла у Трокадеро.

изъ крайнихъ зданій (лѣвомъ на нашемъ рисункѣ) размѣщена египетская выставка, въ другомъ (правомъ на рисункѣ) устроенъ театръ, а средняя постройка—египетскій базаръ. Лѣвое зданіе—копія съ храма въ Дандурѣ, въ Нубіи; этотъ образецъ былъ избранъ потому, что признается однимъ изъ особенно характеристическихъ произведеній древне-египетскаго зодчества. Проходъ между двумя массивными колоннами ведетъ на внутренній дворъ, опоясанный колоннадою; тутъ и размѣщены

всевозможныя произведенія Египетской земли—земледѣльческія, промышленныя и археологическія. Въ подвалѣ устроено подобіе древнихъ фараоновыхъ гробницъ и выставлены всякія принадлежности похороннаго чина древняго Египта.

Средняя часть дворца, базаръ, имѣетъ цѣлью ознакомить публику съ уличною жизнью современнаго Египта; какъ и всюду на Востокѣ, особенно же у магометанъ, базаръ—истое средоточіе общественной жизни, что-то вродѣ всесословнаго городского клуба. Базаръ выставки отчасти скопированъ съ извѣстнаго каирскаго базара Ханъ-Халили; внутренній его дворъ состоитъ изъ ряда лавочекъ, въ которыхъ посѣтители могутъ видѣть и купить все, что приманиваетъ европейцевъ на восточныхъ базарахъ. Въ одномъ изъ залъ этой части поставленъ кинематографъ, показывающій живыя египетскія сцены изъ жизни на берегахъ Нила и въ Суданѣ. На боковой пристройкѣ, увѣнчанной террасою, устроенъ ресторанъ, съ котораго открывается чудесный видъ на сосѣдній японскій городокъ и на зарѣчныя части выставки.

Третья часть египетскаго дворца—театръ, въ которомъ идутъ спектакли исключительно этнографическаго характера, т. е., главнымъ образомъ, танцы, разныя шествія, сцены изъ жизни современнаго, а также древняго Египта. Постановка танцевъ сдѣлана чрезвычайно роскошно. Любопытная черта: танцоры и танцовщицы, какъ и полагается по египетскимъ нравамъ, живутъ отдѣльно, не имѣютъ между собою никакихъ сношеній и даже за кулисами сцены держатся отдѣльно; только на сценѣ во время танцевъ оба пола сходятся вмѣстѣ.

Симметрично-противолежащій уголъ Трокадерской площади (относительно египетскаго городка) занимаетъ городокъ дагомейскій (см. рис. 142). Дагомея—одна изъ самыхъ молодыхъ французскихъ африканскихъ колоній, такъ какъ ея окончательное замиреніе генераломъ Доддсомъ совершено только въ 1894 году. Напомнимъ, что Дагомея составляетъ часть Гвинеи. Она лежитъ на Невольничьемъ берегу, къ западу отъ Нигера и къ востоку отъ страны ашантіевъ. Дагомейскій городокъ на выставкѣ очень невзраченъ; онъ весь состоитъ изъ туземныхъ построекъ—убогихъ и небольшихъ, крытыхъ камышемъ хижинъ. Только въ одномъ мѣстѣ возвышается четырехгранная башня, назначеніе которой совершенно непостижимо для непосвященныхъ въ исторію этого любопытнаго уголка Африки. Дѣло въ томъ, что эта башня—точная копія съ знаменитой башни жертвоприношеній, выстроенной въ столицѣ страны, Абомеѣ. Царьки Дагомеи установили обычаемъ извѣщать своихъ умершихъ предковъ о ходѣ дѣлъ на землѣ послѣ ихъ смерти. Съ этою цѣлью надо было отъ времени до времени посылать на тотъ свѣтъ особыхъ гонцовъ, т. е., другими словами, совершать человѣческія жертвоприношенія. Эти жертвоприношенія всегда были гуртовыя, гекатомбы. Людей, обреченныхъ на жертву, связывали и взводили на вершину башни. Тамъ ихъ уже ждалъ царекъ со свитою. Онъ обращался къ обреченнымъ съ пышною рѣчью:

— Ты увидишь тамъ моихъ предковъ, — внушалъ онъ первой жертвѣ,—ты отыщешь на томъ свѣтѣ моего почтеннаго родителя; ты падешь передъ нимъ за меня и отъ моего имени; ты покроешь свою голову землею (мѣстное почтительное привѣтствіе). Ты ему скажешь, что этотъ годъ я посылаю тебя, чтобы повѣдать ему о томъ, что здѣсь

происходитъ. Скажи ему, что его сынъ все такъ же почитаетъ его, что онъ съ гордостью вспоминаетъ о его великихъ побѣдахъ, блестящихъ подвигахъ, что онъ помнитъ всѣ данные отцомъ совѣты. Скажи ему, что его почтительный сынъ спрашиваетъ о его здоровьи, что весь народъ жалѣетъ о немъ и надѣется, что на томъ свѣтѣ онъ пребываетъ въ добромъ здоровьи!

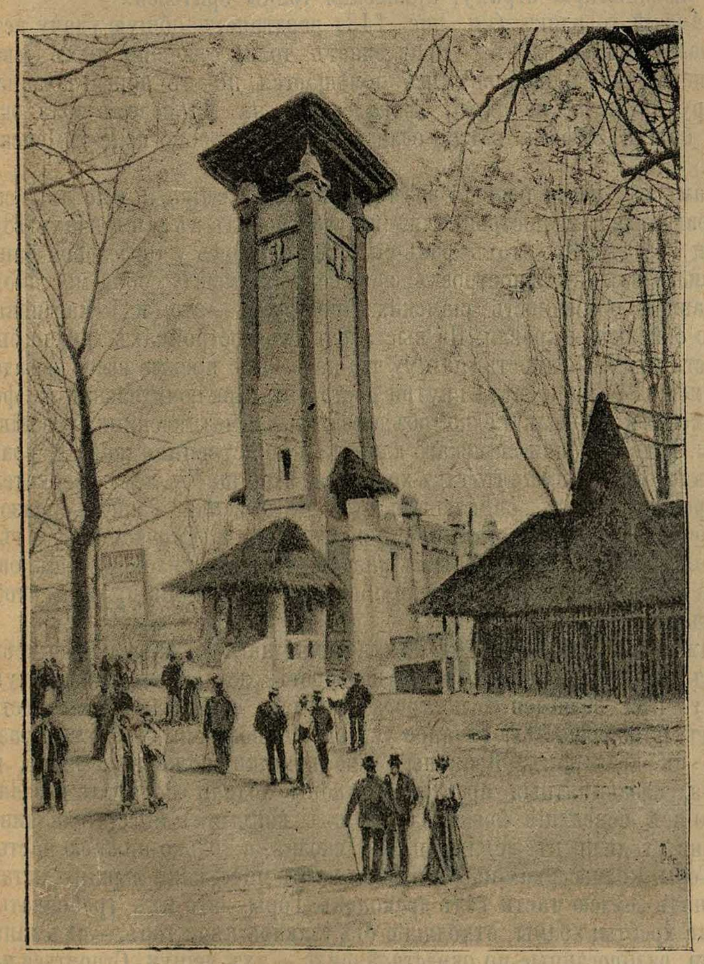

Рис. 142. Дагомейскій городокъ.—Башня жертвоприношеній.

По окончаніи этого напутствія царекъ касался обреченнаго пальцемъ и того тотчасъ свергали съ вершины башни. Внизу его немедленно подхватывали, волокли къ большому мѣдному тазу и обезглавливали, собирая въ тазъ хлынувшую кровь. Этою жертвенною кровью царекъ потомъ окроплялъ могилы своихъ предковъ. Часть крови шла также при закладкѣ построекъ. Дагомейцы строятъ землебитныя жилища, и въ эту землю, служащую строительнымъ ма-

теріаломъ, они и примѣшиваютъ кровь человѣческихъ жертвъ, драгоцѣнныя каменья, кораллы, золото, серебро; конечно, такая роскошь постройки доступна почти одному только царьку.

Всѣ постройки городка заняты предметами домашняго обихода, одежды, украшеній, вооруженія дагомейцевъ. Все это подобрано въ изобиліи и разнообразіи, со всею желательною полнотою характеризуетъ любопытную страну, привлекая толпы зрителей.

Сіамскій городокъ (см. рис. 143) раздѣляетъ общую удачу всѣхъ колоніальныхъ отдѣловъ — привлекаетъ толпы любопытныхъ своею новизною для европейцевъ. Онъ помѣщается не въ общей колоніальной группѣ, т. е. не около Трокадеро, а на Марсовомъ полѣ, около самой башни Эйфеля, влѣво, если выйти на Марсово поле съ Іенскаго моста.

Сіамъ уже не въ первый разъ украшаетъ всемірныя выставки своими оригинальными постройками; онъ участвовалъ въ выставкахъ 1867, 1878 и 1889 гг. На этотъ разъ сіамскій городокъ у Эйфелевой башни составился изъ двухъ построекъ, соединенныхъ между собою мостикомъ.

Главная особенность сіамскихъ построекъ—это ихъ массивныя, сильно свисающія кровли. На выставочныхъ постройкахъ трудно было соблюсти эту особенность, потому что надо было прежде всего выгадать какъ можно больше свѣта внутри построекъ. Исключительная же форма сіамскихъ кровель легко объясняется климатическими условіями страны. Главные бичи сіамскаго климата—убійственная жара и ураганы; отъ того и другого ничто такъ хорошо не защищаетъ, какъ основательная, прочная кровля, свисающая чуть не до земли. Такимъ образомъ получается надежная защита отъ бурнаго вѣтра и широкая полоса тѣни отъ зноя. Конечно, для борьбы съ разрушительною силою вѣтра кровля должна быть не только достаточно обширна, но и очень прочна, чтобы ураганъ не снесъ ея.

Сіамскія жилыя постройки обыкновенно наглухо закрыты со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, откуда, наоборотъ, дается полный доступъ воздуху. При возведеніи построекъ сіамцы соблюдаютъ множество примѣтъ и обрядностей. Главное условіе при постройкѣ—это сообразоваться съ дракономъ. Драконы — посланники божества; давно, въ прежнія, незапамятныя времена, драконы ходили по землѣ и разносили по ней повелѣнія божества. Потомъ, когда ихъ миссія оканчивалась, они уходили въ землю, но не вполнѣ, а только нижнею частью тѣла. Горы, холмы и камни—это и есть не что иное, какъ верхнія, оставшіяся надъ землею части тѣлъ драконовъ. Горы—это ихъ гребенчатые спинные хребты; холмы, отходящіе отъ главной цѣпи горъ,—ихъ лапы, а камни, разбросанные по окрестной землѣ,—ихъ чешуи. Строиться надо по сосѣдству съ дракономъ, однако же, подальше отъ его лапъ и когтей. Выбравъ мѣсто для постройки подъ руководствомъ старыхъ, ученыхъ и набожныхъ людей, надо выбрать время, когда приступить къ ней. Завѣдующій постройкою долженъ быть избранъ тоже съ особою тщательностью; онъ долженъ быть человѣкомъ извѣстнаго, опредѣленнаго возраста, по возможности съ нечетнымъ числомъ лѣтъ жизни. Строительныя работы не заканчиваются разомъ; надо ихъ изрѣдка, въ опредѣленные промежутки времени, прерывать на извѣстное число дней. Конечно, при такомъ сложномъ сочетаніи условій постройки Марсова

поля вышли только подражаніемъ сіамскимъ, приспособленнымъ къ обстоятельствамъ выставки.

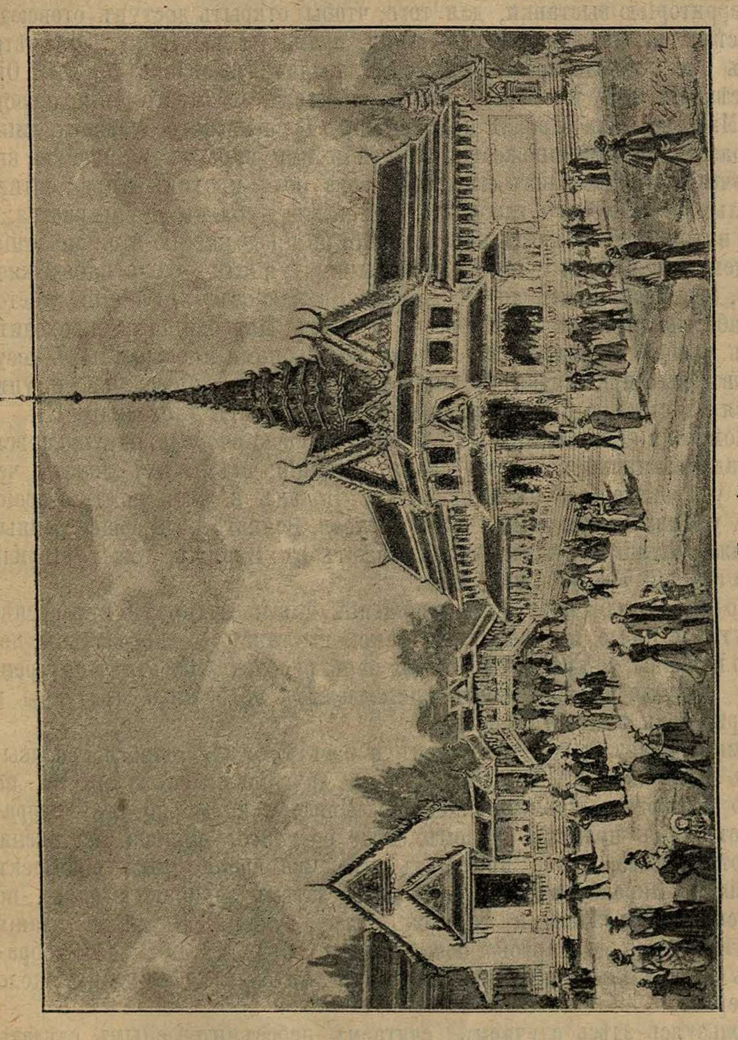

Рис. 143. Сіамскій городокъ.

ГЛАВА XIV.

Пути сообщенія на выставкѣ. — Подъѣздные пути. - Внутреннее сообщеніе. — Электрическая дорога, вертящіяся платформы, самодвижущіеся всходы. — Входъ на выставку.

Возможное облегченіе доступа на выставку какъ для городскихъ жителей, такъ и для прибывающихъ изъ всѣхъ окрестностей, служило одною изъ главныхъ заботъ выставочнаго правленія.

Весь Парижъ опоясанъ линіею желѣзной дороги, которая тянется почти повсюду подъ самыми стѣнами его укрѣпленій. Такимъ образомъ, съ

каждой линіи, идущей изъ окрестностей, существуетъ прямое сообщеніе съ этою линіею. Оставалось только связать какую-либо точку общей сѣти съ территоріею выставки, для того, чтобы открыть доступъ отовсюду, со всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій, прямо на выставку. Эта вѣтвь идетъ отъ Сенъ-Лазарскаго вокзала (западной желѣзной дороги). Она пересѣкаетъ Сену въ верстѣ отъ моста Пасси, лежащаго въ полверстѣ отъ Марсова поля. Пройдя подъ сводомъ Гренельскаго бульвара, линія эта раздѣляется на множество вѣтвей и ими входитъ на первую выставочную станцію близъ самаго Марсова поля, противъ дворца оптики и большого небеснаго глобуса. Здѣсь часть публики и спускается, а кому нужно' тотъ можетъ прослѣдовать по продолженію этой же линіи, идущему въ крытой галереѣ, какъ бы въ туннелѣ, вдоль набережной Сены, отъ моста Пасси до Эспланады Инвалидовъ; эта линія тянется по набережной на четыре версты, огибаетъ Марсово поле, проходитъ подъ улицею Народовъ, т. е. подъ павильонами иностранныхъ государствъ, вытянувшимися въ линію по Орсейской набережной, и упирается въ станцію Дома Инвалидовъ, пройдя мостъ Александра III.

Компаніи конно-желѣзныхъ дорогъ, въ свою очередь, окружили всю площадь выставки кольцомъ своихъ станцій; всѣхъ ихъ девять: четыре у Трокадеро и на Елисейскихъ Поляхъ и пять по ту сторону Сены, у Инвалиднаго дома и Марсова поля. Всякаго рода общественные экипажи, омнибусы, какъ ихъ называютъ въ Парижѣ, тоже устроили много станцій вокругъ выставки.

Но все это обычные пути сообщенія. Для насъ гораздо интереснѣе тѣ пути, которые проходятъ по самой выставкѣ и запечатлѣны печатью новизны, по крайней мѣрѣ, для насъ, русскихъ. Къ этимъ внутреннимъ выставочнымъ линіямъ принадлежатъ подвижные тротуары и электрическая желѣзная дорога.

Линіи подвижныхъ тротуаровъ и электрической дороги опоясываютъ весь кварталъ Гро Калью, т. е., другими словами, тянутся по авеню Лабурдонэ, примыкающему къ Марсову полю, потомъ поворачиваютъ подъ прямымъ угломъ, около военнаго училища, по авеню Ла-Моттъ-Пикэ, далѣе проходятъ тѣмъ же авеню мимо построекъ Эспланады Инвалидовъ до берега рѣки, затѣмъ загибаютъ влѣво, по Орсейской набережной, и тянутся позади улицы Націй и зданія военнаго отдѣла до Марсова поля. Такимъ образомъ, обѣ линіи образуютъ замкнутыя кольца, общимъ протяженіемъ, судя по плану, около $3^1/_3$ верстъ.

Пользуясь здѣсь случаемъ, считаемъ небезъинтереснымъ сдѣлать краткій историческій обзоръ развитія мысли о примѣненіи подвижныхъ тротуаровъ. Полагаютъ, что первая мысль о самодвижущейся безостановочно дорогѣ—тротуарѣ, панели, вообще полотнѣ—пришла въ голову французскому инженеру Энару. Но когда именно онъ впервые выступилъ со своимъ предложеніемъ, мы не умѣемъ сказать. Гораздо достовѣрнѣе предложеніе другого французскаго же инженера, Далифоля, относящееся къ 1880 году. Въ этомъ году Далифоль взялъ патентъ на «новую систему передвиженія при посредствѣ ходячаго помоста (или пола—plancher), приводимаго въ движеніе неподвижною машиною». По этой системѣ проектировалось устройство двухъ помостовъ, расположенныхъ рядомъ,—одного неподвижнаго и другого ходячаго; на пер-

вый публика первоначально всходитъ, чтобы съ него перейти на ходячій, и на него же сходитъ, достигнувъ мѣста, куда надлежало добраться. Движущаяся часть полотна дороги состояла изъ короткихъ участковъ, легко одолѣвающихъ повороты пути; на каждомъ участкѣ предполагалось поставить скамьи или вагончики для публики, гдѣ бы она могла сидѣть; черезъ каждую сотню саженъ вся система должна была останавливаться на минуту для входа и выхода пассажировъ.

Въ 1886 году появился новый проектъ, патентованный инженеромъ Бло. Онъ устраивалъ настоящій тротуаръ для пѣшеходовъ, состоявшій изъ трехъ полосъ; средняя была бы подвижна и катилась бы все въ одномъ направленіи, а двѣ боковыя служили бы для всхода и спуска съ нея. И тутъ предполагались тоже пріостановки движенія черезъ каждыя двѣ минуты. Платформа должна была ходить на колесикахъ, причемъ движеніе сообщалось бы этимъ колесикамъ, платформа же катилась бы по нимъ.

Къ выставкѣ 1889 года вновь выступилъ со своимъ проектомъ вышеупомянутый Энаръ. Онъ предлагалъ устроить подвижную платформу-тротуаръ на уровнѣ уличной мостовой. Съ этою цѣлью нужно было по всей линіи этого тротуара вырыть канаву-траншею и въ ней расположить рельсы и вагончики-платформы, а на нихъ настлать полотно тротуара. Вагончики двигались бы электрическою силою съ центральной станціи, пускаемою по проводникамъ, проложеннымъ въ траншеяхъ подъ рельсами. Энаръ предполагалъ придать этому тротуару скорость движенія 5 верстъ въ часъ, съ остановками на 15 секундъ каждую минуту.

Всѣ перечисленные проекты, а быть можетъ, немало еще и другихъ подобныхъ, о которыхъ намъ неизвѣстно, примѣнены на дѣлѣ не были. Первое же дѣйствительное примѣненіе подвижныхъ панелей осуществилось лишь на выставкѣ въ Чикаго, въ 1893 году. Здѣсь передвижные тротуары переносили публику съ пристаней озера на выставку. Строители этого тротуара, американскіе инженеры Сельсби и Шмидтъ, взяли въ основѣ идею Энара, но разработали и улучшили ее. Прежде всего американцамъ не понравилась бы принятая Энаромъ скорость: пять верстъ въ часъ—это движеніе пѣшехода; стоитъ ли пользоваться машиною и платить за это, когда своими ногами можно сдѣлать то же самое! Такъ навѣрное разсуждали бы практическіе янки, и потому тамошніе инженеры, хорошо знающіе свою публику, прежде всего рѣшили увеличить скорость движенія до 8 верстъ въ часъ.

Сверхъ того, американскіе инженеры рѣшили вовсе устранить остановки тротуара; онъ у нихъ движется непрерывно. Тутъ надо войти въ кое-какія разъясненія.

Средняя скорость пѣшехода—около 5 верстъ въ часъ. Слѣдовательно, если мы представимъ себѣ, что человѣкъ идетъ рядомъ съ самодвижущеюся платформою, дѣлающею тѣ же 5 верстъ въ часъ, и при томъ по одному направленію съ движеніемъ платформы, то ему, конечно, очень легко ступить на эту платформу, не испытавъ даже ни малѣйшаго толчка, потому что платформа подхватываетъ и продолжаетъ его движеніе съ той же скоростью, съ какой онъ только-что шелъ. Нѣкоторое затрудненіе при этомъ переходѣ отъ собственнаго движенія къ столь же скорому автоматическому движенію могли бы испытывать

развѣ только люди старые, немощные, едва движущіеся или черезчуръ ужь робкіе. Обыкновенный же смертный, въ возрастѣ отъ 10 до 70 лѣтъ, едва ли бы нашелъ въ этомъ какое-нибудь неудобство и едва ли былъ бы вынужденъ расходовать много вниманія и осторожности. Не надо забывать, что люди научились же вскакивать на узкія ступеньки вагоновъ конно-желѣзной дороги, движущейся часто гораздо быстрѣе пѣшехода. Теперь будемъ продолжать то же разсужденіе дальше. Допустимъ, что человѣкъ очутился на тротуарѣ, движущемся со скоростью пѣшехода, т. е. со скоростью 5 верстъ въ часъ; попавъ на этотъ тротуаръ онъ не стоитъ на немъ неподвижно, а идетъ по направленію движенія тротуара съ обычною своею скоростью, т. е. дѣлая 5 верстъ въ часъ; значитъ, теперь его скорость удвоилась; она состоитъ изъ 5-ти-

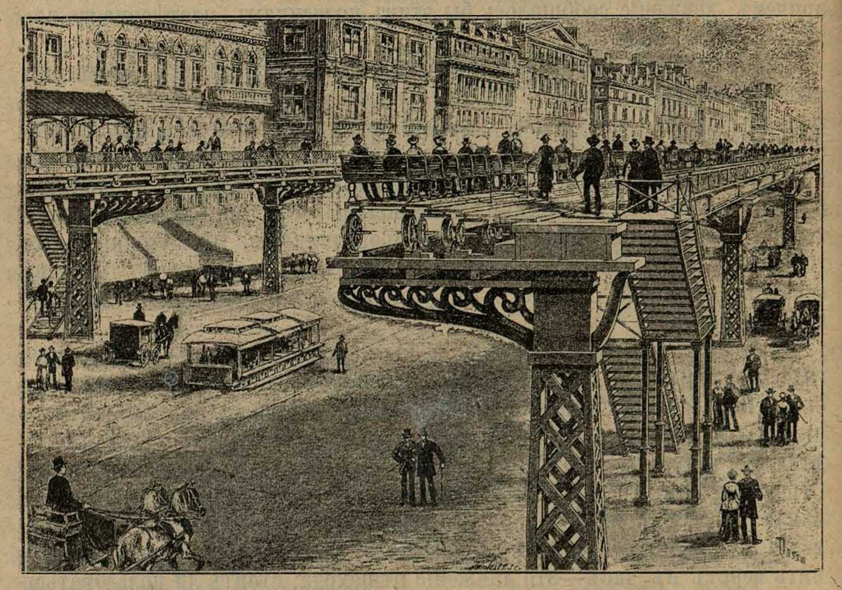

Рис. 144. Подвижные тротуары въ Чикаго.

верстной скорости тротуара и его собственной такой же скорости; онъ проходитъ 10 верстъ въ часъ.

Представимъ себѣ теперь, что рядомъ съ тротуаромъ, по которому онъ идетъ съ этою скоростью, тянется другой, со скоростью десяти верстъ въ часъ; скорость опять выходитъ одинаковая: новый тротуаръ и пѣшеходъ идутъ 10 верстъ въ часъ, и, значитъ, пѣшеходу будетъ столь же легко переступать на этотъ новый тротуаръ, какъ раньше онъ переступилъ съ неподвижной платформы на пятиверстную.

Разсуждая такимъ же порядкомъ дальше, мы увидимъ, что съ десятиверстнаго тротуара пѣшеходъ незамѣтно можетъ переступить на 15-тиверстный, съ этого—на 20 ти-верстный и т. д. Значитъ, если бы проложить въ рядъ нѣсколько тротуаровъ разной скорости, различающейся отъ полотна къ полотну на 5 верстъ въ часъ, то пѣшеходъ могъ бы вполнѣ незамѣтно и безъ малѣйшаго напряженія вниманія и силы стать

на полотно, которое повлекло бы его впередъ съ любою скоростью—въ 30, 40, 50 верстъ, смотря по усердію строителей этой дороги-самохода.

Этою мыслью и вдохновились американскіе инженеры Сёльсби и Шмидтъ, только, вопреки американскому характеру, они не довели ея до крайнихъ предѣловъ, а ограничились въ своемъ проектѣ двумя полотнами, изъ которыхъ одно шло со скоростью четырехъ, а сосѣднее съ нимъ со скоростью восьми верстъ въ часъ. Ихъ тротуары были установлены въ Чикаго, на выставкѣ, и передвигали ежедневно болѣе десяти тысячъ посѣтителей обоего пола и всякаго возраста, и ни разу на всей этой линіи не случилось ни одного несчастнаго случая, который могъ бы вооружить публику противъ этого новшества. На всякій случай на тротуарахъ были поставлены столбики, за которые можно было ухватиться въ моментъ перехода, чтобы обезпечить себѣ точку опоры. Впослѣдствіи тѣ же инженеры предлагали устроить такую дорогу на столбахъ по главнымъ улицамъ Чикаго, съ движеніемъ по 20 верстъ въ часъ. На рис. 144 представленъ видъ этой проектированной дороги. Не можемъ сказать, была ли она устроена или нѣтъ.

На выставкѣ въ Берлинѣ въ 1896 году тоже былъ устроенъ подвижной тротуаръ по этой же системѣ. Ему былъ приданъ видъ довольно правильнаго круга, протяженіемъ въ 240 саженъ. Тротуаръ состоялъ изъ двухъ полосъ: одна шла со скоростью пяти верстъ, а другая со скоростью десяти верстъ въ часъ.

Обратимся теперь къ парижскимъ тротуарамъ нынѣшней выставки. Устроены они на тѣхъ же самыхъ началахъ и по тому же проекту, какъ тротуары въ Чикаго и Берлинѣ. Основою всей линіи служитъ віадукъ, т. е. помостъ на козлахъ, возвышающійся на $3^1/_2$ сажени надъ уровнемъ улицъ. На протяженіи всего кольца этой линіи, т. е. $3^1/_3$ верстъ, устроено девять станцій.

Какъ мы уже сказали, линія тротуара-самохода и линія электрическаго трамвая тянутся рядомъ. Тротуаръ движется неизмѣнно по одному и тому же направленію, именно противъ солнца, электрическіе же вагоны идутъ, тоже непрерывно, не перемѣняя направленія, какъ разъ обратно, навстрѣчу тротуарамъ. Разница между обѣими линіями въ томъ, что тротуары висятъ вездѣ на одной высотѣ, соотвѣтствующей какъ разъ высотѣ пола въ первомъ этажѣ выставочныхъ зданій, тогда какъ линія электрической желѣзной дороги идетъ на подобіе такъ называемыхъ американскихъ горъ, которыя у насъ строятъ по большимъ городамъ для забавы публики, т. е. мѣстами она возвышается до уровня тротуаровъ и идетъ по воздушному віадуку, мѣстами ныряетъ и идетъ по туннелю; ея положеніе согласовано съ встрѣчными городскими дорогами. На рис. 145 показанъ общій видъ обѣихъ этихъ линій у Эспланады Инвалидовъ. Налѣво можно видѣть фасадъ Инвалиднаго Дома и пушки впереди его. Посрединѣ рисунка тянется линія тротуара съ его столбиками для опоры всходящей на него публики, а справа линія электрическаго трамвая, идущая тутъ по віадуку, на одной высотѣ съ тротуаромъ-самоходомъ.

Тротуаръ-самоходъ на выставкѣ проектированъ и выстроенъ инженерами Бло, Гіенэ и Мокомблемъ. Они слегка измѣнили конструкцію вышеупомянутыхъ американскихъ инженеровъ, приспособивъ ее къ

мѣстнымъ условіямъ. Тротуаръ на выставкѣ состоитъ изъ трехъ полотенъ; одно изъ нихъ неподвижно; публика всходитъ прежде всего на

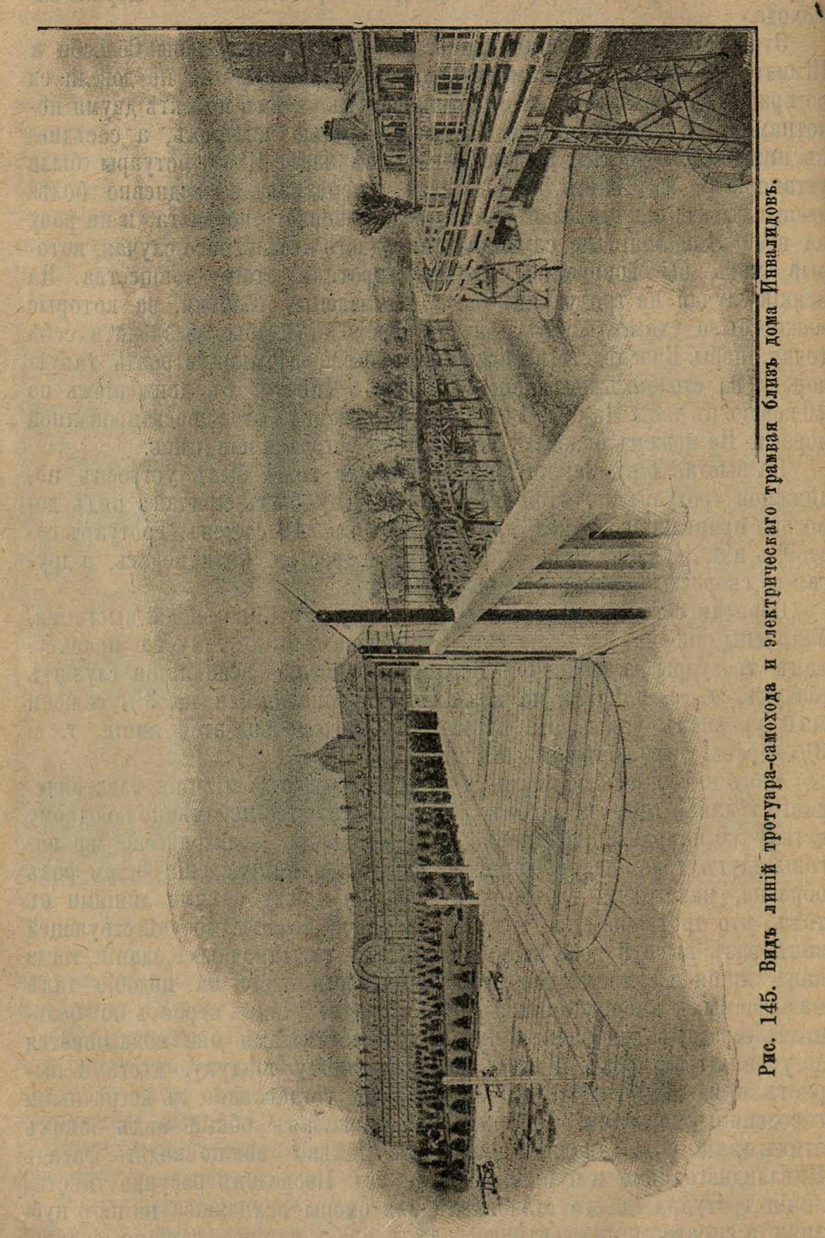

Рис. 145. Видъ линій тротуара-самохода и электрическаго трамвая близъ дома Инвалидовъ.

это полотно, а съ него переходитъ на два другія; и обратно, съ тѣхъ двухъ сначала сходятъ на неподвижное полотно и съ него уже спускаются долой съ тротуара. Среднее полотно движется съ скоростью $4^1/_2$, а третье со скоростью $8^1/_2$ верстъ въ часъ (на самомъ дѣлѣ нѣ-

сколько медленнѣе, потому что тутъ мы приняли километръ равнымъ верстѣ, а онъ составляетъ—0,9374 русскихъ версты). Перебравшись черезъ средній тротуаръ и ставъ на крайнемъ, быстромъ, пассажиръ можетъ спокойно стоять на мѣстѣ, двигаясь со скоростью $8^1/_2$ километровъ въ часъ, или же идти по направленію движенія полотна и тѣмъ увеличить скорость своего движенія до 10, 15 и даже 20 верстъ въ часъ, смотря по тому, какимъ размѣромъ шага надѣлила его судьба и въ какой мѣрѣ надо ему спѣшить. Такимъ образомъ, средній тротуаръ служитъ только какъ переходная, облегчительная ступень между неподвижною платформою и полнымъ аллюромъ. Ширина тротуаровъ раз-

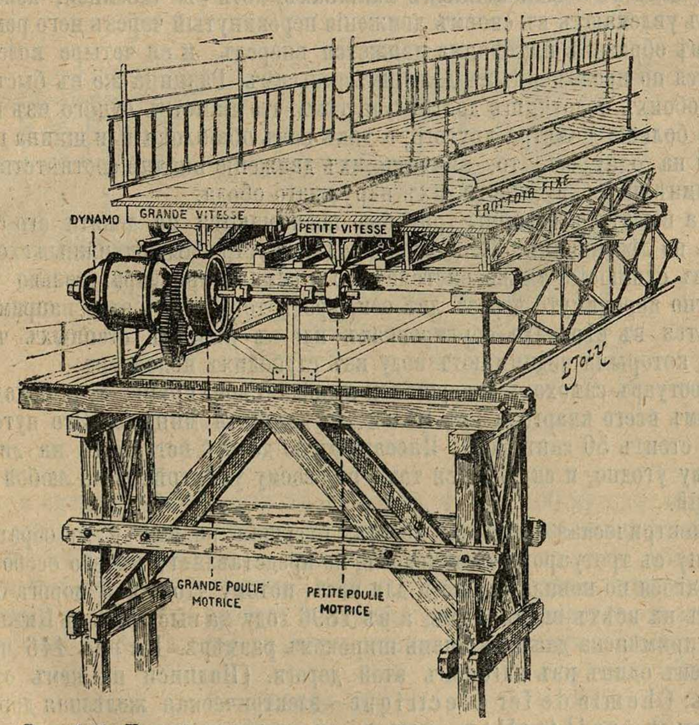

Рис. 145. Устройство передачи движенія на тротуарахъ-самоходахъ.

ная: быстраго—110 сантиметровъ ($24^1/_2$ вершка), а средняго и неподвижнаго по 90 сантиметровъ (22 вершка); общая ширина всего пути 2 метра—2,8 аршина.

На рис. 145 показано въ общихъ чертахъ устройство передачи движенія на тротуарахъ-самоходахъ. Рисунокъ взятъ нами цѣликомъ изъ французскаго журнала и потому на немъ остались французскія надписи. Dynamo—означаетъ электрическую машину—источникъ движущей силы. Grande и petite vitesse—означаютъ полотна большой и малой скорости. Trottoir fixe—неподвижное полотно. Poulie motrice—grande и petite—вращающіеся блоки, передающіе движеніе полотнамъ—большой (grande) и малой (petite) скорости. Каждое изъ полотнъ-самоходовъ состоитъ изъ ряда платформъ, движущихся по

рельсамъ на четырехъ колесикахъ, изъ которыхъ только одно видно слѣва на нашемъ рисункѣ. Концы каждой платформы, т. е. ихъ прилегающіе края, закруглены, что облегчаетъ движеніе всей цѣпи на поворотахъ, которые при такомъ устройствѣ могутъ совершаться безъ затрудненія при всякой почти кривизнѣ пути. Передача же движенія происходитъ такимъ путемъ.

Подъ серединою каждой платформы, вдоль всей линіи, идетъ большой рельсъ, скрѣпленный по концамъ подвижнымъ шарниромъ съ концами рельсъ сосѣднихъ платформъ. Эти рельсы скользятъ по вращающимся блокамъ и увлекаются ихъ вращательнымъ движеніемъ, подобно тому, какъ въ обыкновенныхъ машинахъ, хотя бы швейной, колесо и шкивъ увлекаютъ въ своемъ движеніи перекинутый черезъ него ремень. Такимъ образомъ платформа движется впередъ, и ея четыре колесика катятся по проложеннымъ для нихъ рельсамъ. Разница же въ быстротѣ хода обоихъ полотнищъ достигнута тѣмъ, что діаметръ одного изъ нихъ вдвое больше діаметра другого; а такъ какъ оба блока или шкива посажены на одну ось, то, значитъ, ихъ движеніе вполнѣ соотвѣтственно величинѣ ихъ окружности, ихъ наружнаго обода.

На высоту платформы тротуара поднимаются на девяти его станціяхъ по лѣстницамъ. Мѣстами для подъема устроены подвижныя сходни; это, въ сущности, та же система, что и самаго тротуара, только тутъ полотно перекинуто черезъ двѣ оси, вродѣ того, какъ это, напримѣръ, дѣлается въ вѣялкахъ-сортировкахъ или въ нашихъ степныхъ чигиряхъ, которыми поднимаютъ воду изъ глубокихъ колодцевъ.

Тротуаръ-самоходъ совершаетъ полный свой кругъ, т. е. обходитъ кругомъ всего квартала Гро-Калью, въ двадцать минутъ. Это путешествіе стоитъ 50 сантимовъ. Пассажиръ по дорогѣ вступаетъ на линію, гдѣ ему угодно, и спускается тоже по своему усмотрѣнію на любой изъ станцій.

Электрическая желѣзная дорога, бѣгущая рядомъ и въ обратную сторону съ тротуаромъ-самоходомъ, не представляетъ ничего особо выдающагося по новизнѣ даже и для насъ, потому что такая дорога была у насъ на всѣхъ выставкахъ, а въ 1896 году на выставкѣ въ Нижнемъ была примѣнена даже въ очень широкомъ размѣрѣ. На рис. 146 представленъ одинъ изъ вагоновъ этой дороги. (Надписи на немъ означаютъ: Chemin de fer électrique—электрическая желѣзная дорога; на рельсѣ—rail trolley—рельсъ, по которому передается движущій вагонъ электрическій токъ; patin de contact—башмакъ, принимающій токъ съ рельса и передающій его вагонному движущему снаряду. Поѣздъ состоитъ изъ трехъ вагоновъ, вмѣщающихъ 200 пассажировъ и идущихъ одинъ за другимъ на разстояніи двухъ минутъ. Первый вагонъ каждаго поѣзда снабженъ двигателемъ, другіе два вагона — простые, идущіе на буксирѣ за первымъ. Двигатель развиваетъ 35 паровыхъ лошадиныхъ силъ; этого достаточно, чтобы обойти весь кругъ, т. е. весь кварталъ Гро-Калью, въ 12 минутъ, считая всѣ остановки, которыхъ устроено пять: у дворца электричества, башни Эйфеля, военнаго отдѣла, на улицѣ Націй и у Эспланады Инвалидовъ; стоимость путешествія 25 сантимовъ.

Тотъ же принципъ самодвижущихся платформъ, дорогъ-самоходовъ, примѣненъ мѣстами внутри зданій выставки. Особенно замѣчательны

мосты-самоходы, устроенные заводомъ Карла Флора, въ Берлинѣ. Такой мостъ, между прочимъ, былъ установленъ въ иностранномъ отдѣленіи машиннаго отдѣла и имъ были вполнѣ довольны. Онъ былъ построенъ во всю ширину галереи и ходилъ вдоль ея на протяженіи 50 саженъ со скоростью 15 саженъ въ минуту. Онъ служилъ въ сущности громаднымъ краномъ (журавлемъ) для передвиженія тяжестей—громоздкихъ машинъ и ихъ частей. Его верхняя часть возвышалась на 6 саженъ надъ поломъ галереи. На этой верхней платформѣ былъ установленъ вагонъ-подъемникъ, съ цѣпью, спускающейся внизъ и снабженной на концѣ крюкомъ. Вагонъ имѣлъ особое движеніе взадъ и впередъ по помосту, со скоростью 9 саженъ въ минуту. Онъ могъ нести (нацѣпивъ

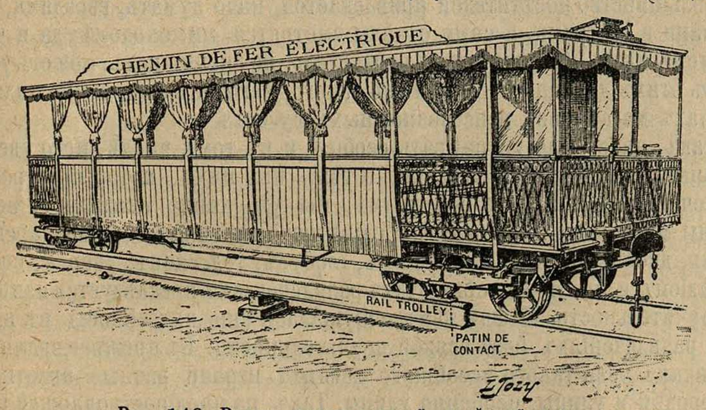

Рис. 146. Вагонъ электрической желѣзной дороги.

на крюкъ висячей цѣпи) грузъ въ 30 тоннъ, т. е. 1.800 пудовъ, и поднимать его со скоростью сажени въ минуту; а такъ какъ вагонъ имѣлъ еще самостоятельное движеніе поперекъ галереи, то, значитъ, каждый грузъ можно было перемѣщать, во 1-хъ, снизу вверхъ (движеніемъ цѣпи), во 2-хъ, взадъ и впередъ поперекъ галереи (движеніемъ вагона по платформѣ моста) и, въ 3-хъ, вдоль галереи (движеніемъ всего моста.)

ГЛАВА XV.

Развлеченія на выставкѣ чисто увеселительнаго характера: театры «Веселыхъ авторовъ», живыхъ картинъ, «Домъ смѣха», маріонетокъ Гильома.— Замокъ вверхъ дномъ, свѣтящійся дворецъ, панорама покоренія Мадагаскара.—Театръ Колумбія.—Кинеорама-аэростатъ.

Еще въ началѣ нашего описанія выставки мы указывали на то что она будетъ очень богата всякаго рода приманками для публики, кромѣ самой выставки въ точномъ смыслѣ слова, т. е. экспозитовъ, выставленныхъ по отдѣламъ и группамъ. Можно утверждать со всею положительностью, что никакая выставка, кромѣ самыхъ небольшихъ спеціальныхъ, не окупила бы своихъ расходовъ, если бы строго ограничилась своею задачею. Про большія же всемірныя выставки— нечего и говорить. Если бы какая-нибудь страна задумала устроить такую выставку, строго исключивъ изъ нея концерты, рестораны, те-

атры и все то, что теперь принято именовать странною кличкою «гвоздей» (вродѣ мареорамы, гигантскаго колеса и т. п.), то можно бы держать какое угодно пари, что такая выставка не вернула бы даже текущихъ расходовъ по ея надзору и управленію; дефицитъ вышелъ бы такой, что охота къ устройству подобныхъ выставокъ была бы отбита разъ навсегда.

Устроители Парижской выставки твердо помнили это и потому приняли мѣры къ тому, чтобы публикѣ было не скучно, чтобы она со всѣхъ концовъ міра устремилась въ Парижъ на блестящій праздникъ, устроенный у себя французскимъ народомъ. При этомъ вышло такъ, что собственно выставка едва ли даже не отступила на второй планъ, такъ какъ большинство посѣтителей привлекается, надо думать, гвоздями, ресторанами и театрами, а сами отдѣлы смотрятся мимоходомъ; да и что, въ самомъ дѣлѣ, обыкновенный посѣтитель, не спеціалистъ, можетъ увидѣть въ этихъ дворцахъ и палатахъ такого, чего онъ раньше не видалъ въ окнахъ магазиновъ и всевозможныхъ музеяхъ?

Итакъ, надо было устраивать особыя и въ томъ числѣ чисто увеселительныя приманки для публики; о тѣхъ изъ нихъ, которыя стремились сочетать пріятное съ полезнымъ, мы уже давно сказали; у насъ описаны мареорама, панорама кругосвѣтнаго путешествія, швейцарская деревня, дворцы одеждъ и женщинъ, глобусъ, телескопъ, дворецъ оптики, стадіонъ и пр. Но во всѣхъ этихъ развлеченіяхъ преслѣдуется извѣстная поучительность. Между тѣмъ, ощущалась еще потребность въ простыхъ развлеченіяхъ, безъ всякой поучительности. Въ прежнее время на выставкахъ роль такого всеобщаго магнита играли разные экзотическіе городки и улицы, особенно улицы. Такъ, на предшествовавшей выставкѣ въ Парижѣ, въ 1889 году, народъ массами толпился на Каирской улицѣ. Многихъ и теперь соблазняла мысль устроить на выставкѣ какую-нибудь улицу. Но какую? Предлагали всевозможныя: Константинопольскую, Пекинскую, Іокагамскую, Бомбейскую... даже Вавилонскую и Содомскую!.. Остановились, однако, просто-на-просто на Парижской улицѣ. Мы говоримъ здѣсь не о «старомъ Парижѣ», у насъ уже описанномъ, а о нынѣшней Парижской улицѣ, съ ея обычными развлеченіями.

Изъ всѣхъ мѣстностей Парижа особенно типично парижскимъ, съ точки зрѣнія народныхъ увеселеній, всегда признавался Монмартръ. Этотъ живописный, высокій холмъ, украшающій центръ сѣверной части Парижа, издавна служитъ средоточіемъ рабочаго населенія французской столицы. Здѣсь, конечно, нужны и развлеченія особаго рода, приспособленныя ко вкусу простонародья. Поэтому въ улицахъ Монмартрскаго квартала то-и-дѣло попадаются заведенія театральнаго типа и назначенія, обыкновенно подъ самыми причудливыми названіями. Тамъ играютъ веселыя пьесы, распѣваютъ пѣсенки, а публика сидитъ, куритъ, выпиваетъ и бойко перекликается съ актерами на сценѣ, веселясь нараспашку.

Кружокъ частныхъ предпринимателей рѣшилъ на время выставки перенести на набережную Сены нѣсколько заведеній подобнаго пошиба, только подкрасивъ ихъ, облагородивъ, насколько возможно, и придавъ имъ такой видъ, чтобы зрѣлища въ нихъ пріобрѣли извѣстный интересъ и для большой публики, особенно же для иностранцевъ. Задумано—

сдѣлано, и вотъ теперь на берегу Сены, начиная отъ моста Инвалидовъ до Альмскаго, тянется цѣлый рядъ маленькихъ театриковъ, изъ-за которыхъ вся эта линія получила кличку Парижской улицы.

Ближайшее выставочное зданіе около Инвалиднаго моста—это описанный нами (стр. 124) павильонъ города Парижа. Рядомъ съ нимъ на берегу поставленъ театрикъ шансонетки (это, впрочемъ, скорѣе садикъ, чѣмъ театрикъ). Нѣсколько подальше, позади зданія садоваго отдѣла, выстроенъ другой театръ шансонетки «La Roulotte»; разница между этими двумя капищами та, что въ первомъ распѣваются преимущественно старинныя французскія пѣсенки, а въ Roulotte—новѣйшія, стихи которыхъ уснащены словами и оборотами простонароднаго и парижскаго бульварнаго жаргона, такъ называемыя chansons rosses et argotiques. Позади садика шансонетки стоитъ «Домъ смѣха». Видъ этого домика очень скроменъ, какъ, впрочемъ, и вообще всѣхъ этихъ построекъ. Да и трудно имъ было бы блеснуть своими архитектурными прелестями въ этомъ множествѣ выставочныхъ зданій, соперничающихъ одно съ другимъ въ грандіозности и великолѣпіи украшеній. «Домъ Смѣха» (Maison de Rire)—это небольшая одноэтажная постройка, съ мезонинчикомъ, на балконѣ котораго поставлена вывѣска заведенія. Единственнымъ декоративнымъ украшеніемъ постройки является широкій фризъ, идущій вдоль стѣны, подъ кровлею, состоящей изъ ряда крупныхъ комическихъ фигуръ. Основано это заведеньице, если не ошибаемся, дирекціею очень извѣстнаго парижскаго журнальчика «Le Rire», карикатурнаго и сатирическаго, и даетъ представленія въ духѣ и программѣ этого журнала.

Рядомъ съ «Maison de Rire» выстроенъ театръ живыхъ картинъ. Можно себѣ представить, каковы тамъ предъявляются публикѣ картинки, да еще сопровождаемыя стихами Армана Сильвестра, извѣстнаго автора «Разсказовъ брюнетки».

Въ театрѣ «Grand Guignol» мы опять попадаемъ на Монмартръ и его обычныя простонародныя развлеченія. Какъ извѣстно, французскій Guignol это то же, что нашъ «Петрушка», т. е. театръ маріонетокъ. Это очень красивенькое зданіе, съ цвѣтисто убраннымъ фасадомъ. Такъ же, въ сущности, и театрикъ «Bons hommes de Guillaume», гдѣ тоже лицедѣйствуютъ маріонетки. Альбертъ Гильомъ, по имени котораго названъ этотъ театръ,—очень извѣстный художникъ; по его рисункамъ и сдѣланы маріонетки; это въ высшей степени изящныя художественно исполненныя фигурки, совсѣмъ не похожія на аляповатыя куклы уличнаго «Петрушки». Конечно, подъ статъ кукламъ написаны и декораціи.

Театръ «Веселыхъ авторовъ»—тоже заимствованіе изъ монмартрскихъ нравовъ. Впереди фасада устроенъ обычный балконъ (Tréteaux), вродѣ тѣхъ, какіе всегда устраиваются на ярмарочныхъ театрахъ; сюда обычно выходятъ во время антрактовъ актеры, болтаютъ съ публикою, заманиваютъ ее. То же самое и въ театрикѣ «Веселыхъ авторовъ», гдѣ вся нарядная толпа артистовъ то-и-дѣло толпится на балконѣ, перекидываясь съ публикою бойкими шуточками.

Кромѣ театральныхъ зрѣлищъ, тутъ же, т. е. на томъ же участкѣ Парижской улицы, есть еще дворецъ танцевъ и особый павильонъ, гдѣ публика можетъ услаждаться фонографами и кинематографами въ ихъ взаимномъ сочетаніи. Наконецъ, тутъ же есть еще одна затѣя, едва ли

даже очень остроумная; она называется Башней чудесъ или перевернутымъ замкомъ. Интересенъ, собственно, только наружный видъ этой постройки: это небольшой замокъ съ зубчатыми башнями, поставленный вверхъ ногами, т. е. крышею на землѣ, а фундаментомъ на воздухѣ; въ этомъ и все остроуміе.

Для полноты обзора упомянемъ здѣсь еще о нѣкоторыхъ другихъ приманкахъ выставки, о которыхъ у насъ ничего еще не было сказано. Такъ, позади дворца Трокадеро, какъ мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ, устроенъ довольно обширный Мадагаскарскій отдѣлъ; о самомъ зданіи мы уже говорили (стр. 104) и здѣсь упомянемъ лишь о роскошной панорамѣ покоренія Мадагаскара, которая въ немъ помѣщается. Панорама эта исполнена художникомъ Луи Тинеромъ. На ней представлены великолѣпно написанные виды окрестностей столицы острова, Тананаривы, и важнѣйшіе моменты наступленія на нее французовъ. Главный моментъ, представленный на картинѣ,—это сдача города. Бомбардированіе уже прекратилось; направо—бригада генерала Вуарона, налѣво—колонна Метцингера; всѣ ждутъ исхода переговоровъ о сдачѣ, готовые кинуться въ атаку въ случаѣ отказа въ сдачѣ города. Взбираясь на платформу, съ которой надо смотрѣть на панораму, публика попутно любуется подвижными картинами, представляющими виды острова и отдѣльные эпизоды той же драмы, которая представлена на панорамѣ. Для французовъ, только недавно ставшихъ владѣльцами богатаго острова, эта панорама должна представлять большой интересъ.

Упомянемъ мимоходомъ о «свѣтящемся дворцѣ», чрезвычайно эффектной игрушкѣ, выстроенной у башни Эйфеля, противъ дворца одеждъ. Главная особенность этой постройки, обусловливающая особый блескъ свѣтовыхъ эффектовъ, на которыя она и разсчитана, въ томъ, что она вся состоитъ изъ фигурнаго, дутаго и граненаго стекла.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще о гигантскомъ театрѣ «Колумбія», который парижскіе журналы отмѣчаютъ, какъ выдающуюся новинку по части театральнаго устройства, еще не виданную во Франціи. Строитель и директоръ этого театра, венгерецъ Болоши Киральфи, давно извѣстенъ, особенно въ Америкѣ, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей по части антрепризы. Онъ родился въ 1849 году въ Пештѣ, еще маленькимъ выступилъ на сцену и успѣлъ прославиться, какъ выдающійся актеръ. Онъ объѣхалъ всѣ большіе города Европы, игралъ, между прочимъ, и въ Парижѣ, и здѣсь былъ принятъ съ честью театральною критикою; о немъ хорошо отозвался Теофиль Готье. Но онъ скоро оставилъ подмостки, т. е. пересталъ выступать на сценѣ, а занялся постановкою большихъ спектаклей и балетовъ, и скоро затмилъ на этомъ поприщѣ славу всѣхъ другихъ импрессаріо. Онъ смѣло и энергично расширилъ сцену, вводилъ въ нее все новыя составныя части; онъ удесятерилъ составъ балета, одѣлъ его въ шелкъ и золото, ввелъ громадные хоры, труппы акробатовъ, наѣздниковъ; у него появились въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ верблюды, слоны; онъ устраивалъ на сценѣ цѣлыя озера и пускалъ на нихъ настоящія флотиліи. Первый такого рода спектакль, поставленный имъ въ Америкѣ, «Царь Соломонъ», имѣлъ огромный успѣхъ и побудилъ Киральфи окончательно посвятить себя широкой театральной антрепризѣ, именно постановкѣ такихъ обширныхъ обстановочныхъ спектаклей. Конечно, онъ не упустилъ

случая поставить такіе спектакли и въ Парижѣ во время выставки. Свой громадный театръ онъ устроилъ около городскихъ воротъ Мальо, близъ линій укрѣпленій. Залъ вмѣщаетъ свободно 6.000 зрителей. Сцена представляетъ собою площадь въ 2.000 квадратныхъ метровъ, т. е. имѣетъ приблизительно 20 саж. въ ширину и 25 въ глубину—площадь, на которой свободно можно обучать роту солдатъ. Къ сценѣ присоединяется еще бассейнъ съ водою въ 1.000 квадратныхъ метровъ. Въ составъ его труппы входитъ 1.500 лицъ обоего пола и въ томъ числѣ 600 танцовщицъ, которыхъ онъ выбралъ изъ лучшихъ балетныхъ труппъ Европы и Америки. Въ настоящее время въ Парижѣ имъ поставлена пьеса «Востокъ», въ которой публика особенно восхищается роскошнѣйшею декораціею императорскаго дворца въ Византіи и бедуинскаго лагеря въ пустынѣ. Черезъ нѣсколько времени театръ закроется и въ немъ начнется разучиваніе новой пьесы «Константинополь», постановку которой Киральфи разсчитываетъ окончить къ апрѣлю. Музыку къ его пьесамъ сочиняетъ извѣстный итальянскій композиторъ Паоло Джорца.

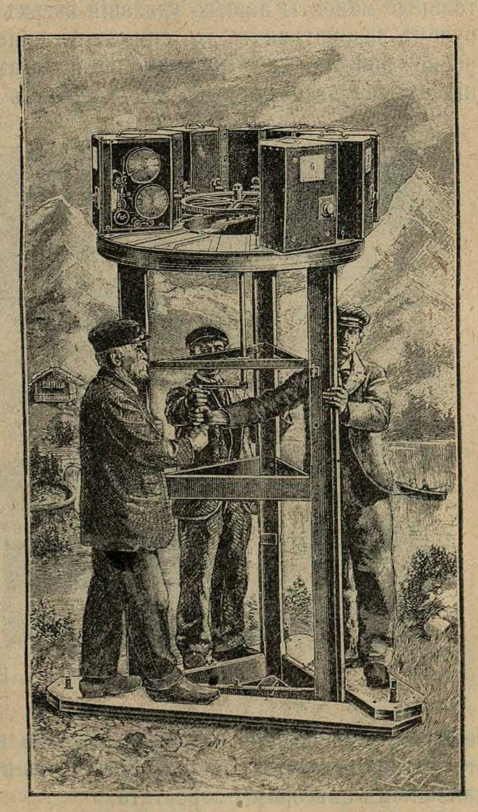

Рис. 147. Кинеорама-аэростат. Видъ прибора для полученія снимковъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «La Nature» мы находимъ описаніе еще одной любопытной выставочной затѣи, развлеченія, основаннаго на примѣненіи новѣйшихъ открытій. Мы говоримъ о сооруженіи, посредствомъ котораго зритель любуется панорамою мѣстности въ томъ видѣ, какъ онъ наблюдалъ бы ее, поднимаясь на воздушномъ шарѣ.

Въ своей существенной части эта панорама представляетъ не что иное, какъ кинематографъ. Избранная мѣстность снимается обыкновеннымъ фотографическимъ приборомъ для этихъ снимковъ. Какъ извѣстно читателямъ, для кинематографа, т. е. для прибора, показывающаго предметы въ движеніи, надо сдѣлать въ весьма короткое время, напримѣръ, въ 1—2 минуты, возможно большее число послѣдовательныхъ снимковъ—300, 500, 1.000 и болѣе, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, потому что чѣмъ больше будетъ отдѣльныхъ, послѣдовательныхъ моментовъ

движенія схвачено на отдѣльныхъ снимкахъ, тѣмъ плавнѣе будетъ переходъ изъ одного въ другой и тѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ иллюзія движенія. Теперь представимъ себѣ, что мы поставили кинематографическую камеру въ лодку воздушнаго шара и привели приборъ въ дѣйствіе въ тотъ самый моментъ, когда шаръ былъ только-что пущенъ вверхъ и приборъ работалъ непрерывно, пока шаръ не достигъ высоты, положимъ, 200 саженъ. На лентѣ кинематографа у насъ получится длинный рядъ снимковъ, представляющихъ панорамы земли въ послѣдовательные моменты нашего удаленія вверхъ отъ ея поверхности. Если мы будемъ разсматривать эти снимки въ кинематографъ, то все это интересное движеніе, это превращеніе панорамы мѣстности по мѣрѣ удаленія отъ нея вверхъ представится намъ въ его непрерывномъ видѣ; зри-

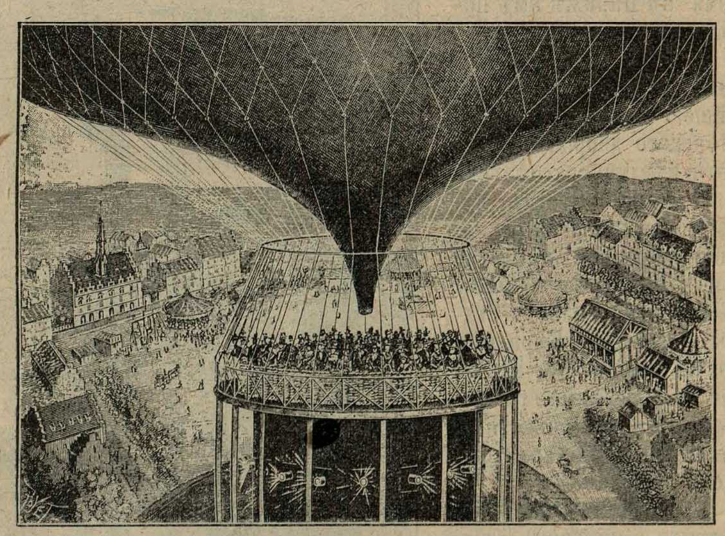

Рис. 148. Кинеорама-аэростатъ. Внутренній видъ.

тель получитъ полную иллюзію подъема на воздушномъ шарѣ. Вотъ это именно развлеченіе и устроено теперь на парижской выставкѣ подъ названіемъ кинеорамы-аэростата.

Приборъ, посредствомъ котораго производились снимки мѣстностей съ воздушнаго шара, представленъ на рис. 147. Здѣсь мы видимъ на большомъ и грузномъ стативѣ нѣсколько кинематографическихъ камеръ (всѣхъ ихъ 10). Онѣ обращены объективами въ разныя стороны по горизонту мѣстности. Лента, на которой производятся снимки, движется во всѣхъ камерахъ съ совершенно одинаковою скоростью. Люди вращаютъ за рукоять центральную ось, а отъ нея равномѣрное по скорости движеніе передается по всѣмъ отдѣльнымъ камерамъ, къ валикамъ, на которыхъ намотана фотографическая лента. Такимъ образомъ, тутъ сразу снимается не одна какая-нибудь часть пейзажа, а весь горизонтъ, получается полная кругозорная панорама мѣстности въ постепенныхъ перемѣнахъ, въ какихъ она представляется зрителю, поднимающемуся на воздушномъ шарѣ.

Рис. 148 даетъ понятіе объ устройствѣ самого помѣщенія, гдѣ поставленъ этотъ приборъ. Надъ приборомъ сдѣлана большая платформа, вмѣщающая сотни двѣ зрителей. Платформа огорожена перилами и сѣткою канатовъ, представляя собою нѣкоторое подобіе огромной гондолы воздушнаго шара. Для довершенія иллюзіи отъ рѣшетки гондолы вверхъ и вкось тянутся все тѣ же канаты, какъ бы сѣтка шара, а надъ головами публики высится и самъ громадный шаръ, т. е. просто-напросто фальшивое полотнище въ видѣ нижней части аэростата, искусно замаскированное вверху крышею зданія. Кругомъ же всего зданія тянется сплошная стѣна изъ полотна, служащаго экраномъ, на который откидываются изображенія изъ кинематографовъ. Эти изображенія и воспроизводятъ передъ зрителемъ полную картину всѣхъ послѣдовательныхъ перемѣнъ пейзажа при подъемѣ надъ нимъ на воздушномъ шарѣ. Зритель получаетъ полную иллюзію этого подъема. Залъ, въ которомъ устроено это зрѣлище, имѣетъ 15 саженъ въ поперечникѣ, значитъ, картины отодвинуты отъ зрителя, стоящаго въ центрѣ платформы, на $7^1/_2$ саженъ — разстояніе, вполнѣ достаточное для полноты обмана глазъ.

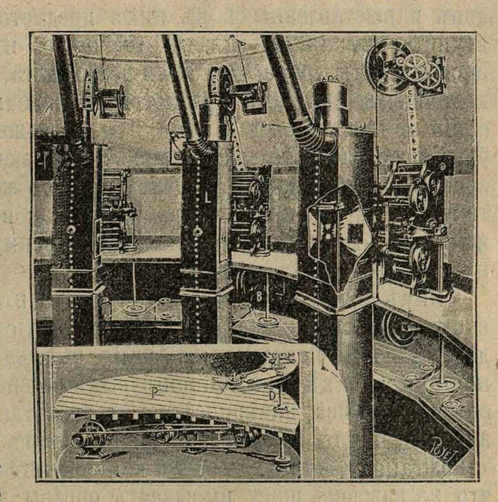

Рис. 149. Кинеорама-аэростатъ. Устройство механизмовъ внутри камеры, откидывающей изображенія на полотно.

Одновременное проектированіе на экранѣ сразу десяти изображеній, которыя должны незамѣтно слиться по краямъ, чтобы дать совершенно сплошную картину, представляло немало затрудненій. На рис. 148 показана камера, изъ которой выставляются концы объективовъ, бросающихъ увеличенныя изображенія на стѣну-полотнище. Надо было устроить такъ, чтобы всѣ снимки получали совершенно одинаковое освѣщеніе, чтобы ихъ лента развертывалась съ строго равномѣрною скоростью, такъ какъ малѣйшее нарушеніе этой равномѣрности уже угрожаетъ разрушеніемъ, разрывомъ панорамы. Всѣ эти условія потребовали устройства весьма сложнаго механизма внутри проекціонной камеры; подробно описывать это устройство здѣсь, конечно, не мѣсто, общее же понятіе о немъ можетъ дать рис. 149, представляющій внутренній видъ этой камеры.

ГЛАВА XVI.

Что можно сказать о выставкѣ въ собственномъ смыслѣ слова?—Выдающіяся національныя представительства на выставкѣ: Трансвааль, Германія, Венгрія.

Выставка, т. е. вся ея внѣшность, постройки, главныя составныя части и «гвозди» уже описаны нами. Оставалось бы теперь приступить къ самой выставкѣ, т. е. къ систематическому описанію ея отдѣловъ и выставленныхъ въ нихъ предметовъ. Но можемъ ли мы приступить къ такой задачѣ? Очевидно, нѣтъ. На выставкѣ 75.000 экспонентовъ, собравшихся со всего свѣта. Сколько же ими выставлено достойныхъ вниманія предметовъ? Очевидно, о систематическомъ описаніи не можетъ быть и рѣчи. Мы не можемъ даже взять на себя выбора и упомянуть только о наиболѣе выдающемся. Мы просто-на-просто, сообразно съ основною задачею нашего журнала—служить зеркаломъ текущей иностранной литературы, остановимся только на томъ, что на выставкѣ отмѣчено въ иноземныхъ, преимущественно, конечно, французскихъ органахъ печати.

Намъ хочется прежде всего сказать нѣсколько словъ о трансваальскомъ городкѣ на выставкѣ. Бѣдная маленькая республика, которую доканала таки ненавистная Англія, вызываетъ теперь такое напряженное вниманіе къ себѣ, такой взрывъ всеобщихъ сожалѣній, что всякое сообщеніе о ней, навѣрное, будетъ прочитано съ интересомъ. «Трансваальскій отдѣлъ на выставкѣ, — говоритъ обозрѣватель французской «Illustration»,—трогателенъ и поучителенъ. Трогателенъ онъ тѣмъ, что на каждомъ шагу вызываетъ образы войны, которая покрываетъ кровью эту злополучную страну. Поучителенъ же въ томъ смыслѣ, что онъ сводитъ на нѣтъ ту легенду о враждебности буровъ къ цивилизаціи, къ просвѣщенію во всѣхъ его видахъ, которою хотѣли оправдать или, по крайней мѣрѣ, смягчить разбойничество Англіи».

Главный павильонъ Трансвааля уже былъ представленъ нами въ рисункѣ (см. стр. 47). Мы скажемъ кое-что о внутреннемъ содержаніи. Въ нижнемъ этажѣ собраны всѣ произведенія трансваальской земли: минералы, сухія растенія, коллекціи птицъ и звѣрей; здѣсь можно видѣть также обычные хозяйственные предметы буровъ, напримѣръ, модель ихъ громадныхъ фуръ; тутъ же выставлены вещи инородцевъ, живущихъ въ странѣ, кафровъ; посѣтители дивятся здѣсь на твердую, какъ кость, кожу бегемота, толщиною въ два дюйма. Изъ массы зелени выглядываетъ бюстъ милаго дяди Пауля, т. е. президента Крюгера. Публика толпами останавливается передъ этимъ некрасивымъ старческимъ лицомъ; весь пьедесталъ бюста покрылся надписями, начерченными карандашами и нацарапанными булавками: «Слава могучему президенту!»... «Слава главѣ народа, отстаивающаго свою свободу!»... «Дань уваженія почитателя, которому не на что ѣхать, чтобы сражаться съ бурами!»... Подписываются подъ этими надписями: «француженки», «ирландки», «приказчики». По стѣнамъ развѣшаны безчисленныя фотографіи, представляющія всю страну, всѣхъ ея обитателей, весь обиходъ ихъ жизни. И все это блистательно опровергаетъ тѣ упреки въ косности и отсталости, которые взводятся на бѣдныхъ буровъ. На этихъ

фотографіяхъ мы видимъ общественныя постройки, памятники, почтовыя учрежденія, школы съ группами учениковъ и преподавателей; всѣ эти старыя и молодыя лица далеко не подтверждаютъ обвиненій въ дикости, которыми сыплютъ на нихъ англичане; ученики какъ ученики, учителя какъ учителя, каковы они вездѣ и всюду въ цивилизованномъ мірѣ. На одной изъ этихъ школьныхъ фотографій находится глубоко знаменательная надпись: «Этотъ снимокъ учителей—старый, прежній; ихъ въ то время было 15, а теперь ихъ 21; но такъ какъ большинство ушло на войну, то новой группы нельзя было снять и пришлось послать старый снимокъ». Есть много и другихъ подобныхъ надписей, говорящихъ о войнѣ, о ея тягостяхъ, о томъ, что по случаю военнаго времени не было возможности представить дѣло въ такомъ видѣ, какъ хотѣлось бы. Статистическія таблицы, представленныя на выставку докторомъ

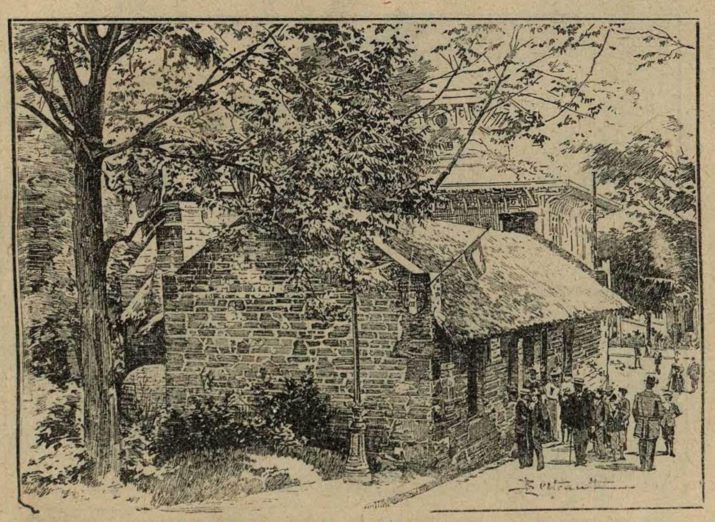

Рис. 150. Трансваальскій отдѣлъ. Обычный типъ бурской фермы.

Мансфельтомъ, свидѣтельствуютъ о быстромъ ростѣ школьнаго образованія: въ 1882 году во всемъ Трансваалѣ насчитывалось 875 учащихся въ школахъ дѣтей, въ 1890 г. ихъ было уже 6.989, а въ 1898 году—14.700; въ 1882 г. правительство расходовало на школы всего лишь около 26 тысячъ рублей въ годъ, въ 1890 г.—уже свыше 330 тысячъ рублей, а въ 1898 г.—около 800 тысячъ; общіе расходы на народное просвѣщеніе съ 100 тысячъ рублей (1880 г.) достигли въ послѣдніе годы двухъ милліоновъ рублей. И все это въ странѣ съ 100.000 кореннаго населенія!

Позади оффиціальнаго, правительственнаго павильона стоитъ убогая на видъ бурская ферма, заурядный образецъ жилого помѣщенія бурской семьи. Постройка почти рабски скопирована съ натуры. На небольшомъ изъ камня сложенномъ домикѣ (см. рис. 150) настлана соломенная кровля. Двери домика низенькія, узкія; такія же и окошки. Внутри дома поражаетъ полное отсутствіе пола; даже земля, служащая

поломъ, не убита и не вымощена ничѣмъ; нога вязнетъ въ ней. Потолка равнымъ образомъ не имѣется. Двускатная кровля опирается прямо на стѣны. Видно, что люди не привыкли баловать себя; правда, климатъ страны не требуетъ теплаго жилья, позволяя довольствоваться простымъ крытымъ помѣщеніемъ, лишь бы его защищало отъ палящаго зноя да ливней. Войдя въ домъ, посѣтитель прямо проникаетъ въ главную комнату. Здѣсь обычно имѣется только столъ, небольшой диванъ около него, пара стульевъ. Сидѣнья на диванѣ и стульяхъ выплетены изъ скрещенныхъ кожаныхъ ремней. На столѣ лежитъ старая Библія въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками и украшеніями. Такія Библіи были въ ходу въ Голландіи еще во времена ея ожесточенной борьбы за независимость съ Испаніею, во времена свирѣпаго герцога Альбы. Прадѣды современныхъ буровъ вывезли эти Библіи съ

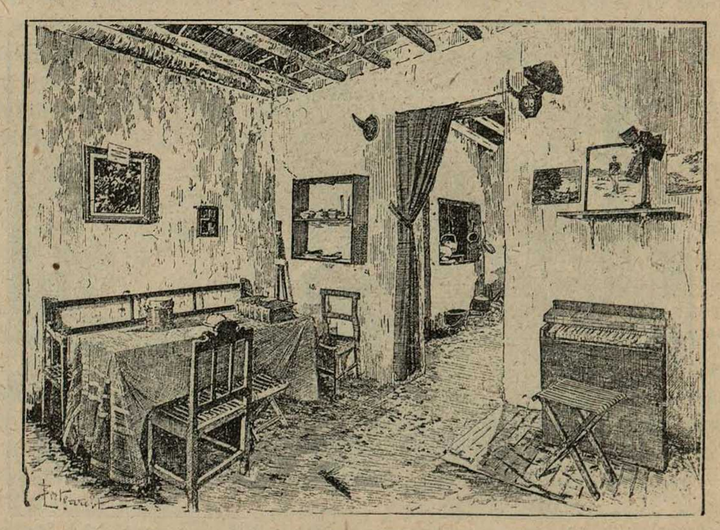

Рис. 151. Трансваальскій отдѣлъ. Общая комната бурской фермы.

собою въ Африку, а ихъ дѣти, внуки, правнуки съ благоговѣніемъ хранятъ эти книги, какъ семейную святыню. Около Библіи часто кладутъ хлѣбъ, обыкновенно черный. На стѣнѣ пришпиленъ булавками портретъ незабвеннаго героя нынѣшней войны, полковника Вильбуа-Мореля. Много ли такихъ портретовъ украшаютъ стѣны бурскихъ жилищъ? Едва ли много, но мысль приколоть его на стѣнѣ фермы, выстроенной на выставкѣ въ Парижѣ, на родинѣ почившаго героя, несомнѣнно трогательна. Подъ портретомъ у стѣны стоитъ маленькая дешевая фисгармонія; семья подъ ея аккомпаниментъ поетъ хоромъ священные гимны.

На нашемъ рисункѣ (151) представленъ этотъ общій залъ, самая парадная комната бурской фермы. Сквозь дверь этого зала видна часть кухни, печь. Въ кухнѣ по стѣнамъ обыкновенно развѣшивается оружіе и вообще всѣ тѣ принадлежности, которыя буры берутъ съ собою въ дальнія поѣздки. Дверь направо изъ кухни ведетъ въ спальню. Въ одной изъ нихъ спятъ дѣти; здѣсь обычно навалены кучею всякія

хозяйственныя принадлежности: сбруя, упряжь, плуги, мѣшки съ хлѣбомъ. Другая спальня, попросторнѣе и почище, предназначена для главы семьи: тутъ стоитъ широкая кровать съ ситцевымъ пологомъ.

Неподалеку отъ фермы поставлена большая гипсовая вызолоченая пирамида. Она изображаетъ наглядно ту груду золота, которая донынѣ добыта въ Трансваалѣ. Такимъ образомъ, рядомъ съ скромнымъ жилищемъ простого, благочестиваго и трудолюбиваго бура на выставкѣ поставлено и то золото его страны, которые убило бура, возбудивъ алчность завоевателя. Рядомъ съ пирамидою поставленъ небольшой золоченый шаръ— наглядное выраженіе стоимости одного милліона франковъ въ видѣ груды золота. Позади этихъ золотыхъ горъ выстроенъ павильонъ, въ которомъ представлена трансваальская золотопромышленность. На террасѣ установлено громадное съ грохотомъ вертящееся колесо; это

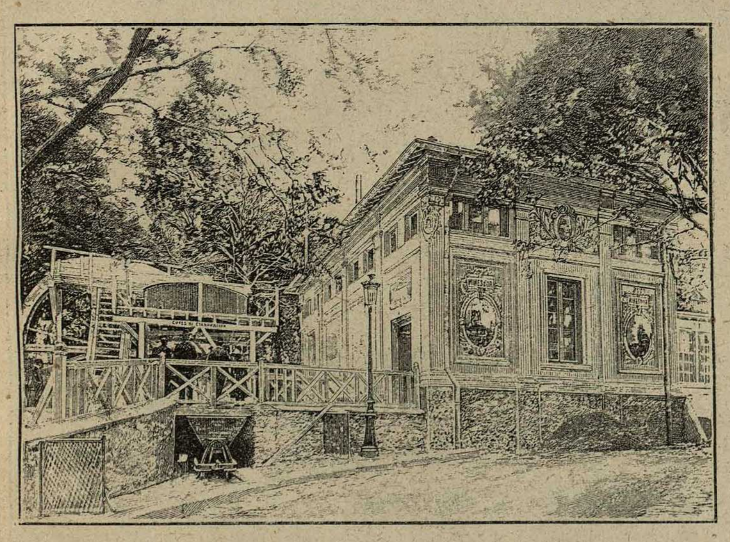

Рис. 152. Трансваальскій отдѣлъ. Павильонъ золотопромышленности.

двигатель, приводимый въ движеніе водою и передающій движеніе механизмамъ, добывающимъ золото. Налѣво, въ постройкѣ, слышится назойливый стукъ пестовъ-толкачей, разбивающихъ горную породу, содержащую драгоцѣнный металлъ. Направо, въ другой постройкѣ, идетъ химическая обработка добытаго золотоноснаго продукта и очищеніе золота. Большія надписи на стѣнахъ объясняютъ въ общихъ чертахъ ходъ работъ. На выставку доставлено 900 тоннъ золотоносныхъ минераловъ, добытыхъ изъ различныхъ мѣсторожденій Трансвааля. Около половины этого количества пошло на отдѣлку подземелья, представляющаго золотоносный пластъ въ разработкѣ. Другая половина будетъ переработана во время выставки на глазахъ публики и должна дать тысячъ на 5 или на 6 рублей чистаго золота.

Другой иностранный отдѣлъ, привлекающій вниманіе печати, это германскій. Замѣчено, что нѣмцевъ на выставку наѣхало множество. Всѣ они держатся на выставкѣ гордо и побѣдоносно. Нѣмецкая пресса

еще съ апрѣля начала кричать о томъ, что нѣмецкій отдѣлъ на выставкѣ лучше всѣхъ другихъ иноземныхъ отдѣловъ, и нѣмцы спѣшатъ убѣдиться въ этомъ воочію. Въ самомъ дѣлѣ, богатство и мощь германской промышленности представлены на выставкѣ съ самой блестящей стороны. Шпиль павильона Германіи поднимается далеко надъ павильонами другихъ народовъ, ихъ электрическія машины самыя мощныя, ихъ маякъ

Рис. 153. Германская группа въ отдѣлѣ декоративнаго искусства.

обладаетъ сильнѣйшимъ въ мірѣ свѣточемъ, и даже ихъ ресторанъ одинъ изъ самыхъ шикарныхъ и дорогихъ.

Германскій павильонъ на Орсейской набережной нами уже представленъ въ рисункѣ и описанъ (стр. 30). При входѣ съ главнаго фасада посѣтитель вступаетъ въ вестибюль краснаго мрамора, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе роскошная двойная лѣстница. Прямо противъ входа поставленъ бюстъ императора Вильгельма въ каскѣ. Стѣны вестибюля украшены фресками дрезденскаго профессора Гуссмана, а лѣстница и галереи—деревянными скульптурными фигурами.

Нижній этажъ отведенъ одной изъ главныхъ духовныхъ силъ Германіи—книгѣ; одинъ залъ занятъ фотографіями. Верхній этажъ составленъ какъ-то странно: въ одной его половинѣ общественный музей, т. е. собраніе всего, что характеризуетъ общественный бытъ Германіи, а въ другой половинѣ—цѣлая выставка картинъ XVIII вѣка, но не нѣмец-

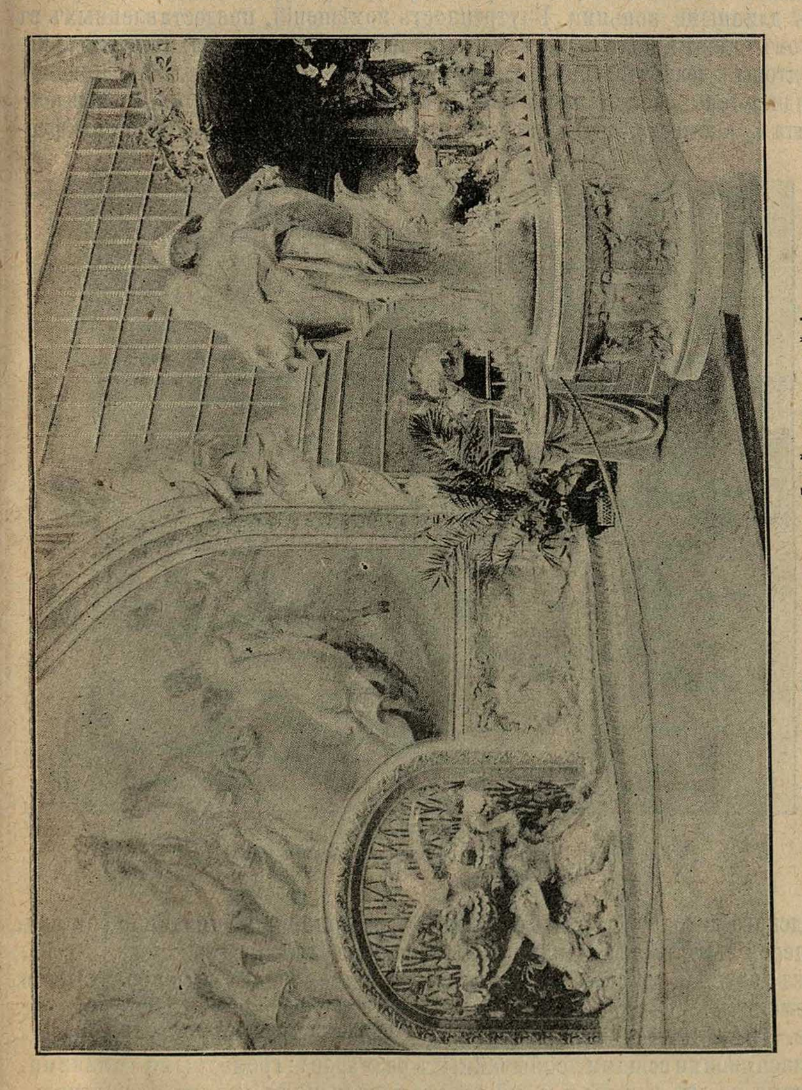

Рис. 154. Германская группа. Фарфоровыя издѣлія.

кихъ, а французскихъ: Ватто, Труа, Патера, Шардена и др. Всѣ эти картины были пріобрѣтены еще Фридрихомъ Великимъ и хранятся въ потсдамской галереѣ. Вильгельмъ II, надо полагать, хотѣлъ сдѣлать особую любезность французамъ, выставивъ картины ихъ же мастеровъ.

Въ отдѣлахъ Германія повсюду рѣзко выдѣляется великолѣпіемъ своихъ

установокъ, высокимъ качествомъ экспозитовъ. Вотъ, напримѣръ, видъ германской группы въ отдѣлѣ декоративнаго искусства, на Эспланадѣ Инвалидовъ (см. рис. 153). Передъ входомъ въ группу поставлена скала, на которой громадный орелъ съ распростертыми крыльями душитъ дракона. У самаго входа, по сторонамъ,—двѣ фигуры всадниковъ-стражей съ длинными копьями. Внутренность помѣщеній, предоставленныхъ въ этомъ отдѣлѣ иностранцамъ, была оставлена безъ отдѣлки; нѣмецкіе архитекторы и декораторы передѣлали помѣщеніе до неузнаваемости. Повсюду виднѣются надписи надъ помѣщеніями экспозитовъ: «охотничья комната», «комната друга искусствъ», «народный залъ», «кабинетъ фло-

Рис. 155. Германская группа. Коллекція игрушекъ.

ридскаго кедра» и т. д. Въ отдѣльной просторной и пронизанной свѣтомъ галлереѣ выставлены стеклянныя и глиняныя издѣлія германскихъ фабрикъ; здѣсь, само собою разумѣется, выдаются образцовыя произведенія знаменитыхъ саксонскихъ и берлинскихъ фарфоровыхъ заводовъ (см. рис. 154). Прусская королевская фарфоровая фабрика особенно выдѣлилась своими вещами необычайныхъ размѣровъ: громадными каминами, вазами по двѣ сажени и т. п.; все это исполнено въ новомъ и оригинальномъ стилѣ.

Въ той же группѣ Эспланады Инвалидовъ публика охотно останавливается около громадной коллекціи игрушекъ нѣмецкаго производства (см. рис. 155). Здѣсь собраны издѣлія всѣхъ знаменитыхъ центровъ кустарнаго производства: Нюренберга и Фурта въ Баваріи и Зоннеберга въ Тюрингіи. Фуртъ и Нюренбергъ выдѣлываютъ по пре-

имуществу жестяныя вещицы. Особенно въ ходу въ Германіи игрушечныя желѣзныя дороги здѣшняго производства; какъ извѣстно, первая желѣзная дорога въ Германіи была проложена въ 1835 году, именно Фуртомъ и Нюренбертомъ. Зонненбергцы выдѣлываютъ игрушки изъ

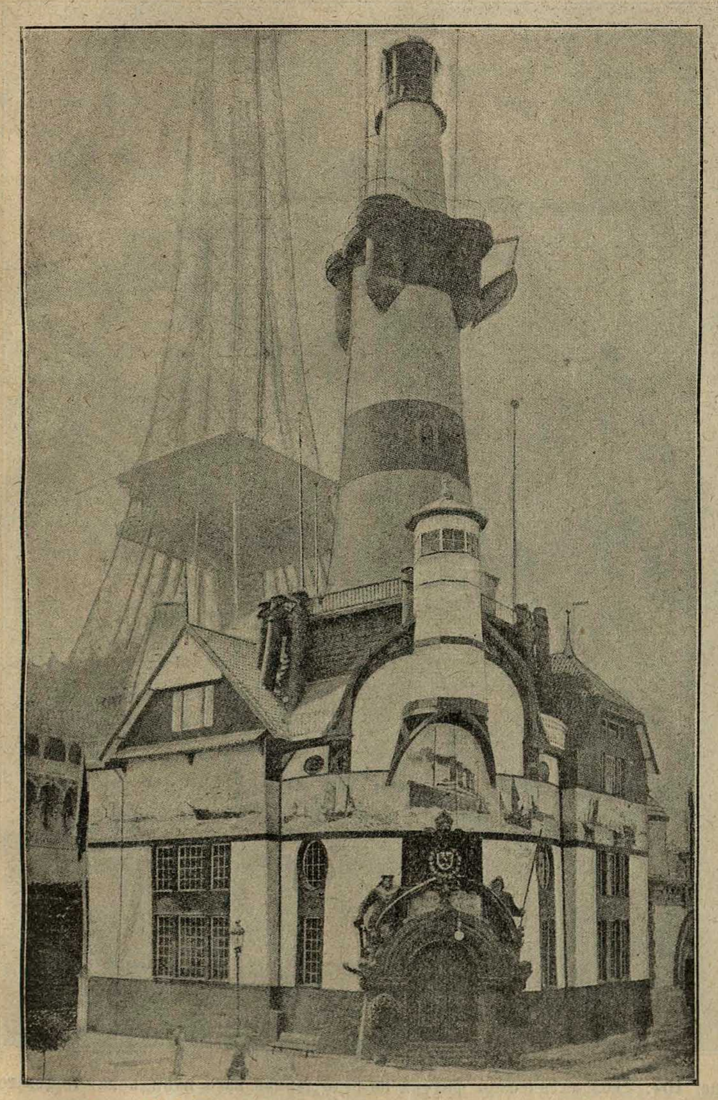

Рис. 156. Германскій павильонъ торговаго судоходства.

дерева, стекла, фарфора, а всего больше изъ папье-машэ. Въ Тюрингенѣ теперь насчитывается 30 тысячъ мастеровъ, выдѣлывающихъ игрушки, въ Нюренбергѣ—до 2.000.

На Орсейской набережной, кромѣ главнаго національнаго павильона, есть еще другая, очень оригинальная и картинная нѣмецкая по-

стройка, относящаяся къ отдѣлу торговаго судоходства. Напомнимъ, что главное зданіе этого отдѣла поставлено около Іенскаго моста, между лѣснымъ и военнымъ отдѣлами. Постройка эта (см. рис. 156) предста-

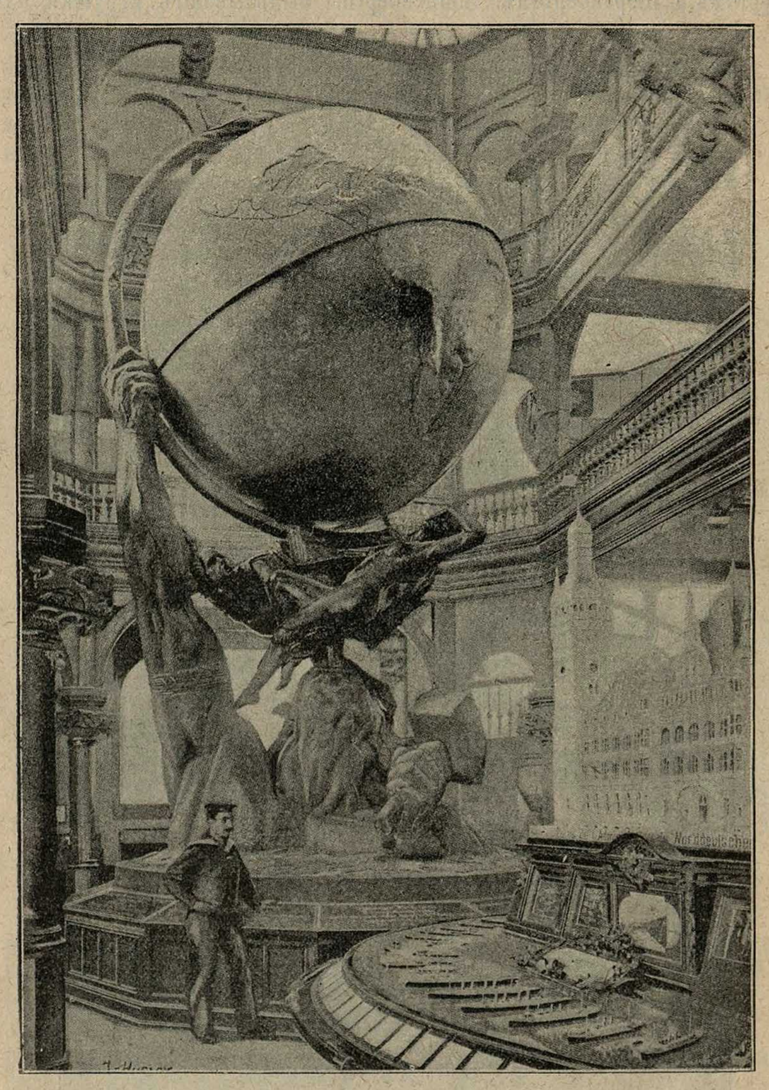

Рис. 157. Эмблематическая фигура посреди германскаго павильона торговаго судоходства.

вляетъ точную копію маяка «Rothe Sand», построеннаго въ устьѣ Везера, въ 65 верстахъ отъ Бремена. У маяка стоитъ небольшой домикъ изящно расписанный судоходными картинами работы художника Карла Беккера. Этотъ домикъ—копія жилища смотрителя маяка. На вершинѣ маяка установленъ могучій свѣточъ, произведеніе мастерской

Шукерта въ Нюренбергѣ. Каждый вечеръ этотъ маякъ кидаетъ снопы ослѣпительнаго свѣта на Сену, на дворецъ Трокадеро и вообще на всю громадную площадь выставки. Мы уже упомянули о томъ, что это самый сильный свѣточъ въ мірѣ; другой, почти такой же силы, выставленъ въ нѣмецкой же группѣ военнаго отдѣла. Въ маякѣ и домикѣ около него выставлено все, что относится къ торговому судоходству: оборудованіе маяковъ, станцій общества спасанія на водахъ, модели громадныхъ океанскихъ пароходовъ и т. д. Нѣмцамъ, очевидно, хотѣлось, чтобы посѣтитель вышелъ изъ ихъ торгово-судоходнаго павильончика подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чего-то необычайнаго. Выполненіе такой задачи въ образѣ было поручено скульптору Эрнесту Венку. И вотъ что онъ придумалъ. Посреди павильона возвышается многогранная витрина, окружающая массивный возвышенный помостъ Изъ этого помоста выдвигается вверхъ гигантская рука съ колоссально развитыми мускулами. Гигантъ, которому эта рука принадлежитъ, весь ушелъ въ землю, такъ что выставляются только его голова и кулакъ другой руки, вооруженной молотомъ (см. рис. 157). Это древне-германскій богъ грома и молніи, Торъ. Его вытянутая рука держитъ змѣю-обручъ, внутри которой вставленъ земной шаръ; около земли парятъ на воздухѣ двѣ фигуры—дня и ночи. Какое эта группа имѣетъ отношеніе къ торговому судоходству—объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но рука Тора, несомнѣнно, производитъ впечатлѣніе на посѣтителей, и германское торговое судоходство остается у нихъ въ памяти.

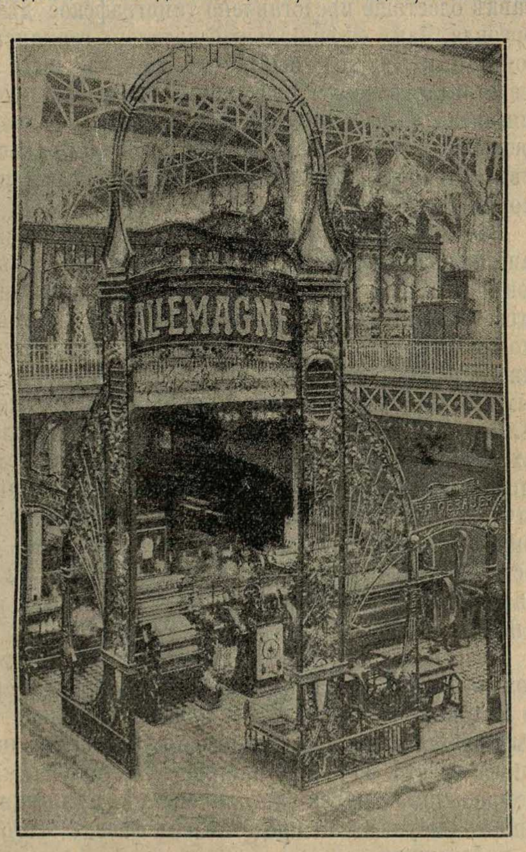

Рис. 158. Германская группа ткацкаго отдѣла.

Въ отдѣлѣ машинъ Германія тоже нашла чѣмъ поразить публику. Здѣсь есть, напримѣръ, динамо-электрическія машины Сименса и Гальске, требующія для своей работы силы 2.000 паровыхъ лошадей. Такихъ машинъ выставлено нѣсколько штукъ разными фирмами; это истыя чу-

довища современной электротехники. Цѣлые ряды превосходныхъ машинъ выставлены также по другимъ отдѣламъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ ткацкой промышленности; его германская группа представлена на рис. 158.

Французскіе журналисты, подавивъ національное самолюбіе, откровенно сознаются, что Германія вездѣ выдается, вездѣ сразу узнается, бросается въ глаза великолѣпіемъ отдѣлки своихъ группъ, разнообразіемъ и выдающимися качествами экспозитовъ. Между прочимъ, на выставкѣ блестяще представлено типографское дѣло Германіи, ея книготорговля. Даже оффиціальный каталогъ германской группы (другія національныя группы выпустили ихъ въ видѣ скромныхъ брошюръ) представляетъ собою настоящее образцовое произведеніе современнаго книгопечатнаго искусства. Это вполнѣ роскошное изданіе. Книга превосходно переплетена, иллюстрирована, напечатана въ нѣсколько тоновъ. Шрифтъ для нея отлитъ по рисункамъ императорскаго гравера Георга Шиллера.

Въ этомъ оффиціальномъ указателѣ попадаются мѣста, дышащія національной гордостью. Такъ, въ отдѣлѣ, посвященномъ обзору движенія населенія, составитель его, докторъ Эрнстъ фонъ-Галле говоритъ: «Наканунѣ XX вѣка Германская имперія являетъ собою зрѣлище вполнѣ благоустроеннаго государства, вступившаго въ періодъ счастливаго развитія»... «Германскій народъ изобилуетъ молодыми жизненными соками; три пятыхъ населенія страны не перешло еще за предѣлы зрѣлаго возраста (т. е. 30 лѣтъ); почти половина населенія (45%) находится еще въ возрастѣ дѣтства и первой молодости (до 20 лѣтъ). Число браковъ постоянно возрастаетъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ; за истекшіе полвѣка на каждую тысячу жителей происходитъ приростъ въ 37 человѣкъ; каждый бракъ даетъ около 4,7 дѣтей; смертность постепенно убываетъ, пала съ 28 на 22 на тысячу; эти цифры краснорѣчиво говорятъ въ пользу силы, молодости и плодливости германскаго народа.

Венгерскій отдѣлъ также заинтересовалъ публику. Но насколько Германія блеснула своимъ настоящимъ и будущимъ, настолько же Венгрія обосновала весь свой выставочный форсъ на своемъ славномъ прошломъ. Ея павильонъ на Орсейской набережной (см. его рисунокъ на стр. 37)—это настоящая историческая коллекція или импровизированный музей историческихъ воспоминаній этой страны. На нашемъ рисункѣ 159 представленъ фасадъ этого павильона, выходящій на набережную.

Венгрія, какъ извѣстно, четыре года тому назадъ отпраздновала свое тысячелѣтіе специальной «тысячелѣтней» выставкой. На Парижской же выставкѣ Венгрія рѣшила повторить свое представительство на собственной національной выставкѣ. На берегу Сены венгерцы задумали воздвигнуть такой же памятникъ своей минувшей исторіи, какой ими былъ выстроенъ у себя дома, на берегахъ Дуная.

Венгерцы начинаютъ свое историческое бытіе у насъ въ Сибири, на берегахъ Иртыша, гдѣ ихъ предки рыболовствомъ и охотою снискивали себѣ пропитаніе. Потомъ ихъ подхватила запоздалая волна великаго переселенія народовъ и они перевалили черезъ Уральскій хребетъ подъ предводительствомъ своего короля Арпада (если не ошибаемся, это имя

венгерцы выговариваютъ Орподъ; ихъ «а» читается какъ «о», если надъ нимъ не стоитъ особый знакъ, превращающій его въ «а». Венгерская или угорская, или обрская (нашихъ лѣтописцевъ) ватага протянулась черезъ всю нынѣшнюю европейскую Россію, доползла до Дуная и Тиссы и здѣсь осѣла навсегда, основавъ нынѣшнюю Венгрію. Пытались они надвигаться на Византію, на Венецію, на Германію; но ихъ отовсюду отшибли. Годомъ ихъ окончательнаго укорененія на Дунаѣ считается 1004. Около 1000 года ихъ царь Стефанъ получаетъ корону отъ папы. Самою блестящею эпохою въ исторіи Венгріи можно считать XV вѣкъ, время Гуньяди и Матвѣя Корвина. Венгрія притянула къ себѣ въ то

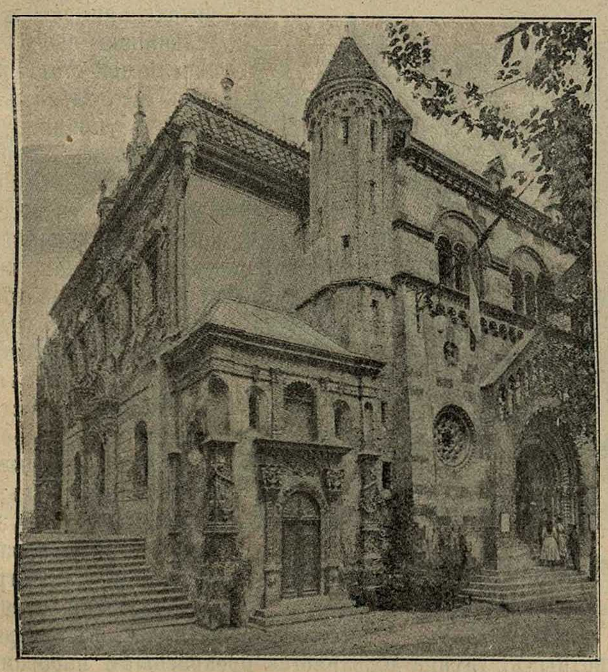

Рис. 159. Венгерскій павильонъ. Фасадъ на Сену.

время итальянское искусство и достигла вершины благосостоянія и духовнаго развитія. Потомъ начался періодъ раздоровъ, и только въ послѣднее десятилѣтіе страна вновь отдохнула. Объ архитектурномъ характерѣ венгерскаго павильона на Орсейской набережной мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 34). Скажемъ здѣсь только пару словъ о его внутреннемъ устройствѣ. Вся его средняя часть представляетъ подражаніе внутренности древняго монастыря, а боковые залы скопированы съ покоевъ разныхъ дворцовъ и знаменитыхъ храмовъ. Въ этихъ залахъ поставлены гробницы, группы изъ предметовъ вооруженія, взятыя изъ различныхъ эпохъ. Въ одномъ изъ залъ собраны обиходныя принадлежности венгерскаго народа во время его древняго пастушескаго и бродячаго быта, когда онъ промышлялъ рыболовствомъ и охотою. Залы перваго этажа, отдѣланные въ стилѣ Возрож-

денія, заключаютъ богатѣйшія коллекціи церковныхъ вещей, историческую коллекцію одеждъ, особенно дворянскихъ, и вооруженія. Сюда сдѣлали свой вкладъ всѣ богатые и знатные люди Венгріи, всѣ, у кого имѣлись какія-либо старинныя цѣнныя вещи; много вещей сюда доставлены изъ личныхъ коллекцій императора Франца-Іосифа. Всѣхъ больше по размѣрамъ такъ называемый гусарскій залъ, выходящій на набережную Сены. Названіе и мундиръ этой части войска, какъ извѣстно, заимствованы всѣми европейскими арміями отъ венгерцевъ; въ гусарскомъ залѣ и соединено все, что только имѣетъ отношеніе къ исторіи этого воинства.

Здѣсь, въ своемъ историческомъ павильонѣ, Венгрія является почитательницею и охранительницею своей сѣдой тысячелѣтней старины. Въ другихъ же отдѣлахъ она, напротивъ, проявила большую щедрость къ современнымъ украшеніямъ. Очень мило и отнюдь не въ строгомъ старинномъ, чопорномъ стилѣ украшена, напримѣръ, венгерская группа въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ. Здѣсь Венгріи было чѣмъ блеснуть; она до сихъ поръ кормитъ значительную часть Европы своимъ хлѣбомъ; она разводитъ великолѣпные фрукты чудный виноградъ; славятся венгерскіе кони, венгерскія свиньи. На большихъ мачтахъ у входа въ группу нанизаны кожи разныхъ разводимыхъ въ Венгріи домашнихъ животныхъ; группа дополняется прекрасными наборами овощей и всякой огородины.

Рис. 160. Венгерская группа сельско-хозяйственнаго отдѣла.

Публика охотно посѣщаетъ также венгерскую группу во дворцѣ меблировки и разныхъ промысловъ. Въ Венгріи, какъ и у насъ въ Россіи, до тихъ поръ еще процвѣтаютъ кустари, и многочисленные образы ихъ производства щедро представлены на выставкѣ. Тутъ особенно много домодѣльныхъ тканей, вышивокъ, кружевъ и вообще предметовъ женскаго рукодѣлія. Кустари-мужчины особенно отличились по части деревянныхъ подѣлокъ—мебели и домашнихъ вещей; все это выполняется по большей части въ старинномъ простонародномъ вкусѣ, какъ и у нашихъ деревенскихъ мастеровъ. Впрочемъ, въ Венгріи и крупныя городскія фабрики, и мастерскія, принявъ у себя всю внѣшнюю машинную обстановку современнаго техническаго производства, все же оставили народный стиль и характеръ выдѣлываемыхъ вещей, гдѣ только это оказалось возможно сдѣлать, не нарушая требованій прогресса.

Для дополненія общей картины представляемъ еще здѣсь снимокъ наружнаго вида венгерской группы въ горномъ отдѣлѣ (рис. 161). Здѣсь передъ входомъ поставлена обширная каменная группа, нѣчто вродѣ эмблемы горной промышленности, увѣнчанная почему-то голенькою женскою фигуркою; эти фигурки, очевидно, годятся на всякія эмблемы, хотя публика на нихъ посматриваетъ не всегда съ точки

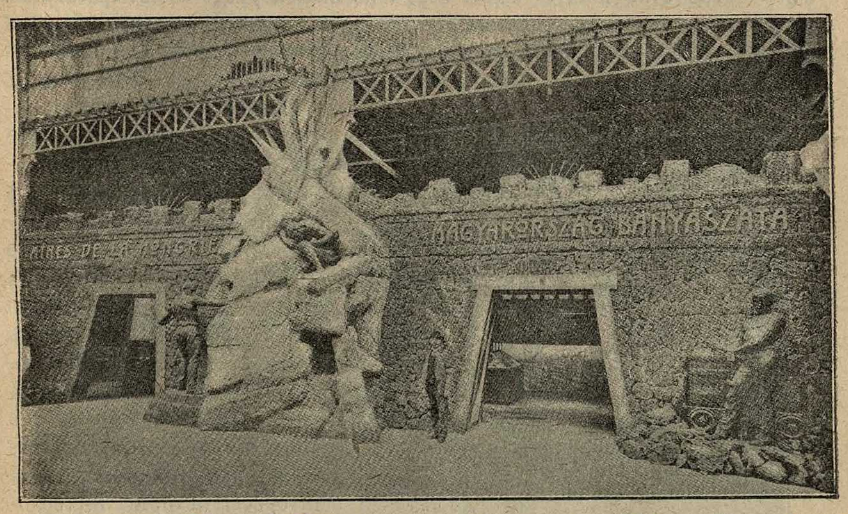

Рис. 161. Венгерская группа въ горномъ отдѣлѣ.

зрѣнія эмблемъ. Этими фигурками, кажется, начали черезчуръ ужь злоупотреблять...

XVII.

Подземный міръ на выставкѣ, его главные отдѣлы: геологическія картины и діорамы, копіи могильниковъ разныхъ эпохъ и народовъ. — Колоссальный бриллiантъ «Jubilée».

Подъ домами и мостовыми Парижа мѣстами идутъ обширныя подземелья, которыя одно время заботили городское правленіе съ точки зрѣнія безопасности городскихъ построекъ. Такія подземелья чаще всего встрѣчаются въ мѣстностяхъ Жантильи и Монружа, подъ площадями Италіи и Данферъ-Рошро, т. е. въ южной части города, между линіями внѣшнихъ бульваровъ и укрѣпленіями. Другая группа подземелій находится въ окружности извѣстнаго городского парка Бюттъ-Шомонъ, а третья вокругъ дворца Трокадеро.

Этотъ послѣдній участокъ парижскихъ подземелій, находящійся въ окружности той площади, которая постоянно попадаетъ подъ всемірныя выставки, давно уже обращалъ на себя вниманіе устроителей выставокъ. Много было предлагаемо плановъ для использованія этихъ подземелій въ интересахъ выставки, проектировали устроить въ нихъ геологическіе музеи, возстановить въ нихъ древніе рудники, даже катакомбы

но всѣ эти проекты до сихъ поръ не сходили съ бумаги. На нынѣшній же разъ управленіе выставки рѣшило обратить на подземелья подъ Трокадеро особенное вниманіе и непремѣнно ими воспользоваться. Прежде всего за нихъ взялся центральный комитетъ французской каменно-угольной промышленности; онъ порѣшилъ устроить въ этомъ подземельи каменно-угольную шахту со всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Устройство этой шахты было поручено инженеру Де-Лонэ. Осмотрѣвъ подробно подземелья и поразившись ихъ громаднымъ протяженіемъ—они тянутся подъ авеню Трокадеро, подъ Магдебургской улицей и Іенскою площадью, — Де-Лонэ тотчасъ порѣшилъ, что въ нихъ хватитъ съ избыткомъ мѣста не на одну только каменно-угольную шахту; въ нихъ можно было устроить рѣшительно все, что только когда - либо устраивалось людьми подъ поверхностью земли, представить въ нихъ всю подземную дѣятельность человѣка, весь подземный міръ, захвативъ сюда не одни только интересы геологіи, руднаго дѣла, но и интересы исторіи, археологіи и антропологіи. Такимъ образомъ, возникъ особый въ высшей степени любопытный участокъ выставки, получившій названіе Подземнаго міра, Monde souterrain, съ большою охотою посѣщаемый публикою и подробно описанный въ нѣсколькихъ парижскихъ журналахъ, которые помѣщаютъ его въ ряду выдающихся диковинъ выставки.

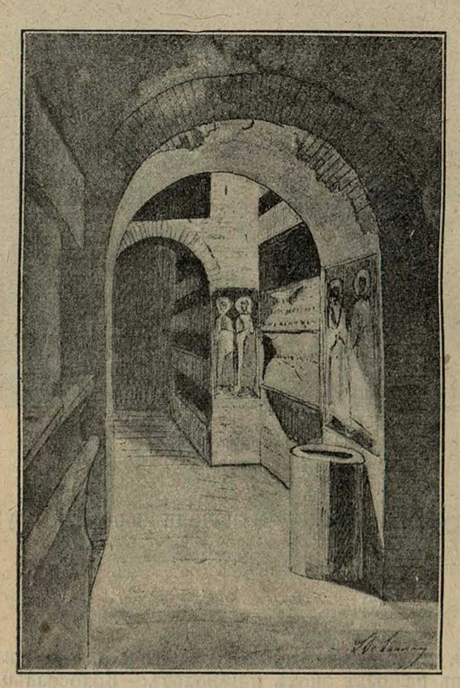

Рис. 162. Римскія катакомбы. Могильникъ папы св. Корнилія.

Входъ въ подземелье устроенъ на углу авеню Трокадеро и Магдебургской улицы. Арка, украшенная фигурами горнорабочихъ, красуется надъ мрачнымъ входомъ. Манекены рабочихъ поставлены также въ разныхъ мѣстахъ этого перваго отдѣла подземелья, посвященнаго собственно горному дѣлу, именно каменно-угольной промышленности. Подделка подземелья подъ шахту выполнена артистически; посѣтитель какъ бы спускается внизъ, на глубину 100—150 саженъ; весь этотъ спускъ, конечно, поддѣланъ посредствомъ искусно изготовленныхъ подвижныхъ декорацій. Очутившись внизу, посѣтитель видитъ всю обычную обстановку каменно-угольной шахты, всѣхъ ея принадлежностей, всѣхъ исполняемыхъ въ ней работъ. Изучивши каменно-угольное дѣло, публика переходитъ въ другіе отдѣлы подземелья, гдѣ можетъ съ такой

же основательностью изучить другіе отдѣлы горнаго дѣла Франціи: добываніе пирита (сѣрнистаго желѣза), употребляемаго при фабрикаціи сѣрной кислоты, серебро-свинцовой руды, цинка, соли, аспиднаго камня (для классныхъ досокъ) и т. д.

Обойдя эти первыя галереи, посвященныя чисто техническимъ предметамъ, посѣтитель вступаетъ въ совершенно другую, гораздо болѣе интересную для большой публики часть подземнаго міра. При входѣ въ эту часть лежитъ фигура громаднаго и безобразнаго допотопнаго звѣря игуанодона; несмотря на подавляющіе размѣры копіи, она всетаки сдѣлана всего только въ половину натуральной величины, ибо если бы ее

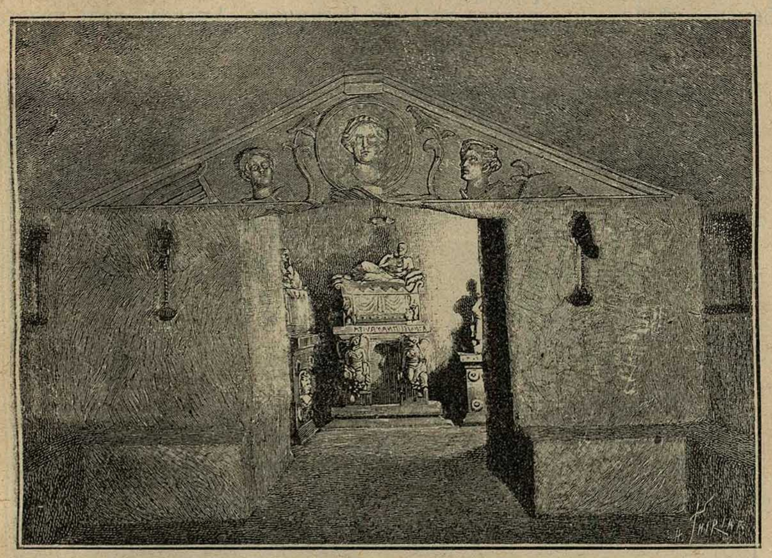

Рис. 163. Этрусскій могильникъ въ Волюмніяхъ.

исполнить въ натуральную величину, то она бы утратила весь эффектъ или же для нея пришлось бы расширять подземелье, чтобы дать возможность обозрѣвать эту тушу съ приличнаго разстоянія.

Въ галереяхъ этихъ выставлено все, что относится къ исторіи горнаго искусства въ древнѣйшія времена, къ жизни въ подземельяхъ во всѣхъ ея разнообразнѣйшихъ формахъ. Тутъ можно видѣть очень живо поддѣланную сцену изъ быта финикійскихъ рудокоповъ-рабовъ: представленъ моментъ, когда рабы, оставленные безъ присмотра, бросили работу и отдыхаютъ; но въ это время подкрадывается подкараулившій ихъ хозяинъ и производитъ жестокую расправу съ лѣнивцами.

Особенно же интересна чисто археологическая и антропологическая часть подземнаго міра. Этотъ отдѣлъ размѣщенъ въ шести обширныхъ подземныхъ залахъ. Здѣсь широкое мѣсто отведено катакомбамъ и могильникамъ. Имѣется, между прочимъ, точная копія съ гробницы папы св. Корнилія въ Римѣ (см. рис. 162). Знатоки особенно интересуются живописью, украшающею эти гробницы въ римскихъ катакомбахъ. Ихъ разрисовывали, несомнѣнно, художники-христіане; а между тѣмъ, не

выработавъ еще пріемовъ своей самобытной христіанской живописи, эти художники пользовались поневолѣ готовыми классическими, т. е. чисто языческими образцами. Такъ, желая, напримѣръ, на гробницѣ св. Корнилія изобразить добраго пастыря, художникъ, не мудрствуя лукаво, представилъ его въ видѣ классическаго Орфея!

На рис. 163 мы даемъ копію съ этрусскаго могильника въ Волюмніяхъ, близъ Перузіи. Эта гробница переходнаго времени, приближающагося къ позднѣйшему римскому періоду. До сихъ поръ еще не удалось разгадать, что это за гробница, хотя она покрыта прекрасно сохранившеюся надписью, къ сожалѣнію, этрускія надписи еще ждутъ своего разгадчика. Удалось разобрать только имена лицъ, которыя здѣсь погребены,—цѣлая семья какого-то Арта Велимнаса Аулеса, надо полагать

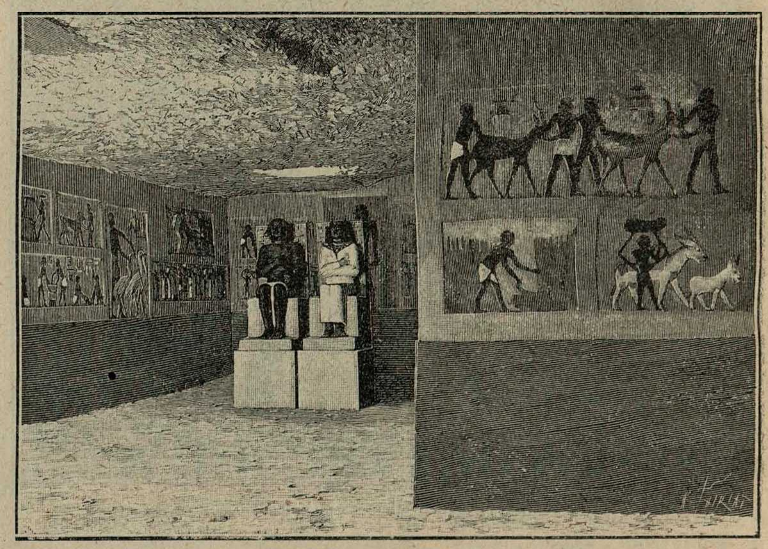

Рис. 164. Египетскія катакомбы около Саккары подъ Мемфисомъ.

знатнаго человѣка. Эти бренные останки лежатъ себѣ въ гробницѣ больше двухъ тысячъ лѣтъ и будутъ лежать тамъ невѣдомые, пока не прочтутъ надписи на ихъ гробницѣ.

Далѣе обозрѣватель подземелья вступаетъ въ область древняго Египта, въ катакомбы около Саккары, въ окрестностяхъ Мемфиса. Арабы называютъ эти могильники «мастаба Ти». Какъ извѣстно, египтяне начали устраивать свои кладбища-подземелья за три тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Мемфисъ особенно прославился своимъ подземнымъ некрополемъ; здѣсь образовался съ теченіемъ времени буквально цѣлый подземный городъ, весь заполненный могильниками. Могильники (мастаба, по теперешнему мѣстному названію) вырыты въ рыхломъ известнякѣ; они предназначались по преимуществу для богатыхъ и знатныхъ людей; простымъ смертнымъ, какъ и въ наши дни, конечно, падалъ на долю другой «разрядъ» похоронъ, подешевле. Извѣстно, какъ много египтяне заботились о мѣстѣ своего упокоенія;

свидѣтелями этихъ заботъ до сихъ поръ остаются пирамиды-гробницы фараоновъ; египетскіе властелины строили ихъ еще при жизни, подъ собственнымъ надзоромъ. Египтянинъ любилъ украшать свой могильникъ изображеніями, въ которыхъ были представлены сцены изъ его повседневной жизни: работы, толпы животныхъ и рабовъ, пшеничныя поля на благодатной почвѣ Нильской поймы. Въ главной камерѣ могильника обычно помѣщались «двойники», какъ выражались египтяне, усопшаго и его супруги, т. е. ихъ каменныя изваянія. Самыя же тѣла, муміи, запрятывались елико возможно подальше, поглубже, по возможности въ секретное мѣсто, чтобы охранить ихъ отъ всякаго риска

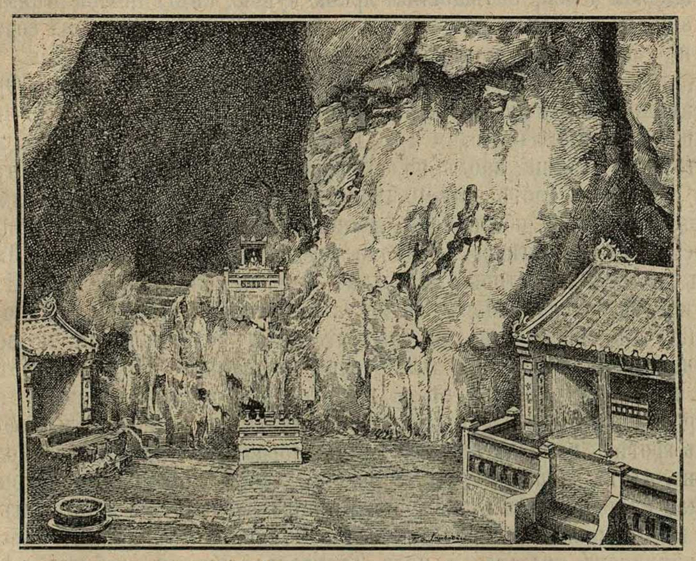

Рис. 165. Подземныя пагоды въ Аннамѣ.

оскверненія. Гробница Ти была найдена въ Египтѣ французскимъ археологомъ Маріеттомъ и ея существенныя части доставлены цѣликомъ во Францію, такъ что на выставкѣ присутствуетъ не копія, а подлинная египетская гробница. Посѣтители выставки созерцаютъ подлинную египетскую старину, которой минуло пять или шесть тысячъ лѣтъ.

Не такъ славенъ древностью, но зато гораздо интереснѣе въ археологическомъ отношеніи другой могильникъ, попавшій въ выставочное подземелье: это такъ называемая гробница Агамемнона, знаменитаго царя микенскаго, брата Менелая. Эта гробница, какъ извѣстно, была открыта въ Микенахъ Шлиманомъ. Подъ небольшимъ куполомъ (копія гробницы вообще нѣсколько уменьшена противъ натуральнаго размѣра) покоятся два тѣла царей атридовъ, богато украшенныя золотомъ, въ такомъ самомъ видѣ, какъ нашелъ ихъ Шлиманъ; подлинный могильникъ хранится въ Аѳинскомъ музеѣ; интересенъ онъ въ томъ отношеніи, что между учеными археологами все еще не рѣшенъ споръ о томъ, подлинный ли это могильникъ Агамемнона или нѣтъ.

Подземный міръ выставки заключаетъ также образцы подземелій дальняго Востока. Такъ, въ королевствѣ Аннамскомъ существуютъ обширнѣйшія подземныя галереи, въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ устроены храмы (пагоды), весьма чтимые населеніемъ. На выставкѣ устроена копія одного изъ такихъ подземелій съ пагодами (см. рис. 165).

Въ высшей степени интересны и поучительны геологическія картины и группы, представленныя въ Трокадерскомъ подземельи. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить громадную діораму, представляющую образованіе земного шара. На картинѣ представлена раскаленная, все еще жидкая земля, освѣщаемая яркою луною, свѣтящеюся огнями своихъ еще во всю силу работавшихъ вулкановъ, и блѣднымъ солнцемъ, еще не успѣвшимъ уплотиться до нынѣшняго своего состоянія.

Далѣе идутъ историко-геологическія картины—«озеро во Франціи въ каменно-угольномъ періодѣ», «коралловый берегъ въ юрскую эпоху», «озеро третичнаго періода» и т. д. Въ этихъ озерахъ утоляютъ жажду допотопныя чудища, вродѣ палеотеріума, поставленнаго около третичнаго озера. Въ гротѣ четверичнаго періода, вмѣстѣ съ костями пещернаго медвѣдя, обозначено и присутствіе первобытнаго человѣка. Современная геологическая эпоха представлена знаменитымъ Лазуревымъ гротомъ на островѣ Капри, въ Неаполитанскомъ заливѣ. Извѣстный изслѣдователь пещеръ, французскій ученый Мартель, лично посѣтившій всѣ сколько-нибудь замѣчательныя естественныя подземелья Европы, составилъ планъ типическаго подземнаго грота съ протекающею черезъ него рѣкою; этотъ геологическій курьезъ также устроенъ въ Трокадерскомъ подземельи; шумный каскадъ живой воды бьетъ въ этомъ гротѣ и, вытекая изъ его стѣны, образуетъ значительное озерко, саженъ въ 12 въ поперечникѣ, представляющее собою точную копію съ озерка, находящагося въ знаменитомъ изслѣдованномъ Мартелемъ провалѣ въ Падиракѣ (во Франціи, въ департаментѣ Ло). Такимъ образомъ, въ громадномъ подземельи подъ Трокадеро удалось собрать все, что только есть любопытнаго, природнаго и искусственно сооруженнаго людьми во всѣ времена и у всѣхъ народовъ земного шара.

Упомянемъ въ заключеніе о томъ, что здѣсь же въ подземельи представленъ еще трансваальскій золотой рудникъ съ работающими въ немъ кафрами; этотъ рудникъ служитъ дополненіемъ къ трансваальской выставкѣ, о которой мы уже упоминали. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что золотые рудники Трансвааля едва ли не главная приманка, изъ-за которой англичане въ нынѣшней войнѣ понесли такія колоссальныя жертвы и людьми, и деньгами, и позоромъ передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра. Весь этотъ уголъ Южной Африки—настоящее золотое дно. Кромѣ золота, тамъ, какъ извѣстно, оказались богатѣйшія въ мірѣ алмазныя мѣсторожденія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на весь свѣтъ прогремѣла сдѣланная тамъ находка величайшаго въ мірѣ алмаза, вѣсомъ въ 900 каратовъ. На нынѣшней парижской выставкѣ посѣтители толпами останавливаются передъ другимъ чудищемъ, происходящимъ оттуда же, передъ брилліантомъ въ 240 каратовъ, помѣщеннымъ въ группѣ ювелирныхъ издѣлій. Быть можетъ, это и есть тотъ же самый гигантъ, только уже въ обработанномъ видѣ? Кажется, что такъ, но навѣрное этого не утверждаемъ.

Точный вѣсъ этого колосса—239 каратовъ. Онъ отличается абсолютною, безукоризненною чистотою, «чистѣйшей воды», какъ говорятъ ювелиры; ни малѣйшее пятнышко не мутитъ его внутренности. Полировка его—послѣднее слово гранильнаго искусства. Это—типическая форма брилліанта, доведенная до несравненнаго совершенства. Огранка камня такъ математически точна, что онъ свободно держится въ равновѣсіи на крошечной гранкѣ, составляющей вершину его остроконечной нижней половины; такая огранка—верхъ искусства; въ ней буквально не къ чему прицѣпиться самой придирчивой критикѣ. Найденъ этотъ алмазъ (мы передаемъ здѣсь о немъ свѣдѣнія, сообщаемыя въ журналѣ «La Nature») въ той же самой Яхерсфонтейнской копи, гдѣ былъ найденъ и выше упомянутый 900-каратовый алмазъ; но въ названномъ журналѣ не упоминается о томъ, что этотъ алмазъ и «Jubilée» (такъ называется брилліантъ, находящійся на выставкѣ) — одинъ и тотъ же камень. Для того, чтобы дать понятіе о сверхъестественной стоимости этого камня, напомнимъ о самыхъ крупныхъ брилліантахъ, какіе до сихъ поръ были извѣстны, и приведемъ ихъ размѣры.

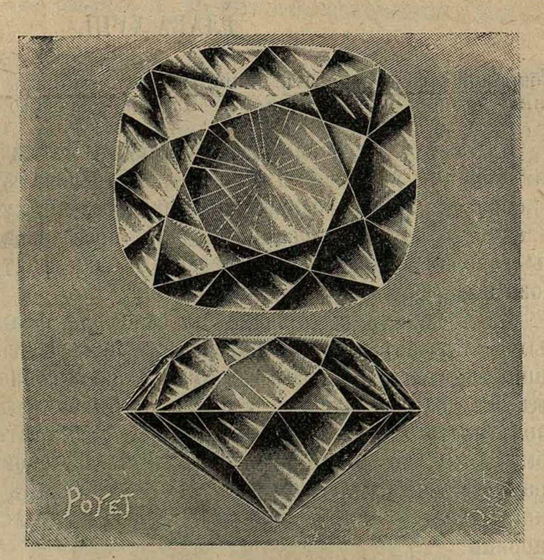

Рис. 166. Громадный брилліантъ „Jubilée“ въ натуральную величину.

Крупнѣйшій изъ нихъ—это нашъ русскій алмазъ, прозванный за границею «Орловскимъ» (Orloff), кажется, потому, что онъ былъ купленъ у амстердамскаго ювелира императрицею Екатериною при посредствѣ извѣстнаго Григорія Орлова. Этотъ брилліантъ очень чистой воды, но онъ вѣситъ только 193 карата и притомъ весьма дурно ограненъ, совсѣмъ несимметрично. Другой большой алмазъ—это «Регентъ», французская государственная регалія; онъ превосходенъ во всѣхъ отношеніяхъ, но вѣсъ его уже только 136 каратовъ. Славный «Ко-Хи-Нуръ» вѣситъ только 106 каратовъ; безподобный по красотѣ «Санси» сравнительно совсѣмъ небольшой камень—53 карата. А между тѣмъ, уже и эти камни, напримѣръ, «Ко-Хи-Нуръ» и «Регентъ», считаются чуть ли не безцѣнными, во всякомъ случаѣ стоятъ милліоны. Что же долженъ стоить «Jubilée»? Обычно принято, что цѣнность большихъ и безукоризненныхъ брилліантовъ прямо пропорціональна квадрату числа каратовъ ихъ вѣса, т. е. если камень въ n каратовъ стоитъ 1.000 рублей, то камень вѣсомъ въ $2n$ каратовъ цѣ-

нится не въ 2×1.000, а въ 2^2×1.000, т. е. 4.000 рублей. Но это правило соблюдается лишь въ предѣлахъ примѣрно до 20—30 каратовъ, а затѣмъ цѣна возрастаетъ болѣе, чѣмъ въ геометрической прогрессіи, такъ что очень большіе каменья оцѣниваются внѣ всякихъ правилъ, сообразуясь съ ихъ чистотою, цвѣтомъ и огранкою. Судя по всему, «Jubilée» едва ли будетъ проданъ компаніею, которая имъ теперь владѣетъ, дешевле, чѣмъ за 20—30 милліоновъ рублей; конечно, суть не въ томъ, чтобы оцѣнить камень, а въ томъ, чтобы найти на него покупателя.

ГЛАВА XVIII.

Сокровища французскихъ національныхъ фабрикъ на выставкѣ.—Гобелены, ткани мануфактуры Бовэ.—Издѣлія севрскаго фарфороваго завода.

Изъ всѣхъ достопримѣчательностей выставки мы избираемъ, отдавая должную честь нашимъ друзьямъ, хозяевамъ нынѣшней выставки, тѣ образцовыя и неподражаемыя произведенія художественной промышленности, которыми Франція издавна прославила себя по всему міру,— мы говоримъ здѣсь о произведеніяхъ мануфактуръ Гобеленовой и въ Бовэ и фарфоровой фабрики въ Севрѣ.

На прежнихъ выставкахъ произведенія французскихъ національныхъ мануфактуръ разбрелись по отдѣламъ, соотвѣтственно классификаціи выставки. На этотъ разъ ихъ рѣшили собрать всѣ вмѣстѣ. Мѣсто имъ отведено въ зданіяхъ Эспланады Инвалидовъ (см. планъ, стр. 15), близъ моста императора Александра II. Если стать лицомъ къ Инвалидному Дому, то въ зданіи влѣво будутъ гобеленовыя произведенія, направо—произведенія мануфактуры Бовэ, рядомъ съ ними ковры фабрики Савонери, а посрединѣ между ними издѣлія севрской фарфоровой фабрики.

Фабрика Гобеленовъ находится въ самомъ Парижѣ; ея зданія, довольно невзрачнаго наружнаго вида, находятся въ южной части города, неподалеку отъ Орлеанскаго вокзала, на авеню, которое носитъ названіе мануфактуры (Avenue des Gobelins). Фабрика Гобеленовъ государственная собственность. Время ея основанія было бы трудно въ точности обозначить. Она уже существовала, напримѣръ, при Генрихѣ IV, но начало производству было положено еще раньше, едва ли не при Францискѣ I, т. е. въ серединѣ XVI столѣтія. Людовикъ XIV перенесъ это производство на фабрику братьевъ Гобеленовъ, которая помѣщалась какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ и теперь она находится. Первоначально Гобелены выдѣлывали не одни только обои и ковры, но также и мебель для королевскихъ дворцовъ, по рисункамъ первоклассныхъ художниковъ. Въ старое время съ этой фабрики ни одной нитки не выпускали въ продажу: все, что на ней выдѣлывалось, шло въ королевскія резиденціи, въ правительственныя зданія и назначалось въ подарки коронованнымъ особамъ, высшимъ сановникамъ, посланникамъ. Въ 1826 году къ гобеленовской фабрикѣ присоединилиеще ковровую фабрику, основанную въ 1604 году Маріею Медичи; она помѣщалась въ бывшей мыловарнѣ (по-французски Savonnerie, отъ savon— мыло), отсюда и ея названіе.

Гобелены—ткацкія издѣлія; рисунокъ на нихъ получается путемъ

вплетенія въ полотнище цвѣтныхъ нитокъ. Картина, которую предстоитъ выткать на полотнищѣ, раздѣляется на части, и каждая часть, если вещь большого размѣра, поручается исполненію особаго мастера-ткача. Громадная трудность работы состоитъ именно въ подборѣ цвѣтной нити надлежащаго оттѣнка, строго соотвѣтствующаго оригинальному рисунку. Этотъ выборъ колеровъ вещь столь важная, что разработка цвѣтныхъ наборовъ была въ свое время поручаема самымъ знаменитымъ ученымъ Франціи; такъ, нынѣ принятыя гаммы оттѣнковъ выработаны были знаменитымъ химикомъ Шеврелемъ, который столько прославился своими химическими работами, сколько и своимъ исключительнымъ долголѣ-

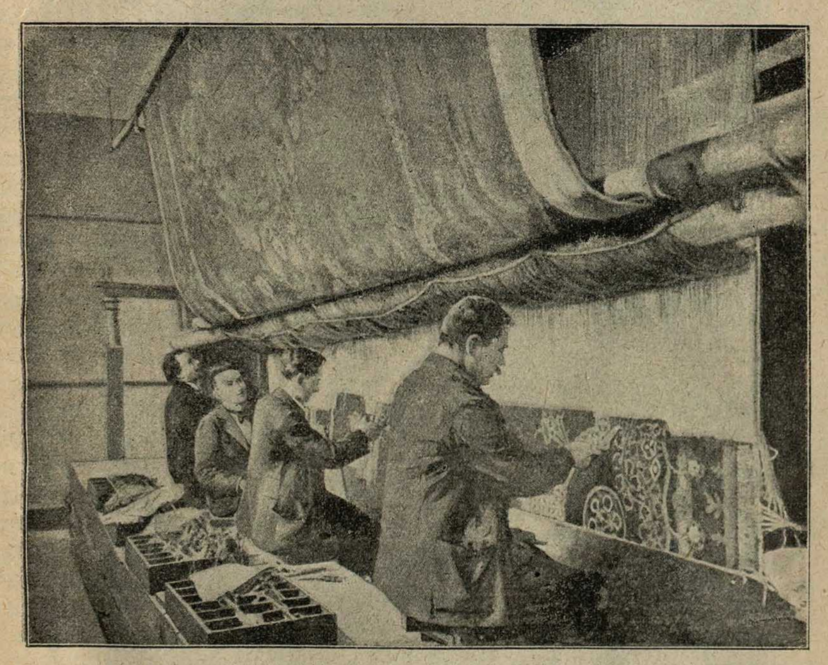

Рис. 167. Ткачи Гобеленовой мануфактуры за работою.

тіемъ: онъ умеръ всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на 104 году жизни. Кстати сказать, общее число тоновъ во всѣхъ гаммахъ Шевреля—14.000. До какой степени подобное тканье копотно даже въ опытнѣйшихъ рукахъ, объ этомъ можно судить по тому, что рѣдкій ткачъ въ состояніи выткать за день болѣе 35 квадратныхъ сантиметровъ рисунка. 35 квадратныхъ сантиметровъ—это площадка въ 7 сантиметровъ длины и 5 ширины—меньше ладони, меньше карты! Изъ этого видно, какое время требуется на изготовленіе полотнища сколько нибудь значительныхъ размѣровъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что иныя гобеленовыя полотнища цѣнятся въ 50, 100, 150 тысячъ франковъ; они самой фабрикѣ обходятся въ 4—5 тысячъ франковъ за квадратный метръ. Ткачи воспроизводятъ точнѣйшія копіи съ знаменитыхъ картинъ; конечно, это только копіи, но исполненіе ихъ

вполнѣ артистическое, безукоризненное съ художественной стороны. Прочность красокъ, которыми окрашиваются шерстяныя (исключительно шерстянныя—шерсть всего прочнѣе держитъ окраску) нити, идущія на выдѣлку гобеленовъ, засвидѣтельствована вѣковымъ опытомъ при мануфактурѣ имѣется свой обширный музей, въ которомъ

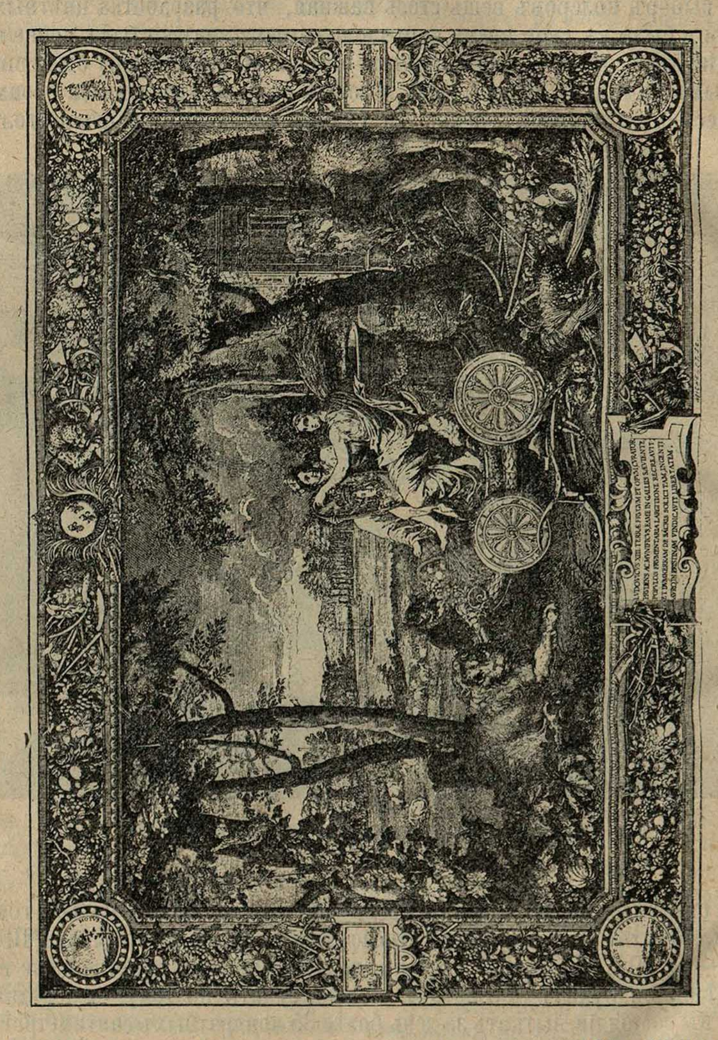

Рис. 168. Эмблематическая картина Лебрена «Земля», тканая на Гобеленовой фабрикѣ.

имѣются тканыя картины, существующія уже по 200—300 лѣтъ и вполнѣ сохранившія всю первоначальную живость красокъ. Для образца той кропотливой работы, которую приходится выполнять ткачамъ Гобеленовой фабрики, помѣщаемъ здѣсь рисунокъ копіи съ картины Лебрена «Земля»; этимъ художникомъ была выполнена цѣлая серія такихъ картинъ, служащихъ эмблематическими изображеніями элементовъ: огня, воды, земли, воздуха.

Основаніе другой знаменитой ткацкой національной мануфактуры

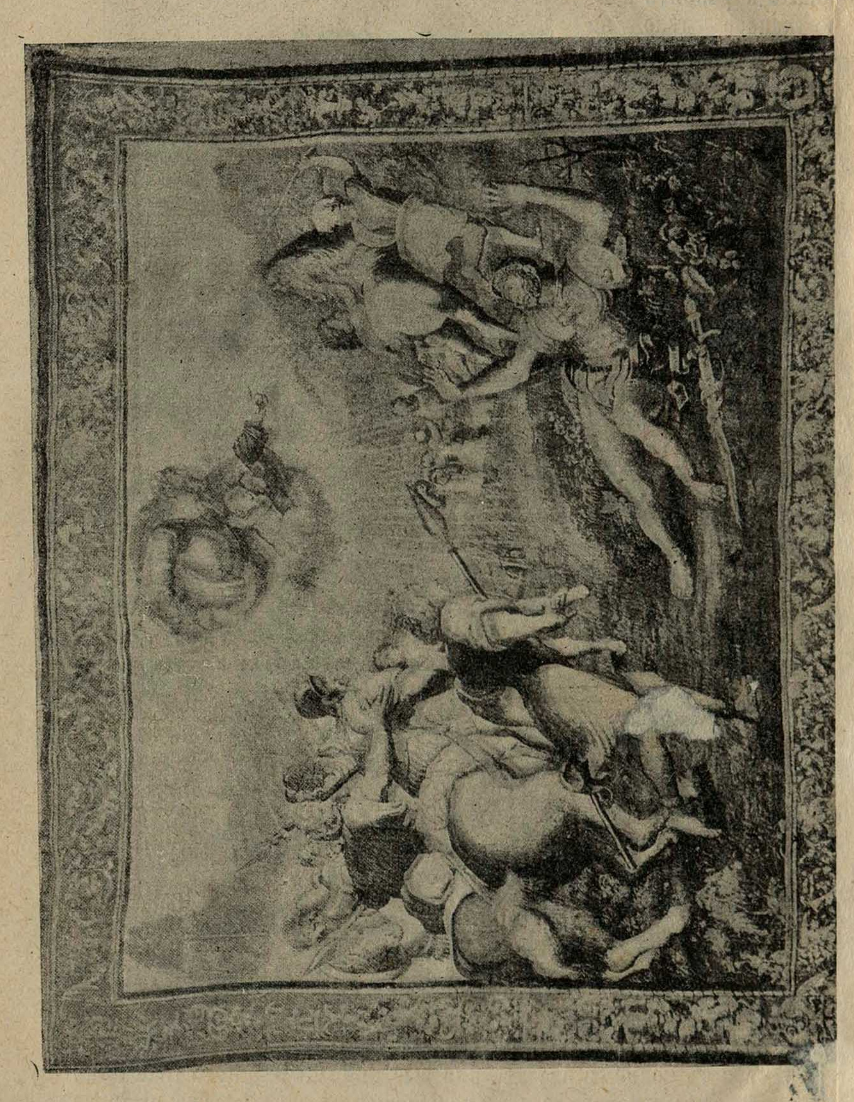
Франціи также относятъ ко времени добраго короля Генриха IV. Въ то время славилась своими искуснѣйшими ткачами Фландрія. Генрихъ вызвалъ оттуда этихъ ткачей и поручилъ имъ основать и развить ковроткацкое дѣло во Франціи. Этими мастерами-фламандцами была основана фабрика въ городкѣ Бовэ, лежащемъ въ 70 верстахъ къ сѣверу отъ Парижа. Мало-помалу дѣло окрѣпло, расширилось, и ковровая мануфактура въ Бовэ пріобрѣла почти такую же славу, какъ Гобеленовская. Въ 1726 году, при Людовикѣ XV, было рѣшено назначить руководителемъ работъ въ Бовэ опытнаго и извѣстнаго художника. Выборъ палъ на члена королевской академіи Удри, портретъ котораго мы здѣсь помѣщаемъ. По его картинамъ-моделямъ были исполнены знаменитѣйшіе ковры фабрики Бовэ съ рисунками, представлявшими охотничьи сцены. иллюстраціи къ комедіямъ Мольера и баснямъ Лафонтена. Но фабрика не ограничивалась копированіемъ только его рисунковъ; она воспроизвела также много извѣстныхъ произведеній кисти Бушэ, Ле-Пренса, Бардона, Дюмона и многихъ другихъ. Въ качествѣ образца работъ мануфактуры Бовэ, помѣщаемъ здѣсь (рис. 170) копію съ картины Рафаэля.

Рис. 169. Портретъ художника Удри, завѣдвавшаго работами на фабрикѣ въ Бовэ.

Вообще, изъ двухъ знаменитыхъ мануфактуръ Франціи Гобеленовская завоевала себѣ такую прочную всемірную извѣстность и славу, что ее не нужно было особо представлять на выставкѣ, т. е. ей не было надобности заняться какими-нибудь спеціальными работами собственно для выставки. Мануфактура же въ Бовэ не такъ широко прославлена и потому къ нынѣшней выставкѣ тщательно готовилась, чтобы представить себя въ полномъ блескѣ. Для выставки нынѣшняго года мануфактура въ Бовэ заготовила столько ковровъ, обоевъ и мебельныхъ матерій, что изъ этихъ ея экспозитовъ образовался цѣлый отдѣльный, довольно обширный салонъ. Этотъ салонъ былъ устроенъ по проекту Мангоно, который былъ единогласно принятъ выставочной коммиссіей изящныхъ искусствъ. Въ составъ этой безподобной коллекціи декоративныхъ вещей, между прочимъ, входили четыре великолѣпныя портьеры, два большихъ стѣнныхъ панно, два малыхъ простѣночныхъ панно и за-

тѣмъ полная салонная меблировка. Этотъ салонъ предназначался
министерства иностранныхъ дѣлъ и по окончаніи выставки
ликомъ туда перенесенъ. По общему отзыву, особенно хороши боль
панно, на которыхъ представлены четыре времени года. Очень хоро

также громадное панно, представляющее видъ города Бовэ. О
зано министерствомъ народнаго просвѣщенія для недавно осно
въ этомъ городѣ лицея. Французы очень гордятся всѣми этими обр
цовыми произведеніями своей національной мануфактуры. Они пи
ютъ надежду, что иностранцы, въ громадномъ числѣ посѣтившіе в
ставку, должны были убѣдиться въ томъ, что французская худож
ственная промышленность до сихъ поръ остается на той же высо

той же степени художественнаго совершенства, которую она съ
стью удерживала за собою въ теченіе послѣднихъ столѣтій.

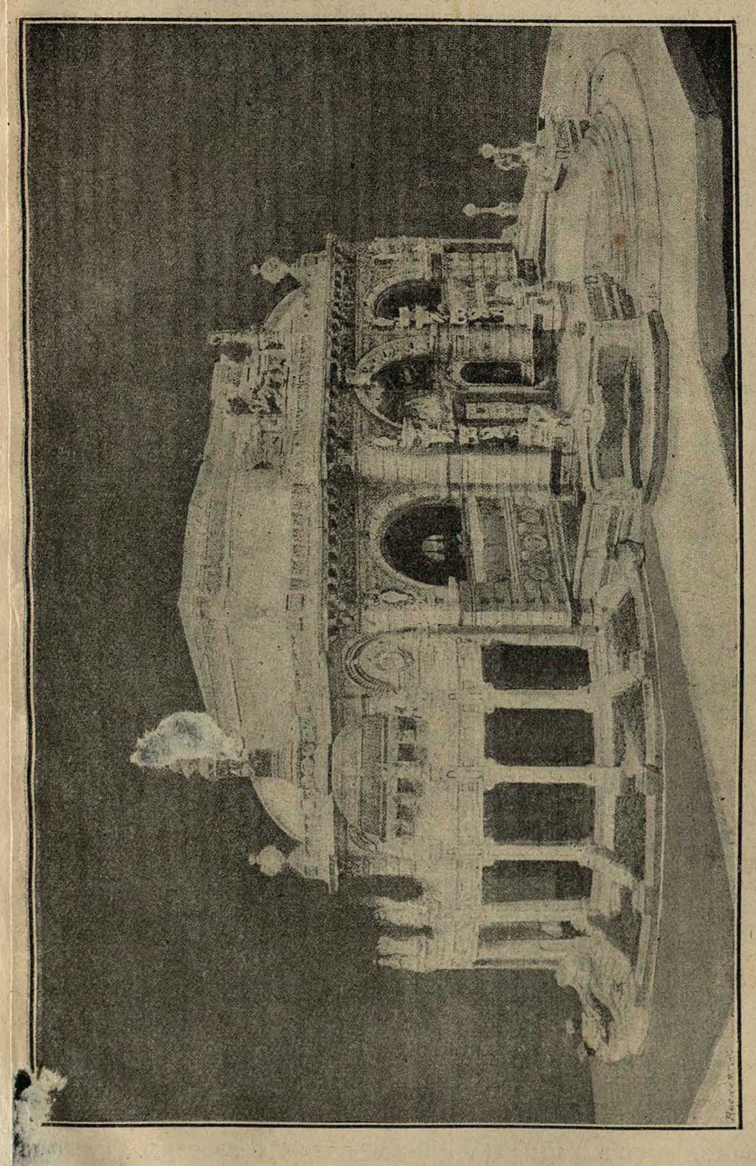

Рис. 171. Модель павильона Севрской фабрики.

ратимся теперь къ третьей художественной славѣ французской
омышленности, къ ея знаменитой фарфоровой фабрикѣ, находящейся
Севрѣ, маленькомъ городкѣ, почти пригородѣ Парижа, лежащемъ
рстахъ въ 12—15 отъ его центра. Севрская фарфоровая фабри-
была основана 24-го іюля 1745 года. Она была обращена въ
сударственную или національную собственность въ 1756 г. Начиная

съ 1754 года, эта фабрика дѣлала ежегодно выставку замѣчательнѣйшихъ своихъ произведеній. Обычно эти выставки устраивались въ Версальскомъ дворцѣ, въ собственныхъ покояхъ короля. Нечего и говорить о томъ, какая многочисленная и блестящая толпа посѣщала эти выставки. Особенно выдается и вспоминается въ хроникахъ Севрской

Рис. 172. «Возвращеніе съ охоты», работа Севрской фабрики.

фабрики выставка 1783 года. На ней, между прочимъ, обращала на себя всеобщее вниманіе громаднѣйшая фарфоровая ваза, на которую и въ настоящее время публика продолжаетъ любоваться въ музеѣ Лувра. Высота этого громаднаго произведенія керамическаго искусства около сажени. Она украшена дивными скульптурными группами работы Буазо и великолѣпными бронзовыми гарнитурами, чеканенными знаменитымъ мастеромъ Томиромъ.

Мы представляемъ здѣсь въ снимкахъ кое-что изъ произведеній Севрской фабрики. На рис. 171 изображенъ видъ модели павильона, въ которомъ должна была помѣщаться вся коллекція Севрскихъ издѣлій. Эта модель поставлена въ одномъ изъ залъ выставки на Эспланадѣ Инвалидовъ. Проектъ этой модели принадлежитъ архитектору Ризлеру.

Затѣмъ, для того, чтобы дать нѣкоторе понятіе о чудныхъ работахъ Севрской фарфоровой фабрики, мы представляемъ здѣсь снимки съ

Рис. 173. Группа павлиновъ на отдыхѣ, работа Севрской фабрики.

двухъ превосходнѣйшихъ группъ, изготовленныхъ на этой фабрикѣ. Одна изъ нихъ представляетъ «Возвращеніе съ охоты». Этихъ группъ, относящихся до охоты, на фабрикѣ было выдѣлано нѣсколько штукъ, принадлежащихъ разнымъ мастерамъ. Представленная у насъ на рисункѣ 172 исполнена по модели Карріе-Беллеза, который одно время завѣдывалъ художественною частью на фабрикѣ. Отъ него осталось двѣ группы на эту тему: отправленіе на охоту и возвращеніе съ нея.

Тому же Карріе-Беллезу принадлежитъ и чудная группа павлиновъ на отдыхѣ, представленная у насъ на рис. 173. Большая часть произведеній этого знаменитаго мастера до сихъ поръ сохраняется въ томъ интересномъ музеѣ, который учрежденъ при самой фабрикѣ.

ГЛАВА XIX.

Общій заключительный взглядъ на художественную и декоративную сторону выставки.

Наше описаніе великаго международнаго торжества, привлекавшаго нынѣшнимъ лѣтомъ толпы посѣтителей со всего свѣта на берега Сены, пришло къ концу. Въ то время, какъ мы дописываемъ эти страницы, парижская выставка оффиціально уже закрыта, и теперь идетъ дѣятельная, муравьиная работа постепеннаго разрушенія результатовъ того громаднаго труда, который былъ затраченъ на сооруженіе выставки. Мы потомъ скажемъ нѣсколько словъ о церемоніи закрытія; теперь же бросимъ послѣдній взглядъ на всю выставку въ ея полномъ составѣ. Такой обзоръ выставки, въ особенности съ ея чисто художественной, внѣшней стороны, служитъ теперь предметомъ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ по разнымъ французскимъ журналамъ. Выставка кончилась, и ея обозрѣватели стремятся схватить общія впечатлѣнія, которыя отъ нея остались.

Каждому обозрѣвателю прежде всего бросалась въ глаза чрезвычайная грандіозность всего этого торжества. Въ самомъ дѣлѣ, выставка, взятая въ ея полномъ составѣ, представляла собою совершенно отдѣльный, обособленный, въ высшей степени интересный и привлекательный мірокъ, что-то вродѣ сказочнаго городка, внезапно выросшаго въ самомъ центрѣ современнаго Вавилона. Все пространство, какое возможно только было занять въ этой мѣстности Парижа, ушло подъ выставку. Всякій посѣтитель, попавъ внутрь выставочной площади, долженъ былъ забыть о томъ, что онъ во Франціи, у себя на родинѣ, или, вообще, въ какомъ-нибудь опредѣленномъ пунктѣ земного шара. Онъ словно совершалъ какое-то фантастическое путешествіе по всему свѣту, во время котораго страны и народы смѣнялись передъ нимъ съ быстротою сновидѣнія.

Начнемъ нашъ обзоръ съ той части выставки, откуда его начинало большинство посѣтителей, именно съ главнаго входа или тріумфальной арки, расположенной около моста Согласія. Мы въ свое время и въ своемъ мѣстѣ подробно описали эту арку, поневолѣ раздѣляя съ парижскими журналистами восторженныя похвалы, которыя ей раздавались вначалѣ. Мало-по-малу, однако, и публика, и журналисты успѣли приглядѣться къ этой аркѣ и начали слегка на нее роптать. Прежде всего раздались голоса недовольныхъ, глазъ которыхъ утомлялся ея чрезвычайною пестротою, а главное ея формою, которая по несчастливой случайности очень напоминала форму распространившихся въ послѣднее время въ Парижѣ каминовъ. Эти камины парижане прозвали «саламандрами», по имени ящерицы, кожу которой они напоминаютъ. Уже одно такое названіе ясно говоритъ о томъ, что эта знаменитая монументальная дверь на выставку не успѣла удержать за собою того восторга, который вызывала вначалѣ. Говорили также о нѣкоторой несуразности ея размѣровъ, о томъ, что вся ея внѣшность очень плохо вяжется съ великолѣпными зданіями, окружающими площадь Согласія. Указывали еще на столбы-минареты, поставленные по сторонамъ арки. Эти колонны въ концѣ концовъ начали казаться черезчуръ тонкими, едва ли не балаганными мачтами.

Переступивъ за эту входную дверь, посѣтитель сразу оказывался на эмъ мѣстѣ выставки, гдѣ были сосредоточены всѣ главныя заботы адмиистраціи. Влѣво отъ него былъ мостъ Императора Александра III, право—два дворца искусствъ, Большой и Малый. Всѣ эти три сооруженія отя и пріурочивались къ выставкѣ, но, какъ извѣстно, имъ предстояло ережить ее. Вся остальная масса выставочныхъ построекъ предсталяла рядъ временныхъ сараевъ, въ нѣкоторомъ родѣ карточныхъ домиовъ, существованіе которыхъ должно было окончиться вмѣстѣ съ вытавкою. Въ настоящее время, вѣроятно, уже и началось ихъ дѣятельое разрушеніе.

Что же касается моста и обоихъ дворцовъ, то они останутся и удутъ служить постояннымъ украшеніемъ Парижа.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ дворцы, когда-то возвышался стаый дворецъ промышленности, разрушенный передъ нынѣшнею выставою. Это было довольно некрасивое зданіе, которое, вдобавокъ, чрезвыайно досаждало всѣмъ любителямъ широкихъ перспективъ тѣмъ, что агораживало отъ глазъ куполъ Дома Инвалидовъ. Любители изящныхъ идовъ Парижа чрезвычайно цѣнятъ это зданіе; оно и въ самомъ дѣлѣ ожетъ считаться однимъ изъ самыхъ величественныхъ и изящныхъ рхитектурныхъ украшеній французской столицы. Теперь это досадное даніе, загораживавшее видъ на Домъ Инвалидовъ, исчезло, и охотники о *хорошихъ* перспективъ тѣшатъ свои взоры зрѣлищемъ великолѣпаго купола Инвалидовъ, замыкающаго собою на заднемъ планѣ тотъ оскошный видъ, который открывается для зрителя, стоящаго на авеню Єлисейскихъ Полей, противъ широкаго проспекта, начинающагося между зданіями обоихъ дворцовъ искусствъ и тянущагося черезъ мостъ лександра III и Эспланаду Инвалидовъ вплоть до Дома Инвалидовъ его купола.

За входомъ на площадь выставки черезъ тріумфальную арку близайшимъ зданіемъ будетъ Малый дворецъ искусствъ. Это едва ли не амое прекрасное сооруженіе изъ всѣхъ зданій выставки. Намъ не служалось встрѣтить ни во французскихъ, ни въ иностранныхъ журналахъ и одного отзыва объ этомъ дворцѣ, въ которомъ онъ подвергался бы колько-нибудь серьезнымъ нападкамъ; напротивъ, всюду только и чиаешь единодушныя похвалы его прекрасному стилю, его пропорціональости и дивной уравновѣшенности всей постройки. Внутри его посѣтиеля охватываетъ впечатлѣніе простора, воздуха, свѣта и пріятное настроеніе, которому особенно способствуютъ окружающія его со всѣхъ горонъ деревья, видимыя черезъ большія окна дворца. Одно нѣсколько кучно и утомительно: всѣ залы дворца страдаютъ нѣкоторою длинноою; нѣтъ пропорціональности между ихъ длиной и шириной; это какія-то галереи или корридоры, а не залы. Но съ этимъ недостаткомъ олей-неволей пришлось помириться въ самомъ началѣ. Никакъ нельзя ыло забывать того, что дворецъ не только теперь, т. е. въ первую головщину своего существованія, предназначался для выставки, но что въ будущемъ онъ всегда будетъ исключительно выставочнымъ зданіемъ, а для выставокъ нужны не залы, а галереи.

Нѣсколько строже отнеслась художественная критика къ Большому дворцу искусствъ. Правда, въ оправданіе всѣхъ замѣченныхъ въ немъ едостатковъ приводятся два весьма вѣскихъ резона: во-первыхъ, мѣсто,

назначенное для этого дворца, своею фигурою потребовало придать дворцу черезчуръ оригинальный видъ; во-вторыхъ, отъ этого дворца такъ много требовали, онъ долженъ былъ удовлетворить столькимъ условіямъ, что сочетаніе ихъ всѣхъ весьма неизбѣжно влекло за собою художественные изъяны.

Планъ Большого дворца помѣщенъ у насъ на страницѣ 143 (рис. 121 и 122). Улицы, между которыхъ его надо было расположить, идутъ одна къ другой подъ угломъ и потому оба фасада дворца роковымъ образомъ выходили непараллельными одинъ другому. Получились какъ бы два зданія, соединенныя между собою промежуточнымъ корпусомъ. Но возникаетъ вопросъ: можно ли считать эту несимметричность зданія недостаткомъ, рѣжущимъ глазъ? Отнюдь нѣтъ, потому что глазъ не видитъ этого недостатка; зданіе такъ обширно, что нѣтъ возможности его ни съ какого пункта сразу окинуть взглядомъ, развѣ съ воздушнаго шара! Такимъ образомъ, этотъ упрекъ болѣе теоретическаго, чѣмъ практическаго свойства; всего болѣе скрываютъ этотъ изъянъ плана деревья, со всѣхъ сторонъ окружающія зданіе и не дающія разсмотрѣть, напримѣръ, даже мѣстъ соединенія промежуточнаго корпуса съ обоими флигелями дворца. Сплошная колоннада, окружающая дворецъ, также много способствуетъ цѣльности впечатлѣнія. Колонны, вообще, одна изъ благодарнѣйшихъ точекъ опоры для архитектора. Еще классическій міръ пріучилъ насъ къ этой декоративной статьѣ зодчества, и если только архитекторъ сумѣлъ придержаться хорошихъ классическихъ образцовъ, что вовсе не трудно, то онъ обезпечилъ за собою успѣхъ.

Стѣны дворца, какъ мы уже сообщали, покрыты цвѣтными панно, выдѣланными изъ мозаики. По существу противъ этого не возражаютъ, съ точки зрѣнія художественнаго впечатлѣнія. Но высказывается, быть можетъ, не безосновательное опасеніе, что эти цвѣтныя изображенія со временемъ пострадаютъ отъ атмосферическихъ вліяній, а утративъ свѣжесть, утратятъ и весь свой эффектъ. Высказывается еще нѣкоторое недовольство главнымъ порталомъ дворца со стороны авеню Николая II. Онъ оказался черезчуръ великъ, массивенъ; подъ пару ему надо бы сдѣлать и боковые выступы зданія, а они вышли слишкомъ малы, ничтожны; это, по мнѣнію кое-кого изъ художественныхъ критиковъ, нарушаетъ гармонію общаго впечатлѣнія. Но всего больше нареканій вызываетъ громадная выпуклая кровля большого зала дворца, выступающая тяжелымъ бугромъ надъ главнымъ порталомъ и увеличивающая его и безъ того огромные размѣры.

Мы ограничимся этими указаніями, но оговариваемся, что французскіе художественные критики далеко ими не ограничиваются. Входить во всѣ ихъ разсужденія было бы утомительно, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ въ виду только показать, что многіе первоначальные восторги французской печати по поводу выставки съ теченіемъ времени успѣли остынуть и уступить мѣсто безпристрастной оцѣнкѣ.

Но третій памятникъ нынѣшней выставки, мостъ Александра III, не раздѣляетъ участи Большого дворца; онъ, наравнѣ съ Малымъ дворцомъ, остался почти нетронутымъ критикой; онъ вызывалъ и продолжаетъ вызывать только похвалы. Многіе восхищаются имъ даже больше, чѣмъ Малымъ дворцомъ, такъ что трудно сказать, какое изъ этихъ двухъ сооруженій прекраснѣе. Входить здѣсь вновь въ описаніе

этого моста совершенно излишне, потому что мы посвятили ему въ своемъ мѣстѣ довольно обстоятельный очеркъ (см. начало главы IV, стр. 50 и слѣд.). Здѣсь пропорціональность частей, чудная гармонія цѣлаго и необычайная солидность технической части постройки стоятъ, по общему единогласному признанію, выше критики.

Вслѣдъ за этими тремя главными постройками выставки, вѣчными, какъ ихъ слѣдовало бы называть въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, временныхъ, начинается сфера этихъ послѣднихъ. Въ числѣ ихъ, конечно, на первомъ планѣ надо поставить казенныя зданія отдѣловъ, т. е. прежде всего два громадныхъ корпуса—одинъ на Марсовомъ полѣ, другой на Эспланадѣ Инвалидовъ. Въ послѣднія десятилѣтія выставки были до такой степени громадны, что нечего было и думать помѣстить ихъ въ одномъ зданіи опредѣленнаго общаго стиля, какъ бы оно велико ни было. Лондонская выставка 1855 года помѣщалась еще въ Хрустальномъ дворцѣ, парижская 1867 года—въ ея знаменитомъ Элиптическомъ желѣзномъ дворцѣ. Но уже на этихъ выставкахъ потребовалось множество отдѣльныхъ пристроекъ. А послѣ того пришлось вовсе оставить мысль объ одномъ и даже просто о главномъ зданіи выставки; надо было возводить почти такіе же громадные дворцы для каждаго изъ большихъ отдѣловъ, какихъ прежде хватало чуть не для всей выставки. Галерея машинъ выставки въ 1889 года въ Парижѣ была почти неимовѣрна по своимъ размѣрамъ, и, однако же, она вмѣщала только нѣкоторую часть, дробь цѣлой выставки.

Громадныя постройки выставокъ послѣдняго времени поневолѣ сводились къ возможной простотѣ основныхъ формъ; обычно вся такая постройка представляетъ колоссальную желѣзную клѣтку. Если бы ее оставить такъ, то она, конечно, являла бы глазу зрѣлище огромнѣйшаго сарая, весьма непривлекательнаго вида. Отсюда необходимость прибѣгать къ пестрымъ внѣшнимъ щитамъ, маскирующимъ за собою эту желѣзную клѣтку снаружи. Внутри — дѣло другое; тамъ декоративная часть лежитъ на самихъ экспонентахъ и, войдя внутрь отдѣла, никакой посѣтитель не выкажетъ себя придирчивымъ къ стѣнамъ и потолкамъ; лучшее украшеніе внутренности отдѣловъ—это экспозиты. Но внѣшность другое дѣло; она вся на отвѣтственности строителя. Дерево, желѣзо, штукатурка, гипсъ даютъ превосходный матерьялъ для наружнаго украшенія основной клѣтки, и фантазіи архитектора тутъ не полагается никакихъ стѣсненій. Большею частью выходитъ такъ, что строители и пользуются этою наружною чешуею черезчуръ щедрой рукой; такъ было и на нынѣшней выставкѣ. Куполы, шпили, колонны, арки, мачты, флаги нашли себѣ обильное примѣненіе въ украшеніи наружной стороны выставочныхъ построекъ. Мы просимъ читателей перелистовать наше описаніе, чтобы по нашимъ снимкамъ возстановить въ памяти всю эту пестрядь декорацій. На Марсовомъ полѣ архитекторамъ былъ особенно широкій просторъ для творчества. Здѣсь фасады отдѣловъ были раздѣлены очень широкимъ бульваромъ, такъ что отдѣльные фасады были виднѣе, чѣмъ на Эспланадѣ Инвалидовъ. Многое тутъ достойно похвалы, но было немало и увлеченій, непріятно, рѣжущихъ глазъ преувеличеній. Особенно досаждала пестрота. Такъ, напримѣръ, фонъ картины, открывавшейся отъ башни Эйфеля въ сторону военной школы, т. е. видъ на дворцы воды и

электричества, положительно страдалъ излишкомъ декоративныхъ украшеній. Все это было страшно пестро, переполнено подробностями, да вдобавокъ еще надъ всѣмъ этимъ возвышался позади громадный нимбъ дворца электричества, словно чудовищный ореолъ, нарочно тутъ поставленный, чтобы, если можно такъ выразиться, доканать утомленный глазъ зрителя. И, однако же, вся эта зловредная пестрота едва ли можетъ быть, по всей строгости говоря, поставлена въ осужденіе строителямъ. Эти люди помнили свою главную задачу—создать не постоянныя, а временныя постройки, все назначеніе которыхъ въ томъ и должно было состоять, чтобы поразить глазъ, и притомъ глазъ не тонкаго художника-цѣнителя, а средняго зрителя, человѣка толпы, обычнаго выставочнаго посѣтителя. Указываютъ, правда, на ту опасность, что эта толпа, пріучивъ глазъ на выставкахъ къ пестротѣ, проникнется привычкою къ ней, пойметъ и усвоитъ ее себѣ, какъ неотъемлемую принадлежность изящества въ постройкахъ, и потомъ будетъ ее требовать отъ всѣхъ вообще построекъ. Но это слишкомъ глубокій вопросъ, и намъ не мѣсто заниматься имъ. Конечно, искусство, которое стремится только къ тому, чтобы поражать и удивлять, вещь плохая въ воспитательномъ отношеніи: оно портитъ художественный вкусъ толпы.

Съ точки зрѣнія художественно-декоративной, несомнѣнно, самая интересная часть выставки сосредоточивалась по берегу Сены. Рѣка, вообще вода, очень важная вещь въ декоративномъ отношеніи. Днемъ она отражаетъ въ себѣ стоящіе около нея предметы, служитъ зеркаломъ зрѣлища; вечеромъ она еще красивѣе, отражая всѣ эффекты освѣщенія. А тутъ, у волнъ мутноватой Сены, какъ разъ пристроилась глубоко занимательная улица Націй и пестрѣйшая толпа частныхъ, преимущественно увеселительныхъ павильоновъ, съ ихъ крикливыми, зазывающими фасадами. Мы въ одной изъ первыхъ главъ нашего описанія (глава III) характеризовали всѣ эти павильоны и представили ихъ наружный видъ въ рисункахъ. Теперь кстати, въ дополненіе, упомянемъ о томъ, что было выставлено въ этихъ павильонахъ. Изъ нихъ о германскомъ и венгерскомъ мы уже говорили. Италія въ своемъ изящномъ дворцѣ помѣстила коллекціи по художественной промышленности: стеклянныя и глиняныя издѣлія, кружева и прочія изящныя издѣлія, которыя Италія распространяетъ по всему свѣту. Въ турецкомъ павильонѣ (который, къ удивленію, успѣли къ выставкѣ выстроить, хотя еще за три мѣсяца до открытія его площадь блистала полной пустотой) владычествовалъ надъ всѣмъ прочимъ восточный базаръ, бойкій, живой, крикливый, съ его кофейнями и горами сластей и лакомствъ. Это, кажется, былъ единственный изъ національныхъ павильоновъ, въ которомъ шла торговля въ розницу. Судя по этому, можно было бы, пожалуй, придти къ странному и совершенно вздорному заключенію, что Турція страна по преимуществу торговая! Въ британскомъ павильонѣ выставлено все, что характеризуетъ внутренность богатаго господскаго англійскаго дома, между прочимъ, много присланныхъ изъ королевской галереи картинъ знаменитыхъ англійскихъ мастеровъ. Янки въ своемъ дворцѣ устроили все, что привыкъ находить въ дорогѣ вѣчно путешествующій американецъ: библіотеку, журналы, газеты, комнаты для отдохновенія, рояль, почтовое отдѣленіе и т. д. Это словно какая-

то гостинница или клубъ, но чисто американскаго пошиба. Испанія выставила историческую коллекцію: вооруженіе своихъ королей, прелестные ковры и обойныя ткани, оружіе. Норвегія, страна морского рыболовства, охоты, лѣсного хозяйства, отлично выразила свою промышленную физіономію въ деревянномъ дворцѣ и его коллекціяхъ. Въ шведскомъ павильонѣ публика любовалась превосходными діорамами дальняго сѣвера и его жизни и промысловъ. Греція, Бельгія и Данія выставили, подобно Испаніи, чисто историческія коллекціи.

Въ числѣ частно-предпринимательскихъ затѣй выставки особенно интересными въ художественномъ отношеніи оказались швейцарская деревня и Старый Парижъ. Это, если хотите, театры, но театры въ натурѣ. Мы уже дали описаніе швейцарской деревни; но мы его дѣлали до окончанія всѣхъ ея сооруженій; теперь же можемъ сообщить, что всѣ эффекты, на которые разсчитывали устроители, вполнѣ удались, особенно кольцо горъ, замыкавшее всю площадь этой крошечной Швейцаріи. Иллюзія получилась удивительно полная. То же единогласно утверждаютъ и о Старомъ Парижѣ; зритель въ самомъ дѣлѣ, словно во снѣ, попадалъ въ давно прошедшія времена и видѣлъ передъ собою воочію картины давно минувшей жизни.

Весьма единодушны также похвалы, расточаемыя павильонамъ и городкамъ, пріютившимся около Трокадеро. О ихъ постройкахъ мы уже не станемъ повторять сказаннаго; ограничимся лишь кое-какими дополненіями. Такіе павильоны, какъ русскій, китайскій, японскій, египетскій, дагомейскій, представляли свою страну по-выставочному, т. е. главнымъ образомъ давали только характеристическую постройку и образцы главныхъ произведеній страны. Но, кромѣ этихъ павильоновъ и городковъ, на выставкѣ были еще «улицы»—алжирская, тунисская. Это были попытки—не новыя, впрочемъ, потому что онѣ бывали и на прежнихъ выставкахъ—представить не только страну, но и ея населеніе въ его повседневной жизни. Тутъ улица была скопирована прямо съ натуры, съ ея характеристическими постройками, лавочками, мастерскими и всевозможными типическими представителями туземнаго населенія; посѣтитель видѣлъ мѣстные продукты, промыслы, мастерства, торговлю, всякія профессіи; онъ могъ слушать туземную музыку, видѣть танцы, пробовать кушанья, пріобрѣтать товары и издѣлія прямо изъ рукъ мастеровъ.

Обозрѣватель «Revue Hébdomadaire», графъ Д'Юссель, указываетъ на одну, по его мнѣнію, существенную, чисто французскую черту выставокъ, устраиваемыхъ въ Парижѣ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ выставка такъ не вдохновляетъ частныхъ предпринимателей, не поднимаетъ въ такой мѣрѣ ихъ изобрѣтательности, смѣлости въ исполненіи всякаго рода приманочныхъ затѣй. «Другіе народы,—говоритъ онъ,—могли бы проявить не меньше дѣятельности и сравняться съ нами, даже превзойти насъ въ величественномъ и необычайномъ. Но одна только Франція обладаетъ источниками изобрѣтательности на все, что касается искусства, даже того отчасти извращеннаго искусства, какое требуется для выставочной толпы, и потому она болѣе чѣмъ кто-либо другой умѣетъ вставить всемірную выставку въ эту несравненную раму, которую представляетъ собою Парижъ, и привлечь къ этому сочетанію пріятнаго съ полезнымъ весь міръ».

ГЛАВА XX.

Послѣдніе дни выставки и ея закрытіе.—Цифры, выражающія главные итоги минувшей выставки, и ея сравненіе съ предшествовавшими всемірными выставками въ Парижѣ.—Награды.

Близость окончанія великаго всемірнаго состязанія осязательно давала себя знать въ послѣдніе дни передъ закрытіемъ. Число посѣтителей быстро поднялось. Съ 200—250 тысячъ въ среднемъ оно дошло до 300, 400, 600 тысячъ въ день. Цѣны за входъ въ послѣдніе дни были, правда, понижены; 7-го ноября былъ допущенъ даже вовсе безплатный входъ на выставку; но нельзя сказать, чтобы эта льгота повысила цифру посѣтителей: ихъ было столько же, сколько въ сосѣдніе ближайшіе дни—430 тысячъ. Въ послѣдній день, 30 октября (11 ноября), цѣны были понижены до двухъ су, а къ полудню даже до одного су. Около входовъ происходили довольно интересныя сцены; многіе торговцы входными билетами, имѣвшіе ихъ большой запасъ и разсчитывавшіе на хорошій сбытъ въ этотъ послѣдній день выставки, были крайне раздосадованы, когда увидали, что администрація понизила цѣну до одного су. Съ горя, не зная, что дѣлать съ этими бумажками, остававшимися у нихъ, какъ памятникъ ихъ коммерческаго промаха, они начали раздавать билеты даромъ—въ пику администраціи и къ великому удовольствію безчисленныхъ бѣдняковъ, желавшихъ поглазѣть хоть разъ на диковинное зрѣлище.

Публика ходила особенно густою толпою по Большому и Малому дворцамъ искусствъ. Здѣсь минутами царила тѣснота, доходившая до давки; толпа спиралась и останавливалась—ни взадъ, ни впередъ! А тѣмъ временемъ нѣкоторые экспоненты, очень ужь спѣшившіе во свояси, снимали свои экспозиты и запаковывали ихъ, напоминая тѣхъ театральныхъ зрителей, которые спѣшатъ выбраться до опусканія занавѣса, не дожидаясь финала и апоѳеоза. Нѣкоторые павильоны улицы Націй поспѣшили запереть свои двери послѣ четырехъ часовъ и этимъ вызвали немалое неудовольствіе у безчисленныхъ послѣднихъ гостей выставки. Но отъ этой поспѣшности экспонентовъ выиграли увеселители. Толпа, жаждавшая зрѣлища, не находя его въ отдѣлахъ и павильонахъ, двери которыхъ захлопывали у ней подъ носомъ, устремлялась въ рестораны и театры; около семи часовъ вечера всѣ рестораны были переполнены народомъ; все было залито свѣтомъ, всюду гремѣла музыка, слышался гулъ говора и веселаго смѣха. Въ восемь часовъ вечера въ послѣдній разъ вспыхнули всѣ свѣточи, которыми были унизаны выставочныя постройки. Волны Сены трепетно отражали эти тысячи огней. Въ десятомъ часу начался мелкій дождь и обратилъ полумилліонную толпу въ бѣгство. Множество народа кинулось въ театры, которые собирали послѣднюю обильную жатву. Но торжественный моментъ все болѣе и болѣе приближался. Появились ряды республиканскихъ гвардейцевъ и городовыхъ, вытянувшіеся вдоль выставочной ограды. Около одиннадцати часовъ башня Эйфеля мгновенно погасила свои яркіе свѣточи и превратилась въ длинный, уходящій въ небо, черный скелетъ. И вдругъ съ нея грянулъ громогласный пушечный выстрѣлъ!.. Въ то же время барабаны гвардіи забили частую дробь. Это былъ сигналъ для пуб-

лики. Она должна была очищать площадь выставки. Скоро новый выстрѣлъ съ башни возвѣстилъ о совершившемся закрытіи.

Самый церемоніалъ закрытія совершился съ величайшею торжественностью, въ томъ же великолѣпномъ залѣ торжествъ, гдѣ происходило и ея открытіе. На торжествѣ присутствовали коммиссары всѣхъ государствъ и громадное число экспонентовъ. Парадный спектакль, данный по этому случаю въ томъ же залѣ торжествъ, закончился блестящимъ гимномъ, славословіемъ наступающему XX вѣку.

Мы до сихъ поръ еще ни разу не говорили о матеріальныхъ результатахъ выставки, да и трудно было о нихъ судить за разбросанностью данныхъ. Теперь мы имѣемъ возможность сообщить, по крайней мѣрѣ и прежде всего, цифры числа посѣтителей выставки за все время ея существованія. Благодаря аккуратно веденному ежедневному подсчету, эти цифры оказались вполнѣ готовыми къ самому моменту закрытія выставки; онѣ дали точные итоги.

Выставка была открыта съ 15 апрѣля по 11 ноября, слѣдовательно, ея касса работала, дѣятельно собирая франки съ милліоновъ посѣтителей, почти семь мѣсяцевъ подъ-рядъ. Подсчитывая итоги ежедневнаго числа проданныхъ входныхъ билетовъ за каждыя двѣ недѣли, мы получимъ слѣдующій рядъ цифръ:

За 1	двѣ	недѣли	со дня	открытія	посѣтителей	было .	1.359.263
» 2	»	»	»	»	»	» .	1.516.062
» 3	»	»	»	»	»	» .	2.730.404
» 4	»	»	»	»	»	» .	3.486.387
» 5	»	»	»	»	»	» .	3.391.401
» 6	»	»	»	»	»	» .	3.759.042
» 7	»	»	»	»	»	» .	2.809.832
» 8	»	»	»	»	»	» .	3.768.883
» 9	»	»	»	»	»	» .	3.959.891
» 10	»	»	»	»	»	» .	4.514.526
» 11	»	»	»	»	»	» .	4.396.427
» 12	»	»	»	»	»	» .	4.230.592
» 13	»	»	»	»	»	» .	4.434.273
» 14	»	»	»	»	»	» .	3.662.618
						Всего . .	47.909.601

Значитъ, наименьшее число посѣтителей пришлось на начало выставки, что и немудрено: какъ мы разъясняли въ своемъ мѣстѣ, къ моменту открытія выставка была неготова и не устроена еще до такой степени, что бывали даже дни съ открытыми скандалами, когда публика требовала назадъ деньги, потому что нечего было смотрѣть. Послѣ того цифра посѣтителей по полумѣсяцамъ постепенно повышается, но даетъ чувствительное пониженіе въ седьмой полумѣсяцъ, т. е. во вторую половину іюля; это повліяли тропическія жары, которыя въ то время обрушились на Парижъ; кажется, отчасти подѣйствовали также и кое-какія небольшія катастрофы, случавшіяся на выставкѣ, вродѣ обвала мостика вмѣстѣ съ публикою у большого глобуса. Самый сильный приливъ посѣтителей падаетъ на первую половину сентября, затѣмъ на вторую половину октября; впрочемъ, какъ видно изъ нашей таблички, и обѣ

другія половины этихъ мѣсяцевъ тоже хорошо работали. Такимъ образомъ, общее число посѣтителей (платныхъ) нынѣшней выставки выражается крупною цифрою—48 милліоновъ. Въ сентябрѣ были дни, когда число посѣтителей далеко превышало полмилліона, заходило даже за 600 тысячъ. Ни на одной изъ прежнихъ выставокъ не было такихъ крупныхъ цифръ.

Здѣсь будетъ не безъинтересно сравнить въ этомъ отношеніи, т. е. по числу посѣтителей, предшествовавшія всемірныя выставки въ Парижѣ съ нынѣшнею.

На выставкѣ 1867 года было 8.179.920 посѣтителей. Эта выставка, кстати сказать, можетъ особенно гордиться тѣмъ, что удостоилась посѣщенія почти всѣхъ европейскихъ государей; на каждый день за весь выставочный сезонъ приходилась средняя цифра—44.699 посѣтителей.

Слѣдующая выставка, 1878 года, привлекла 12.039.471 посѣтителей, что даетъ среднюю ежедневную цифру въ 65.789 гостей.

Наконецъ, предпослѣдняя выставка, 1889 года, имѣла 25.121.975 посѣтителей и ежедневную цифру ихъ въ 152.158 человѣкъ.

Такимъ образомъ, выставка нынѣшняго года по числу посѣтителей превзошла свою предшественницу почти вдвое; ежедневная же цифра входившихъ въ нынѣшнемъ году можетъ быть принята въ среднемъ въ 229.000 человѣкъ.

Дневной максимумъ нынѣшней выставки, какъ мы уже сказали, поревысилъ 600 тысячъ человѣкъ; на предыдущей же выставкѣ самый людный день далъ только 335 тысячъ.

Очень интересно еще было бы опредѣлить участіе иноземцевъ въ наполненіи кассъ выставки, но это пока еще трудно сдѣлать: имѣются только приблизительныя указанія. Было замѣчено, что наибольшую массу посѣтителей - иноземцевъ дала Германія. Мы, впрочемъ, уже указывали на эту ея особенность. Нѣмцы съ первыхъ же дней выставки замѣтили, что ихъ страна представлена съ особеннымъ, выдающимся блескомъ, и, какъ только это стало извѣстно, они тотчасъ толпами потянулись въ Парижъ, чтобы воочію убѣдиться въ своемъ культурномъ величіи и усладиться имъ. Затѣмъ, изъ ближнихъ сосѣдей Франціи огромную относительно цифру посѣтителей дала на этотъ разъ, да и на всѣ выставки давала, Бельгія. Про англичанъ, конечно, нечего и говорить: Джонъ Булль и янки—первые гости всякихъ международныхъ торжествъ. Въ 1889 году въ Парижѣ на выставкѣ перебывало свыше 380 тысячъ англичанъ; цифра нынѣшняго года неизвѣстна, но едва ли будетъ больше; война въ южной Африкѣ дала свой откликъ въ народныхъ чувствахъ, и французы, сочувствовавшіе бурамъ, были не очень-то благосклонны къ гордымъ своими побѣдами бриттамъ. Замѣчался также усиленный приливъ итальянцевъ и испанцевъ. О русскихъ что-то не упоминаютъ; ихъ было, конечно, немало, но, должно быть, не такъ много, какъ, напримѣръ, нѣмцевъ.

Сообщимъ въ заключеніе кое что, по опубликованному отрывочному газетному матеріалу, объ экспонентахъ и наградахъ.

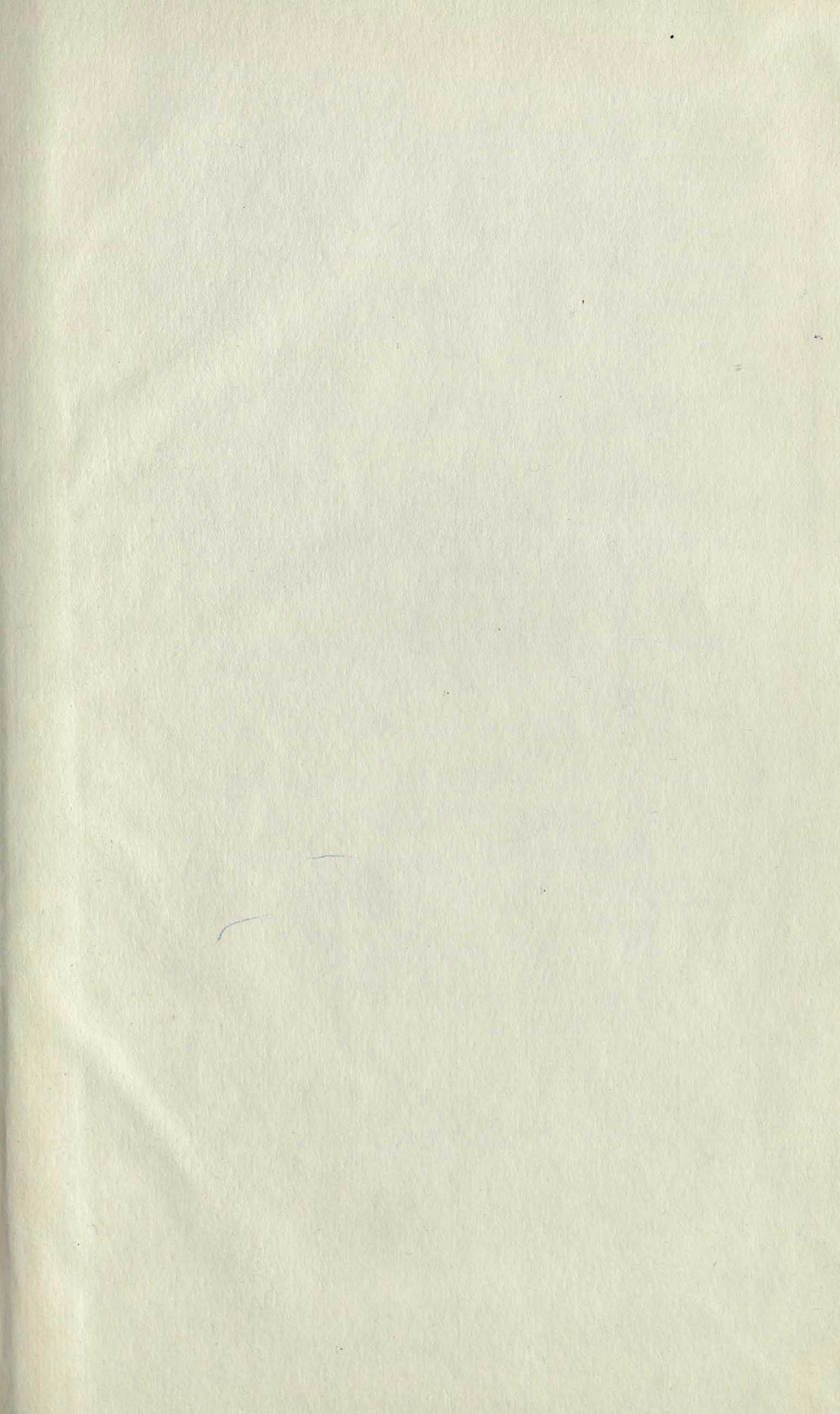
Общее число экспонентовъ на нынѣшней выставкѣ достигло круглой цифры 75.000, почти въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ на выставкѣ 1889 года. Къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ руками точнаго распредѣленія этой цифры по національностямъ. Всѣхъ наградъ на выставкѣ

было роздано 42.790, изъ нихъ высшихъ—2.827 (это такъ называемыя «большія преміи», Grands Prix); затѣмъ, золотыхъ медалей—8.166, серебряныхъ—12.244, бронзовыхъ—11.615 и почетныхъ дипломовъ и отзывовъ—7.938.

Сообщаемъ еще особенно для насъ любопытныя свѣдѣнія объ участіи въ выставкѣ нашего отечества. Всѣхъ экспонентовъ изъ Россіи было около $2^1/_2$ тысячъ, наградъ же за ихъ экспозиты присуждено—1.589, и въ томъ числе высшихъ—212, золотыхъ медалей—370, серебряныхъ—436, бронзовыхъ—347 и почетныхъ отзывовъ—224. Очень много наградъ пришлось на долю коллективныхъ экспонентовъ, т. е. правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и крупныхъ промышленныхъ компаній, доставившихъ большіе и разнообразные подборы экспозитовъ.

Раздача наградъ происходила 18 августа въ залѣ торжествъ. Само собою разумѣется, что ее не было никакой возможности произвести на самомъ дѣлѣ, т. е. выкликнуть каждаго изъ 43.000 экспонентовъ и вручить ему награду: простое прочтеніе этого списка потребовало бы не менѣе 20—30 часовъ времени. Списокъ наградъ во французскомъ «Journal Officiel» занялъ 350 страницъ! Поэтому «раздача» ограничилась тѣмъ, что президентъ республики передалъ эти списки предсѣдателямъ восемнадцати отдѣловъ выставки; тѣмъ дѣло и окончилось. Экспоненты затѣмъ получали свои награды безъ всякаго особаго торжества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2011147802